

Холодные медные слезы

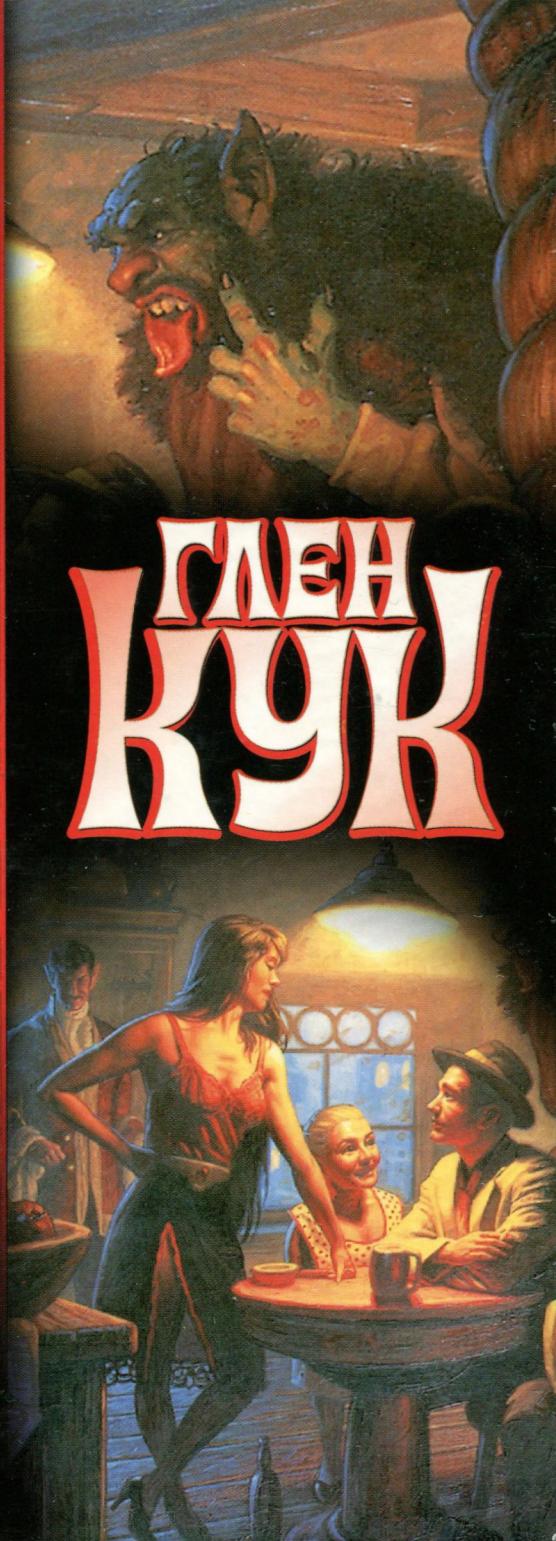
Седая оловянная печаль

ГЛЕН
КУК

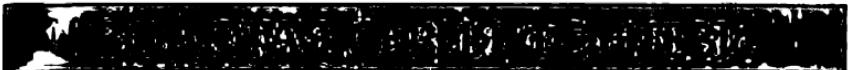
Холодные медные слезы

Седая оловянная печаль

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

GLEN
COOK

**Cold
Copper Tears**

**Old
Tin Sorrows**

ГЛЕН
КУК

Холодные
медные слезы

Седая
оловянная печаль

.

акт
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

ББК 84 (7 США)

К89

Серия основана в 1999 году

Glen Cook

COLD COPPER TEARS
1988

OLD TIN SORROWS
1989

*Перевод с английского Е.Г. Поляковой («Холодные медные слезы»),
М.Б. Сапрыкиной («Седая оловянная печаль»)*

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и его
литературных агентов Baug International, Inc.
и «Права и переводы» (Москва).

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Кук Г.

К89 Холодные медные слезы. Седая оловянная печаль:
Романы/Пер. с англ. Е.Г. Поляковой, М.Б. Сапрыкиной.—
М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.— 560 с.—
(Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-237-04106-X

Глен Кук — не только один из тех редких писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его не просто всемирно известный, но и всемирно культовый сериал о приключениях сыщика Гаррета.

© Glen Cook, 1988, 1989

© Перевод. Е.Г. Полякова, 1996

© Перевод. М.Б. Сапрыкина, 1996

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

Холодные медные слезы

I

Может, пора была такая. Я не находил себе места. Мое тело окончательно обленилось, а нервы пронзительно визжали, требуя какого-нибудь занятия. Кошмарное сочетание. Это означало, что мне недолго оставалось предаваться блаженному безделью.

Я — Гаррет. Мне за тридцать, рост — шесть футов два дюйма, вес — двести фунтов, рыжий, бывший моряк, словом, парень хоть куда. За определенную цену я разыщу пропажу или отобью излишний интерес к вашей персоне у любознательных типов. Я не гений. И результатов добиваюсь исключительно благодаря своему упрямству. Я слишком упрям, чтобы сдаться. Мой любимый вид спорта — охота за юбками, любимое блюдо — пиво. Упорным трудом я заработал собственный дом на Макунадо-стрит, на полпути между Холмом и портовым районом Танфера.

Посетительница появилась днем, когда мы с моим другом Плейметом беседовали о религии, поглощая низкоалкогольный ленч.

Высокая блондинка, кожа — чистый атлас нежнейшего оттенка! Слабый непривычный аромат и улыбка, говорившая, что ее обладательница видит всех насквозь и Гаррет для нее — лишь большой кусок хрустяля. Она казалась напуганной, но не сильно.

— Похоже, я влюбился, — сообщил я Плеймету, когда старик Дин провел ее в закуток, торжественно именуемый моим кабинетом.

— Третий раз за эту неделю. — Плеймет залпом осушил кружку. — Только не говори Тинни. — Он начал вставать. Он вставал, и вставал, и вставал. Девять футов росту — не шутка. —

Он исполнил сложный танец с Дином и блондинкой, пытаясь выбраться в коридор.

— Пока.

Мы неплохо провели время, хихикая над скандалом, разразившимся в религиозных кругах. Когда-то Плеймет провернул одну аферу, которая развернула это осиное гнездо, а я ухитрился прижать его должников, и наличные спасли ему жизнь и конюшни, которыми он владел.

Я посмотрел на блондинку. Она — на меня. Мне понравилось то, что я увидел. Она испытала смешанное чувство. Лошади от меня пока не шарахаются, но за полтора десятка лет меня столько раз дубасили по физиономии, что это придало ей несколько своеобразный вид.

Дамочка продолжала улыбаться таинственной улыбкой, которая заставила меня оглянуться и посмотреть, что за соперник дышит мне в спину.

Дин уклонился от моего взгляда и быстро слиньял, делая вид, что ему необходимо убедиться, не забыл ли Плеймет закрыть за собой входную дверь. Дину полагалось никого сюда не впускать. Эта блондинка, должно быть, околдовала его, если смогла заставить забыть свои обязанности.

— Я — Гаррет. Садитесь.

В ней было нечто большее, чем красота, чем стиль, — некая особая аура. Она принадлежала к тому типу женщин, которые евнухов заставляют рыдать, а священников — проклинать свои обсты.

Она расположилась в кресле Плеймета, по имени своего не назвала. Потрясение начало проходить: За роскошной оболочкой я разглядел леденящий душу холод. Интересно, есть ли под ней хоть что-нибудь?

— Чай? Бренди? Мисс?.. Если мы улестим Дина, он может раздобыть даже глоток Танферского Золотого.

— Вы меня не помните?

— Нет. А должен?

Мужчина, который способен ее позабыть, наверное, уже покойник. Но это замечание я оставил при себе. При взгляде на нее меня снова прошиб озноб.

— Это было довольно давно, Гаррет. Последний раз мы виделись, когда мне было девять, а вас собирались призвать во флот.

Мой внутренний колокольчик не звякнул, я не держу в памяти девятилетних красоток, а кроме того, те годы я не любил вспоминать; напротив, я всячески пытался забыть пятилетний ад службы в морской пехоте.

— Мы жили по соседству, на третьем этаже. Я была без памяти влюблена в вас, а вы меня едва замечали. Впрочем, я, наверное, умерла бы, если бы вы повели себя иначе.

— Сожалею.

Она пожала плечами.

— Меня зовут Джилл Крайт.

Она и выглядела, как Джилл*, безупречное создание с янтарными глазами, которым, правда, полагается полыхать жаром, а не обдавать ледяным дыханием арктической пустыни. Но она не имела никакого отношения к тем Джилл, пусть даже девятилетним, которых я когда-либо знал. К любой другой Джилл я непременно подкатил бы с предложением наверстать упущенное. Но ее холод пробирал насквозь. Моя сдержанность заслуживала того, чтобы меня погладили по головке, когда я в следующий раз пойду на исповедь. Если, конечно, когда-нибудь пойду. В последний раз я был на исповеди, когда девять было мне.

— Должно быть, вы разочаровались во мне, пока я был в плавании. Я не видел вас на причале, когда вернулся домой.

* Jill — возлюбленная, милашка (англ. разг.). — Здесь и далее примеч. пер.

Я уже составил мнение о ней. Она запалила огонь, когда ей нужно было прорваться через Дина, а потом преспокойненько погасила его. Она потребитель. Пора намекнуть ей, чтобы не трудилась украшать своей особой это кресло и отвлечь его владельца от ленча.

— Вероятно, вы заскочили ко мне не только из желания поболтать о старых добрых деньках на Пич-стрит.

— На Пайм-стрит, — поправила она. — Похоже, я попала в беду. Мне может понадобиться помощь.

— Люди, которые приходят сюда, как правило, в таком же положении. — Что-то подсказывало мне, что пока не стоит выставлять гостью за дверь. Я снова оглядел ее.

Костюм несколько консервативного покроя явно был сшит у дорогого портного. Это подразумевало, что у его владелицы воятся деньги, но не давало гарантии. Некоторые люди в моей части города все свое состояние носили на себе.

— Я вас внимательно слушаю.

— Наш дом сгорел, когда мне было двенадцать лет. — Тут-то и зазвонить бы моему колокольчику, но он проснулся куда позже. — Мои родители погибли. Я попробовала жить у дяди. Мы не очень-то ладили. Я сбежала. Но улица совсем неподходящее место для девочки без семьи.

Это точно. Иначе откуда бы взяться этому айсбергу? До такой не дотронешься, не подойдешь близко, не обидишь. Но какое отношение прошлое имеет к ее появлению здесь и сейчас?

Люди приходят ко мне, когда беда дышит им в затылок. Возможно, просто закрыв за собой мою дверь, они уже чувствуют себя в безопасности. Во всяком случае, им явно не хочется выходить отсюда. Они начинают болтать о чем угодно, только не о том, что их тревожит.

— Могу себе представить.

— Мне повезло. У меня была внешность и кой-какие мозги. Я использовала их, чтобы обзавестись связями, и преуспела. Сейчас я актриса.

Это могло означать что угодно. Всеобъемлющая формулировка, за которой женщины скрывают свои не вполне пристойные способы свести концы с концами.

Я поощрительно хмыкнул. Гаррет всегда воплощенное понимание.

В комнату заглянул Дин — убедиться, что со мной все в порядке. Я постучал по кружке.

— Повтори. — Похоже, мне предстояло выдержать долгую осаду.

— Я завела нескольких влиятельных друзей, мистер Гаррет. Они любят меня за умение слушать и держать рот на замке.

У меня сложилось впечатление, что она принадлежит к актрисам, оказывающим те же услуги, что и уличные девочки. Только платят им получше, потому что во время работы они улыбаются и вздыхают.

Все мы делаем что приходится. Я знал нескольких вполне порядочных особ, которые занимались того же рода деятельностью. Не многих, но все-таки знал. Порядочные люди вообще большая редкость.

Дин принес мне пива и глоток чего-то более изысканного для моей гостьи. Он подслушивал и теперь подозревал, что совершил ошибку. Она поблагодарила его, снова включив свою печку. Дин ушел сияющий. Я хлебнул пива и сказал:

— Так мы подберемся к сути?

В глубине ее глаз снова застыли ледники.

• — Один мой друг оставил мне кое-что на хранение. Небольшой ларец. — Она показала руками размеры в фут длиной и шириной и в восемнадцать дюймов высотой. — Я не имею понятия, что в нем. И не хочу иметь. Недавно мой друг исчез. А

ко мне в квартиру трижды пытались забраться. — Бац! Она замолчала, словно свечу задули. Она сказала что-то, чего не следовало говорить. Ей пришлось подумать, прежде чем продолжать.

Я насторожился:

— И что вы хотите от меня?

— Кто-то следит за мной. Я больше не могу мириться с таким положением вещей. — В ней появилась некая страсть, некий огонь, но опять-таки это предназначалось не мне.

— Вы думаете, кто-то охотится за ларцом? Или за вами?

Если она о чем и думала, так это о том, что ей не следовало упоминать о ларце. Она поиграла этой мыслью и только потом ответила:

— Я не исключаю ни того, ни другого.

— И вы хотите, чтобы я положил этому конец?

Она одарила меня царственным кивком. Снежная Королева снова вступила в свои владения.

— Вы знаете, каково это — вернуться домой и обнаружить, что кто-то рылся в твоих вещах?

А минуту назад она говорила только о попытках проникновения в квартиру.

— Немногое похоже на изнасилование, только не так больно садиться, — ответил я. — Давайте задаток и ваш адрес. Я посмотрю, что можно сделать.

Она вручила мне небольшой кошелек и рассказала, как найти ее дом. Оказалось — всего в шести кварталах отсюда. Я заглянул в кошелек. Не думаю, что глаза вылезли у меня из орбит, но когда я снова посмотрел на блондинку, ее губы дрогнули в улыбке.

Она решила, что может помыкать мной, как дрессированной собачонкой.

— Благодарю вас. — Она встала и направилась к входной двери. Я оторвался от кресла и потащился следом проводить ее, но Дин сидел в засаде, чтобы захватить эту честь. Я сдался без боя.

2

Дин запер дверь и не торопился поворачиваться ко мне лицом, а когда повернулся, напустил на себя придурковатый вид.

— Ты влюбился? В твоем-то возрасте? — осведомился я.

Ему было известно, что я не ищу клиентов. Ему полагалось давать им от ворот поворот. А эта очаровательная ледышка со своими небылицами, длинными ногами, чепуховой проблемой и мешком золота на сумму, в десять раз превышающую нормальный гонорар, могла оказаться вообще самой нежелательной клиенткой.

— Это же чума ходячая!

— Извините, мистер Гаррет. — И он выдал мне искубительнейшую отговорку, которая доказывала только, что мужчине возраст никогда не помеха.

— Отправляйся к мистеру Пиготте. Передай ему приглашение на ужин. Если заартачится, скажи, что приготовишь его любимые блюда. — Шнырь Пиготта никогда в жизни не отказывался от бесплатного угощения. Я наградил Дина самым свирепым своим взглядом, но это взволновало его не больше, чем дождь черепаху.

В наши дни невозможно найти хорошую прислугу.

Я удалился за свой стол поразмыслить.

Жизнь была прекрасна.

Недавно я выкрутился из нескольких заварушек, причем не только остался в живых, но и ухитрился урвать жирный кусок. Я никому ничего не должен. Работа мне не нужна. Я всегда считал образцом благоразумия убеждение, что трудиться следует только

ко в том случае, если ты голоден. Возьмите диких зверей — разве они охотятся, когда не голодны? Так почему бы и мы не побездельничать, начинать сани готовить поближе к зиме?

Моя беда в том, что разошелся слух, будто Гаррет способен справиться с любой проблемой. В последнее время каждый болван с болячкой, серьезной или выдуманной, стучится ко мне в дверь. А если он выглядит, как Джилл Крайт, и знает, как запалить огонь, ему не составит особого труда прорваться через мою первую линию обороны. Моя вторая линия обороны еще слабее первой. Это я сам.

Мне приходилось бедствовать, и сильно бедствовать, и результатом такого образа жизни было постижение истины: деньги имеют свойство иссякать. Не важно, как благоденствовал я вчера, назавтра деньги все равно растают.

Что вы делаете, если нет охоты работать и в то же время не улыбается жизнь впроголодь? Это в том случае, если судьба не подарила вам богатеньких родителей.

Некоторые идут в священники.

Что до меня, то я пытаюсь перейти на субдоговоры.

Когда клиенты прорываются через Дина и задевают меня своими горестными историями, я немедленно привлекаю к делу кого-нибудь еще. Тогда и волки сыты, и овцы целы. Это избавляет меня от физических упражнений, а моим друзьям перепадают кое-какие деньжата.

Для слежки и наблюдения я приглашаю Шныря Пиготту. В этом деле с ним мало кто сравнится. На роль телохранителя годится Плоскомордый Тарп. Размером он с половину мамонта, а упрямством превзойдет и его. Если запахнет жареным, я могу кликнуть Морли Дотса. Морли у нас костолом и душегуб.

История, которой угостила меня эта Крайт, дурно попахивала. Да что там попахивала, от нее просто несло! Какого черта эта красотка вешает мне лапшу на уши, уверяя, будто была в детстве моей соседкой? Почему бросила рассказывать байки при первых

же признаках недоверия с моей стороны? И зачем манипулировала температурой, то обдавая жаром, то превращаясь в Снегурочку?

Существовал один ответ, но он мне совершенно не нравился. Она психопатка.

Все, попав в переделки, из которых, по их мнению, могу вытащить их только я, непредсказуемы. А если у них к тому же мозги набекрень? Но когда вы поиграете в эти игры с мос, то начнете потихоньку разбираться в людях.

Джилл Крайт не была похожа на психопатку.

Я немного поиграл с мыслью, что она и в самом деле актриса, придумавшая себе столь оригинальное домашнее задание: во что бы то ни стало возбудить мое любопытство. Иногда случается и такое.

Что может быть хуже неглупой и претендующей на оригинальность особы?

Я мог выбирать: лечь на спину и забыть о Джилл Крайт, пока не передам ее Шнырю, или пересечь коридор и проконсультироваться со своим подопечным, которого держу при себе из чистого сострадания.

Эта женщина завела меня. Я не находил себе места. Стало быть, к Покойнику. В конце концов он у нас самопровозглашенный гений.

Его называли Покойником. Мертвым он, конечно, был, но не человеком. Он — логхир, кто-то проткнул его ножом около четырехсот лет назад. Он весит почти пятьсот фунтов, и четырехвековой пост не помог ему сбросить ни унции.

Плоть логхира умирает так же просто, как ваша или моя, но его душа может болтаться где-нибудь тысячелетиями, надеясь на исцеление, и с каждой минутой у нее будет портиться характер. Плоть логхира, конечно, разлагается, и быстрее гранита, но не намного.

У моего мертвого логхира есть хобби — он любит поспать. И предается своему увлечению с такой страстью, что месяцами не делает ничего другого.

Считается, что он отрабатывает свое содержание, используя собственный талант в моих интересах. Иногда он так и поступает, но его философия предполагает еще более глубокое отвращение к оплачиваемому труду, чем моя. Он готов из кожи вон вылезти, лишь бы увильнуть от самой ничтожной работы. Временами я не понимаю, к чьему мне суетиться?

Когда я ввалился к Покойнику, он спал — большей частью к моей досаде, но немного и к удивлению. Он пребывал в спячке уже третью неделю, занимая при этом самую большую комнату в доме.

— Эй, Старые Кости! Проснись. Твоему скромному ученику требуется помочь могучего интеллекта. — Лучший способ чего-нибудь добиться от моего логхира — возвратить к его тщеславию.

Но сегодня я потерпел неудачу.

— Ладно, — сказал я горе вонючего мяса. — Я люблю тебя, несмотря ни на что.

Комната заросла грязью. Дин ненавидел убирать у Покойника, а я чересчур мягкотел, чтобы не дать ему улизнуть.

Если бы я не следил, насекомые и мыши давно прорвались бы к нам в дом. Им нравится подзакусить Покойником. Когда он бодрствует, ему удается с ними справиться, но беда в том, что бодрствует он раз в год по обещанию.

Покойник и без того достаточно безобразен. Вряд ли он станет более привлекательным, если его подгрызут.

Я кружил по комнате, подметая пол и вытирая пыль. При этом я топал, приплясывал и исполнял попурри из похабных песенок, которые разучил на флоте. Эта упрямая груда сала так и не проснулась.

Если он не желает вступать в игру, тогда и меня увольте. Я решил плонуть на это дело и с полной кружкой пива отправился на крыльце — созерцать бесконечную и всегда захватывающую панораму танферской жизни.

На Макунадо-стрит жизнь была ключом. Люди, гномы и эльфы спешили по своим неведомым делам. Мимо прошла парочка троллей. Ребяташи были настолько поглощены друг другом, что не видели ничего, кроме любезных сердцу наростов и бородавок. Великаны и карлики торопились на условленные встречи. Больше других суетились известные труженики — гномы. Фея-курьер, еще более прекрасная, чем моя недавняя постыльница, с упорством бывалого морского волка сражалась со встречным ветром. Шайка юных брауни, залезшая на чужую территорию, с показной беспечностью чесала мимо кладбища. В глубине души они, вероятно, молились, чтобы не нарваться на Путешественников. Какой-то гигант глазел по сторонам разинув рот, как неотесанная деревенщина. У парня оказалось фантастическое боковое зрение. Он сдва не оторвал голову незадачливому мальцу, пытавшемуся очистить ротозею карманы.

Я видел полукровок самых различных видов. Танфер — космополитический город, всегда непредсказуемый и опасный. Это город для любителей пораскинуть мозгами над техникой, при помощи которой родителям удалось их зачать: А если у вас научный склад ума и вы предпочитаете черпать данные из непосредственных наблюдений, посетите Веселый Уголок. Там вам покажут все что угодно, не забудьте только захватить с собой деньги.

Моя улица — это всегда карнавал, как и сам Танфер. Но из-под его многоликой маски ухмыляется темнота.

Меня с Танфером связывает исступленная любовь-ненависть — следствие нашей необыкновенной строптивости. Мы оба слишком упрямые, чтобы меняться.

3

Шнырь Пиготта состоит исключительно из острых углов и сверхдлинных конструкций. Кроме того, его забыли покрасить. Он настолько бесцветен, что иногда, особенно в сумерках, люди принимают его за человека-невидимку. На нем нет ни капельки мяса, а нескладные его члены вечно болтаются как на проволоке, занимают все доступное пространство, но это не мешает Шнырю проявлять цепкую хватку. В своем деле он — один из лучших. У Шныря чудовищный аппетит, сравнимый разве что с акульим. Когда бы мы ни пригласили его, он сметает все, что есть в доме. Возможно, для него это единственный шанс поесть нормально приготовленную пищу.

Дин, надо отдать ему должное, неплохой повар. Я частенько объявляю во всеуслышание, что это единственная причина, по которой я держу его у себя. Иногда я и сам в это верю.

Мы со Шнырем временно отказались от удовольствия корчить рожи, и Дин расстарался вовсю. Он вообще падок на любую лесть, кроме моей. А способности Шныря красноречивее всяких слов воздают должное кулинарным талантам старика.

Шнырь откинулся на спинку стула, похлопал себя по пузу, вылил на Дина ведро фимиама, рыгнул и посмотрел на меня:

— Ну, что у тебя, Гаррет?

Я поднял бровь. Это один из лучших моих трюков. Еще я учусь шевелить ушами. Я знаю, дамы оценят этот талант по достоинству.

— У тебя завелся клиент, которого ты хочешь по дружбе спихнуть мне, — продолжал Шнырь, не дожидаясь ответа. — Как я понимаю, клиент — красивая женщина с хорошими манерами, иначе она не уломала бы Дина. А если бы и уломала, то ты не стал бы с ней разговаривать.

Он что, подслушивал у замочной скважины?

— Обыкновенный гений дедукции, не правда ли, Дин?

— Если вы так утверждаете, сэр.

— Он просто ошивался поблизости в надежде поживиться нашими объедками. — Я пересказал Шнырю всю историю. Умолчал только о размерах гонорара. Ему ни к чему об этом знать.

— Похоже, она действительно ведет какую-то игру, — согласился Шнырь. — Ты говоришь, Джилл Крайт?

— Так она называлась. Ты знаешь ее?

— Не уверен. — Он поковырял булавкой в ухе. — Вряд ли она важная птица.

Дин внес персиковый пирог — кулинарный шедевр, который он создает исключительно к приходу гостей. Пирог был еще горячим. Дин не пожалел на него взбитых сливок. Шнырь приступил к делу с таким остервенением, словно собирался запастись жиром на следующий ледниковый период.

Наконец мы отвалились. Шнырь зажег одну из зловонных черных палочек, которые он так любит, и начал излагать последние новости. Я не выхожу из дома неделями. Дин не склонен держать меня в курсе событий. Он надеется, что его молчание вынудит меня покончить с затворничеством. Стариk никогда не говорит об этом, но он нервничает, когда я не при деле.

— Самая крупная новость — Слави Дуралейник. Он опять отличился.

— Что на этот раз? — Слави Дуралейник и война в Кантарде — предмет особого интереса в моем доме. Если Покойник не спит, он предается своему второму увлечению — пытается предсказать непредсказуемого наемника Дуралейника.

— Он заманил в засаду Повелителя Огня Сэджа в Рапистанских песках. Ты слыхал об этом?

— Нет. — Ничего удивительного. Слави Дуралейник забрался так далеко в глубь Венагетского Кантарда, как ни один карентиец до него. — Он разбил Сэджа? — Вопрос почти риторический: засады Дуралейника еще ни разу не потерпели неудачу.

— В пух и прах. Сколько еще осталось в его списке?

— Немного. Может быть, трое. — Дуралейник начинал войну на стороне венагетов. Военный Совет Венагеты ухитрился так обозлить его, что он перешел на сторону Каренты, поклявшись коллекционировать головы своих бывших начальников. И с тех пор собрал их немало. Дуралейник стал народным героем в глазах заурядных бездельников вроде нас и большой головной болью для начальников, хотя он выигрывал их войну. Легкость его побед демонстрировала их бездарность, в которой никто из нас никогда и не сомневался.

— Что будет, когда он исчерпает свой список и война вдруг закончится? Никто из нас и не знает, на что похожа мирная жизнЬ, — сказал Шнырь.

На этот вопрос у Покойника имелся ответ. Но я не считал нужным обсуждать его со Шнырем. Поэтому сменил тему.

— А что скажешь насчет последних церковных разборок? — Плеймет пытался поддержать беседу, но, честно говоря, у него не лежит душа к этой сенсационной теме. Ему вся эта суматоха не представляется такой потешной, как мне. Шалости наших самозваных духовных пастырей оскорбляют его религиозные чувства.

— Ничего нового. Тычут друг в друга пальцами. Вопят, что их облыжно обвинили. Все те же сплетни на уровне пьянок и оргий в кабаках.

Это пока. Но если не объявитя Легат и Хранитель, Престор Агире с Моцами Террелла, дело примет скверный оборот.

Агире был представителем высшего духовенства из вечно раздираемого склоками семейства сект, известного под общим названием Ортодоксы. Титул Престор указывает на его положение в иерархии, нечто вроде герцога в переводе на светский язык. Легат — должность при императорском дворе, якобы дающая широкие полномочия, а на самом деле — фикция. Император у нас по-прежнему существует, но уже двести лет как не имеет никакой власти. По-настоящему важен лишь титул Хра-

нителя. Он означает, что Агире — единственный в мире человек, которому доверены на хранение Мощи Террелла.

И Агире исчез вместе с Мощами.

Я не знаю, что такое Мощи. Возможно, этого не знает никто, кроме Агире. Но только ему дозволено видеть их. И как бы то ни было, они священны не только для клики Ортодоксов, но и для Церкви, Затворников, Анахоретов, Каноников, Циников, Аскетов, Отшельников и нескольких Анитских вероисповеданий, для которых Террелл — только мелкий пророк или даже эмиссар дьявола. По сути, Мощи — реликвия почти для всех из тысячи и одного культа, последователи которых живут в Танферре. Владение Мощами — козырная карта в споре о благосклонности богов.

Агире и Мощи исчезли. Все предполагали худшее. Но что-то здесь было не так. Никто не брал на себя ответственности. Никто не похвалялся обладанием реликвией. Это кого угодно могло поставить в тупик.

Обличительная война слухов набирала силу. Священники различных рангов громили соперников, разоблачая их продажность, развращенность и прочие грехи.

Все началось с незначительных стычек, когда мелкие попики стали поносить друг друга за пьянство, продажу индульгенций и блудливые руки, лапающие прихожанок во время исповеди.

Скандал распространялся, словно пожар в густонаселенном квартале. Теперь ни один день не проходил без разоблачения того или иного епископа, престора или прелата, наградившего ребенком собственную сестру, отравившего предшественника или укравшего целое состояние, чтобы купить любовницу где-нибудь в деревне скромную хижину из сорока восьми комнат.

Особое удовольствие моей циничной натуре доставляла мысль, что истории эти по большей части правдивы. Слишком много грязи скопилось в этом болоте, чтобы возникла нужда в из-

мышлениях. Репутации косило направо и налево, а я не мог нарадоваться на этих милых ребят.

Шнырю этот предмет откровенно наскучил. Если у него и есть недостатки, то это ограниченность. Его жизнь состоит из работы. Он может часами разглагольствовать о технике слежки или о давно забытых дела. Помимо этого, его внимание способно удержать только пища.

Я не могу понять, что он делает со своими деньгами. Живет в общарпанной однокомнатной берлоге под самым чердаком, работает непрерывно, иногда над несколькими заданиями сразу. Когда клиенты забывают о нем, Шнырь разыскивает их сам. Иногда он берется за дела — убийственные дела — только для того, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Как бы то ни было, Шнырь не был расположен трястаться обо всей этой ерунде. Брюхо он набил. Я раздразнил его охотничьи инстинкты. Он жаждал приступить к делу.

Я помог ему раздуть самомнение Дина и проводил до двери. Здесь я сел на крыльце и стал смотреть ему вслед, пока он не исчез из виду.

4

Я крикнул Дину, чтобы притащил пива, и расположился на ступеньках — понаблюдать, как Природа колдует с красками. Заходящее солнце пыталось поджечь далекие высокие облака. С моря дул легкий бриз. Все располагало к безделью и довольству. Я не обращал внимания, что творится на улице, и заметил маленького человечка, лишь когда он со свойским видом пристроился рядом и протянул мне здоровенную медную бадью с пивом, которую он принес с собой.

Что еще за новости? Но он принес лучшее светлое пиво Вейдера. Не так уж часто меня им балуют.

Мой непрошеный благодетель, седой и морщинистый, был настоящим крохотулей. Глаза, расположенные на разном уровне, и желтые зубы свидетельствовали об изрядной доле нечеловеческой крови. Я его не знал. В этом не было ничего удивительного. Я не знаю кучу народу. Вопрос состоял в том, не относится ли он к числу тех, кого я предпочел бы не знать и дальше.

— Спасибо. Хорошее пиво.

— Господин Вейдер сказал, что вы его оцените.

Я как-то сделал для Вейдера одну безделицу — раскрутил семейную кражу драгоценностей, при этом умудрившись не облизать особо грязью его детей, которые по уши увязли в деле. Чтобы отбить у них охоту к подобным игрушкам, старик взял меня на содержание. Если у меня нет развлечений получше, я ошиваюсь у пивовара и нагоняю страху на его домашних. Принимая в расчет размеры возможных потерь, я — дешевая страховка. Ибо содержание мое, увы, невелико.

— Это он послал вас ко мне?

Коротыш отобрал у меня бадью и с видом знатока отхлебнул пива.

— Я совершенно незнаком со многими аспектами мирской жизни, мистер Гаррет. Господин Вейдер утверждает, что вы — тот человек, который может мне помочь. При условии, как он выразился, если я сумею отодрать вашу ленивую задницу от стула.

Это похоже на Вейдера.

— Он лучше меня приспособлен к сложностям мирской жизни. — Еще бы! Вейдер начинал с нуля; теперь он крупнейший пивовар в Танфере, не говоря уж о десятке-другом прочих лакомых кусков, к которым он имеет касательство.

— Я пришел к такому же выводу.

Мы по очереди прикладывались к бадье, передавая ее друг другу.

— Я присматривался к вам. Похоже, вы идеально мне подходите. Но это и осложняет мне задачу нанять вас. У меня нет никаких рычагов воздействия на вас.

Был прекрасный мягкий вечер. Мне лень было даже пошевелиться.

— Вы купили пиво, дружище. Излагайте свое дело.

— Я рассчитывал на такую любезность с вашей стороны. Беда в том, что моя откровенность может сослужить мне плохую службу.

¶

— Я никогда не треплюсь о делах. Это вредит бизнесу.

— Господин Вейдер отзывался с похвалой о вашей сдержанности.

— У него есть основания.

Мы снова по очереди хлебнули пива. Солнце неспешно катилось вниз. Коротыш посовещался сам с собой, прикидывая, действительно ли дела его так уж плохи.

Вероятно, хуже некуда. Сюда приходят, трижды подумав, но все равно жмутся, словно девицы на выданье.

— Меня зовут Магнус* Перидонт.

Я не побледнел. Не ахнул и не упал в обморок. Он был разочарован.

— Магнус? Так могут величать типа, который умер настолько давно, что все забыли, каким он был засранцем.

— Вы никогда не слышали обо мне?

Видно, это одно из тех имен, которые пишут на стенах сортиров и в прочих непотребных местах.

— Не припоминаю ничего похожего.

— Мой отец полагал, что мне суждено величие. Уверен, я его разочаровал. Меня знают также как Магистра Перидонта и Перидонтуса, Принцепса Олтодеории.

— Слыхал что-то краем уха. — Магистр — это редчайшее из сказочных чудовищ, маг и чародей, благословленный Церко-

* Великий (лат.).

вью. Второй титул — в переводе на современный что-то вроде Князя Града Божьего. Это означает, что моего знакомца ждет на небесах теплая койка с выбитым на ней именем. Гарантия — стопроцентная. Церковные боссы сотворили из него святого прежде, чем он успел сыграть в яцик. Тысячу лет назад таким прозвищем наградили бы какого-нибудь закоренелого святого столпника во власянице. В наши дни оно скорее всего подразумевает, что перед его обладателем все накладывают от страха в штаны и стремятся откупиться всякими побрякушками. — Это что-то вроде Великого Инквизитора?

— Так меня тоже называют.

— Ну и влип же я с вами! — Об этом Перидонте я слыхал. Он был жутким сукиным сыном. Счастье еще, что мы живем в мире, где Церковь на ладан дышит. Она объединяет не больше десяти процентов человеческого населения Каренты. О представителях других рас речь не идет. Церковь утверждает, что души есть только у людей, а остальные — просто умные животные, способные подражать человеческой речи и манерам. Что приводит к ее умопомрачительной популярности среди умных животных.

— Вы напуганы? — спросил он.

— Скажем так: я не принимаю некоторые философские доктрины Церкви. — Кстати, цивилизация эльфов старше нашей на тысячелетия. — Я и не знал, что господин Вейдер принадлежит к вашей пастве.

— Он у нас не на лучшем счету. Назовем его заблудший овцой. Он согласился побеседовать со мной по просьбе супруги. Она наша сестра из мирян.

Я помнил ее, толстую усатую старуху в черном. С неизменно кислой физиономией.

Теперь я знал, кто предо мной, и это нас уравнивало. Пора ему перейти к сути.

— Я смотрю, вы не в облачении.

— Я у вас неофициально.

— Тайно? Или как частное лицо?

— В некотором роде и то, и другое. С разрешения. С разрешения? Он? Гм.

— Слухи обо мне сильно преувеличены, мистер Гаррет. Я поддерживаю их ради психологического преимущества.

Я хмыкнул и стал ждать продолжения. Он выглядел недостаточно старым, чтобы сотворить все те мерзости, которые ему приписывают.

— Вы знаете о бедствии, обрушившемся на наших, с позволения сказать, двоюродных братьев, Ортодоксов?

— Я так славно не развлекался с тех пор, как мама водила меня в цирк.

— Вся эта грязь стала любимым народным развлечением. На свете нет еретиков, заслуживающих гнева Ано больше, нежели Ортодоксы. Но никто не воспринимает известные вам события как кару Божью. И это преисполняет меня страхом.

— Кхм?

— Всякий сброд выступает с разоблачениями просто, чтобы поддержать кипение в этом котле. Я боюсь, наступит день, когда жила иссякнет, и тогда они начнут искать новые залежи.

Ах!

— Вы полагаете, следующей окажется Церковь? — Честно говоря, это не разбило бы мне сердца.

— Несмотря на мою бдительность, некоторые братья остаются и впадают в грех. Но я беспокоюсь не о Церкви, а о самой Вере. Каждое разоблачение наносит ей глубокую рану. Ужс и те, кто не знал сомнений, начинают задумываться, не может ли любая религия оказаться надувательством шайки жуликов, выуживающих деньги у легковерных?

Он посмотрел мне в глаза и улыбнулся, потом протянул пиво. Похоже, он цитировал свою проповедь. И делал это сознательно. Вероятно, он наслаждался моей реакцией.

— Я весь внимание. — Неожиданно я понял, что испытывает Шнырь, когда берется за работу из чистого любопытства.

Мой друг снова улыбнулся:

— Я убежден, что здесь не просто скандал, переросший в лесной пожар. Кто-то всем этим дирижирует. Некая злобная сила, преисполненная решимости уничтожить Веру. Я считаю, необходимо перевернуть каждый камень и явить миру эту ядовитую гадину.

— Меня приятно удивляют ваши формулировки. На мой взгляд, духовное лицо должно было бы выразить эту мысль иначе.

Он снова улыбнулся. Великий Инквизитор оказался развеселым парнем.

— Меня интересуют личности, цели и средства помощников Врага. Все то, что можно определить мирскими терминами. Как уличное ограбление, например.

Не сомневаюсь, что и уличное ограбление можно определить в терминах богословской лексики.

Малыш казался удивительно здравомыслящим для исступленного фанатика, каковым ему полагалось быть. Наверное, актерский талант — первое и наиважнейшее требование, предъявляемое к кандидатам в священники.

— Значит, вы хотите нанять меня для розыска шутников, которые мутят воду среди духовенства Ортодоксов?

— Не совсем. Хотя я надеюсь, что их разоблачение будет сопутствующим результатом.

— Я не успеваю следить за ходом вашей мысли.

— Тонкость и надежность — таков мой девиз, мистер Гаррет. Если я найду вас, чтобы отыскать заговорщиков, и вы справитесь с делом, то даже я не смогу утверждать со всей определенностью, что вы не состряпали доказательства. С другой стороны, если я найду известного скептика разыскать Хранителя Агире и Моши Террелла и в ходе поисков он выкунит из норы нескольких негодяев...

Я надолго приложился к пиву.

— Я восхищен стилем вашего мышления.

— Значит ли это, что вы принимаете мое предложение?

— Нет. Я не буду копаться в этой грязи просто ради денег.

Но вы умеете возбудить любопытство. И знаете, как сплести интригу.

— Я готов хорошо заплатить. А если вы отыщете Мощи, награда будет поистине княжеской.

— Не сомневаюсь.

Великий раскол между Ортодоксами и Церковью произошел тысячу лет назад. Экуменический Совет пытался кое-как залатать дыры в их отношениях, но долго этот брак не продлился. При разводе Ортодоксы урвали Мощи себе. С тех самых пор Церковь пытается заполучить их обратно.

— Я не могу оказывать на вас давление, мистер Гаррет. Вы лучше кого бы то ни было подходите для этой работы, но по тем же причинам весьма маловероятно, что вы за нее возьметесь. У меня есть и другие кандидаты. Благодарю, что согласились уделить мне время. Желаю приятно провести вечер. Если передумаете, свяжитесь со мной в Четтери. — И он вместе со своей бадьей растаял в сумерках.

Коротыш мог быть джентльменом, когда хотел, что не часто встречается среди людей, привыкших к власти. А он был едва ли не самым грозным человеком в Танфере, в своей области, конечно. Воплощенный Святой Ужас.

5

Из дома вышел Дин:

— Я закончил, мистер Гаррет. Пойду домой, если ничего больше не нужно.

Дин надеялся, что я придумаю для него какое-нибудь поручение. Он жил с выводком незамужних племянниц, которые доводили его до умопомрачения, и не торопился домой.

Одно из последствий войны в Кантарде — избыток женщин. Десятилетиями юноши Каренты уходили на юг драться за серебряные рудники, и десятилетиями половина из них не возвращалась. Нас, выживших холостых субъектов, такое положение вещей устраивает, но для родителей с дочерьми на выданье жизнь превращается в сущий кошмар.

— Я вот сижу тут и думаю, что такой чудный вечер прямо создан для прогулки.

— Вы правы, мистер Гаррет. — Когда Покойник в спячке, кто-нибудь из нас всегда остается дома — запирает дверь на засов и ждет, пока другой не вернется. Если Покойник бодрствует, проблем с безопасностью у нас не существует.

— Как ты считаешь, не время ли наведаться к Тинни? — С Тинни Тейт меня связывает весьма бурная дружба. Эта девушка из тех, кого называют рыжеволосыми фуриями, сильно смягчая их истерический темперамент.

Тинни, мягко говоря, непоследовательна. Неделю ее от меня палкой не отгонишь, а в следующую — я возглавляю черный список. Причем о причинах изменения отношений мне не удалось догадаться ни разу.

На этой неделе я был в списке. Уже не на самом верху, но в десятке лидеров пока оставался.

— Слишком рано.

Я тоже так думал.

Когда дело касается Тинни, Дин оказывается в затруднительном положении. Она ему нравится. Она красива, умна, приворожна и приспособлена к жизни куда лучше меня. Дин считает ее хорошей партией для вашего покорного слуги. Но он помнит о племянницах, которые отчаянно нуждаются в мужьях, и полдюжины из них имеют достаточно низкие требования, чтобы польститься на сокровище вроде меня.

— Я мог бы навестить девочек.

Дин просиял, потом смерил меня подозрительным взглядом, проверяя, не морочу ли я ему голову, и уже собрался ответить, как вдруг сообразил, что, пока я буду там, ему придется сидеть здесь. Дин представил себе меня, этакого козла, ворвавшегося в огород, подумал о невинных созданиях, которым наверняка не хватит ума себя соблюсти, и нахмурился:

— Я бы не советовал, мистер Гаррет. В последнее время с ними особенно хлопотно.

Все зависит от точки зрения. Мне они хлопот не доставляют. Хотя вначале, когда я только взял к себе Дина, мне пришлось тяжко. Они заваливали меня лакомствами, пытаясь кормить на убой.

— Наверно, я лучше пойду, мистер Гаррет. А вам стоит подождать денек-другой, а потом навестить мисс Тейт и извиниться.

— Мне ничего не стоит извиниться, Дин, но по крайней мере хотелось бы знать, за что я прошу прощения.

Он хихикнул и напустил на себя вид старого опытного бойца, решившего поделиться опытом с новобранцем:

— Ну хотя бы за то, что родились мужчиной. Это всегда срабатывает.

Очко в его пользу. Если, конечно, мне не померещился сарказм.

— Схожу-ка я к Морли, опрокину несколько стаканчиков сельдерейного тоника.

Дин надулся. Мнение старика о Морли Дотсе настолько невысоко, что бледная поганка рядом с ним покажется водонапорной башней.

У каждого из нас в кругу знакомых есть негодяй. Возможно, он необходим нам, чтобы говорить себе время от времени: «Какой же я славный малый!»

На самом деле мне нравится Морли. У него есть заскоки, но на свой лад он исплох. Просто приходится постоянно напоминать себе, что он отчасти темный эльф и у него другая шкала

ценностей. Очень размытая. Принципы Морли постоянно меняются в зависимости от ситуации.

— Я ненадолго, — пообещал я. — Только избавлюсь от внутреннего зуда.

Дин ухмыльнулся. Он вообразил, что мне наскучило лодырничать и мы на пороге волнующих событий.

Я надеялся, что он не прав.

6

До заведения Морли идти недолго, но это прогулка в другой мир. Соседний район не имеет своего названия, но стоит особняком. Наверное, его следовало бы именовать Нейтральной Зоной. Представители всех пород живут там вперемешку без особых трений — хотя людям приходится постоянно доказывать свое равенство.

Начинались сумерки. Облака на западе еще не выгорели до конца. Время уличных хищников пока не настало. И у меня не было причин остерегаться больше обычного.

Но когда невысокий парнишка преградил мне дорогу, я понял, что влип. Серьезно влип. Было что-то особенное в его манере двигаться.

Я не раздумывал. Я среагировал.

Он не ожидал, что я так высоко выброшу ногу. Мысок моего башмака врезался ему в подбородок. Раздался звук ломающейся кости. Парень завопил и отпрянул, размахивая руками, чтобы удержать равновесие, но подвернувшийся столб боднул его сзади. Он дернулся и полетел, выронив нож.

Я метнулся к ближайшему дому.

Сзади на меня уже надвигался второй — странный тип, ростом с подростка, но одетый в списанную армейскую рабочую

форму. Альбинос. В руке у него был здоровенный ножище. Он остановился футах в восьми от меня, ожидая подкрепления.

Их было по меньшей мере сице трое, двое — на другой стороне улицы и один маячил сзади, караулил.

Я одним движением стянул ремень и рассек воздух перед рожей альбиноса. Это его не напугало, но дало мне время пошарить по стене дома.

Здания в этом квартале только чудом до сих пор не рухнули. Я выдернул обломок кирпича из стены и запустил в противника. Правильно — он пригнулся. Кирпич угодил ему в лоб, и, пока он пересчитывал звезды, я прыгнул на него, отобрал нож, схватил за волосы и швырнул в сторону двух других головорезов, переходивших улицу. Они увернулись. Альбинос растянулся на мостовой.

Я завопил, словно бандит*. Это на миг остановило парочку. Я сделал ложный выпад вправо, влево, отвлекающим маневром занес руку с ножом, который отобрал у коротышки-альбиноса, и хлестанул ремнем. Один из них уклонился от удара, отскочив назад.

Он споткнулся об альбиноса и грохнулся на спину. Я снова завиэжал и нырнул рыбкой. Никогда не повредит, если противник решит, что перед ним чокнутый. Я приземлился обеими коленками на грудь упавшего и услышал хруст ребер. Он завопил. Я отскочил в сторону — на меня уже шел его приятель.

Он увидел, что я его жду, и остановился. Вот это по мне. Старина Гаррет любит честную игру. В схватке один на один у меня неплохие шансы выбраться живым. Я огляделся. Сломанная Челюсть отправился на прогулку — шестерка счел за лучшее проявить благородство.

— Вот мы и остались вдвоем, Низкорослый. — Я уже понял, что он не подросток. Как и его приятели. Мне следовало

* Дух, вопли которого предвещают скорую смерть услышавшему их.

раньше догадаться. Мальчишки такого возраста не слоняются по улицам Танфера, они в армии. Их забирают все раньше и раньше.

Мои маленькие друзья оказались темными эльфами, дарко. Дарко — это полуэльфы, полулюди, отвергаемые обсими расами. Особи этого вида аморальны, непредсказуемы, а иногда и бесумны. Короче, хуже не придумаешь.

Все сказанное относится и к Морли, который умудрился прожить достаточно долго, чтобы обучиться мимикрии.

На моего приятеля не произвело впечатления, что ему противостоит такой громила. Еще одна особенность дарко. У них отсутствует чувство страха.

Я вернулся за своим кирпичом.

Он изменил стойку. Теперь он держал нож, словно двуручный меч. Я пуганул его ремнем и попытался прикинуть, куда он дернется, когда я запущу кирпичом. Пока я гадал, он решил напасть.

Я лягнул в голову двух других, предписав им длительный отдых в лежачем положении. Низкорослого это разъярило. Он пошел на меня. Я бросил кирпич. Он уклонился. Но я целился не в голову и не в корпус. Я метил в ногу в надежде, что он отвалит.

Удар пришелся по пальцам. Низкорослый заскулил. Я двинулся на него с ремнем, ножом и на обеих ногах.

Он попятился.

Дьявол, так мы можем протанцевать всю ночь. Я уже сделал все необходимое. Вряд ли он решится преследовать меня, с большой-то ногой.

Я посмотрел на парочку, примостившуюся у моих ног, и услышал голос своего флотского сержанта: «Никогда не оставляйте за спиной живого противника».

Не сомневаюсь, что их бесвременная кончина была бы благом для цивилизации. Но резать глотки безоружным — не мой стиль.

Я собрал разбросанные ножи.

Низкорослый смекнул, что я отчаливаю.

— В следующий раз ты покойник, — пообещал он.

— Лучше бы следующего раза не было, чако. Потому что второго шанса я не даю.

Он засмеялся.

Один из нас определенно спятил.

Я побрел дальше, ощущая холодок между лопатками. Какого дьявола все это значит? Они не собирались меня грабить. Они хотели меня избить. Или убить.

За что? Я их не знал.

Конечно, есть люди, которым мое существование не доставляет удовольствия, но не думаю, что кто-нибудь из них мог зайди так далеко. Как гром среди ясного неба.

7

Стоит мне ступить к Морли на порог, как заведение замирает и все пялятся на меня. Казалось бы, они давно уже должны были привыкнуть ко мне. Но я пользуюсь репутацией, позволяющей думать, что я на стороне ангелов, а большинство этих парней кто угодно, только не небожители.

Я увидел Плоскомордого Тарпа, сидевшего в одиночестве за своим обычным столиком, и направился к нему.

Прежде чем уровень шума достиг нормы, чей-то голос произнес:

— Будь я проклят! Гаррет! — Имя прозвучало, словно щелканье бича.

И что бы вы думали? Морли, собственной персоной, работал в баре, помогая распределить морковный, сельдерейный и тыквенный соки. Такого я еще не видывал. Интересно, раз-

бавляет ли он выпивку, после того как клиент примет три или четыре порции?

Дотс мотнул головой в сторону лестницы. Я сказал Плоскомордому: «Как поживаешь?» — и проплыл мимо в указанном направлении. Тарп хрюкнул и продолжал рубать порцию салата, способную насытить трех пони. Впрочем, размерами Плоскомордый поспорит с тремя пони и их мамашами, вместе взятыми.

Морли дотрусили до лестницы одновременно со мной.

— В кабинет? — спросил я.

— Да.

Я поднялся и вошел.

— Тут кое-что изменилось. — Теперь берлога больше походила на гостиную в борделе. Морли, отдыхая дома, всегда имел кого-нибудь под рукой.

— Я пытаюсь изменить себя, меняя свое окружение. — Это говорил Морли — истовый вегетарианец и ревностный приверженец невразумительных гуру. — Какого черта ты натворил? — Это был уже Морли-головорез.

— Эй! Что за прием? Мне осточертело сидеть взаперти, вот я и решил прогуляться сюда. Может, мне захотелось попикроваться с Плоскомордым.

— Здорово. И поэтому ты решил появиться здесь в таком виде. Ты похож на потерявшуюся собачонку, побывавшую в хорошей драке. — Он толкнул меня к зеркалу.

Левая сторона моей физиономии побурела от запекшейся крови.

— Дьявол! А я-то думал, что увернулся. — Похоже, Коротышка каким-то образом достал меня, пока мы танцевали над его дружками. Я до сих пор не чувствовал пореза. Ну и острый же у него нож!

— Что произошло?

— На меня набросилась шайка твоих чокнутых собратьев. Чако. — Я показал ему три ножа. Они выглядели, словно близнецы, у каждого — восьмидюймовое лезвие и желтоватая руко-
2*

ятка слоновой кости с инкрустацией в виде маленькой стилизованной ластичной мыши.

— Сделаны на заказ, — сказал Морли.

— На заказ, — согласился я.

Морли наклонился к переговорной трубе, соединяющей его с барменом:

— Пришли мне Рохлю и Слейда. И пригласи Тарпа, если он заинтересуется. — Морли заткнул трубу и посмотрел на меня: — Во что ты ввязался на этот раз, Гаррет?

— Ни во что. Я в отпуске. А что? Ты подумываешь о возможности избавиться от части своих долгов? — Я понял, что не стоило так говорить, прежде, чем закончил фразу. Морли был обеспокоен. Когда Морли тревожится обо мне, лучше заткнуть пасть и слушать.

Вошли его подручные, Рохля и Слейд. Рохлю я уже знал. Это здоровый, неряшливый, заплыvший жиром толстяк. Он силен, как мамонт, крепок, как скала, жесток, как кошка, проворен, как кобра, и полностью предан Морли. Слейда можно было принять за родного брата Морли. Невысокий, по человеческим меркам, чернявый и худощавый красавчик с грациозными движениями и непрошибаемой самоуверенностью. Он, как и Морли, отдавал предпочтение кричащим нарядам. Впрочем, Морли в этот вечер выказал больше вкуса.

— Мне удалось не заключить ни одного пари за месяц, Гаррет, — похвастался Морли. — Благодаря силе воли и небольшой помощи друзей.

У Морли слабость к азартным играм. Дважды он прибегал к моим услугам, чтобы вылезти из долгов убийственного размера, которые грозили ему серьезными неприятностями.

Вегетарианский бар с рестораном и притон головорезов — скорее хобби и прикрытие Морли, нежели бизнес. Его настояще занятие — бить по коленным чашечкам и проламывать головы. Поэтому около него и болтаются рохли и слайды.

Вошел Тарп. Он молча кивнул присутствующим и плюхнулся в кресло.

Род деятельности Плоскомордого Тарпа — нечто среднее между специализацией Морли и моей. Он готов поколотить кого-нибудь за приличную мэду, но убивать не станет ни за какие деньги. Главным образом он выполняет работу телохранителя и сопровождающего. Если его по-настоящему прижмет, он возьмется за вышибание денег из должников.

— Что ж, к дслу, — сказал Морли, видя, что все на месте. — Гаррет, ты избавил меня от необходимости прогуляться. Я собирался заскочить к тебе после закрытия.

— Зачем? — Они смотрели на меня, словно я был экспонатом на выставке уродов, а не скромным экс-моряком, работающим на самого себя.

— Ты уверен, что не вляпался ни во что скверное?

— Уверен. В чем дело?

— Заходил Садлер. Большой Босс послал его с поручением во все питейные заведения. — Большой Босс — это Чодо Контагю, король танферского преступного мира. Очень плохой человек. Садлер — один из его заместителей, человек еще более мерзкий. — Кому-то нужна твоя голова, Гаррет. Большой Босс велел сообщить всем, что любой, кто попробует тебя тронуть, ответит перед ним.

— Продолжай, Морли.

— Разумеется, Чодо с заскоками, словно фея под кайфом. Ты, наверное, слышал, что у него мания на почве чести, взаимных любезностей, одолжений и тому подобной мурзы? Так вот, он считает, что в большом долгу перед тобой, и одержим желанием сберечь тебе жизнь. На твоем месте я спрятался бы за ним, как за личным домашним баньши.

Мне вовсе не нужен ангел-хранитель.

— Это хорошо только, пока он жив. — Большие Боссы умирают почти так же часто, как карентийские короли.

— И ты кровно заинтересован в его здоровье, не так ли?

— Рука руку моет, — прогремел Плоскомордый. — Может, ты все-таки ухватился за что-нибудь горячее, Гаррет?

— Говорю же вам — нет. За последние десять дней я принял всего двух кандидатов в клиенты и отказал обоим. Я не работаю. И не хочу работать. Слишком многое вокруг меня любят трудиться. А я совершенно счастлив, когда просто сижу и наблюдаю, как суетятся все остальные.

Морли и Тарп скорчили рожи. Морли трудился в поте лица, потому что считал, будто это ему на пользу. Плоскомордый работал без выходных, чтобы прокормить свое иенасыщенное брюхо.

— Что за предполагаемые клинты? — поинтересовался Морли.

— Сегодня днем меня посетила роскошная блондинка. Вероятно, дорогая кокотка. Кто-то ее преследует, и она хочет положить этому конец. Я передал ее Шнырю Пиготте. Вечером, перед моим уходом, приходил старик, который хотел, чтобы я для него кое-что отыскал. Сейчас он пытается нанять кого-нибудь другого.

Морли нахмурился. Он взял три гангстерских ножа, вручил один Рохле, другой — Слейду, а третий кинул Тарпу, который сказал: «Нож чако».

— По дороге сюда у Гаррета была стычка, — сообщил Морли. — Мы не привыкли видеть гангстерские шайки по соседству. Они не настолько глупы. Расскажи нам о своих приятелях, Гаррет.

Я рассказал всю историю. Никого не впечатлило, что я отобрал три ножа.

— Надо запомнить этот трюк с кирпичом на ногу, — сказал Плоскомордый.

Морли вопросительно взглянул на Рохля.

— Снежок, — авторитетно заявил Рохля.

Морли кивнул:

— Это твой альбинос, Гаррет. Совершеннейший псих. Глаза варь шайки, именующей себя Вампирами. Он почти уверен, что сам тоже вампир. Тот, кого ты оставил на ногах, похож на Дока. Это мозг шайки. Он еще безумнее Снежка. Не отступит ни перед чем. Надеюсь, тебе хватило ума покончить с ними, пока была возможность?

Он посмотрел на меня и понял, что ума не хватило.

— Они чокнутые, Гаррет. Большая шайка. Пока Снежок жив, они не успокоятся. Ты прищемил им хвост, а этого они не прощают. — Он достал перо, чернила, бумагу и принялся писать. — Рохля, возьми двоих и проверь, не осталось ли кого из них поблизости.

— Конечно, босс. — Настоящий гений этот Рохля. Интересно, кто шнурует ему ботинки?

Морли продолжал строчить.

— Вампиры вышли за границы своей охотничьей территории, Гаррет. Они с Северного холма, с Приам-стрит. Западный Бэкон. Где-то там.

Я понял его. Мои друзья пришли на юг не для того, чтобы пошалить. Я не был случайно подвернувшейся мишенью.

Морли посыпал письмо песком, сложил его, черкнул что-то на внешней стороне и вручил бумагу Слейду. Слейд взглянул на нее, кивнул и вышел.

— На твоем месте, Гаррет, я пошел бы домой, запер все двери на засов и сидел бы рядышком с Покойником.

— Наверное, это неплохая мысль.

Мы оба знали, что я не последую его совету. Что, если разойдется слухок, будто Гаррета можно прижать?

— Я не слежу за уличными бандами. Слишком много их развелось. Но Вампиры создали себе славу. У них непомерные амбиции. Снежок хочет стать главным чако, вожаком вожаков... Извини.

Его переговорная труба слабо крякнула. Морли вынул затычку и склонился над ней.

— Слышаю. — Он обратил к трубе ухо, потом сказал в нее: — Пришли его наверх. — Он посмотрел на меня: — Ты оставляешь широкий след, Гаррет. Пришел Шнырь Пиготта. Он ищет тебя.

8

В комнату вполз Шнырь. Он выглядел как живой скелет.

— Присаживайся, Шнырь, — сказал Морли и смерил его хищным взглядом — верный признак, что он прикидывает, какую диету назначить очередному знакомому. Морли верит, что не существует проблемы, которую нельзя было бы решить, надо только увеличить долю зеленого корма в рационе. Он не сомневается, что в наше время можно добиться мира, если заставить всех и каждого отказаться от мяса.

— Ты искал меня? — спросил я Пиготту.

— Да. Я хочу вернуть тебе деньги. Я не могу заниматься этим делом.

Шнырь отказывается от работы?!

— Что стряслось?

— Получил более выгодное предложение, а с обоими делами мне не справиться. Хочешь передать свое Плоскомордому? Я расскажу тебе, что выяснил. Задаром.

— Ты сама щедрость. Что скажешь, Тарп? — Он не лучший вариант для такой работы, но что я могу поделать? Шнырь поставил меня перед фактом.

— Давай подробности, — потребовал Плоскомордый. — Я не покупаю кота в мешке. — Желание Пиготты выйти из игры пробудило у него подозрительность.

Я рассказал ему то же, что и Шнырю, слово в слово. Шнырь вернул мне задаток и сообщил следующее:

— Я присмотрелся к месту, но в контакт с заказчиком не вступал. Дом под наблюдением, стергут оба выхода, но работают непрофессионалы. Я допускаю, что их объект — заказчик, хотя в доме еще девять квартир и смотритель, который живет в подвале. Все жильцы — одинокие женщины. Когда стемнело, наблюдатели ушли. Отправились в «Синюю Бутылку». Они снимают там комнату на втором этаже как Смит и Смит. Поскольку было ясно, что они покинули свой пост и замены не предвидится, я пошел домой... Там меня ждал новый клиент.

Шнырь описал Смита и Смита. По его словам, они выглядели как парочка ничем не примечательных работяг.

— Я справлюсь с этим, Гаррет, — заявил Плоскомордый. — Если ты не хочешь оставить это дело себе.

Я вручил ему задаток:

— Позаботься об этой женщине.

— Ну а мне пора позаботиться о своем бизнесе, — сказал Шнырь. — Я бы хотел приступить к делу как можно раньше.

Морли только хрюкнул на прощание. Он и вправду изменился. Его распирало от желания дать Шнырю какой-нибудь полезный дистический совет, но он прикусил язык.

Что за черт? Жизнь будет в половину не так интересна, если Морли окончательно изменится.

Когда мы остались вдвоем, Морли снова поднял на меня подозрительный взгляд:

— Ты действительно ни во что не влезал?

— Клянусь, чтоб мне провалиться.

— Странный ты тип, Гаррет. Не могли же чако притащиться аж с Северной Стороны ради удовольствия отколошматить человека просто за то, что он вышел прогуляться?

Меня это тоже беспокоило. Похоже, я вынужден взяться за работу. И увильтуть нет никакой возможности. Я обзавелся паршивым клиентом.

— Наверное, они услыхали, куда я направляюсь.

— Что?

— Ими могло двигать сострадание к моему желудку.

— Пошел ты... Не зли меня.

— Становишься раздражительным, а? Стало быть, охапка сена на завтрак, обед и ужин все-таки не панацея?

— Возможно.

Прежде чем мы успели поцапаться, заявился Рокля:

— Ничего, кроме кровавых пятен, Морли.

— Я так и думал. Спасибо, что сходил. — Морли сверкнул на меня глазами: — Когда ты чему-нибудь научишься? Теперь сюда примешалось еще раненое самолюбие Снежка.

— Ну, если бы я знал, кто он такой и какова его репутация, я, возможно...

— Ты что, собираешься спрашивать рекомендации? Даже у Снежка, вероятно, есть мать, которая его любит. Но это не значит, что ты должен подарить ему вторую попытку. Если ему подвернется возможность, он поджарит тебя на медленном огне. Поражаюсь, как это тебе удалось дожить до твоих лет.

Очко в его пользу. Миру глубоко начхать на мои моральные принципы. Но мне приходится жить в ладу и с самим собой.

— Может быть, благодаря друзьям, которые за мной прглядывают. Давай спустимся. Я угощаю.

— Я — пас. Угощайся сам. Возьми себе морковный сок. Морковь улучшает зрение. Надеюсь, у тебя немного прояснится в глазах. И поешь рыбы. Считается, что рыба — пища для мозгов.

9

Я получил свою выпивку, но только после того, как добрался до дому, отпустил Дина и запер дверь. Я нацедил полный кувшин из бочонка с охлажденным пивом и попробовал предпринять мозговой штурм.

А получил только бурю в пивной кружке.

Мне не за что было зацепиться.

Я поразмыслил над возможной связью между нападением, визитом Джилл Крайт и появлением Святого Ужаса. Если связь и была, ничто ее не выдавало.

Во всяком случае, шайка Снежка должна была сняться с насажденного гнезда на Северной Стороне прежде, чем Перидонт добрался до моего дома.

Я мысленно перетряхнул старые дела, пытаясь припомнить субъектов, достаточно мстительных, чтобы желать моей бессовременной кончины. В этом был определенный смысл, но на ум не пришло ни единого имени.

А что, если Снежок просто ошибся? Вдруг он охотился за кем-нибудь другим?

Здравый смысл одобрил эту гипотезу. Интуиция завопила: «Чушь собачья!»

Кто-то хотел моей смерти. А я не имел понятия не только кто, но и почему.

Может, Покойнику удастся уловить нечто, что я упустил? Я побрел к нему через коридор. Без толку. Он по-прежнему был вне игры. Я выпустил часть нервной энергии за уборкой, потом вернулся в кабинет, развалился в кресле и снова погрузился в раздумья.

Я все еще сидел там, когда утром Дин принялся дубасить в дверь. Мое тело так затекло, что добраться до дверей оказалось нелегкой задачей. Морли в чем-то прав, когда говорит, что я себя распустил. Мне уже не сомневаться. Тело больше не в ладу с самим собой. С той поры, как я сплавал на юг, несколько фунтов мышц словно корова языком слизнула. Придется проявлять больше разборчивости в выборе способов безделья.

Завтрашний день начну с зарядки. Сегодня не то настроение. И потом у меня слишком плотный график.

Я отправился наверх и соснул часок в настоящей постели, пока Дин хлопотал на кухне.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? — поинтересовался он, оглядывая мою исполосованную физиономию, когда принес оладьи. Я предпочел промолчать. — Выглядите кошмарно.

— Благодарю. Сам ты, конечно, чудо красоты. — Я знал, что он прав. Но мне приходится третировать его, иначе он подумает, что я его не ценю. — Посмотрел бы ты на остальных участников вчерашней забавы!

— Рад, что мне этого удалось избежать. — Тут в дверь постучали. — Я открою.

К нам в гости пожаловала Джилл Крайт. Дин привел ее на кухню. Чудеса! Видно, она и в самом деле его приворожила.

Этим утром ее красота не сбивала с ног. Похоже, у нее была скверная ночь. И сейчас она намеревалась ринуться в драку.

— Доброе утро, мисс Крайт. Не хотите ли составить мне компанию?

Она села и взяла предложенную Дином чашку чая, но отказалась от чесночного посущественнее. В глазах ее полыхал огонь. Жаль, что не для меня.

— Меня посетил человек по имени Уальдо Тарп.

— Плоскомордый? Хороший человек. Хотя временами его манерам недостает лоска.

— С его манерами все в порядке. Он сообщил мне, что его прислали вы.

— Так оно и есть. Вам кто-нибудь говорил, что вы прекрасны, когда злитесь?

— Мне говорят, что я прекрасна в любом настроении. Хватит молоть чепуху. Зачем вы прислали этого типа? Я нанимала вас!

— Вы описали мне ситуацию, которая вас не устраивала. Я послал человека, способного с ней справиться. Чем же вы недовольны?

— Я нанимала вас.

— И никто другой не годится?

Она кивнула.

— Вы тешите мое самолюбие, но...

— Я платила не за второсортного, никому не известного топтуна.

— Занятно. Особенno если принять во внимание, что Тарп скорее всего известен больше меня. — Я секунд десять сверлил ее тяжелым взглядом, пока она не переключила внимание на Дина.

— Интересно, какую игру вы ведете на самом деле? — спросил я вкрадчиво.

Ее взгляд моментально вернулся ко мне.

— Сначала вы пытались заполучить меня хитростью. Потом заплатили слишком много денег. Если вы хотели купить кого-нибудь повнушительней, то я не лучшая кандидатура. Любой, кто знает меня, знает и Плоскомордого. И Плоскомордый куда лучше годится для устрашения. И, наконец, не прошло и пяти часов после нашего с вами свидания, как меня попытались убить.

У нее округлились глаза. Пришлось напомнить себе, что она отрекомендовалась актрисой.

— Это была хладнокровная западня. Пятеро головорезов плюс шестерка. Серьезная попытка.

Ее глаза округлились еще больше.

— Вы знаете альбиноса-полукровку, гангстера по кличке Снежок?

Джилл покачала головой. Она была прекрасна, когда пугалась.

— А как насчет уличной банды под названием Вампиры?

Она снова покачала своей хорошенъкой головкой.

Очевидно, я отошел от неприятной ночи, поскольку у меня участилось дыхание и ускорился пульс. Пришлось мысленно дать себе пинка.

— А что вы вообще знаете? Ничего? Вы что, держите меня за дурака? Или это тоже ускользнуло от вашего понимания?

Она опять разозлилась, но проглотила свой гнев. Видно, решила применить другую тактику.

Я встал.

— Пойдемте со мной. — Иногда хорошая встряска развязывает им языки.

Я привел ее в комнату Покойника. Ее реакция не радовала оригинальностью.

— Ого! Вот это туша! — Но ведь так оно и было.

Я выудил ее задаток из-под кресла Покойника — надежнейшего места во всем Танферс.

— Я удержу часть за время, потраченное Плоскомордым, и за мой моральный ущерб. — Я взял пару монет — жест главным образом символический, — а остальное протянул ей.

Она уставилась на кошелек так, словно я предлагал ей змею:

— Что вы делаете?

— Вам не повезло. Я возвращаю вам ваши деньги и вычеркиваю вас из своей жизни.

— Но... — Она погрузилась в тайное совещание сама с собой. Пока шло заседание, я пытался раздразнить Покойника. «Посмотри, кого я тебе привел, Увалень!»

Существует очень немного способов расшевелить Покойника. И самый эффективный среди них — привести в дом женщину. Чем смализнее девчонка, тем горячее реакция. Джилл Крайт способна вызвать пожар. Если Покойника придется обложить мешками с песком, он не сможет продолжать в том же духе.

Мерзкий тип. И ухом не повел. Я почти не сомневаюсь, что он способен на любую пакость.

— Мистер Гаррет?

— Да?

— Я напугана. Я дала слово и не могу сказать вам больше, пока не узнаю, кого мне приходится бояться. Возьмите деньги обратно. Я предпочитаю вас. Но если вы не можете взяться за эту работу, я согласна на любого, кого вам удастся найти.

Она действительно была напугана. Будь у нее детское лицо и пять футов росту, инстинкт защитника всколыхнулся бы во мне со страшной силой. Но ей не приходилось задирать голову, чтобы посмотреть мне в глаза, и в ее арсенале не хватало трюков, чтобы изобразить беспомощность. Когда смотришь на такую красотку, возникает желание развлечься, но никак не потребность заботиться о ней. Каждому сразу ясно, что она способна позабочиться о себе сама.

— Если бы не вчерашний вечер, вы меня уломали бы, Джилл. Но кто-то пытался меня прикончить, и я намерен убедить их воздержаться от повторных попыток. На это потребуется время. Так что смиритесь с Плоскомордым. Он тот, кто вам нужен.

— Ну что ж, если у меня нет другого выхода...

— Другого выхода нет. — Я снова сунул ее деньги под Покойника. — Ну а теперь, когда мы покончили с взаимными претензиями и снова стали друзьями, почему бы вам не заглянуть к нам на обед? Дину не так уж часто удается поупражняться в кулинарном искусстве.

Она открыла было рот, чтобы отшить меня, но ее остановил инстинкт самосохранения.

— Тогда вам придется обедать поздно, — сказала она. — Мне приходится работать.

— Назначьте удобное вам время. Предупредите Дина. Скажите ему, что вы любите. Держу пари, он сумсет вам угодить.

Джилл улыбнулась. Думаю, это была первая искренняя улыбка, которой она меня наградила.

— Ладно. — Она отправилась на кухню.

Я перевел дух, привалился к дверному косяку и скорчил Покойнику рожу. У меня имелись причины обиживать Джилл Крайт и кормить ее обедом — помимо врожденной порочности. Может, ей все же удастся расшевелить старого Увальня. Люблю сочетать приятное с полезным.

Я нисколько не сомневался, что, раз я назначил свидание, Тинни чудесным образом излечится от своей хандры. Кто-нибудь из Тейтов обязательно объявится у меня прежде, чем Джилл уйдет домой.

Джилл вернулась:

— Дин — чудесный человек.

Подразумевается, что я — нет?

— И коварный, как эмся. С ним нужно держать ухо востро. Особенно если вы не замужем. Великий посол от института брака, вот кто у нас Дин.

— Но он же не женат.

А она ловкая лиса, моя подружка Джилл. Что еще сей удалось вытянуть из старика?

— Не женат и никогда не был. Но это ему не мешает. Я провожу вас домой.

— Вы уверены, что можете позволить себе тратить на меня время?

— Мне по пути, — солгал я. Я сообразил, что могу воспользоваться случаем и перекинуться словечком с Плоскомордым.

10

Не прошли мы и сотни шагов, как Тарп пристроился к Джилл с другого боку. Она вздрогнула. Я захихикал:

— Привыкайте.

Мой совет не привел ее в восторг. Еще один намек, что она предпочитает держаться в тени.

Все-таки в ней можно распознать девочку для утех, пусть даже очень высокого класса.

— Что новенького? — поинтересовался я у Плоскомордого.

— Ничегошеньки.

— Смит и Смит все еще приглядывают за домом?

— Угу. Шнырь был прав. Они любители. Выглядят, как парочка фермеров. Хочешь, я сдапаю одного и буду вязать из него узлы, пока не заговорит?

— Пока не нужно. Просто присмотри за ними. Выясни, перед кем они отчитываются.

Плоскомордый хмыкнул:

— Между прочим, за твоим домом тоже кто-то следит. Я заметил их, пока ждал вас.

Я не удивился.

— Чако?

Он пожал плечами:

— Возможно. Молодняк. Но у них не было опознавательных знаков.

— И не должно быть, если это Вампиры. Они же не самоубийцы! — Я жил на территории Путешественников, на самой границе с владениями Сестер Рока.

Остаток пути я подбивал Джилл впустить нас в дом — осмотреться. Она не соглашалась. Ей явно не хотелось, чтобы соседи видели ее вместе с нами. Она полагала, что мы стоим на более низкой социальной ступеньке.

У самого ее дома Плоскомордый показал мне на Смита и Смита. Они действительно выглядели как фермеры и совсем не казались опасными. Но я не стал особенно ломать голову над этим странным феноменом. Теперь это проблемы Тарпа.

Возвращаясь к себе, я сделал крюк и остановился у много квартирного дома, пришедшего в такое запустение, что даже отщепенцы его сторонились. Я обошел дом с торца, спустился к подвальной двери и, стоя по колено в мусоре, постучал. Дверь едва не рухнула.

Вскоре ее приоткрыли, на дюйм, не больше. В щели на уровне моей груди показался чай-то глаз.

— Это Гаррет, — сказал я и подбросил на руке серебряную монету. — Я хочу поговорить с Майей. — Дверь закрылась.

Небольшая демонстрация. Просто чтобы показать, кто здесь хозяин.

Дверь снова отворили. На пороге стояла тринадцатилетняя девчонка, на которой не было ничего, кроме слоя грязи и картофельного мешка. Мешок, по всей вероятности, был забыт в подвале кем-то из прежних жильцов. Он так обтрепался, что один наливающийся розовый бутон выглянул наружу. Девчонка перехватила мой взгляд и фырнула.

— У тебя чудесные волосы, малышка. — Возможно, она была блондинкой. Кто знает? Эти волосы не мыли на протяжении нескольких поколений.

— Прекрати ломать комедию, Гаррет, — донесся голос изнутри. — Если хочешь потолковать со мной, втаскивай сюда свою задницу.

Я вступил в цитадель Сестер Рока — танферской уличной женской банды. Самая старшая из пятерых девчонок доплелась до порога своего восемнадцатилетия. Четверо носили туалеты, явно созданные творческим гением выжившего из ума домового. Прическа и одежда Майи выглядели получше, но ненамного. Ей было восемнадцать, по меркам шайки — настоящая старуха. Она возглавляла банду, насчитывающую две сотни «солдат». Ее психика настолько покорежена, что невозможно предугадать, куда ее занесет в следующий миг.

Большинство Сестер были эмоционально ущербными. Все они в детстве прошли через побои и издевательства, и проснувшийся в них мятежный дух привел их в обетованную землю Рока — вымышленный перпендикулярный мир, вечно и ненадежно болтающийся между детством, каким ему положено быть, и зрелостью без подлости и страданий. Они никогда не оправятся от своих ран. Большинство девушки погибнет от них. Но Рок дал им крепость, в которую они могли отступить и откуда снова могли пойти на штурм. Можно считать, что им повезло. Тысячи страдальцев проходят через ад без всякой поддержки.

Майе досталось больше других. Она была девяностолетней девочкой, когда ее отчим предложил мне развлечься с ней за бутылку вина. Я отклонил это любезное предложение под хруст его ломающихся костей.

Теперь ей гораздо лучше. Большую часть времени она почти нормальна, с ней можно поговорить. Иногда Майя напрашивается к нам на угощение. Она любит Дина. Старик — идеальный лядюшка для любой непристроенной девицы.

— Ну, Гаррет? Какого черта тебе надо? — Маленькое шоу, предназначенное аудитории. — Давай-ка посмотрим, какого цвета твои деньги.

Я бросил ей монету.

— У меня честное предложение, — сказал я. — Хочу обменяться информацией.

— Валяй. Если начнешь действовать мне на нервы, пошлю тебя к черту.

Если она сочтет нужным, я выкачуясь отсюда, разделанный под орех. Эти девочки умеют быть жестокими. Кастрация — их любимое развлечение.

— Ты знаешь Вампиров? У них главари — альбинос-дарко по кличке Снежок и маньяк Док. Северная Сторона.

— Слыхала. Они все там психопаты, не только Док. Ходят разговоры, что Док и Снежок стали зарываться. Хотят войти в силу и пытаются навербовать солдат из других банд.

— Кое-кому это может не понравиться.

— Знаю. Снежок и Док слишком стары для уличной банды, но мозгов не нажили ни на грош. Каждому младенцу известно, что бывает за нарушение границ.

Классическая история. Но иногда молодежь все-таки пробивается. Раз в столетие.

Нынешний король преступного мира в прошлом — уличный мальчишка. Но его завербовала из шайки Организация, и она же продвигала его вверх по иерархической лестнице.

— Рок поддерживает какие-нибудь отношения с Вампирами? — Девочки предпочитают называть себя Роком. Им кажется, это звучит симпатичнее, чем Сестры.

— Ты что-то говорил о честной сделке, Гаррет. Пока ты только берешь и ничего не даешь взамен. Мне это не нравится.

— Если ты якшаешься с Вампирами, мне нечего тебе предложить.

Она одарила меня взглядом рассвирепевшей кобры.

— Снежок и Док пытались меня убрать, — объяснил я.

— Какого черта ты сделал на Северной Стороне?

— Я был на территории Стервятников. У Стервятников есть соглашение с Вампирами?

— С чего это? У них никаких контактов. Как и у Рока. — Она переменила позу. — К чему ты клонишь, Гаррет? Переходи к сути.

— Какие-то типы следят за моим домом. Я думаю — чако. Судя по прошлой ночи, скорее всего Вампиры.

Майя задумалась:

— Ты уверен, что они хотят тебя замочить?

— Уверен, Майя.

— Но твой дом на территории Путешественников.

— Наконец-то до тебя начинает доходить. Беда в том, что у меня нет друзей среди Путешественников с тех пор, как замели Рыжего и Пройдоху.

В последнее время отношения между расами заметно усложнились. Они перемешиваются, но у каждого народа по-прежнему остаются свои князья и вожди и причудливо преобразившиеся культуры предков. Танфер — город людей. Во всех городских структурах действуют человеческие законы. По многочисленным соглашениям, регулирующим отношения между расами, пересезд в какой-либо город автоматически влечет за собой полное признание местных законов. В Танфере преступление, с точки зре-

ния человеческих норм, остается преступлением, даже если поступок считается допустимым среди народа виновного.

Соглашения отказывают Каренте в праве призывать в армию нелюдей. По определению, нелюдем считается всякий, желающий навсегда отказаться от своих человеческих прав и привилегий, индивидуум, в жилах которого течет четверть или больше нечеловесческой крови. Однако в последнее время шайки принудительных вербовщиков хватают любого, кто не может немедленно предъявить родителя или прародителя — инородца. Что и случилось с вожаками Путешественников, хотя они были полукровками.

— Так ты хочешь избавиться от парочки чако? — догадалась Майя.

— Нет. Я хочу, чтобы ты знала об их присутствии. Если они станут беспокоить меня, я просто столкну их головами.

Она впилась в меня подозрительным взглядом.

Мозги у Майи устроены непросто. Что бы она ни делала, у нее всегда есть скрытый мотив. И ей пока недостает мудрости понять, что не все думают одинаково.

— Есть еще парочка заблудившихся фермеров. Они остановились в «Синей Бутылке». Называют себя Смит и Смит. Если кто-то из вас случайно столкнется с ними и выяснится, что у них есть документы, я не прочь их купить. — Это была маленькая импровизация, но она утолила потребность Майи в скрытых мотивах.

Она никогда не поверит, что я просто хотел повидать ее и узнать, как она поживает. Это означало бы, что она кому-то небезразлична. С такой мыслью ей не справиться.

Я задержался у двери:

— Дин обещает состряпать на ужин нечто выдающееся. И много.

Я доплелся до улицы и остановился пересчитать части тела. Все было на месте, но тряслось. Вероятно, у моего тела больше

здравого смысла, чем в мозгах. Им известно, что всякий раз, когда я сюда отправляюсь, у меня появляется шанс стать рыбьим кормом.

11

Дин поджидал меня у двери. Вид у него был перепуганный.

— Что стряслось?

— Заходил этот человек... Краск.

О! Краск — профессиональный убийца.

— Что он сказал?

— Ничего он не говорил. Как будто в этом была необходимость!

Необходимости не было. От Краска исходит угроза, как вонь от скунса.

— Он принес это.

Дин подал мне конверт в четверть дюйма толщиной. Язвил его на руке:

— Что-то металлическое. Принеси мне кувшин. — Он направился на кухню. — Может быть, вечером заглянет Майя, — сказал я ему вслед. — Сунь ей кусок мыла и покорми ее. Проследи, чтобы она не стянула что-нибудь, чего тебе будет недоставать.

Я пошел в кабинет, сел, положил на стол конверт Краска моим именем вверх и решил не трогать его, пока Дин не принесет золотистый напиток из источника молодости. Старик не заставил себя ждать. Он налил мне кружку. Я выпил ее залпом.

Дин повторил и сказал:

— Если вы не бросите попыток помочь этим детишкам, в один прекрасный день можете нарваться на неприятный сюрприз.

— Им нужен друг во взрослом мире, Дин. Они должны понять, что мир состоит не из одних хищников, наперегонки пожирающих друг друга.

Дин изобразил удивление:

— А разве это не так?

— Не совсем. Немногие из нас все еще дерутся в арьергарде, совершая добрые дела тут и там.

Он подарил мне одну из своих редких искренних улыбок и удалился на кухню.

Майя ест лучшие, чем мы с Джилл, вместе взятые. Если, конечно, она возьмет на себя труд появиться.

Дин одобрял мои усилия. Он просто хотел напомнить мне, что наиболее вероятной наградой за них будет проломленная голова и разбитое сердце.

Я не собирался отправляться на небо или в преисподнюю, оставив здесь подарочек Краска. Я сломал восковую печать Большого Босса.

Кто-то вложил в конверт две игральные карты, связанные шнурком. Я перерезал шнурок. Внутри обнаружились пучок бесцветных волос и четыре монеты. Монеты были приклеены к одной из карт. Золотая, медная и две серебряные. Все одинакового размера — около полудюйма в диаметре — и одинакового вида, только металлы разные. Три монеты сияющие-новенькие. Одна из серебряных истерта настолько, что я едва разобрал, какой на ней рисунок. Все четыре монеты — храмовой чеканки. Об этом говорило все — буквы старого стиля, дата в непонятном летосчислении, явно религиозная символика, отсутствие королевского профиля на лицевой стороне. Монеты королевской чеканки отличаются наличием королевского профиля на аверсе. Монеты коммерческой чеканки расхваливают товары или услуги чеканщика.

Карентийский закон позволяет штамповывать монеты кому угодно. Все прочие королевства объявили чеканку денег государственной монополией потому, что разница между стоимостью металла для монеты и ее денежным достоинством обогащает казну государства. Но и Карентийская Корона свой куш не упустит.

Она требует, чтобы частные чеканщики покупали монетные диски или болванки у Королевского Монетного двора, причем за сплав, из которого изготавливают болванки, покупатели расплачиваются чистым металлом того же веса. Прибавьте сюда выгоду, которую получает казна, экономия на изготовлении матриц и жалованье рабочих-штамповщиков.

Большую часть времени система работает как по маслу, а когда случаются сбои, виновных поджаривают живьем, будь они хоть Князьями Церкви или чиновниками Монетного двора (последние все как один — кузены короля). Основа карентийского процветания — надежность карентийской денежной системы. Карента коррумпирована насовсюзь, но никому не дозволено покушаться на орудие коррупции.

Золотой монете я уделил самое пристальное внимание. До сих пор я никогда не видел золотого частной чеканки. Этот металл слишком дорог, чтобы использовать его просто для утоления тщеславия изготавителя.

Я взял верхнюю карту и прочел лаконичную записку: «Повидай этого человека». Далее следовало изображение рыбы, медведя и название улицы. Все вместе составляло адрес. Поскольку читать умеют немногие, в городе используют таблички с общепонятными символами.

Краск хотел, чтобы я кого-то повидал. Эта посыочка, по его мнению, должна снабдить меня необходимым путеводителем.

Если Краск говорит намеками, значит, в деле замешан Чодо Контагью. Краск не посмеет вздохнуть без разрешения Чодо. Я решил сходить на разведку. Не стоит обижать Чодо.

Решено. Мне необходима длительная прогулка. Все равно до прихода Джилл заняться мне нечем.

Судя по адресу, это где-то на севере. Стало быть, Северная Сторона?

Я пошел наверх и перерыл ящик с инструментами, отобрав медный кастет, пару ножей и свою любимую головодробилку —

восемнадцать дюймов, свинцовый набалдашник. Я рассовал все это по карманам, убедился, что нигде ничего не выпирает, потом спустился на кухню и сообщил Дину, что ухожу на несколько часов.

12

Большинство из нас находится в гораздо худшей физической форме, чем думает, а тем более признается. Я привык считать, что ко мне данное соображение не относится. Но к тому времени, как я преодолел шесть миль до Северной Стороны, я ощутил это в полной мере на своих икрах и бедрах. Неужели это тело несло на себе полную боевую выкладку во время многодневных марш-бросков в бытность мою моряком?

Нет. Оно стало старше, и на его долю досталось столько потасовок, что с лихвой хватило бы на целый взвод.

Район, куда я держал путь, населяли эльфы и полуэльфы, что означало маниакальную чистоту и порядок во всей округе. Это район, где хозяйки выскабливают каменные плиты с кислотой и подкрашивают кирпичную кладку каждую неделю. Когда идет дождь, сточные канавы наполняются красной краской. Здесь мужчины ухаживают за деревьями, словно за своими божками, и подстригают крошечные лужайки ножницами, травинка к травинке. Остается только гадать, так ли упорядоченна и стерильна их личная жизнь.

Как такое общество, с его незыблемыми моральными устоями, могло породить Снежка и Вампиров?

Я свернул на Черную Поперечную улицу, узкую улочку в тени Водоносного холма. Я искал рыбу, медведя и заблудивших Вампиров.

Здесь было тихо. Чересчур тихо. Где же эльфийские женщины, которым полагалось подметать улицы, мыть окна или

другим способом бороться с хаосом, пожирающим остальную часть города? Эта тишина дурно пахла, словно здесь произошло нечто жуткое и улицу парализовало ужасом. Мое появление не могло быть тому причиной. Даже в этом районе есть парни, которые не стали бы смотреть равнодушно, как я направляюсь в западню.

Такой вот я оптимист.

Я нашел дом, прекрасное четырехэтажное серое здание. Входная дверь была открыта. Я поднялся на крыльце. Внутри стояла мертвая тишина, еще более жуткая, чем на улице.

Вот он, источник распространения ужаса.

И что же мне делать? Наверное, то, зачем пришел. Вынюхивать.

Я вошел, предвкушая восхождение на самую верхотуру. Но ошибся. Дверь первой же квартиры была приоткрыта. Я постучал. Никто не ответил, но внутри раздался грохот. Я толкнул дверь:

— Эй! Кто-нибудь дома?

Из соседней комнаты мне ответили неистовым топотом. Я двинулся вперед с крайней осторожностью. Кто-то побывал здесь до меня. Комнату словно саранча обгладала.

И тут я учуял запах, еще слабый, но безошибочно узнаваемый. Я знал, что увижу в следующей комнате.

Все оказалось еще хуже, чем я себе представлял.

Здесь были все пятеро. Чья-то умслая рука привязала их к деревянным стульям. Один опрокинулся на пол. Это он топал, пытаясь привлечь внимание. Остальные уже не привлекут никого, кроме мух.

Кто-то набросил каждому на шею проволочную петлю, привязанную к палке, а потом стал закручивать палку. Убийца не спешил.

Я знал всех — Снежка, Дока и двух остальных чако, сбиравшихся меня порешить. В живых оставили паренька, который стоял на стреме. Краск и Садлер знают свое дело.

Маленький подарочек Гаррету от Чодо Контагью, очередная выплата процентов с его долга.

Что бы вы испытывали, стоя в окружении людей, задущенных мимоходом, небрежно, как давят тараканов — без гнева, без злобы, без жалости? Лично меня пугает смерть бесстрастная и безразличная, словно падающий на голову кирпич.

Хлоп! Игра окончена.

Проволочная петля — автограф Садлера.

Я представил себе, как Слейд передает Садлеру записку, написанную Морли, вообразил беседу Садлера и Чодо. Наверное, Чодо настолько возбудился, что даже поправил одеяло, прикрывающее его колени. Я услышал голос Чодо: «Ну так позаботься о них». Вероятно, таким же тоном он сказал бы: «Выброси эту рыбку, она припахивает». И Садлер позаботился. А Краск привнес мне несколько монет и локон покойного.

Обычная смерть в большом городе.

Будет ли кто-нибудь оплакивать Дока, Снежка и двух остальных?

Я ничего не добьюсь, если буду стоять здесь столбом и горевать о придурах, которые сами напросились на такой конец. Краск не потопал бы ко мне через весь город, если бы не считал, что я найду здесь что-нибудь интересное.

Наверное, надо разговорить парня, оставленного в живых.

Я поднял его вместе со стулом и усадил лицом к стене. До сих пор он не мог меня видеть. Я обошел кругом, привалился к стене и посмотрел ему в глаза.

Он меня вспомнил.

— У тебя сегодня удачный день, не правда ли? По крайней мере был до сих пор. — Он пережил визит Краска, Садлера и тех прилипал, которые забрали все, что плохо приклоchenо. Я прочел в глазах бедолаги понимание того, что везение его кончилось. После чего я его покинул.

Я рыскал по дому, пока не нашел кувшин с водой на втором этаже. Сюда саранча не добралась. Вероятно, боялись, что не унесут добычу. Прежде чем вернуться к своему приятелю, я проверил улицу. Там по-прежнему было тихо.

Я показал чако кувшин:

— Вода. Подумал, что у тебя, должно быть, пересохло в горле.

Он израсходовал немного влаги на слезы.

Я вытащил кляп, дал ему глоток, потом выпрямился и подпер стенку:

— Думаю, тебе есть о чем мне рассказать. Если изложишь все начистоту, я, может быть, тебя отпущу. Они позаботились, чтобы ты все слышал во время интервью? — Недурной эвфемизм, Гаррет.

Парснь кивнул. Вряд ли удастся застращать его сильнее, чем сейчас.

— Давай сначала.

Его представления о начале несколько отличались от моих. Он стал рассказывать о предпримчивости Снежка, который за-владел этим домом, выставив свою мать на улицу. Мать, моя соплеменница, унаследовала дом от его отца, семья которого вела им с тех пор, как первые эльфы прибыли в Танфер. Весь район на протяжении многих поколений населяли эльфы, чем объяснялся его приличный вид.

— Меня больше занимает история о том, как Вампиры заинтересовались моей скромной особой.

— Можно я еще попью?

— Как только заслужишь.

Он вздохнул:

— Вчера утром пришел какой-то священник. Сказал, что его зовут брат Джерсе. Он предложил Снежку одну работу. Он не сказал, кто его прислал, но показал столько денег, что у Снежка глаза на лоб полезли. Снежок пообещал, что Вампиры

сделяют все, что угодно клиенту. Док пытался его отговорить. Раньше Снежок никогда не шел против Дока. И вот посмотрите, чем это кончилось.

— Уже посмотрел. — Меня интересовало, что предпринял Снежок для того, чтобы все кончилось именно так.

Клиент пожелал, чтобы Вампиры сели на хвост мне и священнику по имени Магистр Перидонт. Если Перидонт придет повидать меня, Вампирам полагалось позаботиться о моем исчезновении. Навсегда. За что им перепадал жирный кусок.

Деньги Снежка не так уж и интересовали. Снежок принял предложение, потому что оно льстило его самолюбию. Положение уличного владыки Снежка больше не устраивало. Он хотел большего.

— Док все твердил ему, что это требует времени, что вы не могли сделать себе имя, не попав в поле зрения Организации. Но Снежок не отступил даже после того, как прошел слух, будто Большой Босс велел держаться подальше от парня по имени Гаррет. Снежок без тормозов, он вообще ничего не боялся. Дьявол, да и никто из нас по-настоящему не испугался.

Они были слишком молоды. Чтобы знать, когда и чего бояться, нужно немного пожить.

Я дал ему попить.

— Лучше? Отлично. Расскажи мне о священнике. О брате Джерсе. Какой он веры?

— Не знаю. Он не сказал. Вы же знаете этих священников. Все носят одинаковые коричневые балахоны.

Тут он прав. Нужно подойти к священнику вплотную, да еще знать, куда смотреть, чтобы отличить ортодокса от церковника, или от затворника, или от служителя одного из нескольких дюжин так называемых еретических раскольнических культов. Не говоря уж о том, что брат Джерсе мог напялить на себя что угодно.

Я спросил себя, мог ли священник оказаться настолько тупым — или настолько самоуверенным, — что назвал этим придумкам настоящее имя и расплатился монетами своего храма. Может быть, виной тому мое нелестное мнение о братии долгоярьих, но я решил, что это возможно. Разве часто работу запирают так основательно, как это случилось с Вампирами? Мне полагалось отправиться к праотцам, так чего же мудрить?

Я задавал много других вопросов, но не добился ничего путного, пока не вынул монеты, которые прислал Краск.

— Он платил такими деньгами?

— Эти монеты я видел. Из храма. Даже золотая. Но Снег их особо не показывал. Чтоб мне лопнуть, если он не наврал, сколько ему заплатили.

Наврал, конечно. Я добрался до главного вопроса:

— Почему брат Джерсе хотел от меня избавиться?

— Не знаю.

— Никто не спросил?

— Никому не было дела. Какая разница?

Разумеется, никакой, если перерезать кому-то глотку — обычный бизнес.

— Тогда, наверное, это все, малыш. — Я достал нож.

— Нет! Пожалуйста! Не надо! Я вам все выложил, честно. Он решил, что я собираюсь его убить.

Морли сказал бы, что это правильная мысль. Морли сказал бы, что парень не уймется, пока не разделается со мной, если я его пожалею. И проклятый Морли чаще всего оказывается прав. Но я привык поступать исходя из собственных представлений о правоте.

Я шагнул к парню. Он закричал. Клянусь, если бы он позвал маму... Я перерезал веревку, освободив ему правую руку, и отправился восвояси. Теперь это его дело — освободиться или остаться там и умереть.

На улице меня встретил дивный вечер.

Я залюбовался пейзажем. Покидая Черную Поперечную улицу, я увидел эльфийских женщин, подметающих и моющих ступени своих крылечек, тротуары и улицы перед домами. Их мужчины маникюрили газоны. Неизменный вечерний ритуал.

Но и у эльфов есть свои отрицательные качества. Они мало занимаются собственными отпрысками-полукровками. Бедные ребятишки.

13

Небо совсем потемнело, когда я добрался до дома. Я увидел несколько падающих звезд. По свидетельствам одних предсказателей — это добрый знак, по мнению других — наоборот. Одна из этих расфуфыренных вортихвосток — самая яркая — распалась на несколько полосок.

Дин впустил меня в дом.

— Чертовски хорошо пахнет, — замстил я.

— То ли еще будет, — пообещал он, улыбаясь. — Я принесу вам пиво. Вы узнали что-нибудь полезное?

— Не знаю. — Что это с ним? Он сам на себя не похож. — Что у тебя на уме?

Дин взглянул на меня как побитый щенок. Думаю, он респектирует перед зеркалом.

— Что произошло, пока меня не было?

— Ничего. Разве что Майя заходила. По правде говоря, она только что ушла. Когда вы постучали.

Я хмыкнул. Девчонка явно обработала старика.

— Ты бы лучше пересчитал серебро.

— Мистер Гаррет!

— Ладно. Мисс Крайт не показывалась? — По пути домой я решил, что она не объявится. Зачем ей это? Я нисколько не сомневался, что Джилл не способна вздохнуть, не прикинув предварительно, какую выгоду ей это сулит.

— Нет еще. Но она говорила, что припозднится.

Интересно, что значит «припоздниться» в ее понимании?

— Пойду освежусь. — Ванна помогла смыть грязь с тела, но не смогла ничего поделать со скверной, запятнавшей душу.

Когда я спустился, Джилл уже была на месте. Она опять очаровывала старика. Он позволил ей накрыть на стол. Небывалый случай.

Они сплелись, словно старые друзья.

— Надеюсь, вы не мне перемываете косточки? — спросил я.

Джилл обернулась:

— Привет, Гаррет. Можешь не беспокоиться. Ты не настолько удачлив. — Она улыбнулась. На меня повеяло теплом. Немного. Не больше, чем от лесного пожара.

— Удачный день?

— Великолепный. Бизнес процветает. И я поговорила со своим другом. Он извинился за неприятности, которые мне причинил. Обещал обо всем позаботиться. Мне больше не о чем беспокоиться.

— Чудесно. — Я окунул ее быстрым оценивающим взглядом, стараясь, чтобы мой интерес не бросался чересчур в глаза. Ее страх исчез. — Рад за вас. Но бедному Тарпу вы разобьете сердце.

Дин бросил на меня хмурый разочарованный взгляд. Неужели я хотя бы на пять минут не могу выбросить это из головы?

Смеется он, что ли? Я пока не покойник. Но я внял его предостережению. Все равно получу от ворот поворот, так зачем напрасные хлопоты?

Джилл ладила со стариком лучше, чем со мной. С ним она весело щебетала, со мной же испытывала неловкость, возникающую, когда никто не может придумать, о чем говорить.

Гаррет проглотил язык в присутствии роскошной блондинки? Чудеса! Удар по моему самоуважению. Но утка Дина была так хороша, что восполнила недостаток блестящего остроумия.

Главная моя трудность заключалась в том, что Джилл Крайт не собиралась ничего рассказывать о Джилл Крайт. Ни о ее настоящем, ни о ее прошлом. Она уворачивалась, меняла тему или просто ускользала от ответа с такой ловкостью, что я не сообразил, в чем дело, пока она не проделала этот трюк несколько раз.

Ее маневры оставляли мне единственный плацдарм, где я мог чувствовать себя уверенно. Гаррет — вот область, в которой я слыл экспертом, тема, на которую мог говорить сколь угодно пространно. Но лишь небольшой кусочек Гаррета представляет интерес для окружающих.

Кульминацией обеда было вино, которое она принесла. Импортное. Почти хорошее.

На мой взгляд, вино — это просто испорченный фруктовый сок. Все вина имеют одинаковый вкус, за редким исключением. Это было редчайшим. Оно оказалось не хуже Танферского Золотого. Я выпил большую часть бокала, не порываясь тайком прополоскать рот глоточком пива.

Я сидел и думал, что после десерта нам следует положить конец нашим мучениям.

Джилл оказалась в большей степени леди, чем я предполагал. Она умело провела наш корабль через опасные рифы. Мы помогли Дину убрать со стола, и я пошел проводить ее домой.

Мы прошли меньше квартала, когда я заметил, что кое-кого недостает. Поскольку его невозможно не заметить, если он крутится в одном с вами районе, я спросил:

— Что случилось с Глоскомордым? — Уйти и залечься не в его правилах.

— Я его отпустила. Больше мне не понадобятся его услуги. Мой друг все уладит.

— Понятно. — Особенno ее согласие, когда я стал набиваться ей в провожатые.

После этого я почти не разговаривал. Я высматривал падающие звезды, но боги закончили представление. Перед ее домом мы пожелали друг другу доброй ночи. Джилл не пригласила меня на чашку чая, а я не предпринял попытки получить приглашение. Она по-сестрински чмокнула меня в щеку.

— Спасибо, Гаррет. — И прошествовала в дом. Она ни разу не оглянулась.

Я принялся рассматривать только что взошедшую луну.

— Иногда ты вообще ни на что не годишься, — злобно пробормотал я, прекрасно понимая, что злоба направлена не по адресу.

Я развернулся в обратную сторону и едва не налетел на Майю.

14

Она возникла ниоткуда. Я не слышал ни звука. Она засмеялась:

— Чем ты занимался с этой женщиной, Гаррет? — Ее интонации и сам вопрос напомнили мне Тинни. С чего бы?

— Мы обедали. Ты что-то имеешь против?

— Меня ты никогда не водил обедать.

Я ухмыльнулся:

— И ее не водил. Она приходила к нам. Ты хочешь, чтобы я тебя пригласил? Предпочитаешь что-нибудь пороскошнее? «Железный Лжец» подойдет? Но тебе придется принять ванну, сделать прическу и надеть что-нибудь менее официальное. — Я хихикнул, представив себе, что будет, если Майя объявитя в «Лжеце». Они разбегутся, как тараканы на свету.

— Ты издеваешься?

— Нет. Может быть, это немного кружной путь, но я предлагаю тебе повзрослеть. — Я надеялся, что она не относится к

тем чако, которым ненавистна сама мысль о вступлении в наше конформистское братство.

Майя села на ступеньку. Лунный свет падал на ее лицо. Под слоем грязи скрывалась очаровательная мордашка. Если бы девчонка захотела, она могла бы даже разбивать сердца. Но сначала ей придется примириться со своим прошлым и набраться решимости бороться за будущее. Тут нужен характер, но она уже доказала, что характер у нее есть. Если бы она продолжала плыть по течению, то к пятнадцати годам стала бы еще одной шлюхой, выгоревшей дотла и выброшенной на свалку, где любой, кому не лень, мог бы ее использовать.

Я сел рядом. Мне показалось, что Майя не прочь поговорить. Я ждал. Того, что я уже сказал, вполне достаточно, чтобы она взъерепенилась.

— За твоим домом больше никто не следит, Гаррет. Ни Вампиры, ни прочие.

— Наверное, смотали удочки, когда услышали про Снежка и Дока.

— Хм?..

— Большой Босс уложил их баникки.

Майя долго молчала, переваривая это известие.

— Почему?

— Чодо не любит, когда его не слушаются. Он велел от меня отстать, а они не вняли.

— А зачем ему тебя опекать?

— Он считает себя моим должником.

— Тебе приходится иметь дело с кучей народа, да?

— Иногда. Большую часть этого народа я предпочел бы никогда не встречать. В этом мире попадаются очень скверные люди.

Майя притихла. Что ее гложет?

— Я встретила сегодня кое-кого из них, Гаррет.

— Да?

— Ты попросил прощупать двух типов. Я послала Кли, потому что она умеет расщевелить и статую. Эти ублюдки сдва не убили ее.

— Прости, Майя. Я не имел понятия, что они... Чем я могу помочь?

— Мы сами заботимся о своих.

У меня возникло дурное предчувствие.

— А что с двумя Смитами? — Рок не знает жалости к своим недругам.

Майя прикидывала, в чем можно сознаться.

— Мы собирались кастрировать их, Гаррет. — Это личное клеймо Рока. — Только кто-то уже постарался за нас.

— Что?!

— Оба. Им теперь приходится присаживаться на корточки, словно женщинам.

Меня передернуло. Евнухов у нас больше не производят. Даже в наказание за преступление.

— Поэтому мы просто переломали им ноги.

— Напомни мне, что не стоит настраивать против себя Рок. Вы что-нибудь нашли?

— Я вообще не знаю, как эти типы существовали, Гаррет. У них нет ничего, кроме того, что на них. Мы наведались в «Синюю Бутылку».

— Ты что-нибудь понимаешь, Майя?

— Я — нет. Это ты просил прощупать двух типов, наблюдавших за домом. Вечером ты прогуливаешься тут с Тони Джилл. Она чмокает тебя в щечку. Я считаю, что ты работаешь на нее и знаешь, что делаешь.

— Я не знал даже ее имени. Она представилась мне как Джилл Крайт. Ты с ней знакома?

— Она была в Роке, когда меня туда взяли. Никогда не говорила правды, если могла проскочить ложь. Меняла имена каждую неделю. Тони Баккарт. Вилли Голд. Бренди Даймонд.

Киннамон Стил. Эстер Поуджилл. Только последнее звучит достаточно по-дурацки, чтобы сойти за настоящее. Она непрерывно врала о своей семье, о знаменитостях, которых встречала, несла всякую чушь о своих похождениях. Водилась с девочками помоложе, потому что остальные быстро ее раскусили.

— Погоди. Эстер Поуджилл?

— Угу. Одно из тысячи ее имен. — Майя как-то странно на меня посмотрела.

В дальнем углу моего сознания хранилось воспоминание о неких Поуджиллах. Наши соседи в давние времена. Куча дочек. Некоторые из них забеременели в тринадцать. Я начал припоминать всякие разговоры. Народ сторонился их родителей... На третьем этаже, вот где они жили. И одной малышке, блондинке по имени Эстер, было около десяти лет, когда меня забирали на флот.

Но Поуджиллы погибли.

В единственном письме, которое мой брат написал мне за свою жизнь, он рассказал о пожаре, погубившем семью Поуджиллов. Трагедия буквально потрясла его. Брат питал нежные чувства к одной из дочек.

Это письмо дрогнуло меня через два года. К тому времени Мики сам уже больше года находился в Кантарде. Там он и остался. Как и многие другие, он не собирается возвращаться домой.

— Это имя что-то значит для тебя, Гаррет? — спросила Майя.

— Оно напомнило мне о брате. Я не вспоминал о нем много лет.

— Я даже не знала, что у тебя есть брат.

— Больше нет. Его убили у Плоских Холмов. Как-нибудь я покажу тебе медаль, которую они вручили моей матери. Она положила ее в коробочку вместе с остальными — за моего деда, двух своих братьев и моего отца. Отца забрали, когда мне было четыре, а Мики — два. Раньше я еще мог напрячься и вспомнить папино лицо. Теперь не могу.

Майя притихла на несколько секунд:

— Я никогда не думала, что у тебя есть семья. А где теперь твоя мама?

— Умерла. После того, как ей вручили медаль за Мики, она просто сдалась. Не для чего было больше жить.

— Но ты...

— В этой коробочке есть еще одна медаль. С моим именем. Флот прислал ее за четыре дня до того, как армия вручила медаль за Мики.

— Ты же жив.

— Они считали, что нет. Моя часть располагалась на острове, куда вторглись венагеты. Они заявили, что перебили нас всех. На самом деле мы прятались по болотам. Питались камышом, насекомыми и крокодильими яйцами, пока не выкурили их оттуда. Мама умерла за несколько дней до известия, что Карента освободила остров.

— Мне очень жаль. Это несправедливо.

— Жизнь вообще несправедлива, Майя. Я привык к этому. Стараюсь не допускать, чтобы такие мысли влияли на тебя или на твои поступки.

Она фыркнула. Я разразился проповедью, и она готова была как нормальный ребенок встретить ее в штыки. Мы сидели не больше десяти минут, но казалось — куда дольше.

— Кто-то идет, — холодно сообщила Майя.

15

Это оказалась Джилл Крайт, выглядевшая так, словно увидела зомби и семь его братьев. Она пробежала бы мимо нас, если бы я ее не окликнул:

— Джилл?

Она взвизгнула и подпрыгнула, потом узнала меня.

— Гаррет! Я шла к вам. — Ее голос дрожал. Она посмотрела на Майю, но не узнала ее.

— Что стряслось?

Джилл глотнула воздух:

— Там... в моей квартире... трупы. Троек мертвых мужчин. Что мне делать?

Я встал:

— Пойдем посмотрим.

Майя вскочила, не дожидаясь приглашения. Джилл не обратила на это внимания, а я рассудил, что пусть лучше девчонка увязается за нами, чем будет крутиться здесь в одиночестве.

У входной двери я заметил нечто ускользнувшее от моего внимания раньше, когда освещение было хуже. Кровь. Женщины ничего не заметили.

Внутри я обнаружил еще несколько пятен — маленьких, едва приметных. Я и сам прошел бы мимо, если бы не искал их.

Здание находилось в лучшей форме, чем большинство его ровесников.

Лестницу освещали лампы, висевшие на площадках. Пока мы краудились поднимались на второй этаж, мое ухо уловило признаки жизни за закрытыми дверями. Сначала женский смех, резкий, словно звон разбитого стекла, потом другие, не вполне однозначные звуки. Либо женщина за стеной чертовски энергично развлекалась, либо сражалась с желудочными коликами.

В холл второго этажа выходили четыре двери, откуда и доносились звуки. На первом этаже — тоже четыре. Судя по размерам дома, квартиры не могли быть большими. Почему же дом с такой слышимостью не превратился в растревоженный муравейник, если убили трех человек?

Потому что Джилл жила на широкую ногу. На ее этаже было только две квартиры, повыше классом и побольше размером.

— Кто живет напротив?

— Сейчас никто. Квартира пустует.

Джилл толкнула свою дверь.

— Подождите. — Я хотел войти первым, просто на всякий случай. Я осмотрел дверь. Замок на ней мог преградить путь только честному человеку. Любой, кто мало-мальски разбирается в таких вещах, проник бы внутрь без проблем.

Некто, не обладающий нужными знаниями, использовал в качестве ключа лом. И этого никто не услышал?

Люди предпочитают заниматься собственными делами.

Комната не тронули. Обстановка тут была куда более шикарной, чем могла себе позволить Джилл. Я видывал меньше роскоши во дворцах на Холме.

У Джилл Крайт был денежный папочка. Или кто-то другой, которому было что терять, если девушка развязает язык. Это могло бы объяснить причину слежки и попытку проникнуть в квартиру.

Кровавый след вел к приоткрытой двери. За ней была комната восемь на восемь футов, забитая всяkim хламом. Именно хламом, иначе и не назовешь. Джилл оказалась барахольщицей.

Среди всего этого скарба на полу раскинулось тело. Блондин лет двадцати пяти, еще не утративший облика закаленного жизнью вояки, характерного для побывавших в Кантарде. Вероятно, еще пару часов назад его можно было назвать красивым. Сейчас он казался просто удивленным.

— Вы его знаете? — спросил я.

Джилл сказала: «Нет». Майя покачала головой. Я нахмурился. Майя оставила в покое серебряную штуковину, которую собиралась прикарманить.

— Наверное, он нарвался на кого-то, рывшегося в ваших вещах, и оба были неприятно поражены. — Я перешагнул через покойника и направился к следующей двери.

Она вела в комнату, где Джилл спала и, вероятно, отрабатывала арендную плату. Вид у нее был такой.

Здесь я нашел еще двоих усопших. Все вокруг было в крови, будто кто-то принес полные ведра и расплескал по комнате. Пожалуй, несколько человек гнали того парня от прихожей, а остальные отрезали ему путь ко второй двери спальни, ведущей в коридор. Оба тела лежали рядом с этой дверью.

Возможно, Краска, Садлера или даже Морли Дотса не тронул бы вид этого кровавого месива. Мне же потребовалась минута, чтобы выйти из ступора. Только потом я начал шевелить мозгами, отмечать расположение кровавых луж, разбросанных по комнате предметов. Я подошел взглянуть на покойников.

Не знаю, сколько прошло времени. Джилл коснулась моей руки:

— Гаррет? С вами все в порядке? — В ее глазах не было льда. На мгновение за всеми этими масками промелькнула человечески обесспокоенная женщина.

— В порядке. — Насколько это возможно, когда смотришь на парня, которого меньше тридцати часов назад угощал ужином.

Какого дьявола Шнырь делал в квартире Джилл, не считая того, что позволил себе убить? Он передал работу Плоскомордому, а Джилл уволила Тарпа, едва тот приступил к делу.

Я подошел к кровати, выбрал чистое место и сел. Мне было над чем подумать.

С Пиготтой меня связывало скорее деловое знакомство, нежели близкая дружба. И он работал не на меня, когда его убили. Я ему ничем не обязан. Но я пребывал не в том состоянии, когда руководствуясь здравым смыслом.

Кто бы это ни сделал, он мне заплатит.

Майя окликнула меня из прихожей:

— Гаррет. — Больше она ничего не сказала, но по ее тону я понял, что она собирается показать мне что-то важное.

Она сидела на корточках перед первым мертвецом. Я присоединился к ней. Джилл осталась стоять в дверях. Она только сейчас обратила внимание на Майю. Нельзя сказать, чтобы встреча со старой знакомой ее обрадовала.

- Что?
- Спусти с него штаны.
- Чего-чего?
- Мне повторить?

Майя была слишком серьезна, так что я оставил при себе готовое сорваться с языка ехидное замечание. И зрядно порозовев, я подчинился.

Кто-то тщательнейшим образом лишил блондина первичных половых признаков. Хирургическим путем. Шрамы зарубцевались, но оставались ядовито-багровыми. Эту операцию проделали уже после его возвращения из Кантарда.

Я дернулся, словно хотел стряхнуть паука, ползающего по обнаженной коже.

- Какая мерзость, — выдохнула Джилл.

Даже выразить не могу, насколько я был с ней согласен. От этого месива шрамов меня просто тошило.

И все-таки я пошел и осмотрел второго.

Этот был старше. Его шрамы давным-давно побледнели.

Я вернулся к своему месту на кровати.

— Вы не должны здесь оставаться, Джилл. Вам есть куда пойти? — спросил я без особой надежды.

— Нет.

Я вздохнул. Этого следовало ожидать.

— А как насчет вашего друга?

— Я не знаю, как его найти. Он сам приходит ко мне.

Конечно. Какой муж захочет, чтобы любовница появилась у него на пороге? Вряд ли он даже назвал Джилл свое настоящее имя.

— Соберите все необходимое на несколько дней. — Я оказался перед выбором. Я хотел выследить молодчиков, которым удалось отсюда выбраться. Но кто-то должен проводить Джилл до моего дома.

Я поглядел на Майю. Она встретила мой взгляд твердо:

— Ни в коем случае, Гаррет. Я от тебя не отвяжусь.

Дьявол! Довольно скверно, когда твои мысли читают ровесники. Теперь и детишки туда же?

— Я смогу добраться до вашего дома самостоятельно, Гаррет, — сказала Джилл.

Я не стал спорить. В списке дорогих мне людей она не занимала первых мест.

— У вас здесь есть фонарь?

Она рассказала мне, где его найти.

16

На улице стояла тишина. Никого поблизости не было.

Время перевалило за полночь, но для большинства районов города это не имело значения. Когда люди отправляются спать, гоблины, кобольды*, крысолюди и прочий сброд выходят на ночную работу. Просто их не было в этом районе.

Я открыл заслонку у фонаря и принялся высматривать кровавые пятна. Они подсохли и стали менее заметными.

— Почему у нее дома было столько света, Гаррет? — спросила Майя. — Там, должно быть, ламп двадцать горело.

— Ты ставишь меня в тупик. — Действительно, в квартире устроили иллюминацию. Но я не обратил на это внимания. — Наверное, они хотели видеть, что делают.

— А она здорово преуспела с тех пор, как ушла из Рока.

— Это твоя цель в жизни? Заполучить мужика, который будет содержать тебя в квартире, полной трупов? Ты считаешь, что эти ребята заглянули к ней случайно?

Ей пришлось обдумать мои слова. Я получил немного покоя.

Но только немного.

— Ты заметил, что у нее настоящие стекла в окнах этой шикарной гостиной?

* Злые духи, живущие под землей.

— Угу. — Это я заметил. Мне как-то пришлось пригласить стекольщика. До сих пор не могу опомниться от потрясения.

— В квартире напротив такие же.

— Да? И что же?

— А то, что кто-то наблюдал за нами оттуда, когда мы выходили.

— О? — Интересно. — А как он выглядел?

— Я даже не уверена, что это он. Я видела лицо только секунду. Удивительно, что я его вообще заметила.

Я только хмыкнул, поскольку слушал ее вполуха. Похоже, из парня, которому сделали кровопускание, вышли все соки. Пятен становилось все меньше и меньше.

След вел в проулок, такой узкий, что всадник рассадил бы колени, попытавшись срезать здесь путь. Неприветливое mestечко. Я посветил фонарем, но ничего не увидел.

— Ты, разумеется, не собираешься туда?

— Разумеется, собираюсь. — Я вытащил медный кастет. Любимую головодробилку я выложил дома. Как-то она не очень сочеталась с костюмом, подходящим для обеда с девушкой.

— Это разумно?

— Нет. Разумнее было бы сначала бросить туда тебя и посмотреть, кто тебя скушает. — Либо Майя начала уставать, либо я потихоньку заводился. — Тебя ведь никто не просил тащиться за мной, верно?

— Так я смогу обучиться ремеслу и наконец разобраться, что ты за человек. Есть в тебе что-то чудное. Я хочу выяснить, что именно.

Чудной! Так меня ни одна женщина еще не называла.

— Зачем тебе это?

— Я подумываю о том, чтобы выйти за тебя замуж.

Ничего себе! Я направился в проулок, даже не бросив туда камень. Больше меня уже ничего не пугало.

Через десять шагов темноты я наткнулся на покойника. Кто-то усадил его спиной к дому. Пристроил поудобнее и пошел дальше, наверное, за помощью. А парень тем временем истек кровью.

Я присел на корточки и осмотрел его. Майя держала фонарь.

Ему нечего было мне сказать. Вероятно, ситуация нравилась ему еще меньше, чем мне, но он не мог жаловаться.

Я взял фонарь и двинулся дальше.

Я нашел еще кровь, но немного.

Да, Шнырь сопротивлялся, как дьявол.

След испарился на следующей улице. Я старался изо всех сил, но так и не смог его взять.

— Что ты собираешься делать теперь? — спросила Майя.

— Нанять специалиста. — Я пошел в противоположную сторону. Она меня нагнала. — Тебя что-то беспокоит? — Она вдруг стала холоднее Джилл Крайт.

— Я на улице пять лет, Гаррет. Единственное, что меня беспокоит, это люди, которые пытаются кормить меня дермом.

Майя не настолько крута, но она на пути туда. И очень жаль.

17

Иногда мне кажется, что заведение Морли никогда не закрывается. Но я, конечно, не прав. Просто закрывается оно на те несколько часов между рассветом и утром, когда на ногах одни только чокнутые. С полудня до третьих петухов заведение — к услугам своих эксцентричных клиентов.

Сейчас их толпа поредела, но пар сорок глаз проводили нас с Майей от входа до стойки. Глаза скорее озадаченные, нежели враждебные.

За стойкой работал Клин. Из всех приспешников Морли он самый обходительный.

— Добрый вечер, Гаррет. — Он кивнул Майе. — Мисс. — Словно она и не выглядела как смерть на палочке. И не пахла соответственно.

— Морли все еще наверху?

— Он не один. — Судя по тону, компания была не деловая.

— Ненадолго же хватило ему силы воли.

Клин подмигнул мне:

— Ты делал ставки?

— Нет. — Дружки Морли бились об заклад, сколько ему удастся продержаться без игры.

Клин подошел к переговорной трубе, поговорил, послушал и вернулся к нам:

— Он скоро будет. Велел накормить вас, пока вы ждете. За счет заведения.

Уф!

— Звучит восхитительно, — вмешалась Майя прежде, чем я успел с негодованием отвергнуть предложение. — Я могу лошадь съесть.

— Лошадь-то тебе как раз съесть и не удастся. Конский щавель, конский хвост*, конский зуб** — да, но...

Клин крикнул через плечо, чтобы принесли два фирменных, потом облокотился на стойку:

— Что тебе нужно, Гаррет? Может, я сумею сберечь тебе время?

Я покосился на Майю. Она улыбалась. Она прекрасно поняла, что Клин любезен, потому что я с женщиной.

Когда девчонки учатся разбираться в таких вещах?

— Мне нужна ищейка, Клин. Хорошая. Я пытаюсь выследить одного типа.

— След холодный?

— Не очень. И парень истекает кровью. Но след остывает.

* хвоц.

** зубчатая кукуруза

— Сейчас вернусь. Я знаю, что тебе нужно. — Он ушел на кухню.

Его место занял другой эльф-полукровка, помоложе. Он шмякнул на прилавок две деревянные тарелки, швырнул приборы, посмотрел на Майю так, словно размышлял, не заразна ли она, и пошел к другому концу стойки принять заказ.

— Ну и фрукт! — бросила мне Майя. — Но со стариком все в порядке. — И она оглядела свою тарелку.

Фирменное блюдо выглядело как жареная трава на клумбе из бланшированных опарышей, приправленных слизистым соусом с ломтиками поганок и волосками черного меха.

— Неудивительно, что все вегетарианцы такие мерзкие, — пробубнил я себе под нос.

Майя набросилась на еду.

— А знаешь, недурно, — сказала она, остановившись перевести дыхание.

Я подцепил пару грибов из своей тарелки. Она оказалась права. Но я не собирался признавать это вслух, тем более при свидетелях. Поэтому я пробормотал:

— Клин тоже не сокровище. Он тащит людей на реку, привязывает к ногам булыжники, окунает бедолаг в воду и предлагает сплавать наперегонки до берега. Он обещает отпустить их, если они его обгонят. Я слыхал, некоторые его жертвы машут руками как мельницы всю дорогу до самого дна.

Майя проверила, не шучу ли я. И увидела, что не шучу. Ну, может, я немного преувеличил, но Клин вовсе не славный малый. Славные люди на Морли Дотса не работают.

Она снова прочла мои мысли.

— Где-нибудь еще остались приличные люди?

— Конечно. Просто их не часто встретишь.

— Назови двух, — предложила она с вызовом.

— Дин. Моя подруга Тинни Тейт. Ее дядя Уиллард. Мой друг по прозвищу Плеймет.

- Достаточно.
- Не говоря уж о том, что я довольно высокого мнения о себе.
- Не сомневаюсь. Я сказала, хватит, Гаррет. Забудь, что я спросила. Ты собираешься это доедать? А то я возьму.

Я подвинул к ней свою тарелку. И как в нее столько влезает?

Клин вернулся с самым омерзительным крысотипом, какого я только видел. В нем было много от крысоловей старого образца: длинные усы, вытянутая морда, клочья шерсти, четырехфутовый хвост. Его соплеменники были потомками жертв неудачного эксперимента, проведенного два столетия назад. Тогда магия жизни разбушевалась вовсю, и любой, кто с грехом пополам мог проромтать мало-мальски удачное заклинание, пытался создавать новые виды. Никого из тех горе-колдунов сегодня не помнят, но их создания и по сей день с нами. Они обожают пугаться с крысами.

Я горжусь широтой своих взглядов и отсутствием предубеждений, но я всегда предпочитал общество, куда крысоловей не допускают. Не люблю я их. И никто из них не сделал ничего, что бы заставило меня изменить свое отношение.

— Это Свин, Гаррет, — представил Клин. — Лучшая ищечка, какую можно найти. И он сейчас не занят.

Я кивнул Свину и попытался запихнуть подальше свое предубеждение.

— Клин сказал, что от вас потребуется?

Свин кивнул:

— Выследить раненого двуногого. Выяснять, куда поссол. — В сущности, я знаю, где начинается след. Вам будет нетрудно справиться.

— Две марки — стандартная цена. Я приведу вас к концу следа. Мое дело — только след. Никаких драк. Никаких подсобных работ. Только след.

— Меня это устраивает. — Я вытащил две марки серебром.

Объявился Морли. Он облокотился на стойку рядом со мной и оглядел Майю:

— Не слишком ли молоденькую ты подцепил?

— Это Майя, моя добровольная помощница и ученица. Майя, это знаменитый Морли Дотс.

— Я очарована. — Она окинула его беглым взглядом: — Он твой друг, Гаррет? — Ей было прекрасно известно, кто он такой.

— Временами.

— Ты собираешься пригласить его на свадьбу?

Вот это подсечка!

Морли отреагировал немедленно:

— Какая свадьба?

— Наша, — сказала Майя. — Я решила выйти за него замуж.

Морли ухмыльнулся:

— Не пропущу такое зрелище даже за баржу, груженную золотом. — Я видывал жаб с более бесстрастными физиономиями. Держу пари, мой зубовный скрежет был слышен аж до самого порта.

— Майя Гаррет? — задумчиво произнес Морли. — Эвучит великолепно. — Он посмотрел на крысотипа. — Как поживаешь, Свин? Я думал, ты ничем не занимаешься, Гаррет. — Его прямо корчило от попыток сдержать смех.

— Не занимался. До сегодняшней ночи. Кто-то укокошил Шныря Пиготту. Я хотел бы спросить их, за что.

Моя новость стерла ухмылку с его рожи.

— Ты принял это близко к сердцу? — Морли считает, что я все принимаю близко к сердцу.

— Шнырь был неплохим парнем, но не близким моим другом. Просто я хочу знать, почему его убили именно там, где убили.

Морли ожидал, что я расскажу ему, где и когда. Я его разочаровал.

— Вы готовы? — спросил я Свина. — Тогда пошли.

Майя заглотнула остатки моего сельдерейного напитка и отвалилась от стойки. Она learned самодовольством.

— Не возражаешь, если я к вам пристроюсь? — спросил Морли.

— Нисколько. — Он мог пригодиться, если мы наравемся на неприятности.

18

Я ожидал, что друзья покойного подберут его, но, когда мы добрались до этой чертовой мышеловки, именуемой проулком, он по-прежнему лежал в непринужденной позе, словно подзаборный пьяница.

— Они оставили его там, где он окочурился, — объяснил я. — С ним был по меньшей мере еще один раненый.

Свин хрюкнул и начал принюхиваться.

— Морли, я хочу тебе кое-что показать. — Я вручил Майе фонарь и стянул с мертвеца штаны.

— Что, какой-то новый вид извращения? — полюбопытствовал Морли.

— Погляди, ты видел что-нибудь подобное?

Морли умолк надолго. Наконец он поежился и покачал головой:

— Нет. Никогда ничего похожего не видел. Омерзительно. Как ты догадался?

— Это пятый за сегодняшний день. Все оттяпано начисто. — Я не стал вдаваться в подробности.

— Почему, черт побери, они позволяют проделывать с собой такое?

- В этом мире полно психов, старины.
- Вот уж не думал, что можно быть до такой степени психом.
- Просто у тебя думалка не работает.
- Ха! Сам дурак!
- Эй! Вы готовы? — оскорблённо спросил крысотип.
- Если готовы вы, — отозвался я.
- Отсюда уссол один двуногий. Он ранен, как вы и предполагали. — И Свин побежал вперед на всех четырех. Его ноги подворачивались, словно задние лапки у кузнецика. Он сопел, бормотал что-то себе под нос и несся аллюром, рыча на Майю, чтобы та потушила этот чертов свет.

След поворачивал на юг. Через полторы мили мы оказались в более приличной части города, не такой богатой, как Холм и окрестности, цепляющиеся за его юбки, но определенно заселенными людьми зажиточными.

У меня появилось ощущение, будто я упустил нечто важное. Я чувствовал, что мне известна какая-то существенная деталь, но не мог вспомнить, какая именно. Я принял мысленно перетряхивать весь свой багаж.

Мне бы давно следовало понять, что такого рода усилия ни к чему не приводят. Через минуту у меня в мозгах царил полный хаос.

Мы настигли свою дичь в другом переулке.

— Мертв как бревно, — объявил Свин. — Часа два как окочурился.

— Он был один? — спросил Морли.

— Я говорил вам, что он был один? — оскорбился Свин. — Говорил. Он был один.

— Ну-ну, полегче.

Майя обыскала тело. Я не стал возиться в прошлый раз, решил, что это пустая трата времени. Майя ничего не нашла.

— Не знал я, что старик Пиготта на такое способен. Он всегда был болтуном. Мог заболтать кого угодно. Поножовщина не его стиль, — заметил Морли.

— Не думаю, что на сей раз ему дали возможность поговорить.
 — Что будем делать теперь, Гаррет? — спросила Майя.
 — Не знаю. — Я предпочел бы пойти домой и отоспаться.

Мы явно зашли в тупик. — Можно пойти дальше. Вдруг на-
 рвемся на что-нибудь интересное.

— Впереди ничего нет, кроме Мертвой Зоны, Страны Грэз
 и Трясины Отчаяния, — сказал Морли.

Так в просторечии называют поселение дипломатов, район,
 где скучены главные храмы основных религий Танфера, и непри-
 ступный остров, где городские власти устроили два работных
 дома, тюрьму, сумасшедший дом и отделение Блэдсовской бла-
 готворительной больницы. Трясина окружена высокой стеной, не
 столько для того, чтобы помешать свободному перемещению го-
 рожан в обоих направлениях, сколько для того, чтобы не оскор-
 бить взор прохожего, направляющегося в Мертвую Зону или в
 Страну Грэз.

Конечно, дальше, на Южной Стороне, были заводы и ярма-
 рочные площади, верфи, акры и акры кладбищ и большая часть
 городских объектов карентийской армии. Но, кажется, я уловил
 мысль Морли.

Скорее всего наши мертвые психи — порождение одного из
 трех названных районов. Трудно решить, который из них боль-
 ше подходит на роль обиталища полоумных.

— Тот, кто послал этих типов, наверное, недоумевает, что с
 ними стряслось, — сказал я. — Я возвращаюсь туда, где при-
 кончили Пиготту. Посмотрю, не объявится ли кто-нибудь.

Майя одобрила мою идею. Морли пожал плечами:

— У меня был тяжелый день. Я собираюсь хоть немного
 поспать. Если выяснишь что-нибудь интересное, Гаррет, мне бы
 хотелось об этом услышать. Ты со мной, Свин?

Крысотип хрюкнул.

И тут меня осенило. Свершилось!

— Подождите. Я хочу, чтобы вы взглянули на одну вещь. Вы все.

— Я достал свою карту с монетами.

— Посвяти сюда, Майя.

— Храмовая чеканка, — объявил Морли. — Какого храма, сказать не могу.

Майя и Свин тоже не сумели добавить ничего нового.

— Они имеют отношение к делу? — поинтересовался Морли.

— Не к этому. Они имеют отношение к поганцу, который натравил на меня Снежка. Такими он расплачивался.

Морли сложил губы в трубочку:

— Сходи в Королевскую Пробу. Им положено хранить образцы частной чеканки.

Хорошая мысль. Жаль, что не моя. Я поблагодарил Морли и пожелал ему доброй ночи.

19

Мы с Майей в молчании побрали обратно. Майя вымоталась не меньше моего.

Я пытался сохранять бдительность. Для чако было уже поздновато, но я шел через город с атаманшей Рока в опознавательных знаках. Если ее заметят, беды не миновать.

Нам попадались главным образом крысолюди, подметающие улицы, убирающие мусор, высматривающие все, что плохо лежит. Должен признать, они тоже приносят пользу, выполняя работу, за которую больше никто не хочет браться.

Я подошел к ступенькам, где мы с Майей сидели, когда Джилл принесла дурную весть. Луна переместилась. Теперь ступеньки находились в тени, зато дом Джилл отчетливо вырисовывался в столбе голубоватого света. Я сел и стал наблюдать за входом.

Майя пристроилась рядом. Похоже, она не намеревалась отправляться в свое логово. После недолгого молчания она спросила:

— Вампиры в самом деле пытались тебя убить?

— Чертовски на то похоже. — Я пожал плечами. — Теперь это не имеет значения.

— Да? Этот Снежок — чокнутый. Он от тебя не отстанет. Она шутит?

— Уже отстал. Он действительно мертв, Майя.

Она смерила меня очень странным взглядом и надолго умолкла. У меня иссякло терпение. Такое со мной не часто случается, но сейчас я устал.

— Пойду туда. Посмотрю, что произошло, пока мы блуждали.

Майя последовала за мной. Она едва передвигала ноги. В восемнадцать лет? После нескольких часов прогулки? Черт, да кто из нас ветеран?

Как и прежде, мы без труда проникли в дом с улицы. Стоило бы это проверить, но если я угадал профессию здешних обитательниц, дом принадлежит Чодо. Он выяснит, кто подослал сюда убийц, и для кого-то настанут тяжелые времена. Силы Большого Босса ни перед чем не остановятся. Они делают свое дело с упорством и высокомерием сборщиков налогов. От них не откупишься и не скроешься.

В доме царила тишина. Содержатели отправились домой, в менее приятную компанию. Содержанки спали, и в их хорошеных головках метались видения роскошных подарков.

Мы поднимались медленно и осторожно. В прошлый раз путь освещали лампы на лестницах, но сейчас мы шли в полной темноте. Скорее всего лампы погасил смотритель.

Мы добрались до двери Джилл. Я прислушался. Ничего. Я толкнул дверь. Она распахнулась, как и положено, бесшумно. Я сунул голову внутрь.

Все лампы, кроме двух, выгорели, но и те недолго оставались с нами. Я не увидел ни единого свидетельства, что кто-то побывал здесь после нас.

— Посмотри, не удастся ли тебе найти немного масла, — сказал я Майе.

Пока она занималась поисками, я проверил трупы. Они никуда не делись.

Майя заправила лампы.

— Я пока общарю квартиру. Эти парни что-то искали, но не нашли.

— Откуда ты знаешь? — Она подожгла фитиль.

— При них ничего не было, когда мы их обнаружили. А мы насчитали всех. Так что либо эта штуковина здесь, либо ее здесь не было с самого начала. — Так я по крайней мере думал. Надеялся.

— О!

— Я начну с этой комнаты, чтобы мы могли потушить свет. Пригляди за улицей. Если кто-нибудь появится, свистнешь.

Я устроил в комнате настоящий погром. Джилл рассвирепеет, если узнает. Я ей ничего не скажу. Пусть думает на нехороших мальчиков.

Я ломал мебель в поисках тайников. Но не нашел даже клопиного гнезда. И Майя никого не увидела на улице.

— Встань подальше от окна, чтобы луна не светила на лицо. — Я вспомнил слова Майи о лице, которое она видела в окне предположительно пустой квартиры. Возможно, туда тоже стоит заглянуть.

— Ладно.

— Устала? — определил я по голосу.

— Да.

— Я постараюсь побыстрей.

— Можешь не беспокоиться. Я не засну.

Я на это надеялся. Мне не нужны сюрпризы, вроде того, что поджигал Шныря.

Я принялся за прихожую. Единственное, что мне удалось обнаружить, — это патологическую неспособность Джилл рас-

статься со своим добром. Барахольщики бывают двух типов — сентиментальные, которые хранят все ради преданности прошлому, и бывшие бедняки, которые цепляются за свой хлам как за охранную грамоту против призрака нищеты. Я отнес Джилл к последним.

После прихожей я перешел на кухню. Здесь я узнал, что Джилл не ела дома. Больше того, по мере продвижения по квартире, несмотря на кучу барахла в прихожей, у меня крепло подозрение, что Джилл на самом деле и не жила здесь, а просто хранила свое добро и с кем-то встречалась.

Я тянул с обыском спальни, пока не потерпел поражение во всех жилых помещениях. Мне не хотелось перешагивать через Шныря. Это лишний раз напоминало, что для ребят вроде нас жизнь — чистая лотерея. Такие мысли не располагают к усердию в работе.

Но я пересилил себя и пошел туда. Сначала я ограничился поверхностным осмотром. А вдруг повезет?

Не повезло. Я, собственно, и не особо рассчитывал. Мне везет только на неприятности.

Я взялся за дело основательно.

Опять ничего.

Что ж, Джилл не производила впечатления дурочки. А она получила кучу штормовых предупреждений.

Я задумался, не захватила ли она эту чертову штуку с собой, ко мне домой. Я не следил за ее сборами. Конечно же, унесла, если это — чем бы оно ни было — находилось здесь и не было слишком громоздким.

Выходит, я просто потратил впустую несколько часов, вместо того чтобы отправиться спать?

Только одна находка вызвала более чем мимолетный интерес.

У кровати стоял небольшой комод. Дорогая вещица. Верхний ящик имел всего два дюйма в глубину. Джилл складывала туда разные монеты, в основном мелочь. Тут было не меньше

фунта меди. Для нее, вероятно, металлом, хотя я энавал типов, которые свернули бы шею и за меньшее.

Я сел на кровать, положил ящик на колени и стал копаться в его содержимом. Тут попадались не только медяки. Где-то одна из двадцати монет была серебряной, достоинством в одну десятую марки.

Смесь была разнородной — старые монеты и новые, королевской чеканки и частной. Может быть, намекнуть Майе, какие залежи здесь встречаются?

Ого! Новенькая блестящая монетка, родная сестра медной денежки на карте в моем кармане. Жемчужина чеканного искусства. Я выудил ее из ящика.

Конечно, это ничего не значило...

— Гаррет! — крикнула Майя.

Я запихнул ящик в комод и направился в переднюю комнату.

— Что-нибудь углядела?

— Посмотри.

Я выглянул в окно. По улице дефилировали шестеро мужчин, поглощенных занимательной беседой. Они старательно не замечали дома, у которого кружили.

— Как мы выберемся? — поинтересовалась Майя.

— Никак. Продолжай наблюдать. Я буду в холле. Дай мне знать, когда они войдут. — Я схватил лампу, бросился через холл к двери напротив, сел на корточки и принялся работать перочинным ножом.

Майя появилась в тот момент, когда я открыл дверь.

— Четверо вошли.

Я потушил лампу и двинулся вперед в темноте, предположив, что здешняя планировка — зеркальное отражение планировки квартиры Джилл. Я шел медленно, опасаясь нападения со стороны притаившейся мебели.

Я преодолел около восьми футов, когда почувствовал смачный пинок под зад. Я ничего не увидел, только услышал шаги и

виэг Майи, когда кто-то промчался мимо нее. Я сражался с креслом-людоедом о четырнадцати руках и ногах.

— Закрой дверь. Тихо.

Майя подчинилась.

— Что будем делать?

— Сидеть тихо и надеяться, что они сюда не вломятся.

Оружие есть?

— Нож.

Он всегда при них. Для чако нож — часть их существа. Без него они превращаются в обычных горожан.

— Ты рассмотрела этого типа?

— Не совсем. Он лысый. И что-то тащил. Угол этой штуковины врезал мне по титьке. По-моему, я заорала.

— Не говори так.

— Что я такого сказала?

— Ты знаешь... Тсс! — Они были в холле. Они старались двигаться бесшумно, но попробуйте не шуметь, когда вторгаетесь на незнакомую территорию в темноте.

— Еще у него был чудной нос, — прошептала Майя.

— Что значит — чудной?

— Большой и кривой. Наверное, сломали когда-то.

— Тсс.

Мы ждали. Спустя некоторое время я послал Майю к окну на случай, если они уйдут неслышно, а сам устроил засаду у двери: вдруг они решат вломиться. Я гадал, что стало с парнем, который отсюда удрал. Ежели он был одним из них, к нам бы уже пожаловали гости. Если бы он на них наткнулся, мы бы наверняка услышали шум.

Ждали мы долго. Небо уже начало светлеть, когда Майя сказала:

— Они уходят.

Я выглянул в окно. Два самых крупных типа несли по одному трупу полегче. Два других волокли труп потяжелее. Вся группа быстро скрылась из виду.

Я решил, что лучше последовать их примеру. Взял потухшую лампу и отправился в квартиру Джилл. Конечно же, только для того, чтобы зажечь лампу.

Я отсутствовал так долго, что Майя впала в панику.

— Они убрали квартиру, — сообщил я ей, когда вернулся. — Там все выглядит так, будто ничего не произошло.

— Зачем им это?

— Скажи мне, и мы оба будем знать.

— Ты собираешься выслеживать этих типов?

— Их шестеро, а я один. Они сильно нервничают сейчас, можешь мне поверить. Я знаю, что говорю. Если боги дали им хотя бы куриные мозги, они быстренько избавятся от груза и разбегутся. И потом я так устал, что просто не в состоянии искать на свою голову неприятностей. Самое разумное, что мы можем сделать, — это лечь спать.

— Значит, ты просто собираешься на все махнуть рукой? — В ее голосе появились характерные звенящие нотки.

— А тебе какое дело?

— Как же я буду учиться?

— Здесь тебе не аудитория, Майя. — Это доказывало, до какой степени я устал.

Она дернулась, как от пощечины. После этого она уже ничего не говорила.

Через минуту я оглянулся. Майи со мной больше не было.

Я поморщился от отвращения к себе. Я не имел права топтать ее. Хватит с нее того, что этим занимается весь остальной мир.

20

Я проспал до полудня. Когда я выполз на кухню, то обнаружил там Джилл Крайт с Дином. Они болтали, словно старые подружки, не видевшиеся много лет.

— Что вы выяснили прошлой ночью, Гаррет? — жизнерадостно поинтересовалась Джилл.

Дин выжидательно посмотрел на меня. Я ничего не рассказал ему на рассвете, когда он впустил меня в дом. Я рычал, фыркал и бил копытом всю дорогу до самой постели. Так что он знал только ту часть истории, которую поведала ему Джилл.

— Целую кучу ничего, — проворчал я и плюхнулся в кресло. Кресло тяжкнуло на меня в ответ. — Проклятый Шнырь чертовски хорошо сопротивлялся. Оба парня, которым удалось оттуда выбраться, преставились прежде, чем добрались до места.

Дин налил мне чаю:

— Мистер Гаррет немного ворчлив до завтрака.

Я растянул губы в замечательном оскале.

— Не трудитесь так, Гаррет, — сказала Джилл. — Я и без того знаю, что вы волк.

— У-у-у!

Она засмеялась. Это меня удивило. Снежным Королевам не положено иметь чувство юмора. Это есть где-то в учебниках.

— Итак, все они мертвы. Значит, все кончилось?

— Нет. Они не нашли того, за чем приходили. Но тут уж сами разбирайтесь. Теперь это ваши трудности.

Дин принес мне блюдо с грудой подогретых бисквитов, горшочек меду, масло, яблочный сок и еще чашку чаю. Легкая утренняя закуска для босса. Но этим утром гостья босса ела лучшие хозяина.

Джилл подняла на меня глаза:

— Вы сказали, Шнырь слишком хорошо постарался. Кто такой Шнырь?

На этот раз я дал маху. Придется впредь следить за своим языком. Этой птичке палец в рот не клади.

— Шнырь Пиготта. Тощий мертвец в вашей квартире. Он занимался приблизительно тем же бизнесом, что и я. Вы ему платили — он разыскивал пропажу или улаживал другие дели-

катные дела. В своей области он не знал равных, но удача ему изменила.

— Вы были знакомы?

— В нашем деле не так уж много народа. Все мы друг друга знаем.

Дин бросил на меня подозрительный взгляд. Старика так просто не проведешь.

Джилл ненадолго задумалась:

— Вы не можете предположить, на кого он работал?

Была у меня одна догадка, и я собирался ее проверить.

— Нет.

— Похоже, придется мне снова прибегнуть к вашим услугам. Я не могу так жить.

— Вы когда-нибудь пробовали бегать по лесу в темноте?

— Нет. А что?

— Это очень неприятно. То и дело что-нибудь хлещет по физиономии. Блуждание в потемках может плачевно сказаться на здоровье. Я не бегаю в темноте.

Она поняла намек. Я ни под каким видом не стану на нее работать, если она не расскажет мне, что происходит.

— И в любом случае у меня есть более неотложные дела.

— Какие же?

— Кто-то пытался меня убить. Я хочу выяснить, кто.

Она не стала меня уговаривать.

— Найдите Плоскомордого Тарпа. Он, конечно, не гений сыска, но вашу безопасность обеспечит. Вы думали, что могло бы произойти, если бы вы оказались дома, когда заглянули эти ребята?

По ее лицу я видел, что думала. И это ее нервировало.

— Держитесь за Плоскомордого. — Я встал. Я рассказал ей, где найти Тарпа. — Дин, если вдруг покажется Майя, передай, что я прошу у нее прощения за свой длинный язык. Я на минуту забыл, с кем разговариваю.

Физиономия Дина приобрела постное выражение, и я понял, что он собирается произнести нечто неприятное.

— Мистер Гаррет? — Вот оно, веское доказательство. Скверные новости, очень скверные. — Мисс Тейт заходила утром.

— Да?

Он окончательно сник:

— Я... э...

— Что она сказала?

— Ну, я... э... Словом, Джилл... мисс Крайт открыла дверь. Мисс Тейт ушла прежде, чем я смог объяснить ей, в чем дело.

В этом она вся, моя мальшка Тинни. Она поддерживает свою великолепную форму с помощью энергичнейших упражнений, перескакивая от одного неверного умозаключения к другому.

— Благодарю тебя. — Трюк с поднятой бровью потрачен впустую. — Я ухожу. — Так я и поступил.

Я стоял на крыльце и гадал, что еще сегодня пойдет у меня наперекосяк.

Сейчас у меня две возможности — либо пойти в Королевскую Пробирную Палату и выяснить происхождение храмовых монет, либо отправиться в Страну Грэз к Магистру Перионту и получить ответ на вопрос, который мучил меня с тех пор, как я наткнулся на Шныря.

Еще я мог разыскать Тинни. Но сейчас безопаснее было бы апеллировать к голодному громовому ящеру.

С первого взгляда Королевская Проба представляла для меня более насущный интерес, но... Я достал монетку, которую стянул из комода Джилл, и подбросил ее щелчком большого пальца. Отлично. Выпал Великий Инквизитор.

И я побрел. Хотя я шаркал ногами и выглядел со стороны рассеянным чудаком, погруженным в свои мысли, бдительности я не терял. Я заметил, например, что небо нахмурилось и что холодный ветер вел себя как выводок котят, напавший на листья и мусор. Насколько я мог судить, больше замечать было нечего.

21

Четтери, кафедральный собор, он же бастион Церкви, расположен в сердце Страны Грэз. Я разглядывал его с другой стороны улицы. Сколько же миллионов марок потребовалось, чтобы воздвигнуть это известняковое чудовище? И сколько еще уходит на его содержание?

В городе, где уродов привыкли встречать на каждом шагу, мастеровым пришлось здорово поднапрячься, чтобы Четтери вызывал страх. Десять тысяч сказочных чудовищ скалились и рычали со стен собора — видно, отбивали атаки Греха. Эти милые зверушки олицетворяли полчища второразрядных демонов, любовно изобретенных Церковью. Уродцы делали свое дело. Когда я двинулся к ступеням собора, по спине у меня бегали мураски.

Ступеней насчитывалось сорок. Они окружали собор со всех сторон. И каждая из них имела собственное название. Сам собор начинался в тридцати футах над уровнем улицы. Взмывающие ввысь шпили были украшены завитушками и безобразными мальчиками. Все ступени имели разную длину и ширину. Наверное, это здорово осложняло жизнь толпам недружелюбно настроенных посетителей, спешащих заглянуть на огонек. Да, Страна Грэз зневала дни, когда конкуренция между сектами была не столь напряженной.

Предполагалось, что темницы, где Магистр Перидонт, по общему мнению, предается своим небезобидным забавам, находятся в катакомбах подвалов под ступенями.

На полпути наверх я встретил старого священника. Он улыбнулся и благожелательно кивнул. Старик относился к редкой разновидности служителей Церкви, которые оправдывали в моих глазах существование духовенства. В итоге они остаются у подножия иерархической лестницы всю свою жизнь.

— Извините, отец, — обратился я к нему. — Вы не знаете, как мне найти Магистра Перидонта?

Внимательно оглядев меня, он убедился, что я не прихожанин. Это его озадачило.

— Именно его, сын мой?

— Да. Он пригласил меня к себе, но я никогда прежде здесь не бывал. Я не знаю, куда идти.

Священник странно на меня посмотрел. Видно, ему не каждый день встречаются люди, рвущиеся повидать Великого Инквизитора. Он обрушил на меня поток тарабарщины на церковном жаргоне. Ценой немалого умственного напряжения я догадался, что мне следует обратиться к дежурному охраннику при входе в собор.

— Благодарю вас, отец.

— Не за что, сын мой. Всего хорошего.

Я дотащился до дверей и оглядел Страну Грэз сверху. Ближайшим соседом Церкви был ее злейший враг. Громада базилики и цитадели Ортодоксов начиналась в сотне ярдов к западу от Четтери. Ее купола и башни угрюмо возвышались над примыкающим парком. У храмов других сект сновали люди, а там не было никакого движения. Тихо, словно в осажденном городе. Я всегда подозревал, что скандалы вредят бизнесу.

Я вступил под мрачные своды Четтери, нашел охранника и разбудил его. Ему это не понравилось. Еще меньший восторг вызвала у него моя просьба.

— Чего вы хотите от Магистра?

— Около двадцати минут.

До него не дошло. Потому-то он и прозябал в охранниках. На остальное не хватало мозгов. Трудно представить такого приходским священником. Он нахмурился. Набежавшие на лоб складки могли бы посоперничать с горной страной. Он пришел к выводу, что я валяю дурака. Ему это не понравилось.

— Мы с Магистром — старые приятели. Передайте ему, что пришел Гаррет.

Над первой горной страной поднялась вторая. Старый приятель Великого Инквизитора? Низколобый счел за лучшее проявить осторожность. Пока не придет сигнал вышибить меня пинком под зад.

— Я передам ему, что вы здесь. Подмените меня пока. Не разрешайте никому ничего выносить. — Он посмотрел на меня с сомнением — видно, прикидывал, не разграблю ли я алтарь.

Неплохая мысль, если придумать, как смыться с награбленным. Чтобы вывезти отсюда добро, понадобится несколько караванов.

Охранник удалился. Я слонялся у входа, сияя улыбкой. Завсегдатай сбивались с шага и хмурились, когда я говорил:

— Я тут новенький. Не обращайте на меня внимания. — Глуповатая улыбка очень выручала.

Охранник вернулся в замешательстве. Его мир перевернулся. Он ожидал, что Перидонт прикажет спустить меня со всех сорока ступеней.

— Мне велено проводить вас.

Я последовал за ним, удивляясь, что все оказалось так просто. Шагал я осторожно. Когда все просто, нельзя ходить босиком — в траве обязательно окажется гадюка.

Я не увидел никаких узников, не услышал воплей отчаяния. Но я не сомневался, что наш путь лежит в мрачные сырье подземелья, наводненные крысами. Какое же меня ждало разочарование!

Низколобый привел меня к бледнолицему лысому типу с крючковатым носом. На вид ему было лет пятьдесят.

— Это тот парень. Гаррет.

Ястребиный Нос смерил меня подозрительным взглядом:

— Очень хорошо. Я сам провожу его к Магистру. Возвращайтесь на свой пост. — Его голос напоминал сипящее дребезжание, будто кто-то играл на сломанной шарманке. Я посчитал,

что он один из тех весельчаков, которые потешаются вовсю, ломая жертвам пальцы и выдергивая ногти.

— Зачем вы хотите видеть Магистра? — злобно спросил он.

— А вам надо об этом знать?

Мой вопрос вывел его из равновесия. Похоже, он действительно сунул нос не в свое дело.

Он отвел взгляд, справился с собой и сгреб бумаги с секретера:

— Следуйте за мной, пожалуйста.

Мы пошли лабиринтом коридоров. Я попытался прикинуть, не тот ли это тип, который налетел на нас с Майей прошлой ночью. Волос нет, нос — чудной, только вот рост не подходит. Тот был чуть ли не на фут ниже.

Мой провожатый постучал в дверь:

— Самсон, Магистр. Я привел Гаррета.

— Впусти его.

Он подчинился. За дверью оказалась просторная комната, футов двадцать на двадцать, удивительно веселенькая для подземного склепа. Вкусы Магистра Перидонта нельзя назвать аскетичными.

— Неплохо вы устроились, как я погляжу.

Ястребиный Нос поджал губы, передал свои бумаги Перидонту, поклонился и поспешил вышел, закрыв за собой дверь.

Я ждал. Перидонт молчал.

— Ваш Самсон — жуткий тип, — сказал я.

Перидонт положил бумаги на стол (двенадцать футов в длину, четыре в ширину). Они исчезли в груде бумажного хлама.

— Самсон малоприятен в общении, это правда. Но у него множество достоинств. Итак, вы передумали?

— Возможно. Мне необходимо получить некоторую информацию, прежде чем я приму окончательное решение. Похоже, у меня появилась личная заинтересованность.

Он пристально посмотрел на меня. Что-то я сегодня всех озадачиваю.

— Раз так, задавайте вопросы. Буду рад увидеть вас в своей команде.

Я никогда не доверяю тем, кто набивается мне в приятели. Им вечно нужно от меня что-то, чего я не хочу отдавать.

Я показал Перидонту монеты:

— Вы видели такие?

Перидонт полминуты изучал монеты, потом снял очки:

— Нет, к сожалению. Они имеют отношение к нашему делу?

— Не знаю. Я надеялся, что вы припомните, кто их делает.

Они храмовой чеканки.

— Странно, не правда ли? Я должен был бы их видеть. — Он снова водрузил очки на нос и посмотрел на монеты. Потом протянул карту мне: — Любопытно.

Я рискнул:

— Теперь по существу. Вы наняли кого-нибудь, когда я отклонил ваше предложение?

Он всесторонне обдумал этот вопрос, прежде чем ответил утвердительно.

— Не Шныря ли Пиготту, часом? Уэлсли Пиготту?

На сей раз он не ответил.

— Нас не так уж много. Все мы друг друга знаем. Шнырь Пиготта удовлетворял вашим требованиям. И он взял нового клиента почти сразу же, как мы с вами рас прощались.

— Это важно?

— Если вы его наняли, вам не повезло. Вы остались без помощника. Он позволил убить себя прошлой ночью.

Бледность и растерянный взгляд Перидонта были ответом на мой вопрос.

— Расскажите мне, как это случилось. И когда вам стало известно.

— Когда: вчера вечером, после наступления темноты. Где: в квартире на Шиндлоу-стрит. Кто — не могу сказать. Их было

четверо. Никто не выжил. Мне сообщила о случившемся особа, которая обнаружила тела. Она хотела знать, что с ними делать.

Перидонт задумчиво хмыкнул. Я ждал.

— Вы поэтому пришли? Из-за смерти Пиготты? — спросил он.

— Да. — Отчасти это была правда.

— Он был вашим другом?

— Знакомым. Мы уважали друг друга, но сохраняли дистанцию. Мы знали, что однажды можем столкнуться на узенькой дорожке.

— Тогда я не вполне понимаю вашу заинтересованность.

— Кто-то пытался меня убить. Меня и Шныря разом, — я не верю в такие совпадения. Я поговорил с вами, и меня пытались убить. Вы наняли Шныря, и его прикончили. Мне интересно, почему, но еще интереснее — кто.

— Превосходно. Если, конечно, вас пытались убить люди, виновные в смерти Пиготты.

— Так кто это сделал?

— Боюсь, я не успеваю следить за ходом вашей мысли, мистер Гаррет.

— Тут все просто. Если кто-то так отчаянно хочет насолить вам, что готов убить каждого, с кем вы беседуете, вы должны его знать. Вряд ли их столько, что вы не в состоянии выбрать одного из толпы.

— К сожалению, не в состоянии. Когда я пытался нанять вас, я упоминал, что подозреваю о существовании каких-то сил, стремящихся дискредитировать Веру, но у меня нет ни единой нити, которая вела бы в конкретном направлении.

Я проделал свой трюк с бровью в его саркастическом варианте. Никакого впечатления. Придется научиться шевелить ушами.

— Если вам нужно, чтобы я кого-то или что-то нашел — Хранителя и Моши, например, — вы должны мне дать какую-нибудь зацепку. Не могу же я просто вопить: «Где вы, черт бы

vas побрал?» Искать кого-то — все равно, что распускать старый свитер. Тянешь за конец нити, пока все не размотаешь. Но нужно иметь этот кончик. Что вы сообщили Шнырю? Почему он оказался там, где его убили?

Перидонт встал и принял бесцельно бродить по комнате. Он живет на другой планете. Он глух ко всему, чего не хочет слышать. Или нет?

— Я встревожен, мистер Гаррет. Вы человек со стороны, и вам непонятна вся страшная подоплека того, что происходит. Но она существует и, к сожалению, связывает мне руки и накладывает печать на мои уста. В данный момент.

— О? — Я предоставил своей талантливой брови последний шанс. Снова безрезультатно.

— Мне нужна ваша помощь, мистер Гаррет. Очень нужна. Но в свете того, что вы мне рассказали, дело принимает новый оборот. Вопреки общему убеждению я не закон самому себе. Я только дерево в лесу иерархии.

— Высокое дерево.

Он улыбнулся:

— Да. Высокое. Но одно. Я должен посоветоваться с равными себе и попросить их определить нашу стратегию. Свяжитесь со мной через несколько часов. Если они захотят продолжать, я предоставлю вам всю информацию, имеющуюся в моем распоряжении. Каково бы ни было решение, я дам вам знать. Я прослежу, чтобы вам заплатили за время, которое вы уже потратили.

Очень любезно с его стороны. И как только такой славный малый приобрел такую мерзкую репутацию?

Он был любезен, поскольку не мог получить желаемого, бросив меня в камеру и загоняя мне под ногти иголки.

— Придется мне отправиться на собственную охоту, — заключил я.

— Я пришлю весточку к вам домой. Но прежде, чем вы уйдете...

Я его перебил:

— Имя Джилл Крайт вам что-нибудь говорит?

— Нет. А должно?

— Не знаю. Шныря убили в квартире, которую занимает некая Джилл Крайт.

— Понятно. Вы не подождете минутку? — Он открыл шкафчик. — Я не хочу потерять еще одного человека. Вы должны кое-что у меня взять. Это оградит вас от сюрпризов вроде того, что стоил жизни Пиготте. — Рука Магистра зависла над сотней небольших флаконов и склянок. Он коснулся нескольких и выбрал три.

Он поставил их в ряд — трех разноцветных солдатиков: синего, рубинового и изумрудного. Каждый флакон не превышал двух дюймов в высоту. Все они были плотно закупорены пробковыми затычками.

— Плод многолетних трудов и моего магического искусства. Воспользуйтесь синей бутылочкой, когда вам будет на руку всеобщее замешательство и неразбериха. Зеленую приберегите на случай, когда единственным выходом будет смерть. Разбейте склянки или просто откроите их. Это не имеет значения.

Перидонт глубоко вздохнул и бережно приподнял красную бутылочку:

— Это — тяжелая артиллерия. Будьте осторожны. Она смертоносна. Бросьте ее на твердую поверхность по меньшей мере на пятьдесят футов от себя. Ни в коем случае не ближе. Бегите прочь, если будет возможность. Запомнили?

Я кивнул.

— Берегите себя. Я хочу через двадцать лет пропустить с вами рюмку-другую за воспоминаниями о скверных старых деньках.

— Осторожность — мое второе имя, Магистр. — Я аккуратно убрал бутылочки туда, откуда мог их быстро выхватить при необходимости. Гаррет никогда не смотрит дареному коню в зубы. Мало ли что может пригодиться при моей профессии.

Я украдкой заглянул в шкафчик. Интересно, на что способны остальные склянки? Каких только цветов там не было!

— Спасибо. Не провожайте меня, я найду выход. — У самой двери я выстрелил в него последним вопросом: — Вы когда-нибудь слышали о секте, кастрирующей своих верующих? Отрезают все начисто, не только яички.

Перидонт побелел. Я не преувеличиваю, он действительно стал белым. На секунду я подумал, что ему изменит самообладание, но он сдержался и никакой другой реакции не последовало.

— Нет, — солгал он. — Омерзительный ритуал. Это важно?

Ну что же, ложь за ложь.

— Нет. Просто зашел как-то вечером разговор в мужской компании. Все основательно нагрузились. Кто-то упомянул, что слышал нечто такое от кого-то, узнавшего об этом от кого-то еще. Знаете, как начинаются подобные разговоры? Невозможно выявить источник.

— Знаю. Всего хорошего, мистер Гаррет. — Неожиданно ему очень захотелось от меня избавиться.

— Всего хорошего, Магистр.

Я закрыл за собой дверь. Симпатяга Самсон уже был тут как тут — позаботиться, чтобы у меня не возникло трудностей с поисками выхода.

22

Началась изморось. Ветер посвежел. Я втянул голову в плечи и, ворча, шагнул в эту мерзкую сырость. Я никогда не вылез бы из дома в такую погоду, если бы меня оставили в покое. Какие невнимательные, эгоистичные люди населяют мир, в котором мне приходится жить!

С опущенной головой (такая поза не отражает моего внутреннего состояния. Кое-кто сказал бы, что это нормальное по-

ложение моего котелка) я поплелся к тому небольшому району за Холмом, где город и Корона разместили свои гражданские конторы. Я надеялся, что в Королевской Пробе мне помогут решить вопрос, на который отказался ответить Перидонт.

Он узнал монеты.

Я не особенно ему верил, хотя часть его откровений могла быть правдой. Нельзя сказать, что я недоверчив по природе. Просто нельзя верить во все подряд. В этом деле, куда бы я ни сунулся, всюду натыкаюсь на религию. А религия — это игра масок, мошеннических уловок и иллюзий. И принимать здесь фасад за чистую монету — верх глупости.

Мой маршрут проходил в квартале от «Синей Бутылки», где свили себе гнездо два любознательных Смита. Не мешало бы заскочить туда, посмотреть, не упустила ли чего Майя.

Заведение не выглядело многообещающе. На моем веку его точно не ремонтировали. Но все же оно было рангом выше тех ночлежек, где за медяк вам предоставят место у веревки, которая поддержит вас, пока вы будете спать стоя.

Такого рода забегаловки обычно посещают нищие и самое низкопробное отребье из преступного мира. Хозяева этих заведений не расположены болтать. Придется мне как следует поработать мозгами, если я хочу чего-нибудь добиться.

Я вступил в грязную общую комнату, где обнаружил толпу пьяниц из трех человек. Какая-то неведомая сила распихала их по разным углам комнаты. Один занимался самообразованием, внимая собственному бесконечному монологу. Я не смог разобрать ни одного слова из пяти, но, кажется, он яростно и увлеченно дебатировал на социальные темы. Его невидимому оппоненту приходилось тяжко. Еще бы! Слушать такое...

Я не заметил никого, похожего на владельца. Никто не появился из глубин дома на звук дверного колокольчика.

— Эге-гей! Кто-нибудь дома?

Мой клич явно не отвлек усердного хозяина от тяжких трудов на кухне. Но один из молчаливых выпивох оторвал себя от стула и кинулся мне навстречу:

— Чего... ик... надо? Комнату?

— Я ищу своих приятелей, Смита и Смита. Они должны были остановиться здесь.

Он привалился к стойке, обдал меня перегаром и скучил физиономию в багровую черносливину.

— Э... м-м... Третий этаж. Дверь в конце. — Он не выказал особого разочарования по поводу того факта, что я не собираюсь оставить деньги в его кармане.

— Спасибо, приятель. — Я вручил ему пару медяков. — Выпей одну за мое здоровье.

Он недоуменно уставился на монеты, словно не мог сообразить, что это такое. Пока он бился над этой загадкой, я отправился наверх. Осторожно. Судя по тому, как эти ступеньки кряхтели и прогибались, вопрос об их крушении должен был решиться в течение ближайших часов.

Третий этаж больше походил на мансарду — пять комнат под скатами крыши, по две с каждой стороны клаустрофобно узкого коридора и одна в торце. Три боковые комнаты не имели даже занавесок, дающих иллюзию уединения. Зато еще одна могла похвастаться дверью, неподвижно висевшей на единственной петле. Цель моих устремлений находилась за последней дверью, которая не закрывалась из-за покоробившегося пола.

Смитов дома не оказалось. Хотя я и не особенно рассчитывал застать бедолаг после их встречи с Роком. Я протиснулся внутрь.

В какую бы тайную организацию или секту ни входили Смиты, она была жалкой. Они спали на полу, на жиidenьких одеялах. У них не оказалось даже смены белья.

И все равно я принялся обшаривать комнату. Никогда не знаешь, какая мелочь в головоломке поставит все на свои места.

Я стоял на коленях, заглядывая в каньоны между половицами, когда услышал скрип пола в коридоре. Я оглянулся через плечо.

Эта женщина выглядела, словно жена Покойника. Ее хватило бы на изготовление четырех женщин среднего размера, и еще немного осталось бы. Как ей удалось подобраться так близко, не вызвав землетрясения? Как ее выдержала лестница? И почему не рассыпался дом? Такой перегруз в верхней части неминуемо должен был его разрушить.

— Какого дьявола ты здесь делаешь, парень?

У нее чесались руки устроить драку, а у меня не было пути к отступлению.

— А почему вы спрашиваете?

— Потому что я хочу знать, засранец!

Она притащила дубину, настоящую палицу размером с взрослого мужика. Жаль мне парня, который получит удар этой штукой, особенно если мадам вложит в него душу.

Тут до меня дошло, что, если я не воспользуюсь своими хвалеными мозгами, моя жалость пригодится только мне самому.

— Что за черт?! Какого дьявола вы суете нос в мою комнату?

Когда вам не хватает пространства ошеломить противника быстротой своих ног, старайтесь запудрить ему мозги.

— В твою комнату?! Что ты мелешь, парень? Эта комната сдана двум типам по имени Смит и Смит.

— Человек, которому я заплатил, велел мне занять эту комнату. Я так и сделал. Если вы сдали ее кому-то еще, у вас будут проблемы с управляющим.

Мадам рассвирепела:

— Проклятый Блэйк снова взялся за старые штучки?!

Тут она заорала на меня: — Я здесь управляющий, засранец! Тебя облапошил поганый пьянчуга. А теперь проваливай отсюда. И не вздумай клянчить у меня свои деньги.

Она развернулась и потопала прочь. Я остался на полу. Если дом рухнет, я не хочу иметь к этому никакого отношения. Мадам шла и рычала:

— Ну, на этот раз я тебя прикончу, сукин ты сын!

Какая милашка! Хорошо, что дело не дошло до рукоприкладства. Сомневаюсь, что мне удалось бы ее одолеть.

Я еще раз быстро осмотрелся, но, когда снизу послышались вопли, сообразил, что настало время удаляться.

И тут я кое-что заметил.

Медная монета, закатившаяся в щель. Я выхватил нож и принялся ее выковыривать.

У меня не было никаких оснований считать, что монета потеряна Смитами. Она могла валяться здесь сотню лет.

Могла. Но я не верил в это ни секунды.

Возможно, кто-то услышал мои молитвы. Этот невзрачный кусочек меди оказался родным братом экземпляру из моей коллекции.

Щелк. Щелк. Щелк. Кусочки начали складываться. Все было частью одной головоломки, за исключением — что маловероятно — Перидонта. Маловероятно потому, что он солгал. Ему что-то известно о происходящем, даже если он не участвует в представлении.

Ну-с, пора уходить.

23

Когда я спустился с лестницы, Большая Мама орала вовсю. Она гонялась за пьяницей, которому я дал на чай. Он уверачивался с проворством, приобретаемым годами тренировок. Когда я появился, Большая Мама как раз сделала могучий замах, но промахнулась. Дубина отколола кусок от стола. Мадам завопила и прокляла день, когда вышла замуж.

Бормочущий пьянчуга не обращал на суматоху ровно никакого внимания. Наверное, он был завсегдатаем и давно привык к подобным сценам. Другой пьяница благоразумно исчез. Я решил последовать добруму примеру и проскользнул к двери.

Большая Мама меня заметила.

— Сукин сын! Лживый сукин сын! — заорала она и двинулась моим курсом, словно галеон под всеми парусами.

Иной раз я соображаю быстро. Я дал оттуда деру так, что пятки засверкали. Подгулявший муж метнулся туда-сюда и, получив на прощание смачного пинка под зад, вылетел за дверь. Он распластался в грязи, тяжело дыша и изрыгая блевотину. Мадам еще немного повопила, но добивать его не вышла. Когда она утихомирилась, я подошел взглянуть на ее несчастного супруга.

Кровоподтеки и расквашенный нос не украшали его, кроме того, он явно нуждался в купании, но по крайней мере был жив.

— Давай! — Я протянул ему руку.

Он ухватился за нее, встал, покачнулся и посмотрел на меня разбегающимися глазами:

— Ну и подставил ты меня, приятель.

— Ага. Но я раскаиваюсь. Я не знал, что твои личные дела настолько плохи.

Он пожал плечами:

— Она еще попросит меня вернуться, когда остынет. Куча женщин вообще не могут заполучить мужа.

— Это верно.

— А я ей не изменяю, не бью ее.

Как-то мне не удавалось представить его в роли мужа-дракуна. Не с такой женой, во всяком случае.

— А чего вам, кстати, надо? — спросил он.

— Разузнать побольше о Смите и Смите. Их дружки убили моего приятеля. Пошли. Чего стоять здесь и мокнуть?

— А почему я должен вам верить после всего, что вы уже наплели? — Его речь не была такой внятной, но именно это он собирался сказать.

Если он и считал меня неподходящей компанией, это не помешало ему поплестись за мной.

— Мне нужно почиститься, — пробормотал он.

Значит, вино не до конца замутило ему разум. Пока. После какого-то предела ему уже будет на все наплевать.

Я отвел его в такое же убогое заведение несколькими кварталами оттуда дальше. Оно пользовалось большой популярностью — помимо нас, его почили своим присутствием аж целых пять человек. Но атмосфера здесь царила та же — уныние, граничащее с отчаянием.

Эдешняя хозяйка оказалась более расторопной. Хрупкая неряшливая старушка предстала перед нами прежде, чем мы переступили порог. Она состроила гримасу, увидев моего ново-приобретенного друга.

— Мы бы хотели поесть, — сказал я. — Плюс пиво для меня и чай для моего приятеля. У вас есть место, где он мог бы привести себя в порядок? — Блеск серебра заглушил ее протесты.

— Следуйте за мной, — сказала она моему спутнику. А мне: — Зайдите вон тот столик.

— Конечно. Спасибо. — Я дождался, пока они удалятся, и только после этого подошел к двери и выглянул наружу. Мне ничего не почудилось. Бормотун действительно сел нам на хвост. Теперь он предавался своему любимому занятию, подпирая стену. Я предположил, что он беседует о погоде.

Если ему велели присмотреть за мной, он никуда не денется. Я могу расправиться с ним, когда угодно. Поэтому я уселся за указанный стол и стал ждать свое пиво. Перспектива знакомства со здешней кухней действовала на меня угнетающе.

Мой приятель выглядел ненамного опрятнее, когда вернулся, но пахло от него лучше.

— Ты неплохо выглядишь, — солгал я.

— Чушь. — Он упал на стул и сгорбился над столом. Старушка принесла чай и пиво. Он вцепился в свою кружку обеими руками и посмотрел на меня: — Так чего ты хочешь, приятель?

— Узнать что-нибудь о Смите и Смите.

— Особенно нечего рассказывать. Это не настоящие имена.

— Расскажи, что знаешь. Давно они снимают у вас комнату?

— Впервые появились две недели назад. С ними был какой-то старикишка. Заплатил за их постой, за комнату и стол, на месяц вперед. Холодный и скользкий тип. Глаза как у василиска. Вся ихняя троица не из Танфера.

Последнее замечание меня заинтересовало.

— Как ты догадался?

— По акценту, дружище. Больше похоже на Кронштадт или на Сидербен, только не совсем. Такого я прежде не слыхал. Но, похоже, они откуда-то из тех краев. Улавливаешь, о чём я?

— Угу. — Я улавливал. Временами я действительно быстро соображаю. — Тот человек, который их привел. У него есть имя? Как он выглядит?

— Я сказал тебе, как он выглядит. Как ледник, дружище. Как душегуб. Один из Смитов называл его брат Джерси.

— Джерсе?

— Ага. Точно.

Ну-ну. Тот самый, который нанял Снежка и Дока. Монета из берлоги Смитов, может, еще ничего не доказывала, но рассказ пьянички подтвердил мои догадки.

— Не представляешь, как мне его разыскать? Это тот самый тип, который убил моего друга.

— Не-а. Он сказал, что зайдет, если Смитам придется оставаться дольше чем на месяц.

— А как они? Не заметил чего-нибудь?

— Они и трех слов не сказали. Смотрят волком. Едят в своей комнате. Да и у себя-то почти не бывают. Все шляются где-то.

За едой — цыпленок и яблоки в тесте, которые оказались не так уж и плохи — я пытал его и так, и этак, но так ничего и не добился, пока не показал ему свою коллекцию.

Он взглянул на монеты:

— Точно. Такими брат Джерсе расплачивался за комнату. Я обратил внимание, потому что они почти все новенькие. Не часто увидишь такую кучу блестяшек за раз.

Это верно. Какой глупый ход — привлекать внимание подобным образом. Если, конечно, брат Джерсе не знал, что Смит и Смит исчезнут навсегда.

— Спасибо. — Я заплатил за еду.

— Помог я чем-нибудь?

— Немного. — Я дал ему за труды серебряную монетку в десятую марки. — Не тратить все в одном месте.

Он заказал вина прежде, чем я дошел до двери.

Я брел по улице и думал, что придется мне подзубрить географию. Кронштадт и Сидербен лежат где-то на западе и северо-западе. Неплохие карентийские города, только от моря далековато. Я же посуху никогда не путешествовал, поэтому о тамошних местах ничего не знал.

Еще я думал, что надо бы задать Джилл Крайт еще несколько вопросов. Она — в центре событий. И знает гораздо больше, чем делает вид.

Бормотун был на работе. Я не стал усложнять ему жизнь. Пусть прицепится, раз ему так хочется. Если, конечно, он не шел за моим пьяным приятелем. А может, это просто дурацкое совпадение. Меня в общем-то не волновало, следят за мной или нет.

24

За мной следили.

Пока я шел, дождь почти прекратился. Но когда я приблизился к Королевской Пробирной Палате, небеса разверзлись. Я ухмыльнулся и нырнул внутрь, предоставив Бормотуну наслаждаться погодой в одиночестве.

Принимая во внимание размеры королевства Карента и значение Танфера — крупнейшего города и главного торгового центра королевства, Пробирная Палата меня разочаровала. Здание без единого окна имело около девяти футов в ширину. В шести футах от входной двери комнату перегораживала канторка. За ней никого не было. Стены украшали футляры с образцами всевозможных монет — и имеющих хождение, и вышедших из обращения. Два древних стула и множество пыли довершали картину.

Никто и не подумал выйти на звонок дварного колокольчика, возвестившего о моем появлении.

Я принялся изучать выставленные образцы.

Немного погодя из служебного помещения появилось создание лет семидесяти—восьмидесяти, ростом с меня, но весом — вполовину меньше. Вылитое огородное пугало. Моя настойчивость явно его раздосадовала.

— Мы закрываемся через полчаса, — недружелюбно прокрипел он.

— Мне не потребуется и десяти минут. Я хочу получить информацию по поводу монет неизвестной чеканки.

— Что? Да вы понимаете, куда пришли?

— В Королевскую Пробирную Палату. В заведение, куда положено обращаться, когда хочешь проверить, не подсунули ли тебе фальшивые деньги.

Тут я сообразил, что этак не добьюсь ничего, кроме быстро растущей неприязни старика. Я сдержался. На служителей государства, этих баловней судьбы, особенно не надавиши. Я показал ему свою карту.

— Похоже, это храмовая чеканка, но я таких не встречал. Никто из моих знакомых — тоже. И среди ваших образцов я ничего похожего не нашел.

Старик уже распалился задать мне хорошую головомойку, но тут его взгляд зацепился за золотую монету.

— Храмовая эмиссия, а? Золото? — Он взял карту и бегло осмотрел монеты.

— Храмовая, так и есть. Никогда не видел ничего подобного. А я здесь уже шестьдесят лет. — Он обошел конторку, оглядел монеты на одной стене, покачал головой, фыркнул и пробормотал:

— Все верно. Я еще не впал в маразм. — Старик снова проковылял за конторку, достал весы с разновесами, отцепил золотой от карты и взвесил его. Он хмыкнул, стял монету с весов и царапнул ее, чтобы убедиться, что она действительно золотая, после чего проделал еще пару тестов — видимо, определял сплав.

Я тихонько изучал образцы, стараясь не привлекать к себе внимания. Ни на одном из них не было рисунка, схожего с восьминогим сказочным зверем, украшавшим мои монеты. Настоящее страшилище — вот как оно выглядело.

— Монеты, кажется, настоящие, — пробормотал старик и покачал головой. — Давно уже меня так не озадачивали. И много их циркулирует?

— Я видел только эти, но, по слухам, их гораздо больше. — Я вспомнил замечание моего пьяницы об акценте. — Может, они не из города?

Он осмотрел ребро монеты:

— Нарезка танферская. — Он на мгновение задумался. — Но если они старые, скажем, из клада, это ничего не значит. Образцы нарэзки и клейма городов были стандартизированы только сто пятьдесят лет назад.

Дьявол, можно сказать, позавчера! Но я промолчал. Загадка захватила старика. Полчаса давно прошло. Я решил не отвлекать на себя его внимание.

— Понщикем что-нибудь в архивах, в задней комнате.

Я поставил на его профессиональное любопытство и последовал за ним. Он не возражал, хотя, уверен, я нарушил все мыслимые правила, пройдя за конторку.

— Вы думаете, образцы на стенах могут дать ответ на любой вопрос, не так ли? Но по меньшей мере раз в неделю ко мне приходят с монетами, которых нет среди экспонатов. Обычно это просто новая чеканка не из города, образцы которой не успели до нас дойти. На остальное у нас заведен архив, где содержатся сведения обо всех эмиссиях, начиная со времени принятия империей карентийской марки.

Враждебность улетучивается, когда удается посадить противника на любимого конька.

— Мне достаточно бросить взгляд на монету, чтобы ответить на любой вопрос, интересующий ее владельца. Черт! Уже лет пять мне не приходилось копаться в архивах.

Я привнес в его жизнь новизну.

Комната, куда мы вошли, имела двадцать футов в длину. Обе боковые стены были заставлены шкафами с выдвижными ящиками в три четверти дюйма высотой. Я предположил, что в них держат более старые и менее распространенные образцы. Над шкафами до самого десятифутового потолка висели книжные полки, набитые самыми здоровыми книгами, которые я когда-либо видел. Каждая в восемнадцать дюймов высотой и в шесть — толщиной. На коричневых кожаных переплетах — тисненные золотом буквы.

Все пространство задней стены, помимо двери в другую комнату, занимали полки с инструментами и химикалиями, необходимыми пробирщику. Я и не представлял себе, какое это хлопотное ремесло.

В центре комнаты стояли узкий рабочий стол и большая подставка для книг.

— Полагаю, нам следует начать с обычных монет и постепенно двигаться к малоизвестному, — сказал старик. Он вытащил книгу, озаглавленную «Стандарты чеканки карентийской марки: распространенные образцы нарезки: Танфер, типы I, II, III».

— Я поражен, — признался я. — Никогда не думал, что о монетах можно собрать столько сведений.

— У карентийской марки пятисотлетняя история. Сначала — коммерческая лига чеканщиков, городские денежные стандарты, потом императорский денежный стандарт, теперь — королевский. Чеканить деньги разрешалось кому угодно с самого начала.

— А почему бы нам не заняться сразу моими монетами?

— Потому что много они нам не скажут. — Он схватил сияюще-новенькую серебряную монету в пять марок: — Сравните. Вот одна из тысячи штамповок, выпущенных в честь побед Каренты во время летней кампании. Лицевая сторона. На ней бюст короля. Внизу дата. Наверху над бюстом полукруглая надпись, сообщающая нам имя и титулы короля. Под бюстом имеется клеймо, которое говорит нам, кто выполнил рисунок и гравировку на клише, в данном случае — Кладдио Уинч. Вот здесь, за бюстом, виноградная гроздь — городское клеймо Танфера.

Он положил мой золотой рядом с серебряной пятеркой:

— А здесь вместо короля у нас загогулины, которые, возможно, изображают паука или осьминога. Дата имеется, но это храмовая чеканка, а мы не знаем их точки отсчета. Ни клейма художника, ни клейма гравировщика нет. Городское клеймо похоже на рыбку, но, вероятно, это вовсе не городское клеймо, а знак храма, где штамповали монету. Надпись наверху не карентийская, а фахарханская. Она гласит: «И Он воцарится со славою».

— Кто?

Старик пожал плечами:

— Тут не сказано. Предполагается, что храмовыми монетами пользуются верующие. Они знают — кто. — Он поставил монеты на ребро: — На серебряной монете танферская нарезка, тип три. Применяется на Королевском Монетном Дворе с начала века. На золотой — тип один. Любой тип один означает, что станок, выполняющий нарезку, произведен до введения фиксированных стандартов. Чеканное оборудование дорого. Закон о

стандартизации позволяет чеканщикам пользоваться оборудованием до полного его износа. Часть этого металломола до сих пор в работе.

Я был заинтригован, но от обилия сведений начинал терять почву под ногами.

— А почему город отмечает свои марки и клеймом, и нарезкой?

— Потому что для штамповки меди, серебра и золота используются одни и те же матрицы. Но на медных монетах и монетах с маленьким содержанием серебра делать нарезку не имеет смысла. Только ценные монеты обтачивают, подпиливают и подрезают.

Это я сообразил. Если края будут гладкими, без нарезки, сметливые ребята могут отщипнуть понемногу от каждой монеты, которая проходит через их руки, а потом продать накопившиеся обрезки.

Человеческая способность к шельмовству безгранична. Я знал типа, у которого была настолько легкая рука, что он мог просверлить в ребре золотого дыру, облегчить монету на четверть, залить пустоты свинцом и незаметно заделать отверстие.

Его казнили за изнасилование, которого он не совершал. Наверное, это и называется карма.

Старик повернул монеты лицом вниз и пустился в объяснения по поводу значков на оборотной стороне. Они тоже ничего не говорили о происхождении моей монеты.

— Вы читаете? — спросил он.

— Да. — Читать умеют не многие.

— Хорошо. Вон в тех книгах наверху собраны все сведения о храмовой чеканке. Посмотрим, повезет ли вам. Мы начнем с разных концов. Может, что-нибудь и откопаем.

— Хорошо. — Я взял с полки книгу по эмиссии Ортодоксов, просто чтобы сориентироваться, как организован материал.

Наверху каждой страницы имелась иллюстрация обеих сторон монеты, сделанная путем притирания с оригинала. Все ри-

сунки были любовно и аккуратно обведены чернилами. Ниже следовала вся мыслимая информация о монете: номер модели клише, дата выпуска матрицы, дата изъятия и уничтожения матрицы, даты реставрации и подновления гравировки, количество монет каждого вида. Были тут даже сведения о существовании известных подделок.

На меня обрушился поток сведений, которым я не видел никакого практического применения. Создание Пробирной Палаты — доказательство приверженности Каренты к надежным, заслуживающим доверия деньгам. Приверженности, которая возникла еще до основания Карентийского государства. Нашиими предшественниками были торговцы. Очевидно, поэтому карентийские деньги пользуются самым большим доверием в нашей части света.

Я провел больше часа, роясь в книгах, и не нашел ничего полезного. Стариk, знаящий свое дело, двигался от общего к частному, от одной ссылки к другой, сужая круг поисков путем исключения. Он подошел к стене, где я работал, пробежался по заглавиям, принес стремянку, влез на нее и смел вековую пыль с корешков нескольких книг на верхней полке. Потом выбрал одну, спустился, положил ее на свой рабочий стол, перелистнул страницы.

— Вот мы и добрались. — Он осклабился, обнажив гнилые зубы.

Один из двух рисунков на развороте совпадал с тем, что был на моей монете, во всем, кроме даты.

— Посмотрите на дату, — сказал я.

Существенная деталь. Согласно сведениям из книги, эти монеты последний раз штамповали сто семьдесят семь лет назад. А если прибавить к обозначенной дате сто шестьдесят шесть, получалась дата с моей золотой монеты.

— Любопытно. — Стариk сравнивал монету с рисунком, а я тем временем пытался читать из-за его плеча.

Монсты этого типа чеканили в Танфере в течение всего нескольких лет. На втором рисунке были изображены более древние монеты. Если верить книге, их чеканили в Каратже... Ага! Каратха. Отзвук легенды. Темной легенды. Каратха — последний нечеловеческий город, уничтоженный в этих краях, и единственный, который сровняли с землей, с тех пор как карентийские короли сменили императоров.

У древних королей, вероятно, были веские причины уничтожить Каратху, но я их не помнил. В голове остались только смутные воспоминания о разыгравшейся там жестокой битве.

Вот еще одна веская причина растормошить Покойника. Он помнит те дни. Для остальных же они — просто малоизвестные и часто непонятные предания.

Старик хмыкнул и отошел от стола за другой книгой. Я наконец смог разглядеть название мастерской, которая чеканила монеты в Каратхе. Храм Хаммона.

Никогда о таком не слышал.

Танферское отделение было заведением рангом пониже. Некое благотворительное общество. В книге не содержалось никаких сведений о нем, кроме местоположения штаб-квартиры общества. Ничто другое Пробирную Палату не интересовало. Но теперь у меня появилось достаточно зацепок, чтобы было чем заняться, особенно если удастся выкурить из берлоги Покойника.

— Я хочу поблагодарить вас за труды. Как вы отнесетесь к предложению поужинать у меня?

Он нахмурился и поднял голову:

— Нет-нет. Это моя работа. Рад, что вы зашли. Давно мне не задавали такой задачки. Но...

Я почувствовал, что он намерен огородить меня каким-то неприятным известием.

— В книге есть указ относительно этой эмиссии, который все еще в силе. Он требует изымать монеты из обращения и расплавлять. Издан Брианом Третьим. Я не обнаружил никаких

упоминаний о выдаче лицензии, которая давала бы право на чеканку ваших монет.

— И я не могу оставить у себя эти деньги?

— Таков закон. — Он отвел глаза в сторону.

Та-ак!

— Значит, мы с законом будем ходить кругами.

— Я выдам вам долговую расписку, которую вы можете предъявить...

— Я так молодо выгляжу?

— Что?

— Только зеленый юнец или полный идиот примет долговую расписку от представителя Короны.

— Сэр!

— Вы платите звонкой монетой, когда кто-нибудь приносит вам лом или слитки. Значит, вы без труда сумеете изобрести основание, позволяющее вам заменить эти четыре штуки.

Старик нахмурился. Я бил его его же оружием.

— Иначе я заберу их и уйду, а вы не сможете никому ничего показать. — Я был уверен, что монеты произведут настоящий фурор, когда старик покажет их начальству.

Он взвесил мои доводы, раздраженно хрюкнул, потом потопал через заднюю дверь в соседнюю комнату. Вернулся он с одной золотой маркой, двумя серебряными и медяком. Все новенькое, только что с Королевского Монетного Двора.

— Благодарю вас.

— Вы заметили, — спросил старик, когда я пошел к двери, — что истертый экземпляр — оригинал?

Я приостановился. Он прав. Я не заметил. Я хмыкнул и направился к выходу, размышляя, не часть ли это послания, которое мне полагалось разгадать.

Я не хотел приближаться к Большому Боссу на пушечный выстрел, но у меня зарождалось подозрение, что придется. Возможно, он знает, что происходит.

25

Стемнело. Дождь прошел. Мой приятель Бормотун стоял на посту. Вымокший насеквоздь, он дрожал на ветру точно на том же месте, где я его оставил. Похолодало. Предрассветный бриз — дело обычное.

Я прошел в двух футах от своего горе-преследователя:

— Мерзкая погода, не правда ли?

Оправившись от потрясения, Бормотун решил, что я просто дружелюбен по природе. Ему не приходило в голову, что я могу его засечь. Он дал мне фору на старте и потащился следом. Бедолага.

Я шел и размышлял, что с ним делать. Угрозы для меня он не представлял. Доложить обо мне, сидя у меня на хвосте, он не мог. Если вообще собирался кому-то докладывать. Вдруг у него такое пьяное развлечение — таскаться за прохожими?

Возможно, стоило вернуться в «Синюю Бутылку», пораспросить о нем моего пьянчужку, но я не вынес бы еще одной встречи с Большой Мамой. Кроме того, я устал, замерз, проголодался и мне до смерти надоело бродить по городу, где незнакомые люди проявляли ко мне ничем не оправданный интерес. Хватит. Я пойду туда, где смогу согреться, поесть и где не нужно будет постоянно оглядываться через плечо.

Теперь оставалось сделать выбор между домом и заведением Морли. Дома лучше еда. Но у Морли я могу между делом работать. Если правильно разыграть партию, я переброшу на других свои заботы о Бормотуне. Придется примириться с тамошней кухней.

Стоило мне ступить на порог, и толпа — менес многочисленная из-за погоды — смолкла и воззрилась на меня. Только на этот раз у меня возникло ощущение, что во мне видят не волка из чужой стаи, сунувшего нос на чужую территорию, а овцу.

Плоскомордый сидел за своим любимым столом. Я пристроился к нему без приглашения и вежливо кивнул малышке, сидевшей рядом с ним. По какой-то неведомой причине Тарп обладал неотразимой привлекательностью для миниатюрных женщин. Они его боготворили. Мое появление не привело его в восторг. И вот так всегда.

— Как я понимаю, Джилл Крайт не стала к тебе обращаться?

— А она собиралась?

— Я рекомендовал ей. — Мне почему-то показалось, что Плоскомордого удивил мой приход. — Она нуждается в защите.

— Ни в чем она не нуждается.

— Скверно. Извини. Меня зовет Морли. — Я кивнул его даме и направился к Дотсу, стоявшему у лестницы.

Морли тоже выглядел удивленным. Мало того, мое появление вызвало у него беспокойство. Плохой признак. Единственный раз я видел его обеспокоенным — когда он лежал с повязкой на заднице.

— Быстро топай наверх, — прошипел он.

Морли пропустил меня вперед и стал подниматься по лестнице, пятаясь раком. Странно.

Он захлопнул дверь кабинета и запер ее на засов:

— Ты зачем приперся? Хочешь устроить бунт?

— Я подумал, что мне не помешал бы скромный ужин.

— Не паясничай.

— И не думаю. В чем дело?

Морли бросил на меня недоверчивый взгляд:

— Ты не знаешь?

— Нет. Я был занят охотой на двухсотлетнего призрака. В чем дело?

— Просто чудо, что ты выжил. Действительно чудо. — Он покачал головой.

— Довольно. Прекрати демонстрировать, какой ты умный. Расскажи, что растревожило твой геморрой.

— За тебя назначена награда, Гаррет. Тысяча марок золотом тому, кто принесет твою голову.

Я смерил его тяжелым взглядом. У темных эльфов своеобразное чувство юмора.

Он не шутил.

— Твой приход сюда — прыжок в эмсиную яму, Гаррет. Здесь только две кобры, которые не попытаются тебя сожрать. Я и Плоскомордый.

Я бы не поручился за Морли Дотса. Тысяча золотом — чертовски серьезное испытание для дружбы. Большинство народа и представить себе не может, насколько серьезное.

— Кто? — спросил я.

— Он называет себя брат Джерсе. Остановился в «Розе и Дельфине» на Северной Стороне. Утверждает, что примет там посылку в любое время.

— Дурость какая! А если я доберусь до него первым?

— Я бы не советовал.

Он прав. Этот тип, должно быть, принял меры на случай, если я решусь на такую авантюру.

— Ты по-прежнему не работаешь? Почему же тогда он хочет во что бы то ни стало от тебя избавиться?

— Теперь работаю. На себя. Пытаюсь выяснить, кто жаждет меня убить. И почему.

— Ну, теперь ты знаешь кто. — Морли хихикнул.

— Как остроумно! — Я достал медную храмовую монету, которую утаил от старика в Пробирной Палате, и вкратце пересказал Морли, что мне удалось узнать. — Каратха — город темных эльфов. Знаешь о нем что-нибудь? Похоже, вся эта канитель тянется оттуда.

— Почему я должен знать о Каратхе больше, чем ты о Фелл-Дорсте? Это седая старина, Гаррет. Кого она волнует? Твоя каша заварена на религии. Поищи ответа в Стране Грез. — Морли

повертел монету в руках. — Мне она ничего не говорит. Может, тебе стоит проконсультироваться с Покойником?

— Прекрасная мысль. Если бы мне еще удалось заставить его прервать на двадцать минут свой крестовый поход против сознательного состояния.

Кто-то забарабанил в дверь. Морли насторожился, затем его физиономия приняла озабоченное выражение. Он указал мне на угол.

— Кто там?

— Это Рохля, босс.

Морли открыл большой шкаф — домашний арсенал, оружия в котором хватило бы на взвод матросов. Он бросил мне небольшой арбалет и стрелы, а для себя выбрал дротик.

— Кто с тобой, Рохля?

— Я один, босс. — Голос Рохли звучал смущенно. Впрочем, его смущает сама жизнь.

Морли снял засов и отскочил назад:

— Заходи.

Рохля вошел, посмотрел на притаившуюся смерть и робко поинтересовался:

— Что я сделал, босс?

— Ничего, Рохля. Все в порядке. Закрой дверь на засов и приготовь себе выпивку. — Морли убрал оружие, закрыл шкаф и устроился в кресле. — Зачем я тебе понадобился?

Рохля неласково на меня покосился, но решил, что можно говорить при мне:

— Только что пришло известие, что Чодо назначил награду в две тысячи за того парня, который предложил тысячу за Гаррета.

Морли расхохотался.

Отлично. Вот шанс для настоящего смельчака. Можно сорвать поистине баснословный куш, продав мою голову брату Джерсе, а потом и его самого — Чодо.

Морли все веселился.

— Ну потеха! Аукцион продолжается. Этот брат Джерсе ужасно наивен, если думает переплюнуть Большого Босса.

Танфер кишит желающими оказать Чодо услугу.

— Чодо обещает две сотни за голову каждого, кто хотя бы заговорит об участии в охоте на Гаррета, — сказал Рохля. — И три, если охотника приведут живьем, чтобы Чодо мог скормить его своим ящерам.

Мой ангел-хранитель. Вместо сторожевых собак он держит орду плотоядных громовых ящеров, которые бросаются на все, что движется. Чодо благоволит к ним, потому что эти твари сжирают добычу подчистую — с костями и потрохами.

— Вот так поворот! — не унимался Морли. — Теперь весь Танфер будет за тобой присматривать.

Как бы не так.

— Теперь весь Танфер будет за мной следить. И крутиться под ногами в ожидании попытки меня укокошить, после чего можно будет с чистой совестью сдать смельчака Чодо.

Морли призадумался:

— Ну-да. Наверное, тебе лучше исчезнуть. Да так, чтобы все считали тебя мертвым.

— Если бы у меня была хоть капля здравого смысла, я нашел бы лучший выход. Послал бы все к черту и попросил бы старика Вейдера пристроить меня в пивоварню. — Я без приглашения приложился к бутылке. Морли спиртного не потребляет, но держит запас для гостей. Я рассказал Морли о Бормотуне и своем желании познакомиться с ним поближе. — Только я сегодня уже не в состоянии ничем заниматься. Мне бы сейчас домой, спспать.

— Я прицеплю ему хвост, — пообещал Морли. — Посмотрим, куда он отправится. — Он выглядел каким-то рассеянным после появления Рохли. Такая отстраненность обычно означает,

что он замышляет очередную грязную авантюру. Поскольку я не видел, как он может усугубить мое положение, меня это мало беспокоило.

— Думаю, сейчас мне ничего не грозит. Я ухожу. — Вечер в компании вдруг утратил для меня всякое очарование. Одиночество и покой дома казались куда более желанными.

— Понимаю, — сказал Морли. — Держи Дина при себе. Пусть пока не ложится. Я пришлю тебе весточку. Рохля, пошли ко мне Слейда.

— Спасибо, Морли.

Атмосфера внизу изменилась. Слух разошелся. Взгляды, которыми провожали меня теперь, понравились мне ничуть не больше прежних.

Я вышел в ночь и несколько минут постоял на крыльце, пока глаза не привыкли к темноте. Потом отправился домой. Проходя мимо Бормотуна, я не смог отказать себе в маленьком удовольствии:

— А вот и снова вы. Приятного вечера!

26

Я вступил на Макунадо-стрит, грезя о фунте непрожаренного бифштекса, галлоне холодного пива, уюте теплой постели и передышке от загадок.

Перед домом стояла толпа. Над домом в веселом хороводе парили яркие огненные шары. Что за черт?

Мое серое вещество объявило забастовку. Мне потребовалась целая минута, чтобы осознать, что происходит.

Кто-то из моих ревностных поклонников решил закидать дом зажигательными бомбами. Покойник почувствовал опасность, проснулся, поймал бомбы на лету и теперь жонглировал ими, к ужасу оцепеневших бомбометателей и зрителей.

Я протолкался в круг. Поджигатели все еще были здесь, неподвижные, как статуи. Лица искажены гримасами, страшными, как у горгулий на Четвери. Я выступил вперед и встал у одного прямо перед носом:

— Как поживаете? Не очень хорошо, а? Но не волнуйтесь, все уладится.

Бомбы зашикли.

— Я вынужден отлучиться. Подождите меня здесь. Я вернусь, и мы еще поболтаем. — Я знал, что он трепещет.

Дин приоткрыл щелочку:

— Мистер Гаррет!

Верно. Не стоило играть с этими ребятишками.

— Смотри в оба! — крикнул я и пустился рысью к крыльцу. Дин впустил меня, захлопнул дверь, задвинул все засовы и опустил щеколды.

— Что происходит, мистер Гаррет?

— Я надеялся услышать это от тебя.

Он посмотрел на меня так, словно я спятил. Возможно, он был не так уж далек от истины.

— Тогда давай послушаем, что расскажет нам Увалень. — Нет нужды лезть из кожи вон или спускать шкуру с моих поджигателей, если я могу заставить Покойника прочесть их мысли. Это избавит всех от кучи хлопот — за исключением Покойника, разумеется.

Я вошел в комнату. Дин остался ждать. Он не войдет сюда без крайней (по его мнению) необходимости.

— Я пригляжу за этими бандитами, мистер Гаррет.

— Валяй. — Я повернулся к Покойнику: — Вот, значит, как! Оказывается, ты способен проснуться, если надо спасти свою шкуру. Теперь я знаю, как привлечь твое внимание. В следующий раз разведу под тобой костер.

Гаррет, чума на мою голову! Что ты устроил в этот раз?

— Ничего. — Похоже, он собирался продолжить старую дискуссию.

Тогда почему эти маньяки швыряют в мой дом бомбы?

— Эти ребята на улице? Да они даже не знают о твоем существовании. Они просто развлекаются, пытаясь поджечь мой дом.

Гаррет!

— Не имею ни малейшего представления. Если тебя интересует, покопайся в их мозгах.

Я пытался. И обнаружил один туман. Они делают то, что им велено. Они полагают, что им не требуются никакие оправдания, кроме воли Хозяина. Они были счастливы, что им доверили это задание, счастливы, что могут угодить ему.

— И поджарить нас. Хозяин? Кто он? Где его найти?

Я не могу ответить ни на один из твоих вопросов. Их опыт и вера говорят, что Хозяин, которому они служат, не имеет материального тела и появляется когда и где ему заблагорассудится в любом облике.

— Он — что-то вроде призрака или духа? — Я не хотел употреблять слово «бог».

Он — кошмар, который привиделся такому множеству людей с такой ясностью, что обрел собственную жизнь. Он существует потому, что воля и вера многих вынуждают его существовать.

— Ого! Этак мы далеко можем забраться.

Зачем ты потревожил этих безумцев, Гаррет?

— Я никого не тревожил, Увалень. Это они меня потревожили. Ни с того ни с сего, без всякой видимой причины кто-то пытается от меня избавиться. Повсюду творятся странные вещи. Особенно в Стране Грез. Может быть, мне стоит ввести тебя в курс дела?

Меня абсолютно не интересует твоя жалкая мышиная возня среди мерзости и смрада этой выгребной ямы, именуе-

мой городом, Гаррет. Прибереги свои рассказы для уличных девок, которых ты таскаешь сюда, чтобы мучить меня.

Стало быть, он дуется из-за Джилл. Покойник не слишком любит женщин. Их появление в доме всякий раз приводит его в дурное расположение духа.

Круто.

— Выходит, из стадии безделья мы сразу же переходим в стадию злобствования, а? Экономим время на любезностях и на обсуждении последних приключений Слави Дуралейника. Теперь мы просто просыпаемся и ведем себя хуже капризного младенца.

Не зли меня, Гаррет.

— Боже упаси! Я тебя раздражаю? С моим-то ангельским характером?

Не нравилось мне это. Мы не раз с упоением грызлись друг с другом, но всегда в шутку. На сей раз я явственно ощущаю его скрытую враждебность. Я задумался, не перешел ли Покойник в какую-то новую, более мрачную фазу своего посмертного существования. В конце концов никто не знает как следует мертвых логхиров, как, впрочем, и живых. Последние несколько сотен лет оба этих вида встречаются чертовски редко.

Ты пользовался моими советами и плодами моей мудрости достаточно долго, чтобы теперь стоять на собственных ногах, Гаррет. Твоей беспрестанной назойливости нет никаких оправданий.

— Как и твоему паразитизму, хотя тебя это не смущает. — Запасы моего терпения оказались скучнее, чем я предполагал. — Рэйвер Стикс, Владычица бурь, не так давно хотела тебя купить. Она предлагала чертовски хорошую цену. Наверное, зря я проявил свою проклятую сентиментальность.

На сем я ушел. Иначе этот идиотизм вышел бы из-под контроля. Я отправился на поиски Дина.

Он наблюдал за улицей.

Бомбы выгорели. Оставшаяся без развлечений толпа рассеялась. Но поджигатели по-прежнему стояли на месте, застывшие, как парковые скульптуры.

— Помоги мне втащить сюда одного из этих типов. Я хочу порасспросить, чего им надо. — Я открыл дверь.

— Вы уверены, что поступаете разумно? — Никаких тебе мистеров. Опасность миновала, и старик явно осмелел.

— Нет. Я никогда ни в чем не уверен. Пошли... — Черт бы побрал его инфантильную душу! Ты только посмотри!

Покойник отменил столбняк. Поджигатели разбежались, словно испуганные мыши.

Несмотря на свой гнев, я не думал, что Покойник отпустил их мне назло. Он, конечно, склонный, но здравого смысла у него хватает. По-моему, он надеялся, что я смогу проследить за ними до их норы. Значит, он невнимательно меня рассмотрел.

У меня не осталось никаких сил. Слишком много работы, слишком мало отдыха.

Я пожал плечами:

— Ну и черт с ними. В любом случае я скоро с ними поквитаюсь. — Гаррет демонстрирует показной оптимизм. — Попроси мисс Крайт зайти в кабинет. Потом принеси мне кувшин с пивом. Приготовь ужин. Подай его в кабинет. Джилл Крайт знает, что происходит. Пора выжать немного крови из этого камня. Какого дьявола ты трясеешь головой?

— Джилл ушла вскоре после вас. Велела передать, что сожалеет о беспокойстве, которое вам доставила. Она надеется, что гонорар отчасти компенсирует его. Пока вы не спросили — да, похоже, она не собиралась вернуться. Она оставила записку. Я положил ее вам на стол.

— Тогда пиво и обед. Придется беседовать с запиской. — Все-то уплывает у меня из рук.

Я пошел в кабинет, уселся, задрал ноги и дождался пива. Только после этого я развернул записку Джилл:

Гаррет,

Я действительно сходила по вам с ума. Но с тех пор много воды утекло, и сердце той маленькой девочки окаменело. Теперь она — только горько-сладкое воспоминание, холодные медные слезы. Но спасибо вам за заботу.

Эстер П.

Я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и стал думать о Снежной Королеве.

Маленькая девочка еще жива. Она прячется где-то в глубине, страшась темноты, предоставляя Джилл Крайт заботиться о выживании. Это маленькая девочка написала записку. Джилл Крайт не сумела бы. Ей бы просто в голову не пришло.

Приняв внутрь пива и загрузив сверху приличный ужин, Гаррет становится почти человеком. Я попросил Дина еще раз остаться на ночь. За следующей порцией пива я рассказал ему всю историю — не столько потому, что считал необходимым ввести его в курс дела, сколько из-за Покойника. Я знал, что он будет подслушивать. Когда он дуется и не желает со мной разговаривать, он узнает мои новости таким вот способом.

Я попробую поговорить с ним утром, когда отдохну и приду в себя, а пока пусть он поразмыслит над своими грехами.

Утро вечера мудренее.

27

Может, утро и мудренее, но мне этого выяснить не удалось, хотя я провел-таки четыре часа в забытьи, сравнимом по тяжести с погрузкой бревен на лесоповале. Я тянул лямку, пока Дин не походатайствовал о моем помиловании.

— А? Что? Убрайся. — Засим последовали прочие высоко-интеллектуальные замечания. Меня не так-то просто разбудить.

— Пришел мистер Дотс, — доложил Дин. — Вам лучше повидать его. Это важно.

— Это всегда важно. Кто бы или что бы это ни было, оно всегда важнее моих желаний.

— Ну, если вы так считаете, сэр... Приятных сновидений.

Конечно, речь шла о чем-то важном, если Морли сподобился явиться лично. Но это соображение не добавило мне ни искры энтузиазма.

Я не способен заниматьсяическими делами сразу. А в данный момент я оттачивал мастерство сна.

Дин только притворился, что уходит. Он вернулся сразу, едва лишь убедился, что его уловка не сработала.

— А ну вставай, нерадивый бездельник!

Он знает, как привести меня в чувство — просто разозлить до такой степени, чтобы я возжелал размозжить ему голову. Его техника сродни той, что применяю я, когда пытаюсь расшевелить Покойника.

Лучше уж встать, чем сносить его издевательства. Я выбрался из постели, кое-как оделся и отправился вниз.

Дин устроил Морли на кухне, где тот пил чай и соболезновал старику по поводу хлопот, сопряженных с попытками прилично — или даже не очень прилично — пристроить выводок племянниц, наводнивших его дом. Дин жаловался, что они сводят его с ума. По-моему, он надеется, что в один прекрасный день чувство вины сподвигнет меня снять одну из девочек с его шеи.

— Почему бы тебе не продать их? — предложил я.

— Что?

— Они еще довольно молоды. И все хорошо готовят. Я знаю парня, который может дать пятьдесят марок за штуку. Он продаст невест ребятам, которые охотятся на земле громовых ящеров.

— Ваше чувство юмора оставляет желать лучшего, мистер Гаррет. — На этот раз «мистер» был призван выразить укор.

— Ты прав. В последнее время я не в лучшей форме. Думаю, сказывается нехватка отдыха.

— Теперь можешь расслабиться, — вмешался Морли. — Твой приятель Джерсе не так давно перевозбудился и потряс голову.

Его игривость навела меня на подозрение, что без него тут не обошлось.

В конце концов это *его специализация*, и здесь он не знает себе равных. А две тысячи — достаточная сумма, чтобы привлечь его внимание.

Возможно, мне следовало испытывать благодарность. Но благодарность — чувство, которое способны испытывать немногие, а я пребывал в чересчур мрачном настроении, чтобы меня можно было отнести к редким исключениям. Поэтому я ее скрыл. Но вместе с тем скрыл я и свое недовольство. Нет нужды давать лишние основания желающим поставить Гаррета на место. Поэтому я лишь намекнул:

— Интересно, что он мог бы мне рассказать?

Морли насупился:

— Какая разница. С ним покончено. Теперь ты можешь жить, не оглядываясь через плечо.

— Хочешь пари?

Он бросил на меня злобный взгляд.

— Извини. Ляпнул не подумавши. Я хотел сказать, что не он — источник моих неприятностей. Он — представитель источника. Если это убийство не спугнет их, мы оба еще о них услышим. У меня нет ни малейшего представления, чего они добиваются, но намерения у них серьезные и их не волнуют цена и последствия.

Морли собирался возразить, но у него не было фактов. Он принял желаемое за действительное и знал это.

— Что там с типом, который за мной следил? — спросил я.

— Я пустил за ним Рохлю, Клина и Слейда. Они довели его до твоего дома. Он пытался поговорить с парнями, устроившими здесь заваруху. Мои ребята решили взять себе по объекту и посмотреть, что получится.

Я знаю Морли Дотса. Если он начинает тянуть резину, значит, не хочет сообщать плохие новости.

— И что же получилось?

— Рохля и Клин потеряли своих людей. Слейд еще не до-кладывался.

Выходит, важные новости свелись к отсутствию новостей.

— Странно. Эти типы произвели на меня впечатление люби-телей.

Морли пожал плечами:

— Даже с любителем непросто остаться один на один.

Верно. Для квалифицированной слежки необходимы по мень-шей мере четыре человека.

Кто-то забарабанил во входную дверь.

— Лучше я, — сказал я Дину. Интересно, кого принесло на этот раз? Только я начал раздумывать, как выпроводить Морли, и вот — пожалуйста, в дверь ломится очередной визитер. Джилл, осенило меня. Наверное, передумала играть в ходячую мишень.

Я открыл не сразу. Сначала поглядел в глазок.

На сей раз на крыльце Гаррета не оказалось никаких рос-кошных блондинок, умоляющих о защите. Там стоял маленький уродливый старый Магистр, и выглядел он очень несчастным.

Я открыл дверь и высунул голову — убедиться, что никто не торопится за ним следом.

— Входите. Я уж было махнул на вас рукой. — На самом деле я просто забыл, что он обещал ко мне наведаться.

Магистр юркнул в дверь:

— Проклятые идиоты! Близорукие дураки! Они вынудили меня — меня! — красться в темноте, подобно вору, потому что они слишком напуганы, чтобы отпустить меня подобру-поздорову.

Что за черт? Хорошо хоть, он злится не на меня. Я провел его в кабинет, усадил в лучшее кресло, зажег несколько ламп и спросил:

— Могу я предложить вам чего-нибудь выпить?

— Брэнди. Галлон. Я не напивался до бесчувствия с самой семинарии. Сейчас — подходящий случай.

— Пойду поищу чего-нибудь. — Я шмыгнул на кухню. Дин и Морли услышали достаточно, чтобы притихнуть. Дин вытащил мой кувшин и откопал бутылку бренди. Морли попытался сделать вид, что взорвется, если я не шепну ему имя. Я не шепнул. Он остался целехонек. Я сгреб все в охапку и направился в кабинет.

Мы устроились с комфортом. Перионт налил себе немногого бренди, отхлебнул и удивленно приподнял брови:

— Недурно.

— Я так и думал, что вы его оцените. — Я смочил усы. — Как я понимаю, дела складываются неважко.

— Мои братья по вере — жалкие трусы. Я представил им факты и свои подозрения, но вместо энергичных действий с привлечением всей мои Церкви они предпочли зарыть голову в песок и считать, что все обойдется. Они отменили данное мне разрешение нанять вас. Они сделали все, что было в их силах, чтобы загнать меня в угол, связать руки и заткнуть рот. Этим заячьим душам прекрасно известно, что я не могу пренебречь законом после того, как всю жизнь добивался от других его соблюдения.

— Другими словами, вы пришли, чтобы посоветовать мне забыть о деле, вместо того чтобы указать верное направление.

Перионт улыбнулся, и в нем впервые проглянул опасный человек из легенды.

— Не совсем. Они упустили одну возможность. Они не догадались попрать мои личные права.

Я испробовал свой коронный трюк бровью. На этот раз он сработал.

— Мистер Гаррет, они забыли аннулировать мое право нанять сыщика, чтобы разобраться, скажем, в смерти Уэлсли Пиготты. Я предлагаю вам себя в качестве, как вы выражаетесь, клиента. Если попутно вы разворошите что-то еще, ну, я тут ни при чем.

Я улыбнулся ему в ответ:

— Ваш ум изворотлив, как у законника. Мне это нравится. В данном случае. — Я убрал улыбку. — Значит, мне придется искать вслепую?

— Почти. Здесь они загнали меня в угол. Вы уже знаете достаточно, чтобы понимать, насколько осторожно вам нужно действовать. Кое-что вы уже видели. Когда вы вспугнете мертвавцев, мы проведем еще одно совещание и расшевелим моих братьев быстрым решением проблемы.

Мне не нравятся такие игры. Но я улыбался. Я хотел остаться с Перидонтом в добрых отношениях. Я надеялся, что от него будет прок даже теперь, когда он занимается словесной эквилибристикой вместо того, чтобы все мне рассказать.

— Хорошо. Я остаюсь в игре. — Это я решил еще раньше, независимо от его пожеланий. — Но что-нибудь вы можете мне дать?

Перидонт надолго приложился к бренди. Он не шутил, когда обещал надраться. Оторвавшись от стакана, он усмехнулся и бросил мне мешочек с деньгами:

— Мои личные деньги. Не церковные. — Он немного помрачнел. — Я вправе сообщить вам только одно: женщина, занимавшая квартиру, где убили Пиготту, была моей любовницей. Я знал ее под именем Донна Сольда. Думаю, имя ненастящее. У нее сложный характер. Хотя я содержал ее в роскоши,

у нее были любовники. Один из них, возможно, заинтересовал Пиготту, поэтому он и пришел туда той ночью.

Я задал Перидонту несколько стандартных вопросов о его отношениях с Джилл и получил обычные неприглядные ответы. Наша беседа привела Магистра в неописуемое смущение.

— Уверен, вас такие вещи скорее забавляют, чем шокируют, мистер Гаррет. Наверняка вы ежедневно сталкиваетесь с чем-нибудь похлеще.

Еще бы.

— Для меня же это непростительная уступка грехной стороне натуры. — Он сделал большой глоток прямо из бутылки. — Я всегда питал слабость к женскому телу.

— Как и все мы.

— Пока я был молод, все было в порядке. Если я навещал проститутку и она меня узнавала, мы смеялись. Священники — их лучшие клиенты. Но если меня раскроют сейчас — я погиб.

Я понял. Не то чтобы положение Перидонта делало его более уязвимым, просто оно давало посвященным средство воздействия на него.

— Я боролся с внутренним демоном, но в конце концов всегда проигрывал, поэтому у меня появилась насущная необходимость в неболтливой женщине. Донна казалась мне даром богов. Какими бы пороками она ни обладала, рот на замке она держать умеет.

Да уж!

— Она знала, кто вы такой?

— Да.

— Это дает большую власть девушке, зарабатывающей себе на жизнь.

— Она никогда не злоупотребляла своей осведомленностью. Возможно.

— Как вы с ней познакомились?

— Она — актриса. Работает в театре на Старом Судоходном Канале. Она порядком меня помучила, но настойчивость окупилась.

Для них обоих. Но этого я не сказал.

— Я перевез ее в этот дом едва ли три месяца назад. Там было не так опасно встречаться. Это были счастливые три месяца, Гаррет. А теперь все кончено.

Перидонт прикончил бренди. Похоже, он относится к числу людей, которые, выпив, становятся сентиментальными. Только этого мне не хватало! У меня нет времени жалеть кого-то, кроме себя. Пора потихоньку подтолкнуть его к двери.

— Как мне с вами связаться?

— И не пытайтесь. Я найду способ увидеться с вами. — Неожиданно он проявил не меньшую готовность уйти, чем я — выставить его. Меня слишком разморило от пива, поэтому я как-то упустил из виду причину такой перемены. Перидонт направился к двери. — Удачи, мистер Гаррет. И спасибо вам за чудесный бренди, хотя я и обесценил его, хлебнув, словно низкосортное вино.

Я проводил его до передней двери, заперся и поспешил обратно — проверить, сколько марок можно запихнуть в мешочек чуть-чуть покрупнее моего кулака.

Морли ввалился без приглашения как раз в тот момент, когда я приступил к делу.

— Что это такое, Гаррет? Чудиой какой-то тип.

— Клиент, который предпочитает оставаться инкогнито.

Морли мой ответ не понравился. Как и все остальные, он считает, что я могу сделать исключение и довериться его благородству.

— Я не хотел бы показаться невежливым, Морли, но я спал совсем немного.

— Я понимаю намеки, Гаррет. Позволь мне проститься со стариком.

— Валай.

Минутой позже, перетаскивая деньги в комнату Покойника, я подслушал, как Морли дает Дину рекомендации насчет моей диеты с тем, чтобы я меньше уставал и не капризничал целыми днями.

Добрый старина Морли, приглядывающий у меня за спиной за моим благополучием. Если Дин начнет кормить меня салатами и соевым творогом, я задушу их обоих.

28

Я закрыл за Дотсом дверь, заперся на засов, привалился к косяку и вздохнул. Ну, теперь назад — к грезам о белокурой красотке. Времени у меня сколько угодно. Никогда не понимал фанатиков, ратующих за ранние пробуждения.

Потом я вспомнил, что не попытался уладить недоразумение с Тинни. Чем дольше я тяну, тем сложнее мне будет вернуть ее благосклонность. Кроме того, мне совершенно необходимо разыскать Майю и извиниться.

Но не сегодня. Уже очень поздно.

И тут в тишине улицы раздалось звонкое гулкое «цок-цок» лошадиных копыт и металлическое дребезжание железных ободов, подпрыгивающих на булыжниках. Я прислушался. Обычно после наступления темноты колесное движение замирает. Обладатели экипажей не хотят объявлять грабителям, что тут есть кого грабить.

Звук стих.

У меня без всякой видимой причины упало сердце.

Я отправился на кухню — посмотреть, не нужна ли Дину моя помощь. Может, я немного ясновидящий и почувствовал, что тащиться наверх не имеет смысла.

В дверь постучали. Этот стук был воплощением решимости. Кто бы ни ломился в дом, отступать он явно не намеревался.

Я издал самый обреченный из своих вздохов и пошел посмотреть, кто там.

На крыльце стоял посланник Большого Босса — Краск. Он казался еще более противным и зловещим, чем обычно, потому что старался держаться любезно и дружелюбно.

— Чодо просит передать, что вы очень его обяжете, если согласитесь немедленно отправиться к нему. Вы получите компенсацию за причиненные вам неудобства.

Так. Еще один. В последнее время буквально каждый встречный жаждет оделить меня деньгами, ни словом не намекнув, что происходит. Если так пойдет и дальше, я стану богатым человеком.

А Покойник еще считает, что я без него не выживу.

Я не отшил Краска. Рано или поздно мы с его боссом все равно столкнемся лицами, но это произойдет по какой-нибудь более существенной причине, чем мой недосып.

— Позвольте мне закончить свой туалет, — сказал я. Черт, от Краска у меня мурashki по коже. Я никогда не встречал человека, который излучал бы такую угрозу. Если, конечно, не считать его закадычного дружка Садлера, сделанного из того же теста.

Пять минут спустя я вскарабкался в личную карету Чодо Контагью. Чодо на борту не оказалось. Зато там был Морли собственной персоной. Меня это не удивило. Его кислый вид полностью соответствовал моему душевному состоянию.

Наше путешествие не было окрашено оживленной беседой. Краск не любитель поговорить. И его присутствие как-то не способствует общему веселью.

Поместье Чодо находится в нескольких милях к северу от Танферских Северных Ворот. Его владения могли быть предметом гордости любого герцога. Обширный, великолепно ухоженный парк окружен высокой каменной стеной. Стена призвана

скорее удерживать желающих вырваться оттуда, нежели — проникнуть туда. По парку фланирует несколько сотен чертовых ящеров, которые обеспечивают более надежную защиту, чем любой крепостной ров или стены замка. Я слыхал, что на Чодо было совершено несколько покушений, о которых он даже не подозревает, поскольку его охранники сожрали все, включая имена несостоявшихся убийц.

Я выглянул в окно:

— Что-то любимцы Чодо довольно игривы сегодня. — Ночь была холодной. От холода громовые ящеры становятся вялыми.

— Чодо приказал согреть их, — объяснил Краск. — Он считает, что возможны осложнения.

— Поэтому мы здесь?

— Может быть.

В шкуре Краска живут два человека. Один — чопорный, непробиваемо официальный дворецкий, которого Чодо отправляет с дипломатическими поручениями, второй — бесстрастный и безжалостный убийца, выросший в порту, где он приобрел вкус к кровопусканиям. Я надеюсь никогда не иметь дела со вторым Краском, хотя, боюсь, это неизбежно. Если Чодо прикажет ему убрать меня, я и глазом моргнуть не успею.

Карета остановилась у подножия лестницы, ведущей к парандым дверям Чодо. Тут было светло, хоть читай. Десятки горящих фонарей создавали ощущение, что хозяин закатывает бал и мы — первые прибывшие гости.

— Не выходите, — предупредил Краск. Он, что, принимает нас с Морли за слабоумных? Только полный кретин или самоубийца мог бы вылезти к чудовищам, которые сопели вокруг кареты. Краск вышел и поднялся по ступеням. Твари сго не потревожили.

Морли скончал сквернословие, поэтому, когда он выплюнул: «Дерьмо!», я понял, что он расстроен, и обернулся.

Громовой ящер с головой размером с пятигаллоновое ведро и дыханием, от которого вывернуло бы наизнанку и личинку мухи, заглядывал в карету со стороны Морли. У твари было не меньше тысячи зубов, каждый — с четырехдюймовый нож. Когда эверюга встала на дыбы и принялась царапать карету своими смешными маленькими ручками, в ней оказалось двенадцать футов росту. Чешуя, покрывающая это изящное тело, имела чудесный серо-зеленый оттенок гнили. Кучер треснул по ее морде рукояткой хлыста. Тварь завопила, словно дюжина ослов, и потопала прочь.

— Она напомнила мне одну женщину, которую я знал в былые времена, — сказал Морли. — Только от этой лучше пахнет.

— Я всегда подозревал, что ты трахаешь все, что движется. А что ты делал с ее хвостом?

— Обрадовался возможности почесать языком, да? Я видел, каких обезьян ты обхаживаешь.

— Но у них по крайней мере нормальные зубы.

— Я заметил это прошлой ночью. И какая щеголиха! У нее весьма занятное представление об уходе за внешностью. Ты собираешься прикончить ее, когда у нее выпадут молочные зубы?

От необходимости защищать Майю меня избавило возвращение Краска. Он влез в карету и вручил каждому из нас амулет — камень на железной цепочке.

— Наденьте их и не снимайте, пока не уйдете отсюда. Они охраняют от ящеров. Пошли.

Я надел цепочку и вылез вслед за ним. Ящер, достающий мне до плеча, обнюхал меня, но кусать не стал. Каким-то чудом я ухитрился не намочить штаны.

Дворец Чодо шикарен. На этот раз здесь было тише, чем во время моего последнего визита, хотя сейчас дом кишел гангстерами. В прошлый раз его наводняли обнаженные красотки —

неотъемлемая часть внутреннего убранства. Сегодня девочки кудато попрятались.

Чодо ждал нас у домашнего озера — бассейна, где любили понежиться малыши. Я с трудом подавил желание упрскнуть Большого Босса за испытанное мной разочарование.

Чодо представляет собой бэзволосую уродливую глыбу, прикованную к инвалидному креслу. Многие недоумевают, как калека может наводить на всех такой ужас. Эти люди никогда не подходили к Чодо достаточно близко, чтобы заглянуть ему в глаза. Краск и Садлер по сравнению с ним — само благодушие. И эта парочка служит Чодо руками и ногами. В каком-то смысле они давно перестали существовать как независимые организмы.

Садлер стоял за креслом Чодо. Дальше выстроилась целая свита адъютантов, которых я не знал по именам. Я остановился в шести футах от старика, не пытаясь протянуть ему руку для рукопожатия. Чодо не любил, когда до него дотрагивались.

— Мистер Гаррет. Благодарю вас за то, что вы так скоро откликнулись на мое приглашение. — Его голос проще всего охарактеризовать как скрипучее сипение.

— Из слов Краска я понял, что дело не терпит отлагательств.

Губы Чодо слегка раздвинулись в улыбке. Он повидал достаточно людей, накладывающих перед ним в штаны. Мы поняли друг друга, что скорее было на руку ему, нежели мне.

— Мистер Гаррет, вокруг творится нечто странное. — Каяя учтивость! — Из-за моего горячего желания сохранить вам жизнь я оказался втянутым в непонятные события. И, вероятно, теперь я перед вами в еще большем долгу.

Я открыл рот, чтобы возразить ему. Он приподнял одну белую ладонь на дюйм от буро-коричневого пледа, прикрывающего его колени. Для Чодо это страстный жест. Я промолчал.

— Сегодня днем я уэнал, что преследующие вас люди имели наглость вторгнуться в дом, принадлежащий Организации. Они убили там человека. Я нахожу это нестерпимым.

Я не взглянул на Морли, хотя догадался, кто информировал Чодо. И он еще имел нахальство негодовать, когда я отказался назвать ему имя Перидонта.

— Я мог бы посмотреть на это сквозь пальцы, списав все на юношескую дурь, если бы сегодня они снова не оскорбили меня, на этот раз совершенно непростительным образом.

Чодо кипел. Он так злился, что у него из ушей чуть ли не дым валил.

— Садлер, расскажи мистеру Гаррету. — Старик старался беречь силы.

Голос Садлера похож на серую зиму.

— Вскоре после захода солнца к воротам подошли трое. Они представляли некое лицо, которое называли Хозяином. Их поведение было настолько оскорбительно, что Чодо пожелал видеть их лично.

Негодование Большого Босса прорвалось наружу.

— Короче говоря, мистер Гаррет, этот Хозяин приказал мне не лезть в его дела. Он угрожал мне.

Даже король не осмеливается открыто угрожать главарю преступного мира. Какие бы ни были у Чодо недостатки, самолюбие у него есть. Такое он не спустит никому. Я пожалел бедолаг посыльных. Они заплатят первый взнос дани, которую потребует Чодо.

Садлер слабо улыбнулся, прочитав мои мысли.

— Один выжил. Он понес головы остальных идиоту, который их послал.

— Эти люди — шальные любители. Они не потрудились выяснить, куда сигают, прежде чем сделали прыжок, — высказал я свое мнение.

— Тем не менее их самоуверенность не лишена основания, — прорычал Чодо. — Они не боятся терять людей. Хотя, может быть, они просто хотели избавиться от этих троих.

Он замолчал, чтобы передохнуть, сделав нам знак подождать.

Наконец он заговорил:

— Я предлагаю объединить силы, мистер Гаррет. На время, пока нас связывает общий интерес. — Он реалист, этот старый бандит. Он знает, что я не питаю к нему никакой любви. — У вас нет средств для того, чтобы сражаться с целой организацией. Вам понадобятся годы на одни хождения и расспросы. Я же располагаю такими средствами. С другой стороны, у вас много друзей и связей, доступ в те места, куда мои люди не вхожи, сведения, которые вы уже собрали. — У него снова иссыкала энергия.

Я сам себя удивил:

— Не возражаю. Но я не имею ни малейшего представления, что происходит. Я только предполагаю, что пробудился какой-то отвратительный дракон из мрачного прошлого, что все тут замешано на религиозных мотивах и их люди не ведают никаких сомнений.

— Почему бы нам не обменяться информацией? — предложил Садлер. Уверен, эту фразу вложил ему в уста Чодо до нашего прихода. Садлер поведал мне то немногое, чем они располагали. С их точки зрения, история была самой обыденной, пока Чодо не решил, что задеты его чувства. В частности, они не вкладывали никакого особого смысла в свое послание. Просто Чодо предполагал, что монсты наведут меня на храм, который их выпускает.

— Они и навели, — сказал я. — Только эту лавочку должны были прикрыть еще двести лет назад. По указу Бриана Третьего. — Я поведал им свою часть истории. Я не скрыл ничего, кроме имени своего союзника внутри Церкви, это они просекли достаточно быстро.

— Неплохо было бы подкрепиться, — заметил Чодо.

Один из младших адъютантов немедленно исчез. Он вернулся через две минуты, толкая перед собой тележку, нагруженную

сластями. В наступившей тишине мы услышали чудовищную грозу, надвигающуюся со стороны реки.

Для меня привезли пиво. Я решил вознаградить себя за эту поездку. Ночь близилась к концу. К тому времени, как я вернусь домой, не будет уже никакого смысла заваливаться в постель.

— Этот церковник в курсе дела, — заговорил Чодо. — Возможно, следует на него нажать.

— Вряд ли это мудро. — Я назвал имя.

— Сам Великий Инквизитор? — Имя произвело должное впечатление. Существуют силы, гнев которых даже Большой Босс не станет навлекать на себя без необходимости.

— Он самый. — Организация, возглавляемая Чодо, могущественна и смертоносна, но Церковь — крупнее, и на ее стороне небеса. Кроме того, она без особого труда может получить поддержку государства.

Раскат грома словно бы поставил точку.

— Значит, ключом к разгадке будет женщина, мистер Гаррет. Я займусь Хозяином. Стану его ночным кошмаром. Буду преследовать его и отвлечь внимание. Вы же разыщите эту женщину. — Вероятно потому, что я единственный, кому известно, что искать.

Жизнь, наверное, крайне проста, когда у вас нет совести и достаточно могущества, чтобы просто высказать пожелание, и куча людей расшибутся для вас в лепешку.

— Боги, похоже, устроили шабаш, — впервые подал голос Морли. Гром гремел, не умолкая.

Чодо сделал знак рукой. Садлер достал из-под кресла босса два мешочка. Один он швырнул мне, а другой, побольше, вручил Морли. Обещанные две тысячи марок, по всей видимости.

— Я слышал, вы стали избегать паучьи бега, — обратился Садлер к Морли.

— Я стараюсь, — ответил Морли.

Садлер посмотрел на мешочек и улыбнулся, уверенный, что теперь Дотс не сможет устоять перед искушением и денежки скоро вернутся домой.

Вошел один из бандитов и зашептал что-то на ухо Краску. Мне показалось, что он взволнован.

— Садлер, проблемы, — бросил Краск. — На выход. — Все, кроме Чодо и телохранителя, ушли с ним.

— Я буду держать с вами связь, мистер Гаррет. Дайте мне знать, когда отыщете женщины. Краск отвезет вас домой, как только управится с делами. — Чодо дал мне понять, что я свободен.

Он так уверен в Садлере и Краске. Эта уверенность вознесла его на вершину танферского преступного мира.

Морли не двинулся с места. Он получил какой-то сигнал, что Чодо желает побеседовать с ним наедине.

Я направился к парадным дверям, ошеломленный. Я только что заключил союз с человеком, которого ненавидел больше всех на свете.

Оставалось надеяться, что я об этом не пожалею.

29

Я вышел из дома, и моим глазам открылось необыкновенное зрелище.

Краск, Садлер, дюжина бандитов и свора громовых ящеров собрались перед входом и таращились в небо.

Грозовой фронт захватил не больше нескольких акров неба. И направлялся прямиком к владениям Чодо. Никогда прежде я не видел, чтобы тучи так близко опускались к земле.

Внутри фронта подрагивали огоньки: три — цвета пламени свечи и один — зловеще-красный. Туча остановилась над поместьем, и желтые огни начали падать на толпу, собравшуюся на

лужайке. Через мгновение я увидел трех парней, бросившихся по воздуху. Все трое были одеты в стариные доспехи.

Забавно устроено наше мышление. Я не поразился тому, что люди разгуливают по воздуху, я гадал, какой музей они ограбили, чтобы раздобыть свои железные костюмы.

Двое бандитов Чодо пропали мимо меня в дом, и я увидел, какие огромные у них глаза. Краск и Садлер приказали всем вернуться в дом. Их экипировка не годилась для противостояния облаченным в доспехи пришельцам, гарпующим в лунном свете.

Бандиты прошмыгнули мимо меня без единого слова. Внутри Краск и Садлер вопили, требуя арбалеты, пики и прочий металлический мусор. Если у них есть оружие, они знают, как им воспользоваться. Они тоже отслужили свои пять лет в Кантарде.

Первый воздухоплаватель коснулся земли. Сияние вокруг него померкло. Он шагнул ко мне, поднял руку...

И громовые ящеры настигли его. Они разодрали его в клочья в два мгновения ока. Если бы на нем не было доспехов, они прикончили бы его еще быстрее.

Двое других передумали спускаться. Не знаю, зачем они сюда прибыли, но перспектива стать закуской чудовищ их явно не привлекала. Зависнув в воздухе, парни явно решали, что им делать. Ящеры начали подниматься на задние ноги. Воздухоплаватели поспешили приподняться повыше и принялись метать молнии. Громовые ящеры слишком тупы, чтобы сообразить, когда пришло время удирать поджав хвост, но Гаррет всегда чувствует, если соперник его превосходит.

Повернувшись к дому, я заметил, что красный огонь из грозовой тучи исчез. У меня появилось дурное предчувствие. Краск, Садлер и их ребятишки выскочили из дома с таким количеством оружия, что его хватило бы на осаду целого города. Я не очень близко знаком с колдовством. Во время своего пребывания на войне я не видел ни одного крупного чуда, зато повидал доста-

точно мелких, чтобы понять, в какую беду могут угодить эти летающие типы.

Если они собираются защищаться от метательных снарядов и обстреливать противника молниями, им придется спуститься вниз. **Хлоп!** Угощение громовыми ящерами обеспечено.

Но это не моя забота. Я направился к бассейну.

Вдруг замок содрогнулся.

Я остановился как вкопанный.

Что-то прониралось сквозь крышу в зал с бассейном с такой легкостью, словно дом был сделан из бумаги. Огромная безобразная лоснящаяся багрово-черная рожа, похожая на морду клыкастой гориллы, заглянула в дыру, и тварь стала раздирать крышу дальше.

Проклятие, да она гигантская!

Телохранитель Чодо направился к дыре. Не знаю, что он собирался сделать. Возможно, просто хотел показать боссу, какой он храбрый.

Я подошел к Морли и Чодо:

— По-моему, разумнее будет выбраться отсюда. Эта тварь кажется не слишком дружелюбной.

Она провалилась в дыру и приземлилась в дальнем конце бассейна, в пятидесяти футах от нас. В ней было не меньше двенадцати футов роста, но меня больше поразили ее шесть рук. Эта тварь, возможно, послужила оригиналом художнику, делавшему клише тех храмовых монет. Она колыхалась, словно я смотрел на нее сквозь пламя.

Телохранитель Чодо прекратил наступление. Наверное, испытал приступ здравомыслия.

— Думаю, ты прав, — одобрил Морли.

Тварь прыгнула на парня Чодо прежде, чем он успел повернуться. Их состязание по борьбе длилось ровно секунду. Обезьяна дожевала ногу бандита, и ее глаза остановились на нас.

Чодо выругался. Морли покатил его кресло к двери. Я сунул руку в карман. Случай, кажется, самый подходящий.

Тварь заревела и пошла в наступление. Я запустил в нее рубиновой склянкой, которую подарил мне Перионт. Она разбилась на груди чудовища. Я бросился подгонять Морли и Большого Босса к выходу.

Чудовище замерло и начало себя скрести. Оно озадаченно ухнуло, потом испустило протяжный вопль. Я добежал до дверей и обернулся.

Плоть на груди твари таяла, словно воск на огне. И испарялась, образуя красную дымку. Тварь, визжа, раздирала себя когтями. Желеобразные куски шлепались на мраморный пол и испарялись, оставляя после себя ноздреватые пятна. Чудовище забилось в конвульсиях и плюхнулось в бассейн, взвив воду в алую пену.

— Не хотел бы я оказаться на месте того, кто будет здесь убирать, — заметил Морли.

— Теперь я обязан вам жизнью, мистер Гаррет, — прохрипел Чодо.

— Гаррет, я боюсь, что однажды я окажусь с тобой, а у тебя в рукаве ничего не будет припрятано, — сказал Морли.

— Я тоже, Морли. Я тоже.

— Что это за штука, черт побери?

— Скажи мне, и мы оба будем знать.

— Это несущественно, — проворчал Чодо. — Поговорим позже. Отвезите меня к передним дверям.

Он был прав. Мы еще не выкарабкались. Свалка снаружи продолжалась.

Мы прибыли под занавес. Большинство громовых ящеров и половина бандитов были выведены из строя. Но успех дорого обошелся воздухоплавателям. Гигантский ящер достал одного в прыжке и стащил его вниз. Второй, под ляг доспехов, сдирае-

мых с него, подскочил в воздух, словно сошедшая с орбиты комета.

Краск и Садлер заметили босса. Они потрусили к нему так быстро, как только позволяла им хромота.

— Джентльмены, я рассержен. — В голосе Чодо не было гнева. Он относится к числу тех негодяев, которые опаснее всего, когда от них веет ледяным холодом. — Чтобы больше никаких сюрпризов не было.

Дом и земля вокруг содрогнулись. Алый туман вырвался через крышу и рассеялся на ветру.

Ослабевший грозовой фронт исчез вместе с последним воздухоплавателем. Из-за горизонта осторожно выглянуло солнце, словно проверяя, безопасно ли будет вылезти.

— Найдите этих людей, — приказал Чодо. — Убейте их. — Он посмотрел на меня и Морли. — Пусть кто-нибудь отвезет этих джентльменов домой. — Большой Босс демонстрировал полную слепоту к тому, что Краск и Садлер едва держались на ногах. — Вон идут Прилипала и Лучник. Выслушайте их доклады. Потом отправляйтесь.

На подъездной дорожке показались два бандита. Их амулеты волочились по земле.

30

Я выпал из кареты перед своим домом, и некоторое время мне казалось, что я продолжаю падать. «Становишься слишком стар для таких развлечений», — пробормотал я себе под нос. Пожалуй, долго я так не протяну. Мне едва хватит времени, чтобы привести себя в порядок и, быть может, часок соснуть. А потом надо приниматься за поиски Джилл.

Если я сумею решить, с чего начать.

Я не сомневался, что она не возвращалась в свою квартиру, хотя это следовало проверить. С чем-чем, а с сообразительностью у нее все в порядке.

Дин впустил меня в дом и накормил. Я пересказал ему последние события, чтобы наш бесполезный квартирант получил возможность меня подслушать. Дин ужасался и охал в надлежащих местах, хотя и считал, что я бессовестным образом приукрашиваю незначительный инцидент. Потом я отправился наверх, растянулся в кровати и продолжил мучиться мыслью, которая терзала меня всю дорогу домой.

Не станут ли меня отождествлять с Большим Боссом?

Вокруг гибли люди, меня пытались убить, а я лежал и думал, не может ли пострадать моя репутация независимого эксперта.

Дин, крыса этакая, позволил мне дрыхнуть целых четыре часа. Я орал и рычал на него. Он только улыбался. Орал я не слишком долго. Возможно, его основания весомее моих. Выспавшись, я с меньшей вероятностью могу совершить какую-нибудь роковую глупость.

Я вскочил, быстро умылся и переоделся, еще быстрее поел и рванул на улицу. Сперва я решил заскочить в квартиру Джилл. Мне не составило труда пробраться внутрь. На первый взгляд там ничего не изменилось. Но я ощущал перемену. Я принялся осматриваться и вскоре понял, в чем дело.

Ящик с монетами опустел. Конечно, до него мог добраться кто угодно. Но старая потрепанная тряпичная кукла тоже пропала. Готов спорить, никто, кроме Эстер, не подумал бы ее прихватить.

Итак, она все-таки отважилась вернуться, хотя бы и ненадолго. Только для того, чтобы забрать куклу и какую-то жалкую мелочь? Вряд ли. Может, кто и способен на такое, но только не

Снежная Королева. Поэтому я снова перевернул все вверх дном. И не обнаружил никаких других пропаж или дополнений.

Я выскользнул из квартиры не слишком довольный. Там должно было оказаться что-то еще... Я уперся взглядом в дверь напротив.

Почему бы не заглянуть туда?

Я толкнул дверь, и она бесшумно распахнулась. Я вошел. Ни о кого не споткнулся. Она лежала там, на самом видном месте — на маленьком письменном столике.

Милый,

ключ в безопасности. Я вынуждена исчезнуть. Они действуют все отчаянней. Будь осторожен. С любовью.

Мериголд

Мериголд? Почерк ничем не отличался от почерка записки, оставленной мне Эстер Пруджилл. У нее что, припасены разные имена для каждого нового знакомого? Трудновато же будет ее найти. Никто просто не поймет, о ком я спрашиваю.

Она — актриса. Что, если она действительно становится другой всякий раз, как меняет имя?

Придется дознаваться, кем была Джилл в прошлом, и только потом искать Джилл, которую я знаю. Такой метод использовал Шнырь, когда охотился за какой-нибудь особой, исчезнувшей по собственному желанию. Он обхаживал родственников, друзей, недругов, соседей, и они рассказывали ему все, что знали. Тогда он начинал понимать пропавшего лучше, чем любой из близких, начинал думать как его объект.

Но это требует времени, а его у меня как раз нет.

Моя самая высокая ставка — Майя и Рок. До их берлоги рукой подать. К тому же я должен извиниться перед Майей.

Я вышел на улицу с неясным и неприятным ощущением, что упустил что-то важное. Я медленно шагал по улице, проверяя, нет ли за мной слежки. Есть! Меня сопровождали.

Эти ребята прицепились ко мне, когда я выходил из своего дома. Я заметил троих, крутившихся там без видимой цели. Близко они не подходили. Вставать у меня на пути, похоже, не собирались. Но и не особенно старались оставаться незамеченными. Выглядели они не такими заморенными и потрепанными, как мои недавние враги.

Если они будут сохранять дистанцию, можно пока о них не думать.

Я был в квартале от логова Рока, когда до меня дошло, что на хвосте у меня сидят не только мальчики. Меня пасли еще и Сестры Рока.

Люди, как правило, не обращают внимания на подростков, особенно на молоденьких девочек без знаков отличия. Я ничего не замечал, пока мне не показалось, что встречаю одних и тех же девушек уже несколько раз. Тогда я пригляделся повнимательнее и выделил парочку, которую видел прежде.

Ну и что дальше?

По мере того, как я приближался к убежищу Рока, они подбирались все ближе. Должно быть, я ранил чувства Майи сильнее, чем думал.

Она всегда отличалась обидчивостью и непредсказуемостью.

Если возникла какая-то конфронтация, лучше разбираться на свежем воздухе. По крайней мере будет выбор, в какую сторону удирать.

Я сел на ступеньку перед входом.

Мой маневр сбил их с толку. На то и был расчет. Я ожидал, что они доложат Майе и она выйдет объяснить, какой я засранец.

Не тут-то было.

Через несколько минут девицы поняли, что я их подзываю. И двинулись вперед. Атмосфера сразу же наэлектризовалась. Повеяло бедой. Всех, кроме участников представления, как ветром сдуло, хотя никто не бежал и не вопил о помощи. Девочки окружали меня не спеша, с уверенностью хищников, привыкших

охотиться стаей. Я сунул руку в карман и стал теребить один из подарков Перидонта.

Я выбрал шестнадцатилетнюю бандитку, которую немного знал, посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

— Майя перестаралась, Тей. Скажи ей, пусть вытаскивает сюда свой хвост. Надо потолковать, пока никто не пострадал.

Барышни смущенно переглянулись, но та, к которой я обратился, не позволила какому-то старишке задурить себе голову:

— Где она, Гаррет? Что ты с ней сделал?

Шайка сомкнула ряды, источая угрозу. И типы, которых я засек раньше, придинулись поближе. Их было пятеро, и двоих я знал — Плоскомордого и громилу по имени Колтрейн.

Все понятно.

Чодо решил, что ему нужны сведения о Джилл. Без них он не мог разделаться с Хозяином. Он не сомневался, что я ее найду. Поэтому, движимый заботами о моем здоровье и желанием быть в курсе, поручил Морли обеспечить мне прикрытие.

Морли — тот еще друг. За ним нужен глаз да глаз. Иначе он идет на всякие сделки со своей совестью.

Я посмотрел на эти пять подарочков за спинами девиц и хихикнул.

— Ты думаешь, это забавно, Гаррет? Хочешь знать, что мы делаем с комедиантами? Посмотрим, сможешь ли ты смеяться с собственными яйцами в глотке. Что ты сделал с Майей?

— Я ничего с ней не делал, Тей. Я ее не видел. Поэтому я и пришел сюда. Я хотел поговорить с ней.

— Не надо кормить нас сказками, Гаррет. Когда мы в последний раз видели Майю, она болталась с тобой и смотрела тебе в рот здоровенными, как блюдца, глазищами.

Одна малышка заметила моих ангелов-хранителей:

— Тей, мы в компании. — Девицы обернулись. Уровень враждебности упал как по волшебству. Пятеро парней, особенно

пятеро таких парней, способны притушить чью угодно воинственность.

— Вот так-то, — сказал я, ухмыляясь. — Тей, почему бы тебе не присесть? Давай поговорим как цивилизованные люди. — Я похлопал по ступеньке рядом с собой.

Тей огляделась. Ее подружки — тоже. Мои ангелы не привели на них впечатления людей, обремененных совестью. Им не составило бы труда растоптать стайку девчонок. Они выглядели как людоеды, потребляющие детишек на десерт.

Тей была одной из заместительниц Майи. Она воображала себя ее преемницей. Это отвратительное маленькое создание с физиономией не краше вареной репы обладало такими манерами, что Майя рядом с ней казалась аристократкой. Но у Тей имелись мозги. Она принимала разговор как альтернативу более популярным методам разрешения спора. Она села.

— Мне кажется, что вы потеряли Майю, — сказал я.

— Она так и не вернулась. Судя по ее распоряжениям, она что-то замышляла.

— Она помогала мне, — признался я. — Мы бродили по городу — пытались выследить нескольких типов, которые убили моего приятеля. — Я в общих чертах описал тот вечер. Девчонки слушали с жадностью, словно собираясь поймать меня на лжи.

— Ты не так хорошо знаешь Майю, как думаешь, — заявила Тей. — Ее нужно воспринимать всерьез. Она не станет ничего говорить просто ради красного словца. Ты ведь догадываешься, что она сделала, так?

— Она попыталась выследить тех типов, чтобы показать мне, что может справиться и без меня, — высказал я догадку.

— Ага. Иногда она бывает упрямой как ослица. Что будем делать?

— Я найду ее, Тей.

— Она из Рока, Гаррет.

— Эти типы играют грубо. Это тебе не уличные разборки — несколько разбитых носов, и все кончено. Они пытались разделаться с Чодо Контагью. Они используют колдовство.

Тей и глазом не моргнула:

— Колдуны истекают кровью не хуже других.

Я пристально посмотрел ей в лицо. Она не храбрилась.

— Ты помнишь светловолосую девицу, прежде входившую в Рок? Она без конца выдумывала себе разные имена и врала о себе с три короба?

— Эстер Поуджилл?

— Это одно из имен, которые она использовала. Наверное, она немного чокнутая.

— Конечно, я ее помню. Эстер — ее настоящее имя. Она хотела быть чокнутой. Говорила, что для психов правдой становится все, что они хотят принимать за правду. Настоящая правда Эстер не устраивала. Она хотела ее забыть.

Я снова внимательно посмотрел на Тей:

— Вы были близки?

— Я была ее единственной подругой. Только я ее понимала.

Только я знала то, что она старается забыть.

Иногда перебегаешь реку так быстро, что оказываешься на другой стороне, не успев замочить башмаков. Меня будто молнией осенило.

— Это из-за нес начался пожар, погубивший ее семью.

Тей кивнула:

— Эстер вылила галлон масла на своего отчима, когда он напился в стельку. Она не думала, что начнется пожар. Она просто хотела насолить ему.

Если бы я погубил всю свою семью, я тоже хотел бы сойти с ума. Возможно, хотел бы даже умереть, как они.

— Зачем она тебе? — спросила Тей.

— Она — ключ к загадке, которую мы с Майей распутываем. — Я вкратце обрисовал ситуацию. — Эта женщина, воз-

можно, сумела бы нам кое-что объяснить. — Я говорил тихо, не желая, чтобы разошелся слух, будто Гаррет не единственный, кто может навести на Джилл Крайт. Ради себя и Рока.

Как я уже сказал, у Тей были мозги. Я рассказал ей достаточно, чтобы она смекнула, что к чему.

— Ты — змея, Гаррет. Сладкоречивая гадюка. Так и быть, мы тебя отпускаем. Но запомни: мы увидимся в следующий раз, когда я буду подружкой у Майи на свадьбе.

У меня вытянулась физиономия. Эта паршивка надо мной смеялась.

— Кажется, я знаю, где искать Эстер. Я дам тебе знать.

Я хотел возразить, но было поздно. Мой конвой решил, что я в безопасности, и снялся. Я не решился настаивать, враждебность могла бы вспыхнуть с новой силой. Поэтому я тихо сидел и ждал, пока девочки разойдутся по своим делам.

Дома Дин доложил, что никто не заходил и ничего не передавал. Я сказал ему, что Майя, возможно, в беде. Он расстроился и молча дал мне понять, кого считает виновником. Я спросил его, не улучшился ли нрав Покойника. Дин сообщил, что старый мешок сала снова впал в спячку.

— Прекрасно. Если ему так хочется, мы просто вычеркнем его из своей жизни. Мы не станем беспокоить его даже последними новостями о Слави Дуралейнике.

Мне было горько. Я тоже винил себя за то, что втянул Майю в переплет. Я должен пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что. Покойник мог бы справиться с такой задачей.

31

Я принял ванну, переоделся, поел, потом, за неимением другого блестящего плана, побрел в особняк Тейтов и крупно поскандалил с Тинни. После скандала состоялось примирение.

Оно показалось нам таким забавным, что мы решили помириться дважды.

К тому времени, как мы закончили мириться в третий раз, уже стемнело, и я начал беспокоиться о деле, которое совершен-но вылетело у меня из головы. Поэтому у нас возникла еще одна маленькая ссора, что дало нам предлог помириться снова. Наконец я удалился.

Выходя из дома, я столкнулся с дядей Тинни, Уиллардом, и он начал окольными путями выпытывать, когда мы с Тинни назначим дату. У Уилларда те же трудности, что и у Дина.

Стало быть, и он туда же?

Интересно, почему столько людей пытаются всеми правдами и неправдами охомутать своих близких? Может, если бы они отступились и не служили бы бедолагам вечным напоминанием о грозящей опасности, молодые люди попадали бы в ловушку прежде, чем успевали ее заметить.

Почему у меня так скверно на душе?

Потому что я замечательно провел день. Потому что, пока я развлекался, нехорошие дяди трудились не покладая рук. Потому что бедовый ребенок, которого я любил, по моей вине по уши увяз в этой мерзкой истории, а я и пальцем не шевельнул, чтобы ей помочь.

«Ох, парень. Ты опять туда же». Я узнал симптомы. На свет божий извлекаются старые скрипучие доспехи и проеден-ный ржавчиной меч. Гаррет собирается играть в благородство.

На этот раз кто-нибудь заплатит за мои несчастья — хотя я не намерен взимать плату в том виде, в каком от меня ждут.

Я никогда не поступаю в точности так, как от меня хотят. Я делаю то, что считаю необходимым. Вот почему не все мои бывшие клиенты дают мне благоприятные рекомендации.

Не придумав ничего лучшего, я отправился в театральный район на Старом Судоходном Канале. Кто знает? Вдруг на-ткнусь на свою белокурую дичь?

Конвой по-прежнему маячил у меня за спиной. Лица периодически менялись, но не меньше четырех человек постоянно крутилось поблизости. Как чудесно знать, что тебя любят!

Интересно, почему банда Хозяина оставила меня в покое? Те из них, кого я видел, выглядели слишком невежественными, чтобы заметить, что я путешествую под защитой.

Я разыскал всех своих театральных знакомых. Они знали уйму роскошных блондинок, но ни одно из известных мне имен Джилл ничего им не говорило. Поскольку у нее не было никаких особых примет, мои информаторы ничем не могли помочь. Им пришлось показывать мне всех блондинок-актрис. Девочки были умопомрачительно хороши собой, но ни одна из них не была Джилл Крайт.

Будь я в другом настроении, я бы чудесно здесь поохотился. Я мысленно взял себе на заметку, что надо будет состряпать похожую историю в другой раз, когда я буду располагать времснем понюхать цветочки в этой стране чудес.

Где-то к концу наших похождений моих ушей достигла новость, изрядно бородатая для всего остального населения Танфера. Я случайно подслушал разговор между офицерами Городской Стражи и их женами.

Танфер содержит на жалованье тысячу человек, призванных заботиться о безопасности населения. Но за прошедшее столетие служба в Страже превратилась в синекуру для племянников и других неудобных родственников, которым нужно помогать, не прибегая к помощи семейного кошелька. В наши дни девяносто процентов этих молодцев лезут из кожи вон, чтобы не вмешиваться в беспорядочное течение городской жизни. Когда они пытаются что-нибудь предпринять, то неизбежно выбирают самые непримлемые методы и портят все окончательно.

Офицерам выдают красивенькую форму, в которой они любят щеголять. Театр — очень подходящее для этого место.

Эта группка сетовала по поводу какого-то преступления, настолько чудовищного, что рассвирепевшие горожане грозили пинать несчастных служащих Стражи до тех пор, пока они не выйдут на улицы и не предпримут хоть что-нибудь. Жены в полном согласии пришли к выводу, что армия должна изгнать из города все низшее сословие и нелюдей.

Интересно, кто, по их мнению, будет им стряпать, стирать, убирать, шить их прелестные маленькие туфельки и роскошные платья?

— О чём это они? — спросил я парня, сопровождавшего меня в экскурсии от блондинки к блондинке.

— Ты не знаешь?

— Пока нет.

— Крупнейшее массовое убийство за последнее десятилетие, Гаррет. Настоящая резня. Где ты держишь свои уши?

— Под простыней. Прекрати выпендриваться. Что случилось?

— Сегодня среди бела дня орава гангстеров ворвалась в ночлежку на Причальной улице, Южная Сторона, и всех поубивала. Самое малое число погибших, которое мне называли, — двадцать два. Человек шесть уволокли живьем. Говорят, это работа Чодо Контагю. Похоже, мы втянуты в гангстерскую войну.

— Когда Чодо в бешенстве, это ни для кого не остается тайной, — пробормотал я. Интересно, что Краск и Садлер вытнули из своих пленников? Мне была ненавистна мысль, что они опередили меня по причине своей неразборчивости в средствах.

Что я мог поделать? Единственной моей зацепкой оставалась Джилл Крайт. И тут я зашел в тупик.

Дьявол! Мог бы с тем же успехом пойти домой, проспать восемь часов и приступить завтра пораньше.

32

Впуская меня в дом, Дин прошептал:

— Вас ждет молодая дама, которая хочет поговорить о Майе. — Его наморщенный нос подсказал мне, что он думает о посетительнице. Я без труда догадался, кто она.

— Тей Котон?

— Она не назвала себя.

Пока Дин отсутствовал, Тей добралась до пива.

— У тебя вид побитой собаки, ты знаешь об этом, Гаррет? — Она залихватски влила в себя пиво, словно пила его с рождения, но оно попало в дыхательное горло. Тей раскашляла пену по всей кухне. Дин воспринял это без всякого восторга. Я постучал ее по спине.

И, будто кто-то дожидался моего прихода, в переднюю дверь принялись молотить кулаками.

— Проклятие! Кто там еще? — Я потопал в холл, глянул в глазок. Этого типа я не знал. Но, судя по его голодному, потерпенному и мрачному виду, нетрудно было догадаться, что он из банды Хозяина. Стало быть, Чодо не со всеми расправился.

Я убедился, что он без компании, еще раз оглядел незваного гостя, оценивая его возможности. Он тем временем продолжал дубасить в дверь.

— Лучше мне побеседовать с тобой, пока тебя не слопал Плоскомордый. — Иногда присутствие ангелов-хранителей может оказаться помехой.

Я дернул дверь на себя, схватил его за куртку, втащил внутрь и врезал им по стене.

Он стал хватать ртом воздух и заикаться. Я еще пару раз треснул им об стену:

— Говори!

— Хозяин... Хозяин... — Мой прием отшиб ему память. Он позабыл текст своего выступления.

— Я не собираюсь валандаться с тобой всю ночь, подонок! Если есть что сказать — валяй. Твои дружки у меня уже в печеньках сидят.

Из его полубессвязного лепета я понял, что Хозяин испытывает те же чувства в отношении меня и дает мне последнюю возможность убраться с его пути и заняться собственными делами. Иначе...

— Иначе он подпустит жука мне под рубашку? Вперед! Если у этой гадины и имеется мозг, то только спинной. Ему осталось копошиться на этом свете ровно столько, сколько потребуется Чодо Контагю, чтобы до него добраться. Если у тебя и твоих дружков есть хоть капля разума, утопите его и удирайте обратно, откуда пришли. — Я стал толкать его к двери. — Передай своему безмозглому боссу, что он и есть мое дело и я намерен взяться за него вплотную.

— Подождите!

«Иначе» все-таки последовало. И оно представляло собой не личную угрозу, как я ожидал услышать. Мне столько раз угрожали, что я давно перестал обращать на это внимание. Но этот парень взялся за дело с другого конца:

— Хозяин велел передать вам, что у него ваша подруга, Майя Стамп, и именно ей придется расплачиваться за вашу...

Шмяк! Снова об стену.

— А у меня есть ты, старина.

— Я — ничто. Я — палец на его руке. Отрежьте меня, и на моем месте вырастет другой.

Он не блефовал. Черт побери! Чего бы ни отдали наши командиры в Кантарде за несколько тысяч парней, которые не возражали бы отправиться на заклание.

— Тей, пойди сюда.

Все равно она подслушивала у кухонной двери.

— Чего?

— Этот тип утверждает, что его босс схватил Майю. Они собираются сделать с ней какую-то гнусность. Его не волнует, как мы с ним обойдемся.

Тей фыркнула:

— Заволнует, если за него возьмусь я. — О, беспечная жестокость юности!

— Наверное. Но босс не послал бы его сюда, если бы он что-нибудь знал. Поэтому я думаю немного помять его и выбросить вместе с мусором.

Как я уже говорил, Тей — девочка смышленая. Она сообразила, что от нее требуется.

— Ну, если я не могу его получить, пусть катится ко всем чертям. — Она отправилась обратно на кухню. И вышла через заднюю дверь потолковать с Сестрами.

Я еще пару раз шмякнул посыльного об стенку:

— Передай своему боссу — если он хоть пальцем тронет Майю, пусть лучше молится, чтобы Чодо нашел его первым. Чодо жаждет всего лишь убить его. А теперь катись отсюда, пока у меня не кончилось терпение.

Он подозрительно посмотрел на меня, ожидая подвоха, и попятился к двери. Когда он почти достиг ее, я бросился на него. Он завопил и удрал.

Я уселся на крыльце и наблюдал за его резвым галопом.

Все эти запугивания ничего не меняли. Мне не стало легче. Я не смог даже убедить себя, что в них был какой-то смысл.

33

Из темноты вынырнула Тей.

— Ты посадила кого-нибудь ему на хвост? — спросил я.

— Ага.

— Так, с этим улажено. Дин сказал, что у тебя есть новости о Майе.

— Ага. По-моему, мы взяли след.

Я приподнял бровь. Дохлый номер при таком освещении. Поэтому я сказал:

— Как так?

— Ты слышал о сегодняшней буче на Причальной улице? Ребята Чодо прикончили там толпу народа. Я подумала, что здесь есть какая-то связь с твоим делом. Мы расспросили детишек, которые там живут. Некоторые видели все от начала до конца. Люди Чодо поубивали не всех. Несколько ублюдков успели удрать через черный ход. Они утащили с собой пару пленников. Одна из них, похоже, Майя.

Так, так.

— Очень интересно. Куда они удрали?

— Мы не смогли выяснить. Они попрыгали в лодки и отправились вниз по реке. Но далеко не ушли. Детишки рассказали нам, какие у них лодки. Мы нашли одну такую в полумиле от той ночлежки. Кроме того, нам известно, что из Танфера они не сбежали, раз один из них только что приходил тебе угрожать.

Пусть мсня черти заберут, если я испытывал хоть какое-то желание отправиться на прогулку. И все-таки я сказал:

— А что, если мы там побродим? Может, что-нибудь и разнюхаем.

Я предупредил Дина, куда мы отправляемся. Я ожидал небольшой пикировки, потому что ему уже много дней не удавалось попасть домой. Но он не сказал ни слова. Держу пари, он дал бы себе волю, если бы речь не шла о Майе.

До места резни на Причальной улице было несколько миль. А лодки Тей оттуда отправились на юг, так что нам предстояла неблизкая прогулка. Сначала мы шли молча, потом начали разговаривать — главным образом Тей, сделавшаяся в Роке звез-

дой первой величины. Я расспрашивал ее о Майе. Она не рассказала мне ничего нового. Время от времени появлялись ее посыльные, докладывали, куда следует объект. Он шел в том же направлении, что и мы. Тей описала посыльным наш предполагаемый маршрут, чтобы ее могли найти в любой момент.

Мои ангелы следовали за мной тенью.

Словом, мы устроили настоящий парад.

— Я пытался сегодня разыскать Эстер, — заговорил я через некоторое время. — Разглядывал всех блондинок, работающих в районе Старого Судоходного Канала.

Тей рассмеялась:

— Ты искал на Старом Канале? Ты что, поверил этой байке про театр?

Ну да, я купился на нее после признания Перидонта.

— Гаррет, если она когда-нибудь играла, то только в тех спектаклях, где другие актеры — ослы. Или тролли, или гоблины, или карлики. Ты понимаешь, о чем я?

Я хмыкнул от досады. Меня обуяло отвращение не столько к Джилл из-за рода ее занятий, сколько к себе из-за собственной тупости. Где была моя хваленая прозорливость? Я позволил себе видеть только то, что хотел. Я заглотнул целиком бессовестную ложь Перидонта о происхождении его любовницы. Как я мог забыть первое правило — о сексе лгут все, но клиент лжет о сексе всегда.

Я чувствовал себя полным болваном.

— Она вернулась в Веселый Уголок, — сказала Тей. — Я послала туда пару девчонок. Они видели ее, но она исчезла раньше, чем они успели подобраться поближе.

Джилл начинала в Роке. У них вроде нет причин выдавать ее мне.

Чем больше я думал обо всей этой истории, тем сильнее чувствовал свою беспомощность. Было в ней что-то неуловимое, неосознанное. Когда на кону мешок денег, понятно, вокруг чего

все вертится. Вы следите за деньгами, и довольно скоро все становится ясным. Даже если жадность — не главный побудительный мотив игроков. Иногда упомянутый мешок — только средство достижения иной цели.

Но в данном случае я не мог учуять запаха денег. Разве что в игре замешаны Моши, о чём упоминал Перидонт во время нашей первой беседы. Или штуковина, которую эти типы намеревались украсть из квартиры Джилл. Но, похоже, о ней все как-то позабыли в суете и распрах последних дней.

Я принадлежу к людям, которые не понимают нематериальных ставок. У меня есть набор ценностей, которые я воспринимаю довольно серьезно, но, если я не могу это съесть или потратить, или приласкать ночью, мне непонятно, что с этим делать. Конечно, гордиться тут нечем. Это слабость, даже ограниченность. Временами я забываю, что существуют парни, жаждущие погибнуть за идею. Я просто иду напролом, выискивая мешок с деньгами.

Мы добрались до Причальной улицы. Тип, нанесший мне визит, по-прежнему шел впереди. Мои ангелы время от времени выныривали из темноты, вероятно, проклиная меня за нечуткость, с которой я гоняю их по всему городу. И чего мне не спится?

Ребята, я и сам себя проклинаю. По той же самой причине.

— Вот дом, где все произошло.

Причальная улица, порт, торговые лавочки и мастерские, вытянувшиеся вдоль реки, во многом похожи на меня. Они никогда не спят. Дневные работники сменяются ночныхми, и колесо экономики вращается безостановочно.

Перед упомянутым домом стояло полсотни гоблинов, великанов и прочих нелюдей. Они сплетничали, наблюдая за отрядом крысоловов из городских рабочих, грузивших трупы на телеги для отправки в крематорий. Город, с присущей ему оперативностью, только сейчас раскачался и приступил к уборке.

Операция проходила в обычной суматохе учебной пожарной тревоги.

Крысоляди ползали, как сонные мухи.

— Пойду разведаю обстановку, — предупредил я Тей.

— Тебя не остановят?

— Может, и остановят. Но если напустить на себя официальность, они скорее всего решат, что я имею право. Любое человеческое существо, появившееся в это время суток, без труда может выдать себя за начальство.

Я оказался прав. На меня бросили несколько косых взглядов, но они предназначались скорее не мне лично, а начальству вообще. Никто не произнес ни слова.

Я не особо рассчитывал на успех поисков и опять-таки оказался прав. Мусорщики, экскурсанты и охотники за сувенирами обобрали трупы дочиста. Да, жмуриков у нас тоже не стесняются обчищать. Крысоляди ворчали и жаловались, что им ничего не оставили.

Сами виноваты. Хочешь сливок — поспевай вовремя, чтобы их слизнуть.

Одну вещь я заметил сразу же. Эти ребятки занимали здание целиком и пробыли здесь довольно долго. Достаточно долго, чтобы превратить ночлежку в своеобразный жилой храм. Они оштукатурили по одной стене в каждой комнате и расписали их фресками, изображающими восьминогих тварей, ни одна из которых не походила на другую. Я увидел паука, краба, чрезвычайно безобразного осьминога и кучу зверья, которое вообще-то не ходит на восьми ногах, включая точную копию твари, посетившей Чодо. Самым омерзительным был шестирукий человек с черепом вместо лица. В каждой руке он держал какую-то гадость. Над его головой красовался тот же девиз, что и на храмовых монетах: «И Он воцарится со славою».

— Мерзкий монстр, правда? — заметил один из крысоловей.

— Да уж. Вы, часом, не догадываетесь, кто он такой?

— Вы меня озадачили, шеф. Он похож на кошмар какого-нибудь накурившегося психа.

— Угу. Это вам не из дома напротив.

Ничего больше я не обнаружил и вернулся на улицу. Мы двинули на юг. Говорить особенно не хотелось. Я шел и размышлял над картинками. Если бы я мог отложить охоту, стоило бы повнимательнее исследовать этих типов и их дьявольского бога.

Мы прошли еще милю. Я начал ворчать, что только теперь осознал, какой здоровенный город Танфер. Одна из Сестер пребежала с сообщением, что тип, которого мы преследуем, скрылся в помещении склада в полумиле от нас и в пятидесяти ярдах от брошенной лодки.

Когда мы прибыли на место, девчонки уже провели разведку на местности. В здании склада имелись две двери, передняя и задняя, и небольшие отверстия под крышей — для проветривания в летнюю жару. Окон не было. Судя по размерам основной двери, она скорее служила воротами, поскольку в нее спокойно проехала бы телега. Мои помощницы не имели ни малейшего представления, что или кто находится внутри, и ни малейшего желания выяснить это.

Я огляделся. Что мы имеем? Стайку девчонок, правда, довольно опасных, но для настоящего побоища совершенно неприводных. Моих ангелов, которым налет абсолютно ни к чему. И большую неизвестность внутри.

— Я иду туда, — объявил я.

— Ты спятил, Гаррет. — Тей медленно покачала головой.

— Не без того. Но иногда это необходимо.

34

Небольших размеров калитка в здоровенной передней двери была не заперта. Я вошел в здание. Темно как в могиле. Я прислушался. Сначала я не услышал ничего, кроме неясного шебур-

шания, похожего на мышиную возню. Потом где-то в дальнем конце склада хлопнула дверь.

Я медленно пошел, почти не отрывая подошв от пола и выставив перед собой левую руку. Далеко впереди мелькнул свет. Я двигался осторожно, жалея, что нет у меня совиных глаз.

Не успел я представить себя с совиными глазами, как освещение заметно улучшилось.

Свора неприятелей выскочила ниоткуда, разом открыв заслонки фонарей. Я насчитал девятерых. Десятый заговорил откуда-то сзади:

— Мы уже начали опасаться, что вы не заглотнули наживку, мистер Гаррет.

— Извините, что задержался. Опоздания — это мой бич.

Мое чувство юмора не произвело должного впечатления на толпу. Появилось оружие.

— Знал бы, что у вас вечеринка, приоделся бы.

Я не имел представления, как эта штука на меня действует, но открыл синюю бутылочку Перидонта.

В три секунды я не только забыл, где я и почему здесь, но и утратил всякое представление о том, кто я такой. Я не мог двигаться по прямой. Попытался — и меня занесло влево, на штабеля пустых упаковочных ящиков. Я продолжил движение, и вся эта груда рухнула на меня.

Такими похождениями хвастаются перед внуками.

Я пытался сразиться с ящиками, но они оказались проворнее. Тогда я на все махнул рукой и предоставил им делать со мной что заблагорассудится. Я бы соснул часок-другой, но орава непрерывно вопила, зовя какого-то типа по имени Гаррет, и весь этот гам не давал мне сомкнуть глаз.

Кто-то вытащил меня из-под груды. Двое поставили на ноги, а третий стал похлопывать по щекам. Это не особенно помогло.

Еще двое вязали каких-то типов. Весь дом кишел девицами, рыскавшими в поисках чего-нибудь ценного и портативного. Мне удалось отлепить язык от нёба.

— Майя.

Девицы забегали по дому, вопя: «Майя!»

Мои спасители трепались о каком-то типе по имени Чодо, которому они могли продать своих пленников за целое состояние. Я вспомнил, что называл их ангелами. Странно. Ничего ангельского я в них не разглядел.

Голова начала проясняться.

— Все в порядке, ребята. Можете меня отпустить.

— Какого черта ты фокусничаешь, Гаррет? — рявкнул Клин. — Зачем полез в западню? Ты же знал, что тебя ждет!

— Подтолкнуть события. — Я не собирался признаваться, что засада была для меня сюрпризом. Кроме того, я сообразил, что разумнее не хвастать своим гениальным замыслом затащить их на склад вслед за собой. Они могли его не оценить.

Ангелы поворчали и отпустили меня. Я подобрал фонарь и потрусил обратно на склад вслед за орущими девицами.

Внизу был еще один отвратительный храм. Майю держали в кабинете на верхнем этаже. Веревок, которыми ее обмотали, хватило бы, чтобы связать четырех. Ссадины и синяки немного попортили ее вид, но свидетельствовали, что Майя не была покорной пленницей.

Нашел Майю не я. Девицы добрались туда первыми. Когда я прибыл, они уже высвобождали ее из кокона. Но ее признательность досталась исключительно мне.

— Гаррет! Я знала, что ты появишься!

— Пришлось, Майя. Когда твой партнер попадает в переплет, положено принимать меры.

Она взвизгнула и упала на меня.

Некоторые особы женского пола не способны отличить шутку от брачного предложения.

— Не хочу ранить твои чувства, детка, но тебе лучше держаться с подветренной стороны, пока мы не раздобудем немного мыла и воды.

— Мы можем бросить ее в реку, Гаррет, — предложила Тей.

Майя метнула в нее убийственный взгляд. Тей ответила тем же. В ходе дуэли никто не пострадал.

— Скольким удалось удрать? — спросил я.

— Никому! — выпалила Тей. — Тебя поджидали все, кроме одного. Его впустили через заднюю дверь.

— Хорошо. Майя, ты можешь идти? Не стоит тут прохладиться. У этих типов есть дружки, которые зайдут проводить, как у них дела. Не говоря о том, что Рок разгуливает по чужой территории.

— Ты не собираешься задать голубчикам пару вопросов?

— Если бы я решил устроить западню, то не стал бы брать для этой цели людей, которые могут что-нибудь разболтать, если завалят дело. Но у этих парней портачить — просто призвание. Думаешь, кто-то расскажет мне больше, чем узнала ты, пока у них гостила?

Майя признала, что это маловероятно.

— До приезда в Танфер они были простыми фермерами. Они не способны отличить плевок от собачьего дерма. Вся эта заваруха — не их инициатива. Они просто пытаются угодить своему свихнувшемуся богу.

Но Майя хотела отыграться.

— Пнешь кого-нибудь в ребра по дороге. Пойдем. Пора сматывать отсюда. Поблагодари Тей за помощь в твоих поисках. Она тебе ничем не обязана.

Майя подчинилась, но очень неохотно. Наверное, чувствовала, что ее положение в Роке под угрозой. Чако приходится самому утверждаться каждодневно.

Ей не довелось никого пнуть по дороге. Клин решил, что может прибыть подкрепление, поэтому он и его дружки позабочились, чтобы ничто не помешало им получить награду, обещанную Чако за головы этих типов.

Когда мы выбрались на улицу, Майя выглядела неважко.

— Я же говорил тебе, что Клин — не сокровище.

— Ага. — Какое-то время мы шли молча, потом она сказала: — Люди вроде Клина плохие совсем по-другому, правда? Мой отчим... он был жуткой скотиной, но не думаю, что он мог бы убить собаку. А Клину такое — раз плюнуть.

Чако прилагают кучу усилий, чтобы казаться крутymi. И большинство из них действительно жестокие, опасные звереныши — особенно на публике. Некоторые уже в тринадцать — отпетые негодяи. Но в ком-то за множеством защитных оболочек все еще прячется ребенок, и этот ребенок хочет верить, что в жизни есть какой-то смысл. И Майя относится к их числу. Прячущееся в ней дитя жаждет утешения.

— Кто, по-твоему, приносит больший вред? — спросил я, думая про себя, что, пожалуй, не слишком гожусь на роль утешителя. — Нравственные уроды, калечащие тех, кто не может защитить себя? Или убийцы с мертвой душой вроде Клина, который, в сущности, не трогает никого, кроме тех, кто сам на это напрашивается?

Наверное, я справился не лучшим образом. Может быть, в моих построениях имелись здоровенные дыры, но было там и много правды. Подонки вроде ее отчима причиняют зло, и оно остается на всю жизнь, переходит на следующее поколение. Зло, которое творит Клин и ему подобные, бросается в глаза, но оно скоротечно. И оно не пожирает беззащитных детишек.

Я не люблю Клина. Мне не нравится, что он из себя представляет. Он, вероятно, тоже от меня не в восторге. Но готов спорить, он бы со мной согласился.

Во всяком случае, я знал, что говорю. И Майя, кажется, уловила мою мысль.

— Гаррет...

— Ладно, не бери в голову. Поговорим, когда доберемся домой. Все плохое уже позади.

Ну разумеется! Здорово у тебя подвешен язык, Гаррет. Теперь попытайся убедить во всем этом самого себя.

Дин суетился вокруг Майи, словно мать родная. Я так и не смог с ней поговорить. Когда солнце вылезло из-за горизонта, я послал все к дьяволу и отправился спать.

35

Собственное тело меня предало. Я проснулся в полдень и заснуть больше не смог. Мне следовало бы научиться самодовольством, упиваться своим героизмом — в конце концов разве я не бросился на помощь dame и не спас ее от страшной опасности? Но я не чувствовал ни довольства собой, ни гордости. Я чувствовал себя смущенным, злым, взбешенным, расстроенным. Но больше всего — беспомощным.

Я не привык кружить в потемках, не имея представления о том, что происходит и почему. Я начинал подозревать, что, возможно, этого не знает никто. Все слишком увлечены мордобоем, чтобы задумываться, почему мы на ринге.

Да ну все к дьяволу! Кто я в конце концов такой? Обыкновенный наемник. Почему я должен думать за других? Не за это мне заплатили.

Я хотел разобраться в происходящем ради собственного спокойствия. Я не Морли Дотс, для которого деньги и есть вся мораль.

Я пошел вниз подправиться.

Дин услышал, как я слоняюсь по дому, и начал выставлять еду. Горячий чай уже стоял на столе. Подогретые оладьи приземлились рядом, когда я вошел на кухню. За ними последовали масло, варенье из голубики и яблочный сок. На сковороде шкворчали колбаски, рядом кипели яйца.

В кухне было тесно. Помимо Дина, сюда набились две женщины.

— Ты устраиваешь вечеринку? — поинтересовался я у Дина. Он одарил меня одним из своих коронных взглядов.

В одной женщине я узнал Бесс, самую решительную из его племянниц, а вот другая, над волосами которой колдовала Бесс...

— Майя?

— Я ужасно выгляжу?

— Встань. Повернись. Дай-ка я на тебя посмотрю. — Она выглядела вовсе не ужасно. Хотя, если бы подружки увидели ее в таком виде, они тут же с позором изгнали бы ее из Рока. — Просто теперь мне нечем будет отговариваться, если ты захочешь, чтобы я пригласил тебя в «Железного Лжеца». Разве что дракой, которая может завязаться среди твоих поклонников. — Майя была хороша, о чем я всегда догадывался. Но я не догадывался — насколько.

— На колени, молодой человек, — хихикнула Бесс.

— Мистер Гаррет! — заволновался Дин, словно ревнивый папаша.

— Фу! Я не связываюсь с детьми.

— Я не ребенок, — запротестовала Майя. И если подумать, она была права. — Мне восемнадцать. Если бы не война, я вышла бы замуж и уже завела пару детишек.

Все верно. В давние времена их выдавали замуж в тринадцать или в четырнадцать, а к пятнадцати уже теряли всякую надежду сбыть с рук.

— Очко в ее пользу, — сказал я Дину.

— Вам подать яйца, как обычно?

Как это типично для него — переводить разговор на другую тему.

— Больше слова от меня не дождешься.

— А еще взрослые мужчины, — обратилась Майя к Бесс, и та с презрением кивнула. Дин чуть было не разразился одной

из своих тирад, которыми он потчует племянниц всякий раз, сдва те открывают рот.

Мне вдруг пришло в голову, что Бесс старше Майи от силы на три месяца. А Дин без труда мог вообразить племянницу моей женой.

Люди редко испытывают необходимость быть хоть сколько-нибудь последовательными.

Хотя, конечно, в данном случае ключевое слово — «жена».

— Ладно, забудем, — сказал я. — Майя, расскажи мне, что тебе удалось узнать, пока эти типы держали тебя у себя. — Я принялся работать челюстями.

— Особо рассказывать не о чем. Они не пытались меня развлекать или обращать в свою веру.

— Люди всегда замечают больше, чем им кажется. Напрягись, Майя.

— Ладно. У меня возникла блестящая идея, что я смогу кое-что тебе доказать, если выслушу этих типов. Ну и доказала. Подарила тебе шикарную возможность сказать: «Я тебя предупреждал».

— Я тебя предупреждал.

— Умник. Они схватили меня и потащили в какой-то дом, который использовали как храм. Отвратительное, жуткое место. Стены разрисованы всякими мерзкими картинками.

— Я это видел.

— Меня заставляли сидеть на их религиозных службах. Потри раза на дню. Эти типы ничего не делают, только работают, едят и молятся о конце света, — если я правильно поняла. Их службы в основном ведутся не на карентийском.

— Забавная шайка.

Майя схватила с моей тарелки намазанную маслом оладью и лукезарно улыбнулась.

— Привыкай, Гаррст. — Если уж она вбила себе что-нибудь в голову, ее не свернешь. — Да, они ужасно забавны. Как нарывающий зуб.

Я жевал колбаску и ждал.

— Они — настоящие нигилисты, Гаррет. В Роке тоже попадаются нигилисты, но эти могли бы давать уроки. Я не вру. Они молятся о конце света.

— Наконец-то я получил хоть какие-то сведения. Продолжай, Майя.

Этой фразы оказалось достаточно, чтобы она расцвела. Иногда для счастья нужно так мало.

— Расскажи что-нибудь еще.

— Они называют себя Сынами Хаммона. По-моему, Хаммон был кем-то вроде пророка, примерно в те же времена, что и Террелл.

— Он был одним из первых шести сподвижников Террелла, — пояснил Дин. — И первым, кто его покинул. Между ними произошла жестокая размолвка из-за женщины.

Я изумленно воззрился на старика. Он продолжал как ни в чем не бывало:

— Более поздний догмат утверждает, что Хаммон выдал убежище Террелла императору Седрику — если вам вообще удастся найти упоминание о Хаммоне. Но в Апокрифе, написанном в том столетии и спрятанном в безопасном месте, где он и хранится по сей день, целый и невредимый, сказано совершенно иное. По нему Хаммон умер за два года до Террелла, которого выдала собственная жена. Известная нам как святая Медуа.

— Что? — Я вперил в Дина тяжелый взгляд. Он никогда не выражал большого интереса к религии или к ее специальному фольклору. — Что это? Где ты такого понахватался? Когда это ты стал знатоком? Я никогда и не слыхивал ни о каком Хаммоне, а мамочка таскала меня в церковь до десяти лет.

— Церковный Собор в Эй, мистер Гаррет. Пятьсот двадцать первый год, императорская эра. Двести лет до Великого Раскола. Присутствовали все епископы, престоры, прелаты и

множество императорских легатов. В те времена каждая провинция проповедовала собственную ересь. И каждый еретик был фанатиком. Император хотел положить конец бесконечным рас-прям. В пятьсот восемнадцатом году в Костейне только за один день мятежа погибло сорок восемь тысяч человек. Император поддержал Терреллов, а за его спиной была армия. Он приказал Церковному Собору уничтожить всякую память о Хаммоне. За этоproto-Церковь и Ортодоксальные секты вычеркнули его из своих летописей. Мне эта история известна от отца. Он три года учился в семинарии Чиников и всю жизнь прослужил дьяконом.

Никогда не знаешь, какие открытия ждут тебя рядом.

Со знатоком не поспоришь. Тем более что «факты», которым учили меня, не имели никакого смысла. Хроники Террелловых времен, составленные вин религиозных общин, абсолютно не совпадали с тем, что проповедовали священники.

По их версии, Террелл погиб мученической смертью за то, что нес в массы слово истины. Но, судя по светским хроникам, религиозный бизнес в те дни был широко открыт для всех желающих. На каждом углу в городах и в каждой деревушке в провинции имелись свои пророки. Они могли нести любую чушь, какую хотели. Больше того, Террелл был пророком Ано, а у того тогда было больше последователей, чем сейчас.

— Тогда почему Седрик приказал его убить?

— Потому что он начал лезть в императорские дела. Он становился политиком. И ему не хватило здравого смысла умерить пыл, когда ему намекнули, что не стоит вкладывать свои слова в уста Ано — тот и сам может о себе позаботиться.

Я всегда придерживался такой же точки зрения. Зачем Ано нужны приспешники на земле, расшибающие неверующим головы, когда он сам есть Великий Расшибатель голов?

— Так кто же такие эти Сыны Хаммона?

— Не знаю. Никогда о них не слышал.

— Они дьяволопоклонники, Гаррет, — сказала Майя. — Они никогда не произносят имени своего бога. Называют его Разрушителем и просят его приблизить конец света.

— Психи.

— Он отвечает им, Гаррет. — Ее затрясло. — Это самое страшное. Я слышала его. Голос звучал у меня в голове. Он обещает им конец света до исхода столетия, если они честно выполнят все его приказания. Многие погибнут в этой борьбе, но мучеников ждет награда. Они обретут покой и вечное блаженство на его груди.

Мы с Дином обменялись тревожными взглядами. Глаза Майи остекленели, и она лепетала всю эту галиматью словно бы против воли.

— Эй, Майя! Вернись. — Я хлопнул в ладоши перед ее носом.

Она вздрогнула и обвела нас безумным взглядом:

— Извини. Меня занесло, да? Но когда эти типы устраивают свои службы и их гадкий бог разговаривает с ними, это действует довольно сильно. Черт! В предпоследнюю ночь произошло кое-что похлеще. Он заявился лично.

— Да? Тварь, похожая на шестирикую обезьяну двенадцати футов росту?

— Это одно из обличий, которые он принимает. Гаже, чем бочка с червями. А ты откуда знаешь?

— Я встречал его. У Чодо дома. Не очень приятная компания. Но для бога он немного хиловат, на мой взгляд.

— Это не настоящий бог, Гаррет. Я не вполне поняла, что они имели в виду, но эта тварь вроде как снится настоящему богу. И он может управлять своими снами. Ты меня понимаешь?

Майя нервничала все сильнее. Я начал бояться, не сотворили ли они с ней чего-нибудь, о чем она не хочет говорить или не может вспомнить.

— Тебя это расстраивает?

— Немного. С такими, как я, подобные вещи не происходят.

— Майя, со мной тоже ничего подобного не происходит.

И вообще ни с кем. У меня было несколько чудных дел, но я ни разу не вступал в противоборство с богом. В наши дни никто не имеет дела с богами. Они уже давным-давно не являются лично.

Я оглядел своих слушателей. Дин выглядел встревоженным. Майя выглядела встревоженной. Даже Бесс, не имевшая понятия, о чем мы толкуем — благословите, боги, ее пустую головку, — была обеспокоена. Я мысленно повторил свои последние слова.

Бог, который появляется лично.

Чепуха из области ночных кошмаров. Кто в наше время надеется, что боги будут активно вмешиваться в дела людей? Никто, даже завернутые на религии парни вроде Перионта. Боги не суют свой нос в чужие дела с глубокой древности.

Рассказ Майи представлял интерес, но только в плане утоления любопытства. Мне все-таки придется наложить лапы на Джилл Крайт и, возможно, слегка ее выжать. Что-то ведь породило весь этот возбужденный лепет.

Я вспомнил записку, которую Джилл оставила в квартире. Я допустил, быть может, самый крупный ляп за свою карьеру, пестрившую нелепыми ошибками.

Нужно было сидеть на этой наживке, пока на нее не клюнут. Кто-то должен был прийти и забрать ее, и этот кто-то, возможно, и есть первопричина этого проклятого дела.

Может быть, Джилл мне вовсе и не нужна. Если бы я только дождался его прихода!.. Но тогда я не освободил бы Майю...

Может, еще не поздно?

— Я должен уйти.

36

Я опоздал. Записка исчезла. Я проклял свою слепоту. Я разнес эту квартиру на кусочки в поисках хоть чего-нибудь и нашел именно то, чего и заслуживал. Ничего.

Итак, придется все-таки идти длинным путем. Охотиться за Джилл Крайт, пока что-нибудь не выяснится.

Я надеялся получить некоторую передышку от Сынов Хамона. После хука, который они схлопотали, вряд ли им захочется предпринять что-либо, кроме отступления для перегруппировки сил. Я со злорадством подумал, что эти ублюдки теперь в таком же замешательстве, как и все мы.

Выбравшись оттуда, я направился в те края, где, по мнению Тей Котон, следовало искать Джилл.

Филиалы и дочерние фирмы Преисподней и Чистилища разбросаны по всему Таиферу. Порядочные люди велят своим дочерям обходить такие заведения за милю. Большой Босс скорее всего снимает пенки во всех подобных местах. Но самое злачное, самое крупное среди них — Веселый Уголок, который иногда называют Улицей Проклятых. Чего бы вы ни пожелали, там всегда найдется тот, кто продаст это вам. И Большой Босс получит свой процент.

Это ад на земле для тех, кто прошел весь путь до конца, для тех, кого совратили, использовали и выбросили, как только они утратили свой товарный вид. Тем, кто не побывал за кулисами и не жил в долг на самом дне, трудно поверить, что одни разумные существа способны так гнусно использовать других.

Отсюда выходят нравственные уроды, которые уничтожают сотню жизней за медный грош и ни разу не почувствуют даже тени раскаяния. Больше того, они просто не поймут, если вы скажете им, что дурно приучать к наркотикам двенадцатилетних, склоняя их к тяжелому и грязному ремеслу.

Они понимают, что такое «против человеческих законов», но не «против законов человечности». Их философия признает правильным все, что бы они ни делали. По крайней мере до тех пор, пока их не схватят за руку.

Они выходят отсюда. И они настоящие монстры.

И по этим страшным улицам бредет одинокий странствующий рыцарь, последний благородный человек на земле, согнувшийся, но не сломленный безжалостными бурями...

Батюшки! Еще немного накрутить себя в том же духе — и мне обеспечено будущее уличного пророка, со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая пинки и зуботычины.

Люди не любят, когда им указывают, как поступать правильно. На самом деле они не хотят поступать правильно. Они хотят делать, что им заблагорассудится, а когда приходит время расплачиваться, воглядеть, что они ни в чем не виноваты.

Бывают минуты, когда меня не слишком волнует судьба моих братьев и сестер и я бы с радостью посмотрел, как половину из них зажарят заживо. Я нечасто пребываю в таком праведном настроении, но путешествие по Веселому Уголку вызывает его всегда.

Самое главное — в том, что здесь творится, нет необходимости. И рабы, и поработители могут выжить, не занимаясь тем, чем они занимаются. Танфер — процветающий город. Благодаря войне с венагетами и победам Каренты здесь для всех желающих найдется честная работа. И эти вакансии остаются открытыми, пока в город не приезжают иммигранты нечеловеческого происхождения и не заполняют их.

Сто лет назад нелюди были диковинкой, существами из легенд. Редко кто встречался с ними в обыденной жизни. Сегодня они составляют половину населения, и сам черт не разберет, какой коктейль течет в жилах остальной половины.

Настоящая кутерьма начнется, когда война закончится, армию распустят и все предприятия, работающие на войну, закроются.

Итог моих горестных раздумий был таков: большинство обитателей Веселого Уголка, какими бы подлыми, жестокими или опустившимися они ни были, должны иметь возможность выбора, оставаться там или нет.

— Гаррет!

По-моему, я даже подпрыгнул фула на четыре. И все из-за того, что мой инстинкт самосохранения впал в спячку. Я приземлился настолько готовый к худшему, что меня бил озноб.

— Майя! Какого дьявола ты здесь делаешь?

— Жду тебя. Я вычислила, что ты пойдешь этой дорогой.

Неужели маленькая ведьма превращается в ясновидящую?

— Ты не сказала, зачем. — Впрочем, ответ я знал.

— Мы ведь партнеры, помнишь? Мы кое-кого разыскиваем. А существуют места, куда мужчину нипочем не пропустят, зачем бы он ни пришел.

— Ты немедленно отправишься домой. Я иду в Веселый Уголок. Это не место для...

— Гаррет, заткнись и посмотри на меня. Мне что, девять лет? Или я только из монастырской школы?

Она была права. Но это еще не значит, что я передумал или ее затая стала казаться мне привлекательной. Странно, что в меня могли так глубоко въесться отцовские чувства. Но, черт возьми, без своей дрянной одежонки и знаков отличия чако Майя уже не была маленькой девочкой. Она превратилась в женщину, и не заметить этого было невозможно.

— Ладно, хочешь подставлять шею, валай.

Она пристроилась рядом, лунась самодовольной улыбкой, которая демонстрировала полный набор здоровых зубов.

— Знаешь, ты застала меня врасплох, — признался я. — Ты потихоньку, незаметно выросла. А я все помню немытую соплячку, избитую до полусмерти, которую нашел давным-давно.

Майя ухмыльнулась и продела свою руку в мою:

— И ничего не потихоньку, Гаррет. Я выросла по всем правилам. Я знала, что ты меня дожидаешься.

Ого! Кто кому здесь пудрит мозги?

Майя рассмеялась:

— Мы собираемся сегодня что-нибудь делать? Тогда вперед!

37

Чтобы понять Веселый Уголок — или даже чтобы представить его, если вы никогда там не бывали, — вы должны обратиться к самой темной стороне своей натуры. Выбирайте фантазию, о какой вы никому бы не рассказали. Ту, что смущает вас и заставляет чувствовать себя неловко. В Веселом Уголке всегда найдется тот, кто проделает это с вами, для вас или при вас, если вы предпочитаете роль зрителя.

Пришпорьте свое воображение. Вам не придумать ничего нового. Наверняка кто-то уже думал об этом или делал это до вас. Черт возьми, да всегда найдется тот, чьи мысли об этом еще отвратительнее ваших. И все это доступно в Стране Чудес. И необязательно секс, хотя это первое, что приходит в голову.

В предвечернее время Веселый Уголок только просыпается. Хотя большая часть его заведений работает круглосуточно, здешние клиенты, подобно некоторым насекомым, избсгают дневного света. Только после захода солнца веселье достигает апогея.

— Ты бывала здесь прежде? — спросил я Майю.

— С джентльменом — ни разу. — Она рассмеялась.

Я попытался напустить на себя суровость, но ее стойкое хорошее настроение было очень заразительно. Я улыбнулся.

— Конечно, — сказала она. — Одно из наших любимых развлечений — приходить сюда и наблюдать за всякими прикурками. Ну, иногда — обхамить сутенера или обчистить пьяно-

го. Тут всегда можно славно позабавиться. Те, кто сюда приходит, редко осмеливаются жаловаться.

— Ты понимаешь, как это опасно? Веселый Уголок заботится о своих клиентах.

Она наградила меня выразительным взглядом из тех, что молодежь приберегает для старых хрычей, несущих всякую чушь.

— А что нам терять?

Только собственные жизни. Но подростки бессмертны и независимы. Спросите их, если не верите.

Еще не стемнело, но на недостаток общества мы пожаловаться не могли. Мы брели по окраине квартала, где предложения услуг носили сравнительно невинный характер. Джентльмены глазели на витрины, зазывалы зазывали, мои ангелы крались следом, а дюжина недорослей клянчила мелочь. Когда я их отшил, один ущипнул Майю за зад и удрали. Я, как и положено, яростно зарычал и даже сделал шаг в сторону нахального щенка, но тут до меня дошел весь комизм положения.

— Теперь ты на другой стороне, милая. Добро пожаловать в мир взрослых!

— Мне больно, Гаррет!

Я засмеялся.

— Ублюдок! Лучше бы поцеловал больное место.

В этой невинной части Веселого Уголка владельцы выставляли свой товар в больших окнах-»фонарях». Я не мог не восхищаться открывшимся мне зреющим.

— Ты истекаешь слюнями, старый козел.

Возможно, так оно и было, но я это отрицал.

— Чем она лучше меня? — приступила Майя к допросу с пристрастием минутой позже. Я не смог бы ответить на этот вопрос. Штучка, о которой шла речь, была моложе Майи и не такая хорошенькая, но соблазнительна до умопомрачения.

Мне необходимы шоры. Иначе моя слабость вовлечет меня в пучину бедствий.

— Вон она.

— А? Кто? Где?

Майя бросила на меня свирепый взгляд:

— Что значит «кто»? Кого мы, к дьяволу, разыскиваем?

— Ну-ну, полегче. Где ты ее видела? — Пора браться за ум, Гаррет. Привыкай принимать в расчет чужие чувства.

— Прямо перед нами. Примерно через квартал.

Ее глаза получше моих, если она сумела разглядеть кого-то в толпе на таком расстоянии.

Я мельком увидел знакомые светлые волосы.

— Вперед!

Мы прибавили шагу. Я пытался не упустить волосы из виду. Они исчезли, появились, опять исчезли и снова появились. Мы неслись вперед. Волосы мелькнули в водовороте у входа в «театр», где как раз начиналось первое представление, исчезли и больше не появлялись.

Я не сомневался, что мы заметили Джилл.

Я попытался расспросить театрального зазывала — тощего, словно борзая, мужчину с обветренной от постоянного пребывания на воздухе физиономией. Мне не показалось, что он — славный малый. Он посмотрел на меня и тоже узрел нечто такое, что ему не понравилось. Пять марок серебром вызывали в нем молчаливое презрение. Этот тип не только ничего не знал ни о каких блондинках, но и вообще разучился разговаривать.

Майя оттащила меня от него прежде, чем я попробовал что-нибудь из него выжать. Нужно соблюдать осторожность, вымогая сведения в Веселом Уголке. Все изгои держатся вместе, как виноград в грозди, все противостоят остальному миру.

— Может, в следующий раз попробую я? — предложила Майя. — Даже эти унылые обезьяны меня выслушают.

Выслушают, хотя бы назло мне.

— Ладно. Давай перейдем улицу, сядем и все обмозгуем.

Веселый Уголок может похвастаться удобствами, напрочь отсутствующими в остальной части города. Такими, как общественные сортиры и уличные скамейки. В любом другом месте скамейки поломали бы на дрова, а сортиры превратили бы черт знает во что. Здесь же самих громил обломают еще до того, как они успеют задумать свою пакость.

Организация не проявляет терпимости к людям, которые стоят ей денег.

Мы перешли на другую сторону и сели. Я размышлял над своими возможностями на этой территории, а Майя тем временем отклоняла различные предложения, объясняя свой отказ тем, что она занята.

— Хотя, — сообщила она одному кандидату в ухажеры, — возможно, позже мне удастся отделаться от этого старикашки.

— Майя!

— Чему ты удивляешься, Гаррет? С тобой неинтересно. Этот тип похож на человека, который знает, как хорошо провести время.

Черт бы их всех побрал! Клянусь, прежде, чем выпустить их из детства, от них требуют подпанный кровью договор, где сказано, что они обязаны изводить нашего брата всеми доступными способами.

— Дай мне передышку, Майя. Или хотя бы возможность привыкнуть к мысли, что ты стала женщиной.

На ее лице заиграла самодовольная улыбка. Она нацарапала шесть очков в пользу Майи на своем невидимом табло.

Ближайшие заведения в основном служили для удовольствия зрителей, а не участников. Мой желудок немного сводило при мысли о Джилл Крайт, блестящей в одном из этих шоу.

Конечно, нет ничего невозможного. Просто мне эта мысль не нравилась.

Я без труда мог представить ее в такой роли. У этой женщины явно нелады с психикой. Важные знакомые, которых она

упоминала, могли уверить ее, что ни на что другое она не годится. Человеческое мышление — загадочная штука.

Меня изумляет, что наша раса ухитряется не только выживать, но и добиваться время от времени шаткого преимущества в споре с иными разумными видами. Вероятно, существует некая сила, более могущественная, чем мы сами. Сила, толкающая нас к величию.

Эта мысль весьма утешительна, на мой взгляд. Приятно думать, что моим сородичам суждена участь, которая затмит наше прошлое и настояще. Церковь, Ортодоксы, все Анитские культуры, секты и конфессии предлагают своим последователям эту надежду, но они окружают ее таким количеством вреда и так часто поддаются мирским соблазнам, которые, по их же словам, разрушают надежду, что их пастыри утратили всякое право вести нас к светлому будущему.

Майя прижалась ко мне немного теснее, якобы укрываясь от вечернего бриза.

— О чём ты думаешь, Гаррет?

— О Сынах Хаммона как о силе, воплощающей идею хаоса и убежденной, что забвение — единственная участь, которой мы заслуживаем.

Майя откинулась назад и посмотрела мне в глаза:

— Ты дурачишь меня? Или просто говоришь гадости?

— Нет. — Я пустился в объяснения. Спустя минуту Майя завладела моей рукой и положила голову мне на плечо. Она мычала в надлежащих местах, чтобы показать, как внимательно она меня слушает. Уверен, мы являли собой трогательную картинку.

Чуть позже я сказал:

— Ну, хватит лирических отступлений. Пора подумать о деле. — Мне, во всяком случае. Маленькая ведьма меня допекла. — Ты знаешь что-нибудь об этом квартале?

— Тут куча извращенцев.

В сведениях такого рода я не нуждался. У меня довольно хорошее зрение.

Шесть близлежащих заведений устраивали известного рода представления. Еще несколько предлагали особые услуги. Некоторые по внешнему виду ничем не отличались от обычных гостиниц. Но назначение одной лавочки мне не удалось вычислить даже приблизительно.

Там не было зазывалы. Не было вывески. Туда не ломились толпой посетители. За все время, что мы сидели на скамейке, в дом вошли пятеро мужчин и одна женщина. Вышли четверо. Только у одного в манерах проскальзывала вороватость — отличительный признак клиента, который шагает навстречу приключению, подразумевающему какую-либо мерзость. Выходящие оттуда выглядели довольными и расслабленными, но не так, как выглядят люди, пресытившиеся сексуальными развлечениями.

— Как насчет вон того заведения? — Я показал рукой. — Знаешь его?

— Нет.

Меня обуяло любопытство. К нам приближался фонарщик, толкавший перед собой тележку с ароматными маслами. Он переходил от столба к столбу, забирался наверх, заправлял масло и зажигал разноцветные огни, придающие вечерам в Веселом Уголке атмосферу непристойного карнавала. Когда он остановился у фонарного столба в конце нашей скамейки, я открыл рот, чтобы спросить о доме, который меня занял.

Майя пихнула меня локтем в ребра:

— Моя очередь, помнишь?

Она встала.

Должно быть, они впитывают это с молоком матери. Я еще не встречал женщины, не способной запалить огонь, когда ей это нужно. Майя заворковала. Глаза фонарщика загорелись без помощи его спичек. Он кивнул, Майя коснулась его груди поверх

сердца и пробежала кончиками пальцев по его куртке. Он ухмыльнулся и посмотрел на дом, привлекший мое внимание. Потом он увидел глухонемого зазывала, смотрящего волком в нашу сторону.

Слова у фонарщика иссякли прежде, чем он успел открыть рот. Он поглупел на глазах.

— Меня это начинает раздражать, — сказал я Майе. — Пошли.

Я встал, взял ее за руку и направился к входу в примечательное здание.

Зазывала разгадал мое намерение и покинул свой пост. Он поскакал по улице и встал у меня на пути.

— Ты действуешь мне на нервы, дружок, — сообщил я ему. — Либо через две секунды ты отсюда уберешься, либо я переломаю тебе ноги.

Он ухмыльнулся. Глаза загорелись в предвкушении драки.

— Гаррет, сзади! — предупредила Майя.

Я оглянулся. К нам неспешно приближались аборигены. Я насчитал с полдюжины. Судя по их виду, они истомились в ожидании случая кого-нибудь отколошматить. Но за их спинами возникли мои ангелы, и стаю возглавлял Плоскомордый. А он единолично мог бы управиться со всей этой сворой.

— Убери копыто, или ты его лишишься, — ласково сказал я зазывале.

— Ну, ты сам напросился, парень. Возьмите его.

Плоскомордый столкнул парочку аборигенов головами. Клин опустил дубину еще на два кумпала. У зазывалы округлились глаза.

— Ну что, ты готов убраться? — спросил я.

— Гаррет, уймись! — крикнул Плоскомордый. — Ты здесь бунт устроишь.

У зазывалы глаза вылезли из орбит.

— Вы — тот Гаррет, который работает на Чодо? — Он посторонился. — Что ж вы раньше не сказали?

— Да, Гаррет, — прогремел Плоскомордый. — А ты какого черта молчал?

— Мне плевать, что там утверждает Чодо. Я на него не работаю. Я работаю на себя. — Я должен был прояснить этот пункт ради собственного душевного спокойствия.

— Понимаете, я не знал, что вы работаете на Чодо, — лепетал зазывала. — Тут всякие шляются. Я бы не стал вам мешать, если бы вы меня предупредили.

— Уймись. Я только хочу войти туда и посмотреть, что там творится.

— Вы спрашивали о какой-то белокурой сучке, — скулил зазывала. — Что вы хотите знать? Если я могу помочь...

Одновременно заговорил Плоскомордый:

— Я пришел сюда по поручению Морли. Ему нужно тебя повидать. Говорит, у него для тебя какие-то важные новости.

— Рад за Морли. Вы меня извините? — Я протиснулся мимо зазывалы и вошел в загадочный дом. Майя не отставала ни на шаг и держала рот на замке. Умная девочка.

38

Дверь была не заперта. Наверное, ее нельзя было запереть, поскольку она провисла. Внутри на расшатанном стуле сидел тощий старик и запихивал в печь сучья. Стояла такая жара, что можно было приготовить мясо на пару, но старик ворчал и жаловался на холод.

— Киньте на конторку, — проскрипел он, не потрудившись повернуть голову.

— Что?

Тут он оторвался от своего занятия и посмотрел на нас. Сначала на меня, потом на Майю. Его мохнатые белые брови поползли, извиваясь, к переносице.

— Вы вместе?

— Да.

— Ну, как знаете. Деньги ваши. Шесть марок серебром. В первый раз? Выберите любую кабинку с отдернутыми шторами. Если не понравится то, что вам досталось, можете один раз поменять кабинку. Если опять не потрафит, платите одну марку за каждый следующий переход, пока вас не зацепит.

Я выложил деньги. Он вернулся к прерванному занятию. Майя бросила на меня озадаченный взгляд. Я пожал плечами и шагнул к занавешенному дверному проему.

За ним открывался длинный коридор, с каждой стороны которого располагалось полдюжины ниш со шторами. Четыре шторы были задернуты. Мы прошлись туда и обратно. Я услышал приглушенные голоса за задернутыми шторами. Там, где шторы были раздвинуты, стоял стул и столик, упирающийся в стеклянную стенку. За стеклом царила темнота.

— Что это за место, Гаррет?

— Раз ты спрашиваешь, значит, тебе скорее всего здесь не место.

Я повел ее в ближайшую открытую комнатку и задернул штору. Мы оказались на пятаке шесть на пять футов, к тому же очень темном из-за закрытых штор. Я нашупал нечто похожее на шнур от звонка и дернул. Где-то над головой звякнул и затих колокольчик. По другую сторону стекла появился свет.

Комната за стеной выглядела, словно перенесенная с Холма спальня какой-нибудь знатной дамы. Очевидно, это была декорация, но декорация безупречная, вплоть до мельчайших деталей. По винтовой лестнице в комнату спускалась хорошо одетая и немыслимо прекрасная женщина.

— Гаррет, — прошептала Майя. — Эта женщина не члоповск. Она чистокровный светлый эльф.

Я и сам видел, но не верил своим глазам. Кто когда-нибудь слыхал об эльфийской шлюхе? Но Майя права. Перед нами была эльфийка, и такая прекрасная, что глазам больно.

Она начала раздеваться, словно не сознавая, что за ней наблюдают. Потом она подвинула стул к столику, упирающемуся в стекло с той стороны, и начала медленно удалять с лица косметику. Для нее стекло, должно быть, представляло собой зеркало.

Майя меня удивила:

— Да не пыхти ты! Стекло запотеет.

Эльфийка что-то услышала и вопросительно наклонила голову.

— Кто там?

Ради обладательницы такого голоса мужчины запросто побиваются друг друга. Я не видел особой разницы между этой богиней красоты и обычновенной потаскушкой. Я привык думать о себе как о твердолобом цинике, которого никакими профессиональными штучками не проймешь. Но я с легкостью мог бы представить себе, как за этот серебристый голосок на моей подушке я с радостными криками бросаюсь в пучину ада.

Она встала и выскользнула из очередного слоя одежды.

— На этот раз я не собираюсь спрашивать, чем я хуже ее, — прошептала Майя благоговейно.

Я застыл как парализованный.

— Там есть кто-нибудь? — снова спросила эльфийка.

Я вытянул руку и коснулся стекла. Эхуопроницаемое стекло, прозрачное только с одной стороны? Кто-то основательно потратился на редкого дизайнера-колдуна. Этот заоблачный вуайеризм в сотни раз эротичнее, чем любая форма примитивного совокупления женщин друг с другом, с нелюдьми, обезьянами или зебрами. И главное здесь — врожденный талант женщины за стеклом. Она превращала каждое движение в нечто, ворвавшееся в реальность из ярчайшей фантазии.

Она коснулась стекла там, где застыли мои пальцы.

— Все правильно. Не нужно ничего говорить, если не хочется. — Кончики пальцев пронизало жаром, словно я прижимал их к раскаленной плите.

Я хотел. Я отчаянно хотел поговорить с ней. Я влюбился. И язык прилип к небу, словно у двенадцатилетнего мальчишки, втюрившегося в ровесницу Майи.

Я отдернул руку.

Я не знал, что делать.

Майя выступила вперед:

— Кто вы?

— Я стану кем угодно по вашему желанию. — Эльфийка ничуть не удивилась, услышав женский голос. — Я буду воплощением вашей мечты. Я — ваша фантазия.

Да. О да!

Она принялась за последний слой одежды.

Я отвернулся. Я не мог этого вынести. Только не при Майе.

Быть может, здешний воздух насыщен каким-нибудь наркотиком или неуловимое волшебство усиливает естественную магию стриптиза в исполнении прекрасной женщины.

Вдруг на меня снизошло озарение. Я понял, чем занимается Джилл. Она прямо-таки создана для такого действия. У нее есть внешность, стиль и огонь, когда она того пожелает. Посади ее в одну из этих комнат, и она будет пленительна.

Я положил руку Майе на плечо и шепнул ей на ухо:

— Я проверю другие кабинки.

Она кивнула.

Когда я вышел в коридор, только две шторы оставались задернутыми. Один мужчина как раз уходил. Я быстро прошелся по коридору. На четырех пустых кабинках висели таблички, предупреждавшие, что звонить бесполезно. Я подумал, что заведение работает круглосуточно и у каждой кабинки своя хозяйка,

Большинство должно скоро включиться, поскольку в Веселом Уголке начинался час пик.

Я позвонил в колокольчик и вызвал рыжеволосое видение, которое напомнило мне Тинни, но никак не Джилл Крайт. Я удрал прежде, чем оно успело испытать на мне свои чары.

В коридор вышел старик и вопросительно на меня посмотрел. Я сунул ему в руку монеты:

— Я намерен совершить тур.

— Как пожелаете. — Ни малейшего удивления. Какое ему дело до моих причуд, пока я плачу деньги?

Каждая женщина была изумительна, но Джилл я так и не нашел. Я даже дождался, пока освободятся две занятые кабинки. Одна из дам была не Джилл, а другая не отозвалась на звонок.

Итак, число вариантов сократилось. Я прикинул, стоит ли обработать старика, потом отверг эту идею. Если я не хочу сидеть с ним целую вечность, не стоит рисковать. Он предупредит Джилл, что сюю кто-то интересуется. Теперь я знал, где искать. Мне только и нужно, что возвращаться сюда, пока я не пересмотрю их всех.

Я пошел обратно, в первую кабинку. Майя и эльфийка болтали, словно сестры. Женщина оделась. Вот и славно. У каждого мужчины существуют границы того, что он способен вынести.

Майя оглянулась — убедиться, что это я.

— Я почти закончила. И потом, все равно время истекает.

Они обменялись несколькими, довольно туманными любезностями, которые зародили во мне подозрение, что я помешал какому-то девичьему разговору. Майя встала, придвигнулась ближе и прошептала:

— Ты должен оставить чаевые. Так она зарабатывает на жизнь. Деньги, которые ты дал старику, он оставляет себе.

Не считая доли Большого Босса, конечно. И часть часовых уйдет к нему же.

— Куда?

Майя показала мне прорезь в крышке стола, которая служила единственным средством передачи предметов за стекло. Я насыпал туда щедрую порцию серебра. Я не остался внакладе. Деньги пришли от Большого Босса, пусть же часть вернется обратно.

Майя сжала мне локоть. Она была поражена моей щедростью. Видно, эльфийка ее очаровала. Мы вышли в коридор.

Я развел перед Майей шторы, отделяющие коридор от прихожей, и тут в переднюю дверь кто-то вошел. Я только мельком увидел коротышку с сияющей лысиной и внушительным шнобелем. Он застыл. Майя застыла. Я врезался ей в спину. Мы образовали кучу-малу. Когда мы разобрались, коротышка исчез.

— Что за черт?

— Это он, Гаррет! Он меня узнал.

— Кто «он»?

— Тип, который был в той квартире. Тот, что чуть не сбил меня с ног.

Старик при входе поддерживал огонь. Он ничего не видел, ничего не слышал.

Острое, однако, зрение у коротышки, если он сумел узнать немытую девчонку, с которой столкнулся в квартире, в этой Майе.

Я выскочил на улицу и увидел то же самое, что и старик внутри. Ничего. Видно, малыш был волшебником. Или из-за роста его просто невозможно разглядеть в толпе.

На улицах Веселого Уголка начался еженощный карнавал. Вынужден признать, не везде бал правила разврат и мерзость. Были тут и вполне безобидные развлечения. В двух домах от меня, например, располагался клуб бинго*, куда только что прибыл головной отряд полка престарелых дам — почитательниц этой игры. Но грязь и мерзость были сутью Веселого Уголка, и страдания здесь перевешивали радость невинных развлечений.

* род лото.

Я спросил своих ангелов, не видели ли они коротышку. Они не поняли, о чем я веду речь. Я обратился к зазывале. Он ни черта не видел и был слишком занят, чтобы болтать.

— Я вернусь завтра, — рявкнул ему в физиономию. — Поговорим, когда тебя не будет подпирать.

— Ага. Конечно. Никто не может сказать, что я не сотрудничаю с Организацией.

Я подобрал Майю, и мы устало поплелись домой.

39

Долгое время мы шли молча. Потом я кое-что вспомнил и резко изменил курс.

— Куда мы теперь?

— Чуть не забыл. Я же должен повидать Морли.

— О! Мистер Шарм.

— Если сегодня он положит на тебя глаз, тебе, возможно, придется отбиваться палкой.

Мая бросила на меня выразительный взгляд:

— Благодарю за комплимент. Я учту.

Через полквартала она сказала:

— Я собиралась сегодня тебя обольстить. Но теперь не могу.

— Ухм? — Главное качество сыщика — быстрота реакции.

— Если бы у меня и получилось, ты все равно был бы не со мной. Ты бы думал о ней.

— О ком?

— О Полли. Девушке-эльфе.

— О ней? Да я уже забыл ее, — соврал я.

— А луна сделана из зеленого сыра.

— Так утверждают знатоки. Но раз уж ты заговорила о ней, что она тебе рассказала?

— Я не могла особенно подробно ее расспрашивать. Не хотела, чтобы она поняла, кого мы разыскиваем. Она могла предупредить Эстер. Думаю, ты прав. Судя по описанию Полли, одна из девушек, похоже, она. Полли ее не любит. Полли — девушка строгих правил.

— Что?! — Я расхохотался.

— Гаррет, там же все основано на принципе — смотри, но руками не трогай. Полли говорит, что ее постоянные клиенты приходят просто поболтать с ней. Им приятно поговорить с красивой девушкой, которая радует глаз, внимательно выслушает и утешит, но не будет представлять никакой угрозы для репутации. Полли действительно никогда никого из них не видела. Она думает, что некоторые ее клиенты — важные шишки, но даже не догадывается, кто они. Она никогда не встречается с ними за стенами заведения. Многие ее подруги — тоже. Полли уверяет, что она девственница.

Майя находила, что такое трудно проглотить. Я не хотел даже думать об этом.

В этой игре тоже необычные ставки, но здесь я без всякого напряжения мог разыскать свой мешок с золотом. Сильным мира сего недостает только одного — возможности расслабиться и пооткровенничать с кем-нибудь без риска нарваться на предательство.

На этом и построен бизнес старика при печке. И Полли достаточно зарабатывала на чаевых, чтобы не нарушать правил игры. Но некоторые ее товарки хотели большего.

— Все потому, что Полли — эльф, — высказала Майя догадку. — Она может зарабатывать на своей внешности еще долго. У женщин-людей всего несколько лет в запасе.

Намеки, намеки. Эквики, околичности. У девчонки просто талант доводить мужчин до умопомрачения. Должно быть, врожденный. Не могла же она научиться этому в уличной банде.

Мы добрались до заведения Морли. Майя собрала урожай восхищенных взглядов. На меня никто не обратил внимания. Так вот в чем секрет! Теперь я знаю, как пробраться к Морли, не проходя сквозь строй враждебных взглядов. Привести с собой женщину, способную их отвлечь.

За стойкой работал Слейд. Он посоветовался с переговорной трубкой и указал наверх. Мы поняли намек. Я постучал в дверь кабинета. Морли впустил нас в комнату.

— Твой вкус улучшился, Гаррет, — сказал он, поглядывая на Майю маслеными глазками.

Я обнял ее за талию:

— На этот раз не хватило времени замаскировать девушку, чтобы защитить ее от типов вроде тебя.

У Морли глаза на лоб вылезли.

— Вы — та дама, с которой он приходил пару дней назад?

Майя только загадочно улыбнулась.

— Чудеса все-таки случаются, — выдохнул Морли. И прокулил: — Но они никогда не случаются со мной.

Словно в ответ на его причитания, из задней комнаты выступила роскошная брюнетка-полукровка и картишно облокотилась на плечо Морли.

— Надеюсь, удача тебе улыбнется, Морли. Плоскомордый сказал, что у тебя есть для меня новости.

— Да. Помнишь человека, имя которого ты упомянул при Большом Боссе? Того, который посетил тебя в тот вечер, когда заварилась каша?

Я сообразил, что уклончивость Морли вызвана нежеланием называть имя Перидонта.

— Того верующего типа?

— Его самого.

— Что с ним?

— Кто-то отправил его в обещанные ему куши. Пустил отправленную стрелу в спину. Примерно в четырех кварталах от

твоего дома. Думаю, он собирался повидать тебя. Какая еще причина могла у него быть, чтобы болтаться там в наряде какого-то садовника?

Возможно.

— Проклятие! Кто это сделал?

Морли широко развел руками и бросил на меня смущенный взгляд:

— Наверное, один из той же своры шутников. Все произошло среди бела дня, на глазах пятидесяти свидетелей. Какой-то тип, одетый как фермер, вышел из подъезда за спиной своей жертвы и пустил стрелу.

— Быть магом, оказывается, еще недостаточно. — Я снова ощутил зуд между лопатками. Такое может случиться со всяkim, в любую минуту. Если кто-то так отчаянно точит на вас зуб, летальный исход — вопрос времени. — Не уверен, что я хотел об этом знать.

— Мы усилим твою охрану, Гаррет.

— Слабое утешение, Морли! — Смерть Перионта здорово выбила меня из колеи. У меня возникло ощущение, что я потерял лучшего своего союзника.

— Думаешь, мне очень хочется отправляться к Чодо с известием, что я такое проворонил?

Я понял, что Морли пытается меня утешить, но делал он это так неуклюже, что лучше бы уж вообще молчал. Для Морли выражение заботы или дружеского участия — дело почти невозможное.

— Уволься, пока не потерял благосклонности Чодо, — посоветовал я ему. Подружка Морли пощекотала ему ногтем шею. Похоже, голова Морли недолго будет занята моими проблемами. — Что-нибудь еще?

— Нет. Иди домой и сиди тихо. Высунешь нос на улицу — мы твоих костей не соберем.

— Ладно. Я подумаю над твоим предложением.

— Нечего тут думать. Делай, как говорят умные люди.

— Пойдем, Майя. Отправляемся домой. .

Мы оба знали, что мне глубоко начхать на его совет.

40

Гроза настигла нас в двух кварталах от моего дома, с ревом и грохотом примчавшись с юга. Молнии зигзагами прочерчивали небо. Я втолкнул Майю в какую-то дверь.

— Что это?

— Нечто, что не должно нас заметить. — В центре тучи пульсировала огромная красная масса.

Народ повысовывал головы в окна, посмотрел, посмотрел и решил, что не хочет ничего знать.

Микробуря неслась прямо к моему дому.

Знакомая картина, не правда ли?

На этот раз никто не скакал по крыше. Омерзительного вида красный паук величественно выплыл из ночи, и... что-то отбросило его назад.

— Сегодня старый Уваленъ отработал свою арендную плату, — пробормотал я.

— Тебя трясет.

Так оно и было. Думаю, дрожь не могла бы бить меня сильнее, даже если бы я находился в гуще событий. Да, мозги у меня явно не в порядке. Я испугался не за Дина и не за Покойника. В первый момент я способен был думать только об участии, уготованной моему дому. Дом — это все, что у меня есть в этом мире. Я прошел через ад, чтобы выплатить за него деньги. Слишком сильно меня потрепало, чтобы теперь начинать все сначала.

Буря ревела и стонала. Паук снова перешел в наступление. Из его глаз вырвались алые иглы пламени. Бах! Они ударились в нсвидимую стену. Паука отшвырнуло.

— Не знал, что он на такое способен.

Покойник оказался гораздо могущественнее, чем я мог себе представить. Он ни разу не попытался ранить паука, но отбивал каждую его атаку. Чем больше усилий чудовище растрачивало впустую, тем сильнее оно свирепело. Его не беспокоил ущерб, причиняемый соседним домам.

Это, конечно, здорово поднимет мою популярность среди соседей.

Никто не может пребывать в таком напряжении долго. Я начал потихоньку приходить в себя. Когда я почти успокоился, в голове забрезжила мысль.

— Это не имеет смысла. Может, я и стал занозой в задницах этих типов, но не такой же большой занозой. Здесь кроется что-то другое.

Громы и молнии расстроили Майю куда меньше моего. Может быть, сказался недостаток опыта в общении с колдовством.

— Попытайся разобраться, Гаррет. На твой дом нападают уже второй раз. Но оба раза в твое отсутствие. Дело вовсе не в тебе. Их интересует только дом.

— Или что-то в нем.

— Правильно. Или кто-то.

— Помимо меня? Вряд ли... — Покойник? Но он умер так давно, что никого из его врагов не осталось. — Знаешь, что мне пришло в голову? Я с самого начала выбрал неправильный путь. Я пытался отыскать во всем этом какой-то смысл.

Майя как-то странно на меня посмотрела:

— О чём ты, к черту, бормочешь?

— Я пытался найти рациональное зерно в совершенно бессмысленных событиях. А ведь мне с самого начала было известно, что здесь замешана религия. Возможно, даже несколько религий. Я могу биться головой об стенку хоть до конца света и все равно не найти никакой логики. Нужно было выбрать другой

путь — смириться с бессмысленностью происходящего, следить, кто, кому и что делает, и не пытаться понять — почему.

Взгляд Майи стал еще чуднее.

— Ты, часом, не перегрелся? Несешь какой-то бред.

Возможно, она права. А возможно, где-то в моей чепухе скрыта крупица истины. Тварь, свирепствовавшая на улице, казалась веским аргументом в пользу переоценки моего места во всей этой кутерьме.

— Ты когда-нибудь бывала в Лейфмолде?

— Чего?

— Я начинаю подумывать, что разумнее было бы смыться из города. Пускай все само утрясается.

Майя ни на секунду мне не поверила. И правильно. Может быть, дело здесь в недостатке здравомыслия. А может, у меня слабо выражен инстинкт самосохранения. Но я всегда играю до конца.

Интересно, что стало бы с моей репутацией, если бы я отступился просто ради собственной безопасности? Клиенты платят мне деньги за улаживание их проблем. Они вправе рассчитывать на мою верность их интересам. Хочешь работать — работай на совесть. По крайней мере до тех пор, пока моральные принципы не заставят тебя выйти из игры. Недопустимо бросать начатое дело из-за всяких мелочей вроде страха за собственную шкуру.

Восьминогая тварь решила атаковать с земли. Она опустилась и принялась топать вокруг моего дома с явным намерением устроить землетрясение. Она ревела, выдергивала из мостовой булыжники и швыряла их куда попало.

— Теперь городские лизоблюды не дадут мне проходу, — пожаловался я Майе. Я не мог предусмотреть, что мне потребуется благосклонность Городской Стражи. Я не очень-то с ними ладил.

Один из моих ангелов пронесся стрелой сквозь неверный колдовской свет. Я узнал Клина.

— Напомни мне, чтобы я никогда не встревал в твои дела, Гаррет. — Он оглядел улицу. — Что здесь творится?

— Спроси что-нибудь полегче. Меня что-то не тянет в этом разбираться.

Восьминогая тварь оторвала пару кусков от соседнего дома и метнула их в мой. Они отскочили назад. Покойник проявлял излишнее, на мой взгляд, терпение. Чудовище подпрыгивало, словно рассерженный ребенок. Похоже, они с Покойником стояли друг друга. Я был поражен. Я и представить себе не мог, что мой квартирант способен в одиночку противостоять воплощенному богу.

— Я на такое не подписывался, Гаррет, — сказал мне Клин. — Я не цыпленок, но спасать твою задницу от демонов — это уж чересчур.

— Спасать мою задницу от демонов — чересчур даже для меня, Клин. Если хочешь слинуть, я плакать не стану. Я не просил у Морли ангелов-хранителей.

— Ты не просил. Просил Чодо. Тебя бы Морли послал куда подальше. Пока, Гаррет. Удачи тебе.

— Угу. — Я его не винил. Когда пахнет жареным, разумнее смыться. Глупо лезть на рожон. Но у Гаррета недостаточно здравого смысла, чтобы последовать добруму примеру. Он остался на месте.

— Мы собираемся что-либо предпринимать? — полюбопытствовала Майя.

— Собираемся. Найти таверну и переждать, пока все закончится.

Майя умела распознавать сарказм на слух.

— Если мы будем здесь прохладиться, нас зацепают Стражи. Они, должно быть, уже очухались.

Очко в ее пользу. Такой грохот поднимет и мертвого. Ребятам из Стражи придется повытаскивать свои задницы из теплых постелек, иначе им не оправдаться, когда начнут задавать всякие

неприятные вопросы. И если они здесь появятся, мне несдобровать. В этом смысле держаться подальше от паука — хуже, чем потерять дом. Такую угрозу нельзя сбрасывать со счетов.

— Черт! — Я сплюнул. — Хватит — так хватит. — Я выскочил из парадного, потрусили по улице, остановился в ста пятидесяти футах от дома, оглядел паука, приготовился и метнул, словно плоский камешек, свою последнюю склянку. Она не попала в паука, но разбилась у него под ногами. Брызги разлетелись во все стороны.

Тварь подскочила футов на сорок и завизжала, как огромнейшая в мире недорезанная свинья. Она перевернулась в воздухе и выделила меня из толпы, что, учитывая ее немногочисленность, не представляло труда. Чудовище бросилось в наступление прежде, чем коснулось земли.

Ну, и что теперь, гений?

Я впихнул Майю в крытый переход между домами и бросился за ней. Паук врезался разом в оба дома, словно намеревался пробиться сквозь них. Он испустил тромкий вопль негодования и принялся расчищать себе путь. Одна волосатая лапа нсумолимо тянулась ко мне.

Лапу покрывали зеленые пятна — следы жидкости из склянки Перидонта. Паук то и дело останавливался, чтобы почесать забрызганные места. Через пять минут он больше чесался, чем пытался добраться до нас.

Проход кончался тупиком. В хорошую ловушку мы попались. Я не тратил даром те минуты, которые требовались пауку, чтобы заняться собой. Я попробовал две двери и навалился на менее прочную. Она открылась как раз в тот момент, когда паук почти полностью переключился на свой зуд.

— Пошли. — Я вторгся в темное помещение, часть чьего-то дома. Майя, спотыкаясь, двигалась за мной. На мгновение мы замерли и услышали чье-то быстрое, испущенное дыхание.

Там притаились люди, старавшиеся ничем не выдать своего присутствия.

Мы пробрались через дом, умудрившись не покалечиться о невидимую мебель, нашли окно, открыли его и выскользнули на улицу.

— Ловко, Гаррет, — сказала Майя. — Остается надеяться, что они тебя не узнали.

— Угу. — У меня было уже достаточно неприятностей с соседями.

— Куда теперь?

Мы одолели полквартала по переулку, двигаясь в направлении моего дома. Там я смог проверить, как идут дела у паука.

Для бога он не слишком блестал интеллектом. Он все еще пытался пробить себе дорогу в тот самый проход.

— Когда я скажу «вперед», бежим к ближней двери. И помались, чтобы Дин впустил нас до того, как эта тварь опомнится.

— Я начинаю думать, что поездка в Лейфмолд была не такой уж плохой идеей.

— Возможно. Готова?

— Угу.

— Вперед!

Оказалось, что проклятый паук не так поглощен своими делами, как я надеялся. Не успели мы сделать и десятка шагов, как он нас заметил и помчался к нам.

«Не успеем!» — пронеслось у меня в мозгу.

41

Майя колотила в дверь обоими кулаками. Я ревел, призывая Дина. Паук несся галопом. Я разглядел подобие человеческого чеспра на месте головы монстра. Казалось, он намалеван поверх

обычной паучьей морды. Огромные челюсти создавали впечатление, что паук ухмыляется.

За дверью загремели цепочки и засовы.

Слишком поздно. Паук прыгнул на нас...

И снова во что-то врезался. Или что-то врезало по нему. Раздался звук, похожий на хруст гравия. Чудовище отлетело назад, испустив очередной негодующий рев.

— Покойник все еще на работе, — выдохнул я. — Давай же, Дин!

Паук снова бросился в наступление. Дин открыл дверь. Мы нырнули внутрь, едва не сбив старика с ног, и, мешая друг другу, принялись сражаться с засовами. Хотя против такой твари не поможет и чертова прорва хороших замков и засовов.

— Что происходит, мистер Гаррет? — Дин был бледен и взволнован.

— Не знаю. Я как раз собирался покончить на сегодня с делами, как вдруг эта тварь упала прямо с неба.

— Как и та, у Большого Босса?

— Это та же самая гадина, только в другом обличье.

— Что-то мне не очень хочется во всем этом участвовать, мистер Гаррет. В прежних ваших делах ничего подобного не случалось. Думаю, мне лучше подождать, пока вы закончите.

— Я не стану тебя винить. Но сначала нам придется избавиться от этой твари. — Я поглядел в глазок. Паук утихомирился. Наверное, собирался с силами для очередной пакости.

Он стоял посреди улицы, балансируя на трех ногах. Пятью остальными он чесался. Зеленые пятна на его лапах разрослись и начали фосфоресцировать. Чем больше паук их скреб, тем сильнее они его раздражали.

Хорошо. Может быть, он вообще о нас забудет.

Не успел я додумать эту мысль до конца, как он бросился на дом, словно намеревался застигнуть нас врасплох. И с воем отлетел обратно. И шлепнулся на мостовую. После чего, пошатываясь, встал и принял яростно чесаться.

— Пойду перекинусь словечком со своим покойным приятелем, — сказал я Майе. — Почему бы тебе не помочь Дину на кухне?

Это на время отвлекло старика. Но он взял свое потом, когда я велел ему принести кувшин.

Дом снова затрясся. Снаружи разыгралась буря ярости. Я вошел в комнату Покойника, устроился в кресле и принял созерцать старую гору ворвани. Несмотря на всю кутерьму, он выглядел не более оживленным, чем обычно. Невозможно было бы определить, спит он или бодрствует, если бы не некое излучение, исходящее от него.

— Не найдется ли у тебя минутка-другая? — вежливо спросил я. С ним явно что-то стряслось.

Валай, Гаррет.

Видно, он приберегал свое раздражение для паука.

— Ты имеешь представление, что это за тварь?

У меня зародилось некоторое подозрение. Но утверждать со всей определенностью не могу — я еще не собрал достаточно доказательств. Мне не нравится мое подозрение. Если эта тварь — то, чего я опасаюсь...

Он не договорил, но он никогда не выпускает ничего из мешка, пока не убедится в своей правоте. Я знал, какого рода ответ получу, но все-таки спросил:

— И что же это?

Не теперь.

— Можешь ты по крайней мере ее прогнать?

Я не обладаю такой властью, Гаррет. Ты, похоже, уже сделал все необходимое, чтобы охладить ее пыл, хотя она теряет свою решимость очень медленно.

Не вполне понимая, что он имеет в виду, я выглянул наружу. Паук все больше чесался и все меньше проявлял интерес к моему дому. Я вернулся обратно.

— Теперь ты намерен участвовать в событиях или опять отправишься дрыхнуть?

Хотя я уверен, что ты сам навлек беду на свою голову и поэтому заслуживаешь визита любых негодяев...

— Не глупи, стариk. Эта тварь пришла не для того, чтобы со мной повидаться. Как и поджигатели. Меня оба раза не было дома. Поэтому скажи мне...

Тихо. Я должен подумать. Ты прав. Я упустил очевидное. Ты слишком маленькая мышка, чтобы заинтересовать такую кошку.

— Это ты у нас особенный...

Тихо.

Он размышлял. Он отбивался от паука. Я устал ждать.

— Лучше бы тебе поторопиться. Скоро на наши головы свалятся люди, которые захотят узнать, что происходит. И от них не отмажнешься, потому что это будут люди с Холма.

Правильно. Я это предвидел. Но мне не хватает информации. Ты должен рассказать мне все, что произошло с тех пор, как ты ввязался в это дело. До мельчайших подробностей.

Я запротестовал.

Поторопись. Тварь скоро признает поражение. Блюстители порядка возьмутся за дело. Тебе было бы выгодней отсутствовать, когда они заявятся. Если ты не поспешишь, они тебя застанут.

Покойник был прав, хотя, наверное, он не только обо мне заботился. Как бы то ни было, я уступил. Я начал с начала и изложил ему все до того момента, как мы едва удрали от паука. Рассказ занял довольно много времени.

Еще больше времени понадобилось Покойнику, чтобы все переварить. Я уже извелся, когда Дин сунул голову в дверь.

— Мистер Гаррет, чудовище сдалось.

Я поспешил к передней двери и глянул в глазок.

Дин сказал правду. Паук, пошатываясь, брел по улице и даже не пытался подняться в воздух. Большую часть энергии он

расходовал не на ходьбу, а на почесывание. Я побежал обратно в комнату Покойника.

— Он уходит, Уваленъ. У нас совсем немногого времени. — Я высунулся в коридор: — Дин, скажи Майе, что мы отсюда сматываемся.

Старик насупился. Он брюзжал, ругался и дал мне чертовски ясно понять, что я не имею права подвергать Майю риску.

Не можешь ли ты уделить мне немного внимания? — спросил Покойник.

— Оно — твое, Затейник.

Твое чувство юмора никогда не поднимается выше, чем у подростка. Слушай внимательно. Во-первых, ты, вероятно, прав. Нападения на этот дом предпринимались не против тебя и не потому, что дом принадлежит тебе. На мгновение я подумал, что их мишенью, возможно, был я. Такое предположение выглядит разумным, если допустить, что все беды сыплются из того источника, который я подозреваю. Но этот источник не должен бы знать о моем присутствии. Иначе невозможно объяснить его прежнюю беспечность по отношению к своим противникам. Значит, его цель — нечто, находящееся в доме.

Скажет ли он что? Знает ли он, кто заварил эту кашу?

Ты потрудился обыскать комнату для гостей? Ты не упоминал об этом, и все-таки я не могу поверить, что кто-то из моих протеже способен проявить подобное слабоумие. Неужели ты не видишь очевидного?

Теперь он долго будет задирать нос. Он страсть как любит подловить меня на каком-нибудь промахе.

Проклятие, я же думал об этом раньше. Как же я не потрудился посмотреть, не оставила ли чего-нибудь Джилл?

Иногда на нас сваливается столько дел, что не хватает времени подумать.

И теперь, глядя на Покойника, который самодовольно ухмылялся, я начал гадать, уж не Джилл ли меня подставила.

— Дин! Сходи наверх и посмотри, не оставила ли чего Джилл в гостевой комнате. Пусть Майя тебе поможет. Если ничего не найдешь, посмотри во всех местах, куда она могла добраться, пока была здесь. Ищи везде. Что-нибудь должно найтись обязательно.

Лучше поздно, чем никогда.

— Правильно. Уверен, соседи с тобой согласятся, когда начнут подсчитывать убытки и гадать, почему разрушены их дома.

Он меня понял. Если бы он сподобился слезть со своей воображаемой подстилки раньше, мы могли бы избежать многих неприятностей.

Не будем вступать в перепалку, Гаррет. Время упущено. Давай не растрачивать его дальше.

— Заметано. По-твоему, ты знаешь, что происходит? Ты знаешь что-нибудь об этих Сынах Хамона?

Я вспомнил их. Жестокий нигилистический культ. Жизнь для них — бедствие, страдание и наказание. Она будет длиться, пока они не снимут оковы со своего Разрушителя, который очистит мир от скверны, разрушив все до основания. Многих поглотит бездна, но Истинно Верующие, или Верные, те, кто служит ему беззаветно, те, кто поможет освободить Разрушителя и приблизит конец света, будут вознаграждены вечным блаженством. Их рай напоминает примитивный рай Культа Теней. Мед и молоко, золотые дома, неистощимый запас услужливых девственниц.

— Эта часть звучит не так скверно.

На твой вкус, конечно.

Я ждал, что он скажет дальше.

Культ уходит корнями во времена вашего пророка Террелла. Тысячу лет назад его объявили еретическим, а его поклонников подвергли преследованиям. До тех пор он ничем не выделялся из бесчисленного множества Анитских культов. Еретики бежали от гонений в различные нечеловеческие области. Одна община обосновалась в Каратхе. Там доктрины культа были заражены

нигилизмом темных эльфов, а потом претерпели изменения под влиянием дьяволопоклонников, которые и сделали мировоззрение Сынов Хамона таким, как оно выглядит ныне. Это произошло триста лет назад. Тогда же высшее духовенство культа начало говорить о непосредственных откровениях с небес, откровениях, которые миряне могли получить лично. Культ стал набирать силу, влиять на политику. Верующие пытались приблизить конец света.

Они потерпели поражение, Гаррет. Сначала против них ополчились силы империи и церквей, потом хозяева Каратхи начали побаиваться Верных и решили от них избавиться.

В итоге приверженцами Разрушителя остались только люди, поскольку с человеческим населением в Каратхе дурно обращались. Культ пустил в ход все доступные ему средства запугивания. Через два поколения Сыны Хамона стали хозяевами Каратхи. Знать темных эльфов оставили в живых, но их правительство было марионеточным. Провинция на пятьдесят миль вокруг попала под влияние культа. Оттуда потянулись убийцы-фанатики, успокаивающие навеки врагов Разрушителя. Культ стал настолько опасным, настолько жестоким, что у первых карентийских королей оставался один выбор — воевать или покоряться. Они, как свойственно людям, выбрали войну. Они были полны решимости истребить культ. Одно время казалось, что они преуспели. Король Беран объявил, что с ними покончено, но его тут же убрали убийцы из общины, которая обосновалась в Танфере. Его сын Бриан продолжил борьбу и, казалось, уничтожил последние очаги культа полтора столетия назад. Ты следишь?

— Ну, в достаточной мере. Я не все понял, но ведь мне это не понадобится, чтобы с ними управиться, правильно?

Ты должен понять только то, что они опаснее всех, с кем тебе доводилось бороться, за исключением, возможно, вампиров, защищавших свое гнездо. Они не просто верят — они знают. Их дьявольский бог говорит с каждым из них напрямую, без

посредников, и дает им возможность заглянуть в рай, где им предстоит провести вечность. Они пойдут на все, потому что знают — никакое наказание не сравнится с ожидающей их наградой. Они ничего не боятся. Они спасены и возродятся к жизни, чему получили конкретное доказательство. Они не нуждаются ни в чьих словах, кроме слов самого их бога.

Тут меня действительно мороз по коже продрал.

— Какого черта? Мне это ни к чему. Я неверующий. Ты пытаешься убедить меня, что никаких ангелов не существует, но зато есть бог, который на самом деле дьявол и...

Уймись! Довольно!

Я немного успокоился, хотя бывшая меня дрожь унялась не вполне. Представьте себе, каково столкнуться лицом к лицу с возможным доказательством того, что нечто, на ваш взгляд, совершенно отталкивающее, является законом Вселенной.

Мы, логхиры, не обнаружили никаких доказательств существования богов. Хотя мы не нашли и опровержения этого, но против восстает логика. Для того, чтобы объяснить все сущее, боги не требуются. Природа не производит ничего лишнего.

Ему никогда не доводилось бороться за выживание в болоте, в котором кишило пятьсот разновидностей паразитов. Может, боги тоже своего рода паразиты, только духовные.

Но в любом случае доказательства или их отсутствие не обязательны для разума, которому нужна вера. И этот разум становится вдвойне опасным, когда ему представляют то, что он принимает за доказательство. Тогда он начинает создавать то, во что верит.

Все-таки я не совсем впустую потратил время, околачиваясь около него.

— Ты хочешь сказать, что кто-то затеял игру с Сынами Хаммона, притворяясь их богом? Кто-то водит их за нос, обделяя свои грязные делишки?

Когда культ правил Каратхой и окрестностями, возвратился некто. Мы, бывшие причиной его краха, верили, что уничтожили его. Возможно, мы потерпели неудачу. Или, может быть, его место занял другой. Хотя последнее представляется очень маловероятным. Легче допустить, что тот, с кем мы боролись, каким-то образом избежал гибели и все эти годы втайне лелеял свою злобу.

Я оказался на высоте.

— Мы толкуем о другом мертвом логхире, так? — Не нужно много воображения, чтобы представить себе, каких дел мог бы наделать мой старый дружок, если бы не был так чертовски ленив.

О нем. Мы говорим о единственном за всю историю логхире, сошедшем с ума. Об истинном Сыне Зверя, если угодно, который совершил много великого зла, пока жил под личиной нескольких самых кровавых негодяев вашей истории. Но после того, как праведные предали его смерти, он сilitся сотворить еще более страшное зло.

Мы болтали долго. Покойник убедил меня не только в том, что живой логхир может сойти за человека, но и в том, что такое случалось уже бесчисленное число раз — и некоторые из худших людей прежних времен и даже парочка святых были вовсе не людьми. Но ему так и не удалось растолковать мне, почему. И это, несмотря на наше печально известное пристрастие вечно совать нос в чужие дела. Но мы, люди, — одно дело, логхирам же положено стоять в сторонке и смотреть на нас свысока.

— Чертовски занятно. Я узнаю о логхирах такие вещи, о которых никогда не подозревал. Мы должны как-нибудь вернуться к этой теме. Но сейчас у нас нет времени. Нам нужно пошевеливаться, иначе вся государственная машина переведет нас на осадное положение и мы не сумеем ничего сделать.

Наверное, ты прав.

— Ты считаешь, что где-то здесь крутится логхир, ожививший старый культ? Я покупаю твою историю. Но какого дьявола они рыскают по Танферу?

Должен признать, это ставит меня в тупик. Я думаю, *Магистр Перионт* мог бы ответить нам на этот вопрос. Возможно, ответ знает эта женщина, *Крайт*. Мужчины доверяли ей гораздо больше, чем следует доверять женщине. *Перионт* мог ей открыться. *Разыщи ее, Гаррет. Приведи ее ко мне.*

— Хорошо. Это мне раз плонуть.

Еще разыщи или по крайней мере установи личность человека, который занимал квартиру напротив. У меня есть предчувствие, что он играет в этой истории не менее важную роль, чем женщина. А возможно, и большую.

Предчувствие? У Покойника? У этой дряблой туши чистого здравого смысла? Не может быть.

Вошел Дин:

— Мы не смогли ничего найти, мистер Гаррет.

— Продолжай поиски. Что-нибудь должно быть.

Не обязательно, Гаррет. Достаточно просто убеждения, что искомое находится здесь.

Я сам об этом думал, но мне эта мысль не понравилась.

— Джилл Крайт подставила нас?

Есть такая возможность. Она приобретает вес, если допустить, что *Магистр Перионт* посвятил эту женщину в какую-то тайну, представляющую интерес для наших мучителей.

— Я сломаю ей обе коленные чашечки, когда увижу в следующий раз. — Я допускал мысль, что Джилл науськала на нас этих подонков в надежде, что Покойник выведет их из строя. Я и сам бы испробовал такой трюк, если бы хотел избавиться от чьего-то внимания.

Отряд Стражи приближается. Гаррет. С твоей стороны будет разумнее исчезнуть. Я справлюсь с ними. Приведи мне женщину.

Я вынырнул через черный ход, предоставив Дину запереть за собой засовы. Он ворчал и брюзжал, а сам втайне наслаждался, что пребывает в гуще событий.

Майя снова увязалась за мной. На этот раз не было никаких разговоров о ее возвращении в Рок.

— Ты бы хоть предупредила их, что жива и здорова. Я вовсе не жажду, чтобы Тей Котон устроила на меня засаду, решив, что я вскружил тебе голову.

Майя прыснула. Наверное, я тоже не смог бы удержаться от смеха на ее месте. Довольно забавно в наше время услышать подобные обороты.

— Ну, это уж чересчур, Гаррет! Как у человека, занимающегося твоим ремеслом, могло оставаться столько наивности?

Подобных вопросов как-то не ждешь от барышни ее возраста. Но молодежь вовсе не глупа и порой более восприимчива, чем мы, старые циники, с нашим арсеналом предрассудков. Я решил сказать ей правду.

— Я ее лелею. Понимаешь, бывают научные истины, а бывают поэтические. Может быть, тебе это покажется глупым, но я считаю, что моя наивность заслуживает того, чтобы ее сохранить.

Майя засмеялась, но в ее смехе не было издевки, только удовольствие.

— Я рада за тебя, Гаррет. Теперь ты понимаешь, за что я тебя люблю. Ты соткан из противоречий...

Эта маленькая ведьма, безусловно, знает, как вывести парня из себя.

42

Когда-то, около тысячи лет назад, Морли сострил, что лучше бы все сочли меня мертвым. Я не знал, как добиться, чтобы моя смерть выглядела правдоподобной, но мне пришло в голову,

что можно предельно близко подойти к этой идеи, если просто исчезнуть. Клин и мои ангелы смылись. Вся округа пребывала в состоянии лихорадки, и, похоже, все население Танфера высыпало на улицы узнать, что случилось, но я сомневался, что кто-нибудь обратит внимание на мою персону. Кажется, самое время затеряться.

— Куда мы пойдем? — спросила Майя.

— Хороший вопрос. — Нам нужно было убежище, где никому не придет в голову нас искать. Место, где мы могли бы устроиться без опасения, что какие-то житейские мелочи выдаут наше присутствие. Я не мог придумать ничего, что полностью отвечало бы этим требованиям, хотя несколько бывших клиентов испытывали ко мне достаточно сильную благодарность, чтобы я мог рассчитывать на их содействие.

— А что, если забраться в квартиру напротив берлоги Эстер? — предложила Майя. — Эстер ушла. Все, кому не лень, у нее пошурорвали. Никто больше не должен бы интересоваться ее домом. И этот мерзопакостный коротышка больше не вернется.

— Мерзопакостный?

— Ага. Чудной и жуткий одновременно, понимаешь? У меня от него мурашки по коже.

Она права. Дом Джилл — самое приличное убежище из всех возможных. Мы отправились туда. Попасть в квартиру, как и прежде, не составило никакого труда. Должно быть, прекрасно жить, когда Большой Босс держит зонтик над твоей головой.

Иногда. Не слишком ли много добра сделал он мне в последнее время?

Едва мы проникли в квартиру, Майя начала ныть.

— Я проголодалась.

— Я видел какую-то дрянь на кухне, когда перетряхивал здесь все в прошлый раз.

Содержимое кладовой в основном состояло из провизии, для приготовления сносной пищи не подходящей.

— Почему ты не попросила Дина покормить тебя перед уходом? — спросил я, пока мы совместными усилиями пытались состряпать какое-то подобие ужина.

— А ты?

— Резонный вопрос. У меня голова была совсем другим забита. — Я помешивал какую-то массу и гадал, почему Дин не смог отыскать штуку, припрятанную Джилл. Оставленная записка указывала, что всэць, за которой охотились Сыны Хаммона, в безопасности. Но места безопаснее, чем под боком у Покойника, не придумаешь. Поэтому я не мог поверить, что Джилл унесла неведомую ценность из моего дома.

Интересно, как она собиралась забрать ее? И что это, черт побери, такое? Пропавшие Мощи Террелла, поиски которых собирался поручить мне Перидонт? Возможно. Только мне представлялось маловероятным, что Мощи могли возбудить последователей еретического культа до такой степени, что они согласны погибнуть ради удовольствия стянуть чужую реликвию.

И опять я вернулся к необходимости расследования. Благодаря Дину и Покойнику я узнал, что представляет собой культ и чего он добивается, но эти сведения были весьма куцыми. Я должен разузнать больше об их вере и источниках этой веры. Гораздо больше.

Хотя, если я заполучу Джилл, необходимость в таких изысканиях, вероятно, отпадет.

— Смотри-ка! Я нашла вино, — объявила Майя. Она выглядела страшно довольной, поэтому я тоже улыбнулся, хотя особыго восторга ее находка у меня не вызвала.

— Хорошо. Поставь на стол. — Я продолжал размышлять, теперь — о Большом Боссе. Его люди на время притихли; вероятно, залегли на дно, пока не утихнет народный гнев. А он

утихнет. Танфер быстро успокаивается. Кто станет долго переживать по поводу гибели кучки странных чужаков?

Вино оказалось неплохим. У того, кто положил его в кладовку, губа не дура. Благодаря вину мы впихнули в себя этот дурацкий корм с меньшими трудностями.

— Дин меня испортил, — пожаловался я. — Я стал ужасным привередой в еде.

— Мы могли бы поесть в каком-нибудь приличном заведении.

Я вперил в нее подозрительный взгляд. Майя меня поддразнивала. Но не успел я перевести дух, как она тут же добавила:

— Ты обещал.

Я обещал? У меня сложилось другое представление.

— Может быть, после того, как все утрясется. Если ты сможешь выдержать еще одну попытку привести себя в порядок. — Прошло довольно много времени с тех пор, как племянница Дина поработала над ее внешностью. Майя уже выглядела немного потрепанной. Но разве я — нет? — Я вымотался. Нам нужно поспать. После завтрака отправляемся в Веселый Уголок.

Я обошел квартиру с лампой, проверяя, какие у нас возможности. Я мог заночевать в гостиной. Убедившись, что окна закрыты и никто не заметит снаружи блуждающий свет, я снял башмаки и принялся за обустройство своего лежбища. Я вдруг ощутил, что у меня столько же сил, сколько у вампира в разгар дня.

В комнату вошла Майя:

— Ты займешь кровать, Гаррет. Я могу поспать здесь.

— Нет. Я чудесно здесь устроился, — сказал Благородный Рыцарь.

— Гаррет, тебе комфорт нужнее, чем мне.

О, батюшки, долго мы будем расшаркиваться друг перед другом?

— Я не играю в куртуазные игры, Майя. Когда кто-то делает мне предложение, я даю ему один шанс пойти на попятный, а потом ловлю на слове.

— Можешь не волноваться. Я говорю то, что думаю. Ты устал гораздо больше меня. А я привыкла спать на полу и на тротуарах. Здесь мне будет роскошно. — Вроде бы убедительно, но я заметил призрак чего-то похожего на огонек в ее глазах. Черт меня побери, если она чего-то не замышляла.

— Ну, раз ты так просишь, получай. — Я направился в спальню. Может быть, виновата проклятая усталость, но я не смог вычислить, что у нее на уме.

Я выяснил это шесть часов спустя.

Обычно я сплю нагишом. Но, принимая во внимание, что кто-нибудь может забрести, я отправился на боковую в белье. Размышая о деле, я метался и ворочался секунд восемь, прежде чем отключился. Еще не вполне прия в себя, я понял, что не один. И тот, кто лежал рядом, был очень теплым, очень голым и очень женственным. И очень решительным. И конечно, мне не хватило силы воли.

Даже у лучших из нас существуют границы благородства. Тепло Майи помогло мне их преодолеть.

И утро выдалось поистине изумительное.

43

Майя привела себя в порядок и принарядилась. Я стянул для нее кое-какую одежду из квартиры Джилл. Клянусь, девочка хорошела с каждой минутой. Женщина, вернее сказать. Теперь в этом не оставалось сомнений. Если ей и недоставало опыта, она возмещала его энтузиазмом.

Я помог ей управиться с волосами и немного — с косметикой. Когда Майя овладеет искусством макияжа, она станет смертоносной.

— Мне ненавистна эта идея, и все же нам придется разрушить эффект, — сказал я ей, подводя к зеркалу. — Я не могу показаться с тобой на людях, если ты останешься в таком виде.

— Почему? — Майе тоже понравилось то, что она увидела.

— Потому что ты будешь привлекать к себе чертовски много внимания. Пойди сюда. — Когда я закончил, она вообще ничем не напоминала Майю. — Жаль, что мы не можем так же здорово обработать меня.

— Неужели нам необходимо маскироваться?

— Есть люди, которым очень хочется от нас избавиться. Маскировка не повредит. И никто не повредит, если не сумеет нас найти. — В моем распоряжении имелось совсем немного способов изменить свою внешность. Я вспомнил Шныря Пиготту и некоторые его трюки вроде камешка в башмаке, искусственной сутуности, использования двух разных шляп, которые он как бы случайно менял, и так далее. Трюк со шляпами я решил взять на вооружение. В прихожей валялось несколько на выбор. Все мои знакомые знают, что я надеваю что-нибудь на голову, только если существует угроза отморозить уши.

Я выбрал самый дурацкий экземпляр. Любой из моих знакомых поклялся бы, что я не надену такую штуковину, даже если приставить мне нож к горлу.

— Как я выгляжу?

— Как будто канюк свил у тебя на голове гнездо.

Сей примечательный головной убор действительно немногого напоминал треугольную копну сена. Я рад, что пристрастие к элегантности — грех, присущий главным образом высшим классам. Судя по этой шляпенции, я никогда не смог бы заставить себя гоняться за модой.

В квартире обнаружилось и несколько предметов одежды, но все они годились только для недомерка, так что мне от них не было никакой пользы. Поэтому я попросил Майю подвести мне ламповой сажей синяки под глазами и пройтись по скулам, что-

бы щеки казались впалыми. Потом я сскутился, прошелся туда-сюда, подволакивая ногу, и спросил:

— Ну и как я тебе?

— Для меня ты всегда неотразим, — многозначительно ответила Майя. Девочка просто светилась от счастья. Я еще ни разу не видел ее такой.

Ты — дьявол, Гаррет. И как тебя угораздило?

Если вы позволяете это себе, вы тем самым принимаете некоторые обязательства, независимо от того, прочен или слушен союз. А сейчас о случайности не было и речи. Речь шла о дорогом мне человеке, дорогом независимо от фортелей, которые выкидывает со мной тело.

Проклятие, секс всегда усложняет дело.

Мы вышли на улицу, изображая бедняков. Бедняки на улице — явление более чем распространенно. Я довел свою хромоту и сутулость до совершенства. Я шел и изобретал историю, которую можно было бы выдать любопытным. Например, можно сказать, что меня ранили у хребта Желтой Собаки. Никому не придет в голову спрашивать, что вы делали на войне. Тот факт, что вы выбрались оттуда живым, сам по себе достаточно красноречив.

Я стал гадать, что поделывает Слави Дуралейник. Уже несколько дней о нем ни слуху ни духу. Конечно, это ничего не значит. Обычное течение событий на войне. Затяжные периоды бездействия чередуются с краткими и напряженными периодами боев. Но у меня было предчувствие, что вскоре произойдет нечто интересное.

Мы зашли в третьяразрядную харчевню и перекусили, потом побрали в Веселый Уголок. Добрались туда в полдень. Полуденные часы — время второго пика в этих краях. Те, кто не может выбраться сюда вечером, сбегают на часок с работы — утолить свой голод. Мы с Майей заняли место на вчерашней скамейке и углубились в созерцание парада участников. Дневные посетители

проявляли больше застенчивости, нежелиочные. Некоторые приложили немалые усилия, чтобы изменить внешность. И снова я провел добрых полчаса в размышлениях о странностях человеческой натуры. Ну и племя!

— Я думаю, наше существование свидетельствует о причудливости чувства юмора у богов, — заметил я, обращаясь к Майе.

Она засмеялась. Она поняла меня без объяснений. Мне это понравилось. В самом деле, мне начинали нравиться многие ее свойства, которые не вызывали у меня воодушевления раньше, когда я относился к ней как снисходительный дядюшка.

И Майя почувствовала перемену. Она коснулась моей руки и одарила ослепительной улыбкой из разряда «я же тебе говорила!».

Ну и ну! Ведь это совсем не мой стиль. Я этого даже не понимаю. Гаррет не заводит романов. Он заводит подружек и оставляет их с улыбкой. Но он на дух не принимает никаких обязательств.

Проклятие, это же излупцованные девчонка, которую я спас когда-то от издевательств. Это моя подопечная...

Я улыбнулся про себя. Что еще остается делать, когда попадаешься на крючок собственного производства?

Я заметил на противоположной стороне улицы нашего зазывалу.

— Кажется, у нас маленькая проблема.

— Какая?

— Мне нужно потолковать с этим парнем. Но тогда он меня узнает. А это отменяет наше исчезновение.

— Ты, должно быть, дряхлеешь, Гаррет. Тебе просто-напросто нужно сослаться на Чодо и приказать ему забыть, что он тебя видел. Он забудет.

Майя была права. Этот тип будет помалкивать в тряпочку о нашем знакомстве до тех пор, пока его кто-нибудь не прижмет. Но ни у кого не должно быть особых причин на него нажимать.

— Наверное, ты права. Дряхлею.

— Или просто устал. Для старика ты очень неплохо сегодня потрудился.

Я сплюнул в канаву. Удивительно, но я не почувствовал себя уязвленным.

— Ты просто не имела дела с настоящим мужчиной.

— Может быть. — Теперь она почти мурлыкала. — Хочешь, я подойду к нему и передам, что ты желаешь с ним побеседовать?

— Конечно.

Одним глазом я продолжал следить за домом, который мы посетили прошлой ночью. Оттуда вышел только один старик. Других посетителей не было. Удивительно, что сюда не ломятся толпы. Казалось бы, такого рода заведение должно притягивать, как магнит. Парень, который набрел на эту идею, — просто гений. Всем нам бывает необходимо поговорить. Я знаю это по себе.

Отчасти я утоляю эту потребность беседами с Дином, Покойником, с Тинни и Плейметом. Наверное, с Плейметом я откровеннее, чем с другими, поскольку меня не связывает с ним ничто, кроме дружбы. Но есть вещи, о которых мне неловко рассказывать, потому что я дорожу его добрым мнением.

Майя снова уселась рядом:

— Он подойдет через минуту. Сначала никак не хотел верить, что ты — это ты.

— Но ты его убедила.

— Я могу быть достаточно убедительной.

— Что правда, то правда. — У меня не было ни единого шанса выстоять, когда она взялась за меня всерьез. Хотя, с другой стороны, это вообще мое слабое место.

Зазывала пристроился рядом через несколько минут. Он подался вперед, чтобы заглянуть мне в лицо:

— Это вы.

— Крайне неуместное замечание. Вышло так, что мне пришлось исчезнуть. Может быть, я бежал из города. Ты видишь

не меня. Ты видишь какого-то незвестного зеваку, который пришел сюда поглазеть.

Зазывала приподнял бровь. Проклятие, ненавижу, когда кра-дут мои трюки.

— Сейчас тяжелое время. На Организацию давят. Некото-рым из нас приходится становиться невидимками. Но скоро мы все уладим.

— А что, кстати, происходит? Я торчу здесь как привязан-ный, и до меня доходят только какие-то дикие слухи.

— Правда безумнее любых, самых диких слухов. — Я пе-реказал ему кое-что, включая подробности нападения на дом Чодо. Он не хотел мне верить, но история была настолько соч-ная, что он ее проглотил.

— Кошмар, — сказал он. — Они действительно спятали. Я готов помочь. Как и все здесь. Но я не вижу, что мы могли бы сделать.

— По нашим прикидкам, два человека располагают сведе-ниями, без которых нам не расхлебать эту кашу. Одна из них — женщина, о которой я спрашивал. Не могу назвать тебе ее имени — их у нее не меньше сотни, но я почти уверен, что она работает вон в том доме.

Зазывала посмотрел туда и презрительно фыркнул:

— Дойлов дом для слонятев. Дюжина роскошных кисок, и половина из них не дает. Платишь просто, чтобы посмотреть.

— Каждому свое. Если бы в мире не было людей с причу-дами, мы с тобой остались бы не у дел.

— Твоя правда. Что ты хочешь узнать?

— Ты видел какую-нибудь потрясающую блондинку, кото-рая регулярно заходит в этот дом и выходит оттуда?

— Даже нескольких. Тебе придется дать более подробное описание.

У меня ничего не вышло. У Джилл Крайт, несмотря на брос-кую внешность, было неуловимое свойство, словно в действи-

тельности она была целой командой женщин, каждая из которых немного отличается от другой.

— Забудь о ней. Считаю, она все-таки работает здесь. Если я прав, я ее поймаю. Просто буду сидеть на этой скамейке, пока она не объявитя. А как насчет того типа, за которым я гнался прошлой ночью?

— Что за тип?

— Майя, опиши. Ты лучше его рассмотрела.

— Не так уж и хорошо. Он приземистый, с большим носом, который, видно, когда-то был сломан. У него темноватая кожа. Лысый. В шляпе, конечно, это незаметно. Оба раза был прилично одет. Но одежда сидит на нем мешковато. Похоже, он не привык ее носить... — И так далее. И так далее. Хотел бы я иметь такое острое зрение и такую память.

— Пожалуй, я действительно припоминаю похожего парня. Он появился как раз перед тем, как ты поднял шум, — сказал зазывала. — Я заметил его только потому, что он выскочил оттуда, как будто его демон за задницу тянул.

— И что же?

— Это все, что я могу вам сказать. Он удрал.

Именно это я и ожидал услышать.

— Ты узнал его?

— Ты имеешь в виду, знаю ли я, кто он? Нет. Но я видел его в наших краях. Появляется в Веселом Уголке каждые четыре-пять дней. Раньше ходил к нам на представления. Но с тех пор, как Дойл открыл свой дурацкий домишко для брехунов, парень забросил и шоу, и бордели.

— Не так уж это глупо, если подумать.

— Наверное, ты прав. Выдохся старый козел. А я никогда не пойму слизняков, которые туда таскаются.

Я сомневался в его искренности. Он понимает их, даже слишком хорошо понимает. Если бы парни вроде него не отличались понятливостью, у них бы не было ни единого шанса преуспеть в

бизнесе, где требуется ублажать людей, нуждающихся в услугах Веселого Уголка. Но вслух я не стал распространяться на эту тему.

Зазывала встал:

— Всегда рад помочь Большому Боссу. Да, не знаю, пригодится ли тебе это, но лысый чудила со здоровенным носом, помоему, какой-то важный священник.

Что-то встрепенулось во мне на уровне подсознания.

— Ты уверен?

— Он воровато шныряет тут и в то же время ведет себя так, словно люди должны преклонять перед ним колени. Я знал других священников, они вели себя так же. Они вроде бы не хотят привлекать к себе внимание, но уже привыкли к особому обращению. Улавливаешь мою мысль?

— Спасибо. Я упомяну о твоей помощи. Может, награда обломится.

— Я сумею найти ей применение.

— Как и любой из нас. — Я наблюдал, как он пересек улицу и занял свой пост. — Священник, — пробормотал я. — Еще один святой отец и, возможно, тоже важная шишка. С квартирой в том самом доме, где Джилл развлекалась с Магистром Перидонтом.

— Не похоже на простое совпадение, — согласилась Майя.

Я не рассказывал ей подробностей о Перидонте. Теперь решил довериться ей и выложил все с самого начала.

Майя долго молчала, а когда заговорила, выдала следующее:

— Я знаю, о чем ты думаешь. Но это слишком дико.

— Вероятно, ты права. Но... тогда одно начинает увязываться с другим. Даже если результат выходит диким. Ведь Перидонт, когда приходил ко мне в первый раз, хотел, чтобы я разыскал Хранителя Агире и Мощи Террелла.

— Всего лишь предположение, Гаррет. Осенняя паутинка. Почти призрачная.

— Может быть. Как только мы выясним, что **Хранитель** ничем не напоминает этого типа, можно об этом забыть.

Майя кивнула.

— Но пока давай я все-таки поиграю с ним. А ты послушай и скажи, где у меня дыры.

— Ладно.

— **Джилл Крайт** работает здесь, выслушивая горестные истории и печальные исповеди. Она чуточку жадновата, поэтому иногда встречается со своими клиентами на стороне, в свободное от работы время. Может, она не совсем честна и пытается выяснить, кто они. Может, истина открывается ей случайно. Но, так или иначе, **Джилл** узнает, что среди ее постоянных клиентов есть и **Великий Инквизитор**, и **Хранитель**. Возможно, у нее возникает идея сорвать крупный куш. А может быть, она действует бескорыстно.

Как бы то ни было, она организует нечто вроде подпольных переговоров. Возможно, два кита действительно пришли к соглашению. Но тут в городе объявляются **Сыны Хаммона**. Почему-то они тоже охотятся за **Мошами**. **Агире** пускается в бега. Он подсовывает **Моши Джилл**, чтобы она позаботилась о них, пока он отвлечет этих голубчиков и уведет их подальше от гнезда. **Перидонт** ничего не знает о том, что происходит. Он знает только, что **Агире** и **Моши** исчезли.

Спустя какое-то время **Перидонт** связывается с **Джилл** и узнает, что произошло с **Агире** и реликвией. Теперь ему нужно побольше разузнать о **Сынах Хаммона**, но мне он этого не говорит. Типичный клиент, он не желает снабжать меня сведениями, которые могут ему повредить, и в надежде, что я откопаю что-нибудь полезное для него, посыпает меня ковыряться в мусоре с завязанными глазами.

Тем временем из-за его желания прикрыть свою задницу и из-за недальновидности церковных политиков дела принимают скверный оборот. Когда **Перидонт** наконец решаст, что увяз

слишком глубоко и самостоятельно ему не вылезти, он отправляется ко мне. И попадает в засаду. Кстати, я не уверен, что его убили Сыны Хаммона.

Это была самая длинная из речей, которые я когда-либо произносил. Я выложил все, не останавливаясь. Майя молчала.

— Что ты думаешь по этому поводу?

— Ты взял ложный след. Я не могу этого объяснить. Но лучше тебе повторить все Покойнику. Он скажет, почему этого не может быть.

— Значит, ты думаешь, что я ошибся?

— Я не хочу, чтобы все было так, как ты рассказал. Не спрашивай, почему. Это просто эмоции. На самом деле я боюсь, что ты прав.

Что ее напугало? Возможность того, что все вылезет наружу, будет на руку охотникам за скандалами?

Разумом я понимал опасность. Сыны Хаммона предстанут перед публикой аскетами, людьми строгих нравов, у которых есть бог, говорящий с каждым из них, в то время как две крупнейшие Анитские конфессии попустительствуют разврату, погрязли в коррупции и демонстрируют полную беспомощность...

Нет. Люди Танфера не пойдут за такими психами, как Сыны Хаммона. Во всяком случае, не сейчас.

Они неправильно выбрали время. Им следовало бы дождаться конца войны. Вот тогда приезжайте в город с любыми безумными обещаниями, и, готов прозакладывать что угодно, вы навербуете легионы новообращенных.

Я размышлял об этом долго. Я представил свое мрачное будущее и решил, что нам с Покойником нужно серьезно обсудить, как можно облегчить наше положение. Может быть, мне придется принять предложение Вейдера и устроиться главным надсмотрщиком на пивоварне. В тяжелые времена пивоварение процветает.

Майя сидела, прижавшись ко мне, и мурлыкала. Насколько я мог судить, в ее головке ничего не происходило. Время текло.

У меня возникла новая идея — время от времени со мной такое бывает.

— Как ты думаешь, Джилл узнала бы тебя, если бы прошла мимо по улице?

— Нет.

— Тогда, наверное, нам следует рассредоточиться. Я не смогу ее одурачить. Если она заметит меня, задаст деру.

— Ты в этом уверен?

— Думаю, она запаникуст. Она слишком далеко зашла с этой вечной чехардой имен. Ей кажется, что, стоит ей назвать себя по-другому, и она исчезнет. Если ее обнаружит кто-то, кто знал ее в другом обличье, она растеряется и наворочает бог знает чего.

Майя нахмурилась:

— Не знаю. Тебе видней. Ты у нас большой знаток по части людей.

Я фыркнул. Я — знаток? Да я даже в себе не способен разобраться, не говоря уж об остальном мире.

44

Одно из непременных требований моей профессии — умение сохранять терпение. Мне приходится проводить в ожидании больше времени, чем кому бы то ни было, за исключением, вероятно, солдат. Казалось бы, после пяти лет на флоте и всех передряг сыскного дела терпение должно было стать моей второй натурой. Но я так и не научился сидеть смирно, особенно на холода.

Мне до смерти захотелось встать и размять ноги. Конечно, разгуливая туда-сюда, я буду привлекать к себе больше внимания.

ния, но моя ноющая задница и затекшие мышцы не внемлют здравому смыслу.

— Пойду обойду квартал и погляжу, сколько выходов у этой лавочки, — предупредил я Майю.

— А если она уйдет, пока тебя не будет?

— Маловероятно. Мне понадобится не больше трех минут.

— Как знаешь. Ты у нас профессионал.

Судя по тому, как она это произнесла, у нее имелись на мой счет кое-какие сомнения.

Я не выяснил ничего такого, до чего не мог бы додуматься, сидя с Майей на скамейке. В доме была задняя дверь, выходящая на наружную лестницу позади здания. Но иначе и быть не могло — внутри мы не видели никакого прохода на второй этаж. Дьявол!

Ладно. Во всяком случае, я размялся.

Я направился к скамейке и к своей девушке.

К какой девушке? Майя исчезла.

Секунд двадцать я таращился, открыв рот, на скамейку, потом стал озираться и подпрыгивать, чтобы разглядеть что-нибудь за головами толпы. Майи нигде не видно. Я побежал к долговязому зазывале.

— Вы не видели, что случилось с моей девушкой? Той, что сидела со мной на скамейке?

Он фыркнул, выражая свое отношение к моей растерянности.

— А то как же, приятель. На этот раз я не зевал. Светловолосая сучка галопом проскакала мимо. Твоя зазноба отчалила следом. Они пошли вон туда. — Он указал в сторону Холма, в сторону центра города, откуда мы и пришли. И откуда пришли все остальные.

— Блондинка торопилась?

— Бежала. По-моему, она тебя засекла и ждала возможности удрать.

— Спасибо. — Я бросился вдогонку, не обращая внимания на проклятия прохожих, которых бесцеремонно расталкивал. Интересно, как Джилл удалось узнать нас с такого расстояния?

Проклятие! Надо же быть таким тупицей! Скорее всего нас она вовсе не узнала. Она просто увидела свою одежду, которую позаимствовала Майя.

Как вышло, что мы не подумали об этом, раз уж додумались переодеться? Умники!

Толпа порсдела, и я прибавил ходу. Я выбрался из Веселого Уголка, и теперь мне ничего не оставалось, кроме как гадать, куда помчалась Джилл.

Я так и не заметил ни ее, ни Майи.

Я шагал и размышлял, почему на душе у меня так тревожно. Я гадал, не упустила ли Майя Джилл. Я гадал, что будет делать Джилл, если ей не удастся отцепиться от Майи. И как Майя свяжется со мной, если доведет Джилл до норы.

Я шел по улицам, поглядывая на противоположную сторону. Я расспрашивал уличных торговцев. Некоторые советовали мне катиться ко всем чертям. Другие смотрели тупо и молча. Только один дал мне прямой ответ. Один из тех, кто действительно заметил Джилл.

Она по-прежнему направлялась в центр города.

Я не добился большого содействия, оставаясь просто Гарреттом. Поэтому пришлось проглотить свою гордость и ссыльаться на Чодо Контагью. Готовность сотрудничать подскочила на несколько градусов. Человеку с колбасным лотком на углу нужна благосклонность Большого Босса. Иначе кто-нибудь может выставить его из дела.

Мне удавалось держать след до тех пор, пока я не выбрался за пределы района, где еще было кого спрашивать.

Куда она могла бежать? Я пожалел, что плохо знаю ее.

Но у меня не было времени изучить ее. Ни в одном из ее обличий, не говоря уже обо всех. Я — трудяга. Я добираюсь до

конца следа из чистого упрямства, просто потому, что вцепляюсь в него мертвой хваткой. У меня не было ни минуты, чтобы перевести дух, с тех пор как Джилл Крайт впервые переступила мой порог.

Когда движешься такими темпами, не всегда хватает времени подумать. Поэтому сознание работает подспудно, и в какой-то момент наступает озарение. Через три минуты после того, как след Джилл повернула на юг, меня осенило.

Она направлялась в Страну Грэз.

У нее оставалось последнее средство. Старый хрыч из кварты напротив той, что снимал Перидонт. Если он тот, за кого я его принимаю... Но Хранитель Агире исчез. Я ничего не слышал о его возвращении. Хотя я был слишком занят в последнее время, чтобы следить за событиями.

— Ставлю золотой против зубочистки, — сказал я самому себе. Я изменил курс и прибавил шагу. Через десять минут я добрался до конюшни Плеймента.

Он как раз закрывал главные ворота. Но, увидев меня, присял, как ясное солнышко. Как всегда. Он — самый благодарный из моих бывших клиентов и единственный, на кого я могу рассчитывать в любое время.

— Гаррет! Я уж начал о тебе беспокоиться. Где ты пропадал?

— Работал. Очень заковыристое дело, мозги можно вывихнуть. Ты в курсе последних скандалов?

— Не так, чтобы очень. В последнее время слишком много других хлопот. Говорят, на твой дом прошлой ночью напал демон?

— Да. Это связано с делом, над которым я работаю.

— Значит, на этот раз играешь с огнем.

— Да еще с каким горячим! Ты не знаешь и половины. Какнибудь расскажу тебе обо всем.

— Торопишься?

— А когда я не торопился?

— Иногда бывает. Что от меня требуется?

— Лошадь, чтобы наверстать время. Я гонюсь за одной особой. Только лошадь пусть будет не из твоих проклятых Молний или Угольков. Я хочу такую, которая будет бежать, а не выкидывать фокусы. — Лошади со мной не ладят. Не знаю почему, но все их проклятое племя на меня ополчилось. Они травят меня всю жизнь и думают, что лучшей забавы на свете нет.

— Ты всегда так говоришь. Я не знаю другого парня твоего возраста, который бы так боялся лошадей. Но раз уж ты — это ты, я подберу такого смирного и глупого конягу, что даже ты будешь доволен.

Он повел меня в конюшню. По дороге я спросил:

— Ты слышал что-нибудь о Хранителе Агире и Мощах Террелла?

— Занятно, что ты об этом спросил. Агире появился прошлой ночью. Без Мощей.

— Ха! — Я угадал правильно. Более или менее. Но поздравлять себя еще не время. Я должен пошевеливаться. — Лошадь нужна мне как можно быстрее. Я должен добраться до Страны Грез раньше, чем туда доберется один человек, а он уже опережает меня.

Плеймет набросил седельную попону на монстра, который, на мой взгляд, вовсе не казался смирным. Бывают моменты, когда мой друг поддается желанию рискованно пошутить.

— Никаких шуток, Гаррет. Тишайшее животное.

— В самом деле? — Мне не понравился вид, с которым оно на меня смотрело. Словно бы оно поняло меня и преисполнилось решимости выставить Плеймета лжецом.

Такие же проблемы у меня с женщинами. Я никогда не понимал почему.

— Готово.

— Спасибо. — Я схватил лошадь за уздечку и посмотрел ей в глаза: — Я должен сделать кое-что очень срочное. У меня нет

времени с тобой канителиться. Если захочешь фокусничать, помни — от любой точки города не больше двух миль до живодерни.

Она только посмотрела на меня в ответ. Я обошел ее кругом и залез в седло. Через мгновение я уже скакал по улице. Люди кричали мне в спину. Некоторые бросались чем ни попадя. То, что я делал, было против закона, потому что это чертовски опасно. Но не нашлось никого, кто бы меня остановил. Я допустил несколько промахов. Лошадь спотыкалась и скользила на участках, мощенных булыжником, и пару раз я подумал, что мы упадем. Чем ближе подбирались мы к Стране Грез, тем большим дураком я себя чувствовал. Я готов был спорить, что перехитрил самого себя и никого там не найду.

Я ошибся. Они были там. Сначала я заметил развесывающиеся на ветру светлые волосы Джилл в трех кварталах перед собой. Она мчалась мимо Четвери, в сторону комплекса Ортодоксов. Майя дышала ей в затылок и, похоже, собиралась ее схватить. Джилл оглянулась через плечо. Меня она не заметила.

Я пришпорил лошадь. Она перешла на галоп.

Галоп оказался недостаточно хорош. Джилл добежала до ворот. Обычно они стояли открытыми и не охранялись, но только не сегодня. Наверное, охрану выставили из-за скандала. Джилл заговорила с охранниками, глянула на Майю и тут заметила меня.

Майя догнала Джилл, когда мне до них оставался один квартал.

Охранники схватили обеих женщин, затащили их внутрь и заперли ворота.

Я осадил лошадь и услышал, как женщины и охранники спорят внутри привратницкой. Маленькая калитка для пешеходов, куда втолкнули женщин, была закрыта. Я оглядел ее стальные прутья, потом перевел взгляд на ворота, предназначенные для проезда экипажей. Охранник по ту сторону ворот нервно на меня поглядывал. Он не был вооружен, но был преисполнен решимости. Не нужно вступать с ним в переговоры, чтобы по-

нять, что он меня не впустит. Скорее всего он даже не стал бы мне отвечать.

Мое вооружение тоже оставляло желать лучшего. У меня было два ножа и моя головодробилка, но я не запасся оружием, которым, оставаясь на улице, можно было бы припугнуть тех, кто находился по ту сторону ворот.

Ворота посередине немного не дотягивали до пяти футов в высоту.

Мая завопила. Трое мужчин вытащили ее из привратницкой и поволокли вглубь территории, скрытой за растительностью. Джилл шла рядом. В какой-то момент она оглянулась на меня — глазища огромные, вид почти извиняющийся.

Ладно. К черту сомнения.

Я отъехал немного назад, потом развернул лошадь к воротам и пустил ее в галоп. По моим представлениям, она должна была легко взять препятствие.

Прямо скажем, скакуном она не была.

За два шага до ворот она остановилась как вкопанная. Я завопил, перелетая через ее голову, врезался в ворота и упал лицом вниз. По ту сторону ворот выстроилось около десятка зрителей. Ни у кого из них не было оружия, но они не собирались впускать меня без боя.

Я отодрал себя от булыжников. Стоя на карачках, я посмотрел на чертову тварь. Говорю вам, она ухмылялась. Она заработала кучу очков в пользу своего племени в этой старой вендетте против Гаррета.

— Ты поплатишься за это, скотина. — Пошатываясь, я встал на ноги и похромал к лошади. Она неспешно отошла прочь, двигаясь как раз с такой скоростью, чтобы сохранить между нами прежнюю дистанцию.

Парни за воротами на славу потешились за мой счет.

Они еще горько раскаются в этом.

Какой-то добряк-прохожий пожалел меня и придержал лошадь. Я отвел эту сволочь обратно к Плеймету.

Плеймет — старый мой товарищ — принял сторону проклятой клячи.

— У каждого животного есть предел возможностей, Гаррет. Чтобы лошадь брала препятствия, ее нужно специальным образом тренировать. Нельзя просто взобраться на необученного конягу и приказать ему прыгать.

— Черт, это я понимаю. Я сделал ставку и использовал все шансы. Я проиграл. Я принимаю проигрыш. И если я жалуюсь на эту тварь, то только из-за того, как она посмеялась надо мной после. Она сделала это намеренно.

— Гаррет, у тебя мания. Ты всегда жалуешься, что лошади над тобой издеваются. Они обыкновенные неразумные звери. Они не могут ни над кем издеваться.

Много он понимает!

— Ты не мне это рассказывай. Им расскажи. — Несомненно, они его дурачат.

— Что стряслось? А? Ты просто посмеялся бы над этой историей, если бы не случилось чего-нибудь еще пострашнее.

Я рассказал ему, как Майя позволила себе схватить. Объяснил, что пытался перескочить через ворота, чтобы ее вызволить.

— Хочешь попытаться еще раз?

— Хватит с меня великодушных глупостей. Эти торговцы суевериями вывели меня из терпения. Они у меня попляшут!

Плеймет исполнил мой фокус с приподнятой бровью.

— Девушка так много для тебя значит? А как же Тинни?

— Тинни есть Тинни. Давай не будем о ней. Она тут ни при чем.

— Ну, если ты так говоришь... Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Он предлагал помочь искренне. И если бы дело дошло до мордобоя, Плеймет очень бы пригодился со своими девятью футами и силицей, которой хватало, чтобы поднимать его любимых лошадей. Но Плеймет не борец по натуре. Ему все время достается, потому что он исключительно, неимоверно добр.

— Нет. Не хочу тебя втравливать. Ты и так сделал достаточно, когда позволил мне взять эту четырехногую гадюку. Скорми ее собакам.

Плеймет рассмеялся. Он получает удовольствие от моей войны с лошадиным родом.

— Ты уверен, что тебе не нужна помощь?

— Да. Ты сделал все, что мог. Мне нужна подмога профессионала. — Придется послать к черту свое намерение исчезнуть. — Если ты действительно хочешь оказать мне любезность, сходи ко мне домой и посмотри, как там поживают Дин и Покойник. Я загляну к тебе утром. — Если доживу до утра.

— Конечно, Гаррет.

Я знал, что буду делать теперь. Они у меня поплачут. Но горше всех буду плакать я, если меня схватят.

45

Краск в полном одиночестве нес вахту в заведении Морли. Судя по его виду, он сидел там давно. Он не производил впечатления довольного жизнью человека. Я заметил его, когда одолел уже половину пути к стойке. Отступать было поздно.

Краск жестом подозвал меня к себе. Я смирил свой норов и подсел к нему. Краем глаза я видел, как Слейд говорит что-то в переговорную трубу, связывающую бар с кабинетом Морли.

— Чего тебе?

— Чодо теряет терпение. Он не любит долго ждать результатов.

— Чего-то я недопонял. Результатов у него — хоть отбавляй. Крысоловы работают сверхурочно, подбирая трупы.

— Не умничай, Гаррет. Он тебе задолжал, но это не значит, что он позволит тебе водить себя за нос.

— Краск, с каждым твоим словом я все больше и больше теряю нить.

— Ты должен был поймать для него какую-то девку. Где она?

Я недоуменно посмотрел через плечо, потом — опять на Краска.

— Я?! Поймать кого-то для Чодо? Что-то не припомню. Я слышал предложение объединить силы и обменяться информацией. Я играю только на таких условиях.

— Чодо Контагью — не тот человек, которого стоит злить, Гаррет.

С этим я согласился:

— Ты прав. Не тот. Но он и не тот человек, у которого я готов быть на побегушках. Сделка, заключенная между нами, — всего лишь сделка. Не больше и не меньше. Понял?

Краск встал:

— Я ему передам. Не думаю, что он будет доволен.

— Мне плевать, будет он доволен или нет. Я соблюдаю условия соглашения так, как я их понимаю.

Краск бросил на меня злобный взгляд. Я знал, о чем он думает. Когда-нибудь он с удовольствием оттяпает мне пальцы, по одному за раз.

— И еще. Куда бы я ни сунулся, меня все потчуют этим дерьмом, будто я работаю на Чодо. Я не работаю на Чодо. Я работаю на Гаррета. Если кто-то распускает слух, что я на сдержании у Большого Босса, пусть заткнется.

Краск фыркнул. По-моему, это самое сильное проявление эмоций, на которое он способен. Ни слова не говоря, он вышел.

Я направился к бару. У меня тряслись руки. Этот проклятый Краск вывел меня из себя. Он всегда обрушивается на голову,

словно стихийное бедствие — воплощение угрозы и беспощадности.

— Морли зовет тебя наверх, — сказал Слейд.

Я поднялся по лестнице. Морли был не один, но и он, и его гостиья были одеты. Женщину я уже видел. Вчерашняя брюнетка. Она установила рекорд: не припомню, чтобы я дважды засстал Морли с одной и той же подружкой. Может быть, он остыпенился?

— Подцепался с Краском?

— Вроде того. Чодо пытается завербовать меня. Краск раздражен, что я не поддаюсь вербовке.

— Я слыхал о какой-то заварухе у твоего дома прошлой ночью.

— Да так, ничего особенного. Покойник обо всем позабочился.

— Напомни мне, чтобы я не восстанавливал его против себя. Зачем пожаловал?

— Мне нужен помощник, который прикроет мне спину во время одной работенки. Проникновение со взломом. Объекты непростые. Эти люди не поймут, если поймают нас с поличным.

Морли нахмурился:

— Такие чувствительные?

— Как назревший чирей. Одно неверное слово в неверном месте — и куча народу может поплатиться жизнью.

— Ладно. Я знаю человека, который поможет тебе. Подожди внизу.

Отлично. До него дошло, что женщина не должна услышать больше, чем уже слышала.

Хотя я сам все это затеял, на душе у меня было неспокойно. Морли вызовется на дело лично. Когда он выяснит, что я задумал, то переполошится по-настоящему. Морли, откальвая такие опасные номера, впоследствии избавляется от своих напарников, чтобы никто никогда ничего не узнал. И хотя он пытается меня

понять, в глубине души он все-таки не верит, что я втайне не придерживаюсь таких же взглядов. У нас могут возникнуть проблемы.

Морли спустился по лестнице, когда я как раз допивал бренди, который плеснул мне Слейд. Слейд — единственный из подчиненных Морли — не сторонник вегетарианской кухни. Поэтому он держит под рукой настоящую выпивку. Должным образом припрятанную, конечно. Морли притворился, что ничего не учаял.

— Давай выйдем на улицу. Здесь слишком много ушей.

Мы вышли. Не дожидаясь его вопросов, я сказал:

— Я собираюсь влезть в Четтери. Хочу проникнуть в кабинет Перионта.

Морли хрюкнул. Мое намерение произвело на него должное впечатление.

— Есть веская причина?

— Майю снова схватили. Чтобы получить шанс ее освободить, я должен кое-что украсть из кабинета Перионта.

Я надеялся, что церковная братия не перевернула там все вверх дном после ухода Великого Инквизитора. Хотя мне с трудом верилось, что этот жуткий тип, Самсон, не сунул туда свой нос.

Мы с Морли прошли полквартала, прежде чем он заговорил:

— Скажи мне прямо. Без эмоций. Это возможно проделать?

— Я как-то там был. У них нет внутренней охраны. Эти простофили ничего не ждут. Им не приходит в голову чего-то бояться. Я не волнуюсь, сможем ли мы это провернуть.

Меня тревожит, сумеем ли мы провернуть все так, чтобы никто не выяснил, чьих это рук дело. Я не хочу, чтобы ребята из Церкви охотились за мной всю оставшуюся жизнь.

— Ты что-то задумал.

— Я рассказал тебе все.

— Нет. Я знаю тебя, Гаррет. Ты собираешься не просто что-то украсть. Ты собираешься устроить все так, чтобы никто не догадался о краже.

Я не стал сму возражать. Но и не согласился. У меня были кое-какие идеи. Может быть, они сработают, а может, и нет. Судя по моему всегдашнему везению, они не сработают. Нет необходимости посвящать в них Морли.

— Ты чертовски осторожен со своими картами, Гаррет. А что за второй объект?

Я покачал головой, но он не мог этого видеть в темноте, и мне пришлось открыть рот:

— Не стоит забивать себе голову, пока мы не управимся с первым. Если я не достану нужную мне вещь из кабинета Перидонта, мы в любом случае не сможем сделать следующего хода.

— Темнишь, Гаррет.

— А ты разве просветил меня в тот раз, когда мы охотились за вампирами?

— Это другое дело.

— Конечно, другое. Ты представлял меня, как пешку, даже не намекнув, чем мы занимаемся. Так ты идешь или нет?

— Почему нет? Сам ты довольно скучный парень, но вокруг тебя всегда происходят интересные вещи. И потом, я никогда не бывал внутри Четтери. Говорят, он великолепен.

Морли никогда там не бывал, потому что его соплеменникам путь туда заказан. Согласно доктрине Церкви, у него нет души, несмотря на долю человеческой крови. Не очень мудрая позиция в мире, где нечеловеческие расы составляют половину разумного населения. И Церковь не особенно распространяется на эту тему в Танфере, где слишком многие могут принять ее догматы за оскорблениe.

— Да, — сказал Морли, думавший, очевидно, о том же. — Я совсем не прочь побывать в Четтери

— Только давай не будем сводить никаких счетов.

— Ладно. — Мы побрали в сторону Страны Грез. Помолчав, он вдруг спросил: — Ты втюрился в эту девчонку, Майю, да?

— Она чудесный ребенок. Она попала в беду, потому что помогала мне. Я ее должник.

— Понятно.

Я бросил подозрительный взгляд на его физиономию. Он ухмылялся.

— Она просто ребенок, за которого я в ответе, Морли.

Один из недостатков Морли — его чрезмерная понятливость.

46

Я так замотался в последнее время, что у погоды не было ни единого шанса привлечь к себе мое внимание. Теперь, когда мы сидели в густой тени напротив Четтери, присматриваясь и осваиваясь, она получила хорошую возможность отыграться.

— Чертовски холодно, — пробормотал я.

— Может пойти снег.

— Только его нам и не хватало.

Когда мы прибыли, Четтери гудел, как улей. Я вспомнил, что сегодня какой-то церковный праздник, только вот забыл, какой. Морли тоже не знал. В нем не сохранилось и следа человеческих суеверий.

— Как ты думаешь, мы достаточно долго ждем? — спросил я. Народ расходился. Мы дали им около часа, чтобы окончательно утомониться.

— Посидим еще чуток. — Морли начинал чувствовать себя неуютно в связи с предстоящим рейдом. Он пытался припомнить, вламывался ли кто-нибудь в храм за последние годы. Я ничего не слыхал о подобных авантюрах и считал, что люди внутри не могли не распуститься. Но Морли подозревал, что это охранники позаботились, чтобы о налетчиках никто ничего не услышал.

— У парней, которые сумели влезть в вампирье гнездо, здесь не должно быть никаких проблем, — успокоил его я.

Морли фыркнул:

— Там не было выбора. Либо пан, либо пропал.

Мы подождали еще пятнадцать минут. Морли таращился на Четтери с маниакальным упорством. Я гадал, кем он был в прошлой жизни — коброй или мангустой. Его ночное зрение вызывало у меня зависть. Если бы там было что видеть, он бы увидел.

— Изложи мне план еще раз, — сказал он.

Я изложил.

— Что ж, приступаем, — решил он.

Время было выбрано удачно. Не было видно ни души. Но я обнаружил, что не испытываю ни малейшего желания двигаться с места. И все-таки пошел.

Когда мы достигли дверей храма, я дышал, словно загнанная лошадь. Морли посмотрел на меня и покачал головой, потом вопросительно поднял бровь, что почти невозможно было разглядеть в тусклом свете, сочившемся из храма. Готов? Я кивнул.

Морли вошел в дверь, я нырнул за ним и притаился в темном углу.

— Эй! Куда, к черту, прешь?

Я выглянул из укрытия. Морли миновал охранника, который бодрствовал. Интересно, это обычная практика или просто мое везение? Морли повернулся лицом к бугаю необъятной ширины. Если положить его на бок, он все равно оказался бы выше Морли.

Я мысленно помолился, вышел из укрытия и треснул парня за ухом своей дубинкой. Он рухнул. Я протяжно выдохнул:

— Я не надеялся, что смогу его уложить.

— Я тоже беспокоился, учитывая твою физическую форму.

— Давай его уберем.

Воспользовавшись подручными средствами, мы связали охранника, заткнули ему рот и запихнули в будку, чтобы он не бросался в глаза. Оставалось надеяться, что если кто и пройдет мимо, то решит, что парень в самоволке.

Я пошел впереди, показывая дорогу. Мы правильно выбрали время. Они закрыли лавочку, и только один священник сладко посапывал у главного алтаря. Мы проскользнули мимо, не потревожив его сон. Морли производил меньше шума, чем крадущийся на цыпочках таракан. Я отыскал лестницу, ведущую вниз, в катакомбы.

— Слушай, Морли, — прошептал я, когда мы проделали уже полпути. — Тут темно, хоть глаз выколи. Мы не захватили с собой огня. Я, пожалуй, не сумею пробраться через этот лабиринт в потемках.

— Я стяну свечу, — предложил Морли.

Когда хотел, он умел превращаться в призрака. Он пошел наверх, прямо к главному алтарю, и стащил молитвенную свечу. Дежурный священник и ухом не повел.

Морли вернулся, распираемый самодовольством. Не было никакой нужды лезть на рожон. Мог взять свечу в более безопасном месте.

Мы спустились в катакомбы.

На этот раз моя клаустрофobia разыгралась еще сильнее, чем в предыдущий визит. Гном почувствовал бы себя тут как дома, но люди не привыкли обитать в кротовых норах. Я старался изо всех сил, но ничего не мог поделать с мурашками, ползающими у меня по телу.

Морли тоже чувствовал себя неуютно. Он ничего не говорил, просто бесшумно плелся сзади, но я всей шкурой ощущал его тревогу.

Память меня не подвела. Я только один раз выбрал неправильный поворот, но тут же исправился. Я шел прямо к двери Геридонта.

— Эти подвалы наводят на меня жуть, — признался Морли шепотом.

— На меня тоже. — Здесь было тихо как в могиле. Мертвая тишина действовала на нервы.

Дверь в кабинет Перидонта была заперта, но замок такого древнего образца нам с Морли не помеха. Мне понадобилось полминуты, чтобы с ним справиться. Мы вошли в комнату.

Тут ничего не изменилось, только груда бумажного мусора на столе немного выросла.

— Зажги пару ламп, — сказал я Морли.

— Поторопись, — посоветовал он.

— Много времени это не займет. — Я прошел к шкафчику, из которого Перидонт достал для меня склянки. Морли зажег две лампы и встал на посту у двери.

Дверцы шкафчика не были даже прикрыты, не то что заперты. Временами люди меня поражают. Вещества, которые хранились здесь, представляли страшную опасность, но стояли у всех на виду, дожидаясь, пока кому-нибудь стукнет в голову их прикарманить. Если вам не хочется думать, что вас могут ограбить, это еще не повод, чтобы пренебрегать мерами предосторожности.

Я поднял молитвенную свечу и увидел зеленые, синие и красные бутылочки (последнюю в единственном числе), плюс лимонные, оранжевые, янтарные, бирюзовые, салатные, прозрачные и одну, наполненную какой-то серебряной пылью.

Меня обуревало искушение схватить как можно больше — целая коллекция полезных трюков. Но я не имел понятия, что произойдет, если использовать незнакомую склянку. Не стоит связываться с неведомым, когда имеешь дело с колдовством. Во всяком случае, если дорожишь здоровьем.

Я не постеснялся заграбастать все зеленые и синие бутылочки. Красная привела меня в смятение, но потом я вспомнил, как эффективно сработала она у Чодо. Можно еще раз запустить ее в обезьяну. Я положил склянку в карман, но на сей раз с боль-

шим почтением — завернул ее в полотняную тряпичку, которую нашел на нижней полке шкафчика.

— Что ты делаешь? — спросил Морли.

Огонек в его глазах подсказал мне, что у него зародилась чертовски хорошая идея и он с радостью наложил бы лапы на эти бутылочки.

— Рассовываю по рукавам козыри. Жаль, не знаю, как работают остальные склянки. Придется оставить их врагу.

— Все? Нам пора бы убираться, пока удача не отвернулась.

Он был прав. Я оглядел полки и закрыл шкафчик. Следы моей деятельности не бросались в глаза. Пусть поломают головы, гадая, кому и зачем понадобилось снимать охранника.

— Всё.

— Черт! — Морли ткнул большим пальцем в сторону двери.

Он оставил ее приоткрытой, чтобы услышать шаги, если кому-нибудь захочется сюда прогуляться. Я не услышал ни звука, но это ничего не значило. Кто-то приближался к кабинету. В щель проникал колеблющийся свет.

Я прыгнул, потушил лампы, задул свечу и нырнул под стол. Вовремя. Как раз в этот миг дверь распахнулась.

На пороге стоял жуткий Самсон. Он держал в поднятой руке фонарь и озирался по сторонам. Морли притаился за дверью с ножом наготове. Самсон понюхал воздух, нахмурился, потом пожал плечами и вышел, затворив за собой дверь.

Я выскоцкнул из-под стола и прислушался, но ничего не услышал. Свет, просачивающийся в комнату через щель под дверью, слабел — похоже, Самсон удалялся. Он плотно прикрыл за собой дверь, но не запер ее. Меня удивляло, почему он не насторожился, обнаружив, что комната открыта.

Я медленно потянул дверь на себя, стараясь производить как можно меньше шума, потом приник глазом к щели. Спина Самсона маячила впереди, футах в двадцати от кабинета. Он как раз собирался свернуть за угол. При этом чесал в затылке, как чесло-

век, который чувствует: что-то идет не так, а он не знает, как поступить. В любую минуту он мог вернуться.

— Ты готов? — прошептал я в сторону Морли.

Он не отозвался.

— Давай выбираться, пока можно. — Я надеялся, что удастся обойтись без света. У нас не было никакой возможности снова зажечь свечу.

И опять Морли не отвстил. Я услыхал легчайший шум, похожий на биение крылышек какой-нибудь бабочки. Он доносился не оттуда, где полагалось стоять Морли. Хотя звук в темноте размывается.

Я заговорил громче:

— Слышишь? Он понял, что здесь что-то не так. Просто пока не сообразил, что.

— Ладно. — На этот раз звук пришел, откуда следовало.

Я открыл дверь, выскользнул из комнаты, нашарил рукой стену и осторожно двинулся вперед.

— Ты здесь?

— Да.

— Закрой плотнее дверь.

— Уже закрыл.

Этот Самсон, должно быть, страдает бессонницей. Нам повезло, что мы не столкнулись с ним по пути сюда. Пробираясь обратно, к лестнице, мы дважды чуть не налетели на него.

Но из катакомб мы все-таки выбрались и до выхода добрались без приключений — пока не подошли к будке охранника.

На меня прыгнули четверо. Они нашли охранника и устроили засаду. Пятый, в будке, вызыванивал тревогу.

Я вырвался из лап нападавших. Они не заметили Морли, отставшего, чтобы поглязеть на сокровища алтаря и, вероятно, прикинуть, что ему даст их изъятие. Я привалился спиной к стене и лягнул парня, подскочившего первым. Они были настроены всерьез. Я решил, что мне крышка.

Тут подоспел Морли. Он взвился в воздух и буквально воткнул каблук в висок одного из церберов. Не давая врагу опомниться, Морли вцепился другому в горло голыми руками. Я угостил того же типа ударом дубинки по башке. У последнего нападавшего и парня, который поднял тревогу, округлились глаза. Один попытался удрать. Морли сложил его пополам пинком в пах. Я уложил другого дубинкой.

— Бежим! — В глубинах храма поднялся невообразимый переполох. Черт энаст, кто или что скрывалось в извилистых коридорах за главной галереей. Судя по звукам, через минуту за нами бросятся в погоню человек сто.

— Мы еще не закончили. — Морли показал на тела трех охранников. — Они могут нас опознать.

Он был прав. Они видели нас в лицо, а Церковь известна своей мстительностью. Дьявол, да они до сих пор пытаются сквиртаться с противниками за события тысячелетней давности.

— Я не могу.

— Ты никогда ничему не научишься.

Морли достал нож с узким лезвием и в мгновение ока успокоил три сердца.

Я повидал много убитых. Нескольких прикончил лично. Мне никогда это не доставляло удовольствия, и не думаю, что когда-нибудь я смогу привыкнуть. Меня чуть не вывернуло. Но на мозгах это не отразилось. Я достал монету, которую стащил из квартиры Джилл лет сто назад, и сунул ее под тело. Когда Морли промчался мимо, я швырнул назад пару бутылочек, считывая, что они задержат погоню.

Мы бежали сломя голову примерно квартал, потом нырнули в тень.

— Что теперь? — спросил Морли.

— Теперь мы переходим к главной части. — И я рассказал сму, как Майя и Джилл исчезли на территории Ортодоксов.

47

Из Четтери высыпали люди с фонарями. Похоже, они повышались из постелей всех священников до единого.

— Лучше бы нам убраться отсюда, — сказал Морли. — У тебя есть план?

— Я тебе его выложил.

— Вытащить женщин? Это, по-твоему, план?

— Другого у меня нет.

Мы притаились напротив ворот на территорию Ортодоксов, в которые вошли Майя и Джилл. Отряд священников из Четтери направился в нашу сторону. Я опрометью бросился через улицу. Морли не отставал от меня ни на шаг.

— Не думаю, что они сюда полезут, даже если заметят нас, — прошептал я.

— Чушь! Тоже мне, гений!

Я перескочил через ворота. Морли полез следом. Из-за невысокого роста ему пришлось попотеть. Только я успел приземлиться, как из привратницкой будки выскочили два охранника. Оружия у них не было, но они явно искали неприятностей. Я угостил одного дубинкой. Второй бросился к колоколу — поднимать тревогу. Морли приземлился ему на спину.

Пока мы запихивали их в привратницкую, подоспела шумная ватага из Четтери. Я подошел к воротам.

— Что стряслось?

— Воры. Убийцы. Вломились в храм. — Вся шайка была в церковном облачении. Я, как работник Ортодоксов, должен был без труда понять, о каком храме идет речь. — Вы никого здесь не видели?

— Нет. Но я слыхал, как кто-то пробежал мимо минуту назад. Чесал как полоумный. Поэтому я и вышел.

— Спасибо, брат. — Ватага снялась с места.

— Неплохо придумано, Гаррет, — одобрил Морли, когда я вошел в привратницкую. Я не стал проверять охранников. Морли не был бы Морли, если бы не обеспечил прикрытие своей задницы. Эти ребята не очухаются, не освободятся и не поднимут тревоги. — Ты когда-нибудь бывал здесь?

— Однажды, в детстве. Они тогда разрешали гулять по своей территории.

— Придурок ты, что ли? Ты хоть когда-нибудь планируешь дела заранее?

Спорить с этим было тяжело. Поэтому я не стал тратить силы.

— Можешь отвалить в любой момент.

— Не хочу пропустить такую потеху. Пойдем.

Ненужный риск не в обычаях Морли Дотса. Он не станет лезть на рожон, если не рассчитывает на хороший барыш.

Но меня это ни с какого боку не касается. Если кто-нибудь ограбит храм или поживится у Ортодоксов, у меня возникнут кое-какие подозрения, но сердца мне это не разобьет. Морли просто посмотрит на меня ничего не выражавшим или озадаченным взглядом, если я выскажу предположение, что он приложил к этому руку.

Мы обнаружили весь комплекс зданий за ближайшей шеренгой деревьев. Самое крупное среди них — главная базилика Ортодоксов в Танфере. Оно не менее грандиозно, чем Четтери, но не имеет особого названия, не считая чего-то традиционного, вроде «Всех Святых». Мы с Морли нырнули в кустарник и стали припоминать все, что слышали о здешних владениях. Наши сведения оказались поразительно скучными. Мы сумели опознать только три из семи зданий — базилику и два строения, приютивших монахов и монашек. Эти последние особо отличались в разыгравшемся недавно скандале.

— Вон там, случайно, не семинария и сиротский приют? — спросил Морли.

— Ага. Похоже на то. — Таким образом мы определили еще два здания. Но что такое два оставшихся?

— По логике вещей где-то здесь должна быть кухня и помещение для кормежки всей этой оравы.

— Если только они не кормятся каждый у себя.

— Угу.

— Слушай, если бы ты схватил парочку женщин, ты бы стал их прятать в женском монастыре?

— Возможно. Если только у них нет тюремных камер или чего-нибудь в этом роде.

— Ага. Но я не припомню, чтобы ходили такие слухи.

Я не имел ни малейшего представления, что делать. Разве что обыскать весь комплекс, здание за зданием. Но эта мысль почему-то показалась мне не особенно удачной. Морли прав, я в самом деле сунулся в воду, не зная броду.

Кто-то крался по территории от тени к тени. В темноте трудно было разглядеть детали, но он подошел достаточно близко, чтобы мы сумели распознать в нем монаха.

— Пойдем за ним, — предложил Морли.

Эта идея была ничуть не хуже любой другой.

Я пустил Морли вперед, поскольку он лучше видит и тише ходит. Через минуту он выставил назад руку и тихонько остановил меня:

— Он осматривается, проверяет, не следят ли за ним.

Я замер. Еще через минуту Морли дернул меня за рукав. Не прошли мы и двадцати шагов, как Морли снова остановился и потянул меня в кусты.

Монах взобрался на боковое крыльце здания, в котором мы признали женскую обитель. Это объясняло, почему он крался.

Он отстучал условный сигнал. Дверь открылась. Монах обнял кого-то и проскользнул внутрь. Дверь снова закрылась.

— Как думаешь, у нас этот фокус сработает? — спросил Морли.

— Если нас кто-нибудь дожидастся.

— Давай проверим дверь.

Нам понадобилась секунда, чтобы выяснить, что дверь заперта изнутри на засов, и всего несколько минут, чтобы убедиться, что все четыре* входа в здание закрыты. Нижние окна были забраны стальными решетками.

— Видишь, что получается, когда лезешь наобум, — пробормотал Морли.

Я не стал спорить. Я вернулся к боковой двери и отстучал код, которым воспользовался предыдущий посетитель.

Ничего не произошло. Мы с Морли вступили в оживленную дискуссию по поводу моей склонности к необдуманным действиям. Я не смог убедительно выступить в свою защиту. Когда Морли завелся до такой степени, что собрался уходить, я снова постучал в дверь.

И, к нашему изумлению, она открылась.

Мы разинули рты.

— Ты рано... — сказала женщина, но, увидев не того, кого ждала, осеклась и собралась кричать. Мы бросились на нее. Нам удалось соблюсти тишину. Мы затащили ее в маленький — около шести футов в длину и четырех в ширину — холл за дверью, освещенный единственной свечой на крохотном столике. Морли рывком захлопнул за собой дверь. Я оставил женщину сму, метнулся к одному концу холла, к другому, осмотрел оба коридора, но ничего не увидел.

Я вернулся к пленнице.

— Давай покончим с этим скорее.

Морли фыркнул.

— Сегодня сюда привели двух женщин, — сказал я монахине. — Блондинку лет двадцати с хвостиком и брюнетку — восемнадцати, обе очень привлекательны. Где они?

Монашка не желала участвовать в игре. Морли приставил сий к горлу нож:

— Мы хотим знать. И не прочь взять на душу грех убийства.

Теперь она не могла ответить, потому что до смерти перепугалась.

— Не упрямьтесь, и с вами все будет в порядке. Мы не хотим никому причинять вреда. Но если придется — не обескусьте. Вы знаете, о ком идет речь?

Морли коснулся острием ее горла. Монахиня кивнула.

— Знаете, где они?

Еще один кивок.

— Хорошо. Отведете нас туда.

— Мами мамых мемах, — донеслось из-под ладони Морли.

— Дай ей сказать, — распорядился я. — Если попытается орать, убей ее.

Это прозвучало убедительно, потому что Морли именно так бы и поступил.

— Светловолосую женщину устроили в доме для гостей. Другую посадили в винный погреб под трапезной. Это единственное место, где ее могли запереть, — объяснила монашка.

— Чудесно, — сказал я.

— Неплохо, — согласился Морли. — Вы умница. Теперь отведите нас к ним. К которой сначала? — Это мне.

— К брюнетке.

— Хорошо. Покажите нам, где винный погреб.

В этот момент кто-то постучал в дверь, вернее, тихонько поскребся.

— Сколько он будет здесь ошиваться? — прошептал Морли.

Монашка пожала плечами:

— Не знаю. Я никогда не пробовала его не пускать.

— И не опаздывали?

— Нет.

— Можно воспользоваться другой дверью, — предложил я.

Монахиня к этому времени успокоилась и стала говорчивой. Она подробно объяснила дорогу.

— Пошли, — сказал Морли. — И тихо.

— У меня нет желания умереть. Зачем вы это делаете? Святые Отцы этого не потерпят. Они будут преследовать вас.

— У Святых Отцов не будет времени. Мы приблизили Час Разрушения. Мы вступаем во Времена Разрушителя. Всех еретиков поглотит бездна. — Я не сумел вложить достаточно страсти в свои слова, потому что они звучали крайне глупо, но я сомневался, что монашка настолько успокоилась, чтобы оценить интонацию. — Показывайте нам дорогу.

Она застращалась. Морли посильней нажал на нож.

— Мы заберем этих женщин, с вами или без, — заверил я. — У вас только один шанс увидеть восход. Пошевеливайтесь.

Она вняла.

Мы вышли через вторую боковую дверь. Трапезная оказалась приземистым одноэтажным строением между женской и мужской обителью, позади главного храма. Семинария — еще один улей, набитый людьми, — располагалась за трапезной. Максимум удобства. Я спросил об остальных зданиях комплекса. Монахиня назвала конюшни и склад. Дом для гостей, сиротский приют и некоторые другие помещения, например, дома нескольких Святых Отцов (четверо из двенадцати жили в Танфере), были рассыпаны по уединенным уголкам парка. Я подумал о Церкви, засунутой в одну непомерную громаду Четтери. Какую обиду они, должно быть, таят на Ортодоксов, основавших целое городское поместье. Но если вы — номер второй, так оно обычно и происходит.

Мы добрались до трапезной без происшествий. Она была незаперта. Морли проворчал что-то насчет нашей медлительности. Рано или поздно охранников у ворот придут менять, и поднимется тревога.

Я попытался поторопить монахиню.

48

Монашка показалась мне немного староватой для тайных любовных свиданий. По моим прикидкам, она была лет на пятнадцать постарше меня. Но, может быть, мы никогда не устаем от этой великой игры.

— Там должны были поставить охранника, — прошептал Морли. — Давай я скажу первым.

Я не стал спорить. В таких делаах я ему не сопротивлялся.

— Если не возникнет нужды, не режь его.

— Ладно. — Морли спустился по лестнице с бесшумностью призрака. Не прошло и минуты, как он крикнул: «Чисто!» Я погнал монашку вниз. Морли ждал у подножия лестницы.

— Я пригляжу за ней. Тащи девчонку.

Как благородно с его стороны!

Охранник отдыхал на скамье перед массивной дубовой дверью, обшитой железными полосками и висящей на здоровых петлях. В двери не было ни единого отверстия. Она запиралась кольшком, просунутым в скобы. Довольно действенный способ, надо полагать.

Я дотронулся до шеи охранника. Пульс пусть неровный, но все же прощупывался. Я был рад за Морли. Я открыл дверь и не увидел ничего, кроме темноты. Пришлось вернуться за лампой охранника.

Мая спала, свернувшись клубком на грязной мешковине в углу. Слезы прочертили на чумазом лице светлые полосы. Я опустился на колени, закрыл ей ладонью рот и легонько встряхнул:

— Просыпайся.

Она дернулась, стала вырываться.

— Это я. Не говори ни слова, пока не вернемся домой. И ни в коем случае не упоминай никаких имен. Поняла?

Она кивнула.

— Обещаешь?

Она кивнула еще раз.

— Хорошо. Мы выходим отсюда, подбираем Джилл и за-даем деру. Эти люди не должны узнатъ, кто мы.

— Я усвоила, Гаррет. И не надо вкочаивать в меня это молотком.

— Ты считаешь, не случится ничего страшного, если кто-нибудь тебя услышит? Например, особы, которую мы заставили показать, куда тебя посадили? Действительно, чего переживать! Ну подумаешь, придется ее убить, чтобы она не повторила твоих слов.

Майя слегка побледнела.

— Пошли.

Я вышел из подвала и сказал Морли:

— Я вытащил девчонку. Присмотри за ней, пока я приберу этого типа. — Судя по виду монашенки, она внезапно оглохла.

Я затащил охранника в подвал, вышел и впихнул кол на место, потом обратился к монахине.

— Теперь отведите нас к дому для гостей.

Она повела. Майя держала рот на замке. Кое-какое представление о размере ставок мне удалось ей внушить.

На втором этаже дома для гостей — уютного двухэтажного коттеджика комнат на восемь — горел свет. Морли пошел проверить охрану. Я остался приглядывать за дамами.

— Еще несколько минут, — заверил я монахиню.

Ее била дрожь. Она решила, что ее минуты сочтены. Я снова принялся проповедовать нигилизм, желая оставить стрелы, которые укажут на Сынов Хамона. Я не позволю Морли поступить с монахиней так, как ему хотелось бы. Лучше я оставлю им хоть одного живого свидетеля. Пусть у Ортодоксических Святых Отцов при одном упоминании о Сынах идет pena изо рта.

Беда в том, что аргументы Морли слишком весомы. Монашка имела возможность как следует нас рассмотреть.

Майя включилась в мою игру. Она чертовски здорово вошла в роль, притворяясь до смерти испуганной. Время от времени она дрожащим шепотом рассказывала о своем предыдущем пребывании у Сынов Хамона.

Майя знала почти все, что знал я. Она сумела сгустить краски.

Вернулся Морли:

— Охранники спереди и сзади. По одному на каждую дверь.

— Есть сложности?

— Больше нет. Они были не очень бдительны.

Я хмыкнул.

— Пошли, — сказал я женщинам. — Сестра, ведите себя хорошо еще пару минут, и вы свободны.

Мы прошли, наверное, футов пятьдесят, когда Морли объявил:

— Вот оно!

«Оно» — это тревога, которую мы предвкушали.

Зазвонили колокола, заревели горны. Сигнальные огни другой прочертили ночное небо.

— Что-то они чересчур возбудились, правда?

Мы перешагнули охранника. Дверь, которую он сторожил, была заперта, но ее верхняя часть представляла собой витраж — Террелл в нимбе. Я выдавил стекло и поднял внутреннюю щеколду. Мы протиснулись в дверь.

— Усыпи ее, — попросил я Морли.

Морли ударил монашку кулаком за ухом. Он понял, чего я добиваюсь.

Кто-то с лестницы издал вопросительное восклицание. Голос мужской. Я двинулся наверх. Морли за мной. За ним — Майя, вооруженная ножом, который она позаимствовала у охранника, как только Морли отключил монашку.

Шум снаружи все нарастал.

Через двенадцать ступенек лестница поворачивала под прямым углом к площадке, на которой меня встретил мужчина в ночной рубахе. Он издал какой-то звук, что-то вроде: «Горк!»

— Обознался ты, брат.

Передо мной стоял тип, которого я видел в заведении для болтунов, — лысый недомерок с большим носом. Я схватил его за подол рубахи, прежде чем он успел опомниться, утихомирил своей дубинкой и спихнул его Морли.

— Добавочный приз.

Морли нежно, как мама, подхватил нашего приятеля. Я пошел дальше. Майя последовала за мной.

Джилл — шустрая девочка. Когда я ворвался в комнату, она просовывала ногу в открытое окно. Но оно было недостаточно широко для быстрого отступления. Я добрался до нее, когда она все еще мучила раму, пытаясь переоборудовать окно в аварийный выход. Я схватил ее за руку и дернул.

— Можно подумать, будто вы не рады меня видеть. И это после всех мытарств, через которые я прошел ради вашего спасения!

Джилл обрела равновесие и чувство собственного достоинства, после чего одарила меня убийственным взглядом:

— Вы не имеете права.

Я ухмыльнулся:

— Может, и не имею. Но я здесь. И вы — тоже. Мы уходим. Даю вам минуту на одевание. Не уложитесь, придется тащить вас по улицам в таком виде.

На ней было надето меньше, чем на хищной птичке из пого-ворки. Я не мог не восхититься открывшимся передо мной ландшафтом.

— Перестань пускать слюни, Гаррет, — прорычала Майя. — Или я начну подозревать, что у тебя непристойные мысли.

— Боже упаси. Джилл?

Майя встала между Джилл и окном. Я послал ей одобрительную улыбку и отступил к двери, проверить, как там Морли и лысый хрыч.

— Мы ее взяли. Она должна одеться.

— Не тратьте время. Мы переполошили все осиное гнездо.

— О чём и речь. Посмотри, не удастся ли тебе разбудить его. Он идет с нами.

Морли насупился.

— Если кто и знает нужные нам ответы, так это он.

— Ну, тебе виднее... Тогда поищи что-нибудь, что можно на него натянуть. Не тащить же его так

Я огляделся. Одежда коротышки лежала аккуратной стопкой на стуле. Джилл была почти готова. Она не стала возиться с нижним бельем. Майя плела ей всякую чушь о том, как мы сказали монахине, что ее, Джилл, заслали сюда с целью обработать коротышку, чтобы он размяк к предстоящему похищению. У этой девушки есть голова на плечах.

— Джилл, вы понесете одежду своего приятеля, — сказал я. — Он идет с нами.

— Будь проклят тот день, когда я к тебе обратилась!

— Согласен, милая. Пошли.

Мы вышли из комнаты: я — впереди, Джилл — посередине, Майя, размахивающая ножом, — сзади. Она развлекалась от души.

Морли привел коротышку в чувство настолько, что тот уже мог ковылять самостоятельно. Они уже наполовину спустились. Мы догнали их внизу.

— Лучше нам направиться к ближайшему забору, — сказал Морли.

— Правильно. — Хотя тогда мы окажемся в самой дальней от дома части Страны Грез.

Мы вышли в ту же дверь. Вокруг царила невообразимая суматоха.

Морли извлек откуда-то кусок веревки и накинул петлю на шею коротышки:

— Один писк, и я тебя придушу. Мы не за тобой пришли, так что нас не хватит удар, если придется тебя прикончить. Усек?

Коротышка кивнул.

Морли двинулся с ним на юг. Мы с Майей пошли следом, удерживая Джилл между нами. Майя пригрозила Джилл, что вот-кнет ей нож в задницу, если она не будет шевелиться быстрее.

Она действительно веселилась вовсю.

Я бы не прочь превратить этот эпизод в высокую драму со свистящими над головами стрелами, яростной схваткой с фанатиками-священниками и чудесным избавлением, когда все уже казалось потерянным. Но ничего похожего не произошло. Они ни разу даже близки не были к тому, чтобы нас схватить. Дюжина священников с факелами и воплями пронеслась к дому в тот самый момент, когда мы убегали, но они так и не заметили нас. Мы влезли на стену ограды — я, Морли, Джилл, Майя и лысый недомерок, которого мы с Морли втянули наверх за руки — прежде, чем эта шайка выскочила из дома и взяла след.

Мы затерялись в переулках промышленного района к югу от Страны Грэз и дали коротышке одеться. Он оказался неразговорчивым. Никаких угроз, никаких вспышек ярости. Один раз приняв решение, он оставался спокойным, молчаливым и уступчивым.

Остаток ночи мы провели, огибая Страну Грэз по длинной дуге. Мы вышли в западную часть города, обогнули Холм, потом повернули назад, к моему дому. Я устал как собака, когда дом наконец показался на горизонте.

Но я был доволен собой. Я отколол грандиозный номер, и дело оказалось проще, чем я ожидал.

В налете на Четтери не было необходимости.

Склянки Перионта по-прежнему лежали у меня в кармане.

49

Оказалось, что не все так просто. Дом окружала Стражи. Прокрасться внутрь незаметно мы не могли.

Мы мало разговаривали, но все же я упомянул о намерении свести Джилл и Хранителя Агире с Покойником. Коротышка

оказался именно тем, за кого я его принимал. Об этом сказала Джилл. Она пыталась нас застрашать, швырнув нам в лицо его имя. Это ей не помогло.

— Ну, что теперь, гений? — поинтересовался Морли. — Хочешь спрятать их у меня?

— Мы попадем в дом. Нужно только отвлечь этих псов.

— Тогда шевели мозгами быстрее. Нас слишком много. Такая толпа, слоняющаяся без дела, не может не привлечь внимания.

— Верно. Майя, могу я купить небольшую услугу Рока?

Она удивилась:

— Какую услугу?

— Может, Тей сбегает к двери и попросит Дина передать Покойнику, что мы здесь? А лучше пусть пошлет какую-нибудь девчонку. Ей они ничего не сделают.

— Ладно. — В ее голосе прозвучало сомнение, но побежала она резво.

Стражники вели себя самым что ни на есть примерным образом. Танфер — город занятный во многих отношениях. Любопытна, например, решимость, с какой его население защищает право на неприкосновенность жилища. Самые отчаянные наши тираны никогда не осмеливались попирать права горожанина, если он находился у себя дома. Вторжение представителя власти в чужой дом, пока не исполнено множество юридических процедур, немедленно повлечет за собой мятеж. Люди вытерпят что угодно, но, не задумываясь, прольют кровь за право отступить в свою крепость и остаться там в неприкосновенности. Странно.

Мои стражники находились под пристальным наблюдением и остро осознавали это. Если они сделают неверный шаг, взбунтуется вся округа.

Поэтому любой незнакомец вполне мог без помех добраться до моей двери. Возможно, Стража попытается перехватить посыльного, едва сообразит, куда он направил свои стопы, но Дин,

я уверен, будет начеку. А как только посыльный попадет в дом, Стражи ничего не смогут поделать.

Майя ходила недолго. Вернулась она с самым мрачным видом.

— Что случилось? — спросил я.

— Мне пришлось заплатить.

Она была страшно расстроена. Я взял ее за руку. Майя крепко стиснула мою руку.

— Расскажи мне, как было дело.

— Ты получишь то, что просил. Они отправят какую-нибудь девочку. Но она заставила меня заплатить.

Ох-ох-ох. У меня возникло ощущение, что Майя отдала больше, чем следовало.

— Как?

— Мне придется выйти из игры. Оставить Рок. Уступить ей право командовать.

— Майя! Ну зачем? Мы придумали бы что-нибудь еще.

— Все в порядке. Ты сам говорил. Я уже стара для этих забав. Пришло время повзрослеть.

Это так, но я все равно чувствовал себя виноватым, потому что она делала это ради меня.

Они послали замарашку в мешке из рогожи. Ту, что открыла мне дверь, когда я приходил к Майе. Из Тей выйдет первоклассная военачальница. Малышка, которую она выбрала, была само совершенство. Стражники, обуреваемые грязными мыслями, плотоядно таращились на девчонку, но никому и в голову не пришло остановить ее, пока она не забарабанила в мою дверь. Пока кто-то из них опомнился, малышка уже вела переговоры с Дином.

Дин впустил ее в дом.

— Эта девчонка — ведьма, — пробормотал Морли. Он тоже это почувствовал.

— Да, некоторые из них становятся ведьмами и в таком возрасте, даже если не ведают, что творят.

— Эта ведает, — заверила Майя. — Она и в самом деле ведьма. Она получит Рок еще до шестнадцати.

Стражники встали по стойке «смирно». Когда они брали «на караул», я ощущал легчайшее прикосновение Покойника.

— Пора, ребятки.

Джилл и Агира застращались.

Морли быстро подавил бунт, вылечив строптивость Агире быстрым пинком в средоточие его достоинства. Джилл вознамерилась завопить. Майя отвесила ей звонкую затрецину:

— Это тебе за то, что Гаррет на тебя так смотрел.

— Ну-ну, полегче. — Я понял, что она срывает на Джилл злость за свое низложение.

— Прости. — Извинение прозвучало формально и было обращено ко мне, не к Джилл. Я решил замять дело, да и Джилл вняла аргументу Майи.

Мы побрали к дому. Насколько я мог судить, стражники нас не заметили. Дин впустил нас и обалдел, увидев, какую ораву я приволок с собой.

— Завтрак на всех, — сказал я ему. — И бобы специально для него.

— На меня не рассчитывай, — отказался Морли. — Я свое дело сделал. Ты под присмотром. Я должен взглянуть, осталось ли что от моего заведения.

Я подумал, что он что-то больно торопится, но спорить не стал. Он свою долю работы выполнил и не пытался заломить за нее несусветную цену. Если у него и есть что на уме, я не намерен вмешиваться.

Дин выпустил его на улицу после того, как я водворил Джилл и Агиру в комнату Покойника. Джилл была напугана. Агира — просто в ужасе.

Надеюсь, в присутствии здесь этих людей есть какой-то смысл?

— Угу. Как прошло свидание со слугами народа?

Они утратили всякое представление о том, зачем сюда по-жаловали, и пошли пить пиво или предаваться иным порокам.

— А как насчет стражников? Они не собираются навлечь на наши головы гнев Холма?

Они полагают, что кто-то просто прошел мимо. Как только мистер Дотс скроется из виду, они вернутся к исполнению своих обязанностей, даже не заподозрив, что кто-то вошел или вышел.

Маленькая ведьма из Рока тоже исчезла. Я не видел, как она уходила.

Эти двое? — напомнил мне Покойник.

Я представил их друг другу и высказал предположение, что нам, возможно, удастся связать концы с концами, если Покойник соблаговолит оказать мне свою неоценимую помощь. Он мог бы в конце концов просто пошарить у них в мозгах.

К моему изумлению, он сразу согласился. Сначала он принял за Агира. Хранитель испустил панический вопль. Он визжал:

— Вы не имеете права! То, что происходит, никого из вас не касается!

— А вот это неправда. У меня два солидных клиента и личный интерес. В свою игру вы втянули моего друга, и он поплатился жизнью. Один из моих клиентов тоже мертв. Магистр Перидонт. Слыхали о нем? Его смерть не отменяет нашего соглашения. А второй мой клиент слишком опасен, чтобы у меня возникло желание его бросить. Его зовут Чодо Контагью. Сыны Хаммона нанесли ему оскорбление, и он охотится за скальпами. Вам, очевидно, известно, как неразумно настранивать его против себя.

Кое-что Агира знал. Он слегка поостыл.

— Нам нет необходимости становиться врагами, — продолжал я. — Но мы с другом хотим знать, что творится. Только так мы сможем вылезти из передряги и, быть может, положить конец мучениям этих маньяков.

Достаточно, Гаррет. Больше ничего не говори. Он обдумывает свое положение и возможности, а также вероятность того, что ты говоришь правду. Ты говоришь правду?

— Ее, только ее, и ничего кроме. — Я глянул на Джилл. Она сидела как на иголках. Глаза шныряли по комнате. Возможно, она попыталась бы удрать, если бы Майя не заняла позицию между нею и дверью.

Мы ждали Агире. Агире ждал божественного вдохновения.

Дин принес из кухни маленький столик.

— Я накрою здесь.

— Чудесно. Только побольше. — Я устал, проголодался и потерял терпение со своими гостями.

Они думают, Гаррет, — предостерег Покойник. — Этого достаточно.

— Что-нибудь интересное?

Весьма. Теперь мы знаем, например, почему Дин и твоя юная подруга не смогли отыскать то, что спрятала здесь женщина. Она изо всех сил старается не думать об этом.

— Что?

Моя болтовня нервировала моих гостей. Я приказал себе замолчать и принялся помогать Дину — тот вошел в комнату с подносом, уставленным всяким добром. Мои манеры не отличались изяществом. Я немедленно принялся набивать себе рот кусками.

— Завтрак, — известил я остальных.

После паузы, рассчитанной на то, что я буду сгорать от нетерпения, Покойник смилиостивился:

Она спрятала это здесь, пока я спал.

— Знаю. — Я подошел к шкафу у короткой стены, где мы хранили географические карты и справочники, пошарил на полке, которая притягивала взгляд Джилл, и нашел медный ключ. Он выглядел так, словно провалялся, покрываясь зеленью, пару сотен лет.

Покойник был раздосадован. Я украл его триумф. Джилл как будто бы собиралась расплакаться. Агира не мог оторвать от ключа взгляд.

Ключ был длиной в шесть дюймов, и я никогда не держал в руках ключа тяжелее. Он заставлял Агире нервничать, но я знал, что среди Мощей Террелла никакого ключа не было. На сточенной плоской поверхности под зеленым налетом я увидел надпись. Я поскоблил ее ногтем.

— Ну и ну! — Тот же лозунг красовался на старинных храмовых монетах. Я сунул ключ под кресло Покойника, подхватил свою тарелку и принялся набивать пузо. Майя последовала моему примеру. Мои гости чересчур нервничали, чтобы принять участие в нашем пиршестве. Если они не возьмутся за дело, мне достанется и их доля.

50

Терпение было вознаграждено. Агира раскололся:

— Культ Хаммона пошел на нас войной. У них была одна цель — вернуть этот ключ. Им можно отпереть гробницу Карака, где, по легенде, заточен Разрушитель. Хаммониты не могут освободить его никаким другим способом. Несколько месяцев назад они выяснили, у кого хранится ключ, хотя о том, что он в Танфере, знали уже не один десяток лет.

В течение трех десятилетий они засылали своих людей в город, и те проникали в ряды здешнего духовенства. В этом году одному из них удалось узнать, что ключ хранится вместе с Мощами Террелла.

Главари культа привели людей в Танфер, начали распускать слухи, чтобы смешать нас с грязью и уничтожить. Они могли бы добиться успеха, но одна мелкая сошка переметнулась к нам. Этот человек рассказал мне все, что знал. Я попытался предпри-

нять кое-какие шаги, но узнал, что иерархия наводнена предателями. Тогда я рассказал кое-что своей подруге. — Он указал на Джилл. — Я не знал, что ей известно, кто я есть, не знал о ее связи с Магистром Перидонтом, не знал и о том, что мой грешок известен моим врагам.

Я обмолвился о своем информаторе при одном человеке, и в результате — покушение на мою жизнь и попытка украдь Моци. И это дело рук ортодоксских монахов. Я обратился к единственному человеку, которому я мог доверять. — Он снова указал на Джилл. — Но я выбрал неудачное время. Она принимала своего приятеля из Церкви.

На мгновение его лицо исказила боль.

— Мне давно следовало бы задуматься, откуда у нее такая квартира. — Еще одна пауза. — Позднее она устроила мне убежище. Она настаивала, чтобы я доверился Магистру Перидонту. Угроза Ортодоксской церкви означала угрозу всем Анитам. Я заупрямился. Она призналась, что уже намекнула кое о чем Перидонту. Потому-то он так себя и вел. Я не уступал ей, пока не стало слишком поздно. Я разрешил поговорить с Перидонтом — после того, как она обратилась к вам. Она надеялась, что вы сумеете защитить ее от людей, которые следили за ней, рассчитывая, что она приведет их ко мне. Она попыталась поговорить с Перидонтом, но тому не терпелось разобраться во всей истории самому и он нанял вас, чтобы вы меня разыскали.

Потом он допустил ту же ошибку — проболтался... Враг немедленно заподозрил, что моей подруге известно, где Моци.

Агире решил, что объяснил все. Может, и так, но из его речи никак не следовало, почему такой жгучий интерес был проявлен к моей скромной особе. Я сказал об этом.

— Это я вам устроила, — призналась Джилл. — У вас репутация везунчика, который способен разворочить любое осинное гнездо и при этом легко отделаться. Вы их испугали. Они решили от вас избавиться, просто на всякий случай. Но вы разде-

лались с главарями шайки, которую они наняли, и они запаниковали. Все остальное — просто следствие.

В самом деле? Объяснение отдавало безумием. Возможно, оно было безупречно с точки зрения людей, которые подвизаются в религиозном бизнесе.

— Вы утверждаете, что Разрушитель действительно существует? И этот тип способен уничтожить мир, но не может самостоятельно вылезти из гробницы? Ну-ну. С таким же успехом можете засунуть его в мешок из паутины.

Агира посмотрел на меня как на умственно отсталого. Или душевнобольного.

— Я знаю, что вы, священники, верите в шесть невозможных вещей ежедневно до завтрака, — сказал я. — Некоторые из вас, во всяком случае. Я считаю, что большинство из вас, преуспевших на этой ниве, не верит в то, что проповедует. Вы, конечно, никогда так не поступаете. Убедите меня, что вы человек честный и верующий, Хранитель.

Гаррет.

Я подумал, что Покойник собирается одернуть меня, чтобы я не слишком давил на Агира.

Да, этот человек считает некоторые догмы полезной фикцией. Он цинично манипулирует мирянами и тратит множество усилий, чтобы продвинуться по иерархической лестнице. Но он верит в своего бога и в его пророка.

— Абсурд. Он умный человек. Как он может купиться на ерунду, полную противоречий и исторических несоответствий?

Агира печально улыбнулся, словно подслушал Покойника и пожалел меня за мою слепоту. Ненавижу, когда священники так себя ведут. Будто жалость — решающее доказательство правоты.

Ты же веришь в колдовство.

Мои мозги были в лучшей форме, чем им полагалось при такой усталости. Я понял его довод.

— Я каждый день вижу колдовство в работе. Это абсурд, но я вижу конкретные результаты.

— Вы, оказывается, принадлежите к тому типу людей, которых нужно зарубить, чтобы они поверили в существование мечей, мистер Гаррет, — сказал Агире. — Я понимаю такой тип мышления лучше, чем вы думаете. Вы воспринимаете идею символа? Вот вы говорите, что верите в колдовство. Самая суть колдовства — убедить, что символ, знак реальности, и есть реальность. В этом же суть религии.

Предположим, Террелла никогда не было. Или Террелл был негодяем, которого кто-то безбожно приукрасил. В контексте символа и веры Террелл, который жил на самом деле, не имеет никакого значения. Террелл верующих — это символ, который должен существовать, чтобы удовлетворить потребность в нем огромного большинства человечества. Так же и Создатель.

Ано должен существовать потому, что нам необходимо его существование. Он был до нас и будет после нас. Может быть, Ано не соответствует вашему представлению о Сущем. Тогда назовите его Первоударом, который привел время и материю в движение.

Ано обязан существовать, потому что он нам нужен. Нам, живущим в мире конкретных объектов и жестких форм, не зависящих от нашей воли, трудно постичь этот философский аргумент: наблюдатель неизбежно влияет на явление. В этом смысле бог — каким бы именем его ни называли — есть, и он обязан быть таким, каким мы его себе представляем. Ано времен Террелла отличается от Ано сегодняшнего. Ано Ортодоксов не похож на Ано Сынов Хамона. Но он существует. Он — это то, чем он был, и то, чем его представляют теперь. Вы следите за ходом моих рассуждений? И какой-то бесконечно малой своей частью Ано — это то, чем представляете его лично вы.

Я понял, что у служителей бога всегда найдутся аргументы.

— Вы утверждаете, что мы создаем бога в такой же степени, в какой бог создает нас?

— Вот именно. Точно так же мы получаем фрагмент бога, называемый Разрушителем, которого можно запереть в гробнице, хотя в его власти уничтожить весь мир. Он не способен выбраться оттуда, потому что никто не верит, что он может выбраться иначе, чем через открытую снаружи дверь. На самом деле, можете возразить вы, никто и не хочет, чтобы он оттуда выбрался — даже его последователи. Поэтому гробница остается запечатанной.

— Чересчур заумно, на мой взгляд. Я предпочитаю держаться убеждения, что вы шайка жуликов. — Я заключил свою речь ухмылкой, призванной намекнуть ему, что я заранее знаю, что он сейчас скажет.

— Огромное большинство людей тоже предпочитает держаться за привычные представления и символы.

— Все это ни на шаг не приближает нас к решению. Символы не убьешь. А мы должны расхлебать эту кашу, пока Сынки Хаммона не превратили Танфер в поле боя.

— Да, это так. Реальности повседневной жизни — вечная загвоздка. Первые короли сделали все возможное, чтобы истребить коварного и жестокого врага. Уцелела лишь горстка, семена, давшие сегодня всходы. Но в наши дни такое решение невозможно, поскольку мы не в состоянии убедить представителей власти, что существует серьезная угроза. Опять символизм. Пока Корона не поверит в угрозу, она не начнет действовать. Скажете, а как же трупы, валяющиеся по всему городу? Ну и что? Низшие сословия убивают друг друга каждый день.

Я покосился на Покойника. Кажется, наш разговор очень его забавлял.

— Старик, помнится, ты что-то рассказывал о мошеннике-логхире. Этот тип ни о чем подобном не упоминал.

Он не знает, Гаррет. Ему не приходило в голову, что причиной всему могут быть циничные манипуляции людьми и их верой, хотя он сам в какой-то мере грешит тем же.

Нет! Здесь нет никакого противоречия, не торопись протестовать. Помнишь, я говорил о кошмаре, обретшем жизнь, потому что в него поверили слишком многое? То же сейчас утверждает Хранитель. Мошенник придумал бога, чтобы манипулировать людьми. Люди создали этого бога своей верой. Агире прав. Эта тварь сидит в гробнице. Ее можно освободить. Она способна уничтожить мир. Это плод воображения, который обрел жизнь. Теперь он управляет мошенником, который его придумал, и заставляет его разыскивать ключ.

— Но...

Чтобы покончить с этим, ты должен найти мошенника и уничтожить его.

— Ну ты даешь! — Я глянул на Агире и Джилл. Покойник позволил им нас подслушивать. Джилл выглядела растерянной, Агире просто испуганным. — И как, по-твоему, я должен с этим справиться? Как можно покончить с логхиром, если даже смерть не способна его утихомирить?

Мы обсудим этот вопрос позже. Ты слишком устал, чтобы действовать, не говоря уж о том, чтобы думать. Я поразмыслю над способом, пока ты будешь спать.

Ну просто душка!

51

Должно быть, Покойник не дал Дину ни минуты передышки, пока я ворочал бревна. Когда я сошел вниз, то увидел, что дом превратился в зоопарк. Здесь были самые экзотические звери Танфера, в том числе Чодо Контагю (который никогда не покидал своего поместья) и два его главных душегуба, Морли,

незнакомый мне человек, очевидно, спустившийся с Холма, несколько разновидностей священников, достаточно старых, чтобы похвастаться сединой или полным отсутствием волос, и — чудо из чудес — Самсон, который ходил у Перидонта в помощниках. По меньшей мере пятнадцать человек составили заговор, чтобы истощить мои запасы еды и питья.

Вы думаете, они разговаривали о том, как избавиться от Сынов Хаммона? Ничуть не бывало. У всех на уме был Слави Дуралейник, отколовший свой последний номер раньше, чем ожидалось. И какой номер! Закачаешься! Он одержал самую крупную и в то же время самую хитрую и коварную из своих побед.

Он дал себя обнаружить последним лордам — членам Военного Совета Венагеты. Три армии весело гнали его, пока он не завел их в ловушку. Его соратники привели туда мощные карснтийские армии. Карснтийцы бросились в бой, рассчитывая покончить с войной за один день. Они перебили всех лордов из Военного Совета и большую часть их людей. Но победа вышла совсем не такой, какую ожидали. Слави Дуралейник вышел из боя, убедившись, что венагетам не спастись. В ночь после битвы он напал на лагерь карснтийцев и перебил всех офицеров, командиров, ведьм, колдунов, властителей бури и повелителей огня. Уцелевших рядовых и сержантов Дуралейник отправил в Фулл-Харбор с посланием, где утверждалось, что нечеловеческие расы Кантарда объявили себя независимым государством. Любое карснтийское или венагетское присутствие на его территории будет сочтено началом военных действий.

Дерзость этого человека не имела границ.

— Что-то ты не кажешься особенно довольным. Он сделал что-нибудь не так, как ты предсказал?

Он объявил о создании независимой республики. Я предвидел, что он повернет против Карнты, как ты знаешь, но я никогда не думал, что у него такие амбиции.

— Насколько я понял, он хочет быть всего лишь главнокомандующим республики Кантард.

Удобная фикция. Он предложил созвать ассамблею, представляющую различные разумные расы Кантарда. Но кому принадлежит власть? Кому принадлежат сердца каждого ветерана, способного владеть оружием? Сегодня он не просто король, император или даже диктатор. Он — полубог. Если Карнта и Венагета не отступятся от своих притязаний на Кантард, его власть не кончится, пока он жив.

В отношении того, что будут делать Карнта и Венагета, никаких «если» не существовало. В Кантарде огромные залежи серебра. Ради них, собственно, война и затевалась. Серебро необходимо колдунам. Колдуны — истинные, хотя и закулисные хозяева обоих королевств. Война будет продолжаться. Карнта и Венагета станут негласными союзниками, пока республика Слави Дуралейника не рухнет.

— Что это за голодные орды набились к нам в каждый угол и в каждую щель? Я заработал немножко марок на этой заварухе, но при таких темпах они скоро сожрут всю прибыль.

Приведи их сюда. Предлагаю сначала привести мистера Чодо и двух его помощников. Помести их поближе к двери. Потом запускай остальных. Вы с мистером Дотсон и мисс Стамп войдете последними. Может подняться некоторая суматоха, когда эти священники осознают, что находятся в присутствии логхира. Предупреди мистера Чодо.

Я не имел никакого представления, что он затевает. Но я решил его ублажить. Было так приятно видеть, что он бодрствует и работает без попреков.

Когда Садлер услыхал мое предостережение, он поинтересовался, что мы задумали. Я сказал ему, что не знаю. Он не пришел в восторг, но что я мог поделать? Чодо проявил больше

понимания, по крайней мере — внешне. Он решил подождать развития событий, а уж потом вынести свое суждение.

Мы с Морли стояли по обе стороны от двери, пока остальные проходили в комнату. Я не заметил, что кто-нибудь собрался взвунтоваться, хотя, судя по звенящим ноткам в голосах, всеобщее напряжение нарастало. Последним мимо нас прошагал Самсон. Он посмотрел на меня, словно на тысяченожку, заползшую в его завтрак.

Увидев Покойника, Самсон дернулся, как припадочный. Он отступил назад, убедился, что мы с Морли блокировали дверь, и повернулся обратно.

Мы вошли в комнату. Я посмотрел на Покойника, словно ожидал подсказки. Майя закрыла за нами дверь. Сегодня она не казалась очаровательной барышней. Она опять нацепила свои лохмотья и выглядела, как уличный подросток, которым так долго была.

Гаррет, попроси мистера Самсона раздеться. Мистер Коннагью, вы не одолжите нам в помощь мистера Краска и мистера Садлера на случай, если мистер Самсон заупрямится?

Все, кроме Чодо, посмотрели на Самсона. Чодо посмотрел на меня и своих приспешников и поднял палец, выражая согласие.

— Самсон? — сказал я.

Он рванулся к двери. Майя двинула ему по скуле медным кубком. Это поубавило ему прыти. Краск и Садлер держали его под руки, пока я задирал подол сутаны и стаскивал с него штаны. Морли привалился к стене и отпускал грубые замечания по поводу человеческой извращенности.

У мистера Самсона, представителя Церкви, наследника Великого Инквизитора, начисто отсутствовали мужские атрибуты.

Если одеть его в крестьянское платье и поставить в дверной проем, свидетели, я уверен, присягнут, что он тот самый человек, который предательски убил Магистра Перилонта. Я уверен, что в этом доме только он один — представитель культа Хамона.

— Я очень рад, — сказал я. — Жаль только, что здесь нет больше никого из Церкви. Это избавило бы нас от необходимости тащить его обратно.

Мы подержим его здесь. Он знает всех своих людей, затесавшихся в различные секты.

Самсон застыл, словно каменное изваяние. Краск и Садлер уложили его на бок. Я посмотрел на Покойника.

Зачем он пригласил сюда Чодо? Может, Покойник хотел, чтобы тот воочию убедился, с какими неприятностями он может столкнуться, если когда-нибудь решит нас прижать? Такая предусмотрительность вполне в его духе.

Джентльмены. Как вам известно, смерть логхира успокаивает только плоть. Могут пройти многие столетия, прежде чем дух отделится от тела. В некоторых случаях, когда душа сопротивляется Переходу, он может длиться почти бесконечно. На заре вашей цивилизации, когда мое племя было более многочисленным, многие ваши местные боги и демоны были на самом деле моими покойными соплеменниками. Среди них был распространен обычай — защищать или терзать дикарей, коротая время Перехода. Большинство этих анимистических духов стиралось из вашей памяти по мере того, как моя раса покидала этот мир. Со временем эта игра утратила новизну, так что теперь большинство логхиров предпочитают ждать Перехода на острове Хатар. Но один древний и патологически жестокий логхир остался среди вас. Он был известен вам под многими именами в различные времена. Его всегда тянуло к самым мрачным, нигилистическим культурам. Это он стоит за Сынами Хамона. И находится он сейчас в Танфере.

Он допустил ошибку, перебравшись сюда. Но он не знал, что я здесь. Он понял это только тогда, когда напал на этот дом, пытаясь завладеть ключом от гробницы Разрушителя. Я заподозрил его присутствие раньше, на основании сообщений мистера Гарретта. Нападение подтвердило мои подозрения.

Джентльмены, в настоящий момент этот древний злой наиболее уязвим. Он никогда еще не был настолько незащищен, и маловероятно, что такое может повториться. У него нет союзников, кроме горстки Сынов Хамона, скрывающихся среди духовенства. Мертвый логхир не очень мобилен. Безд приспешников, которые могли бы перебазировать его в безопасное место, ему остается только ждать своей судьбы, будь то избавление или страдания от ваших рук.

Вы должны перейти к решительным действиям. Хотя мы, обитатели этого дома, уже внесли свой вклад, мы и дальше будем оказывать вам свою поддержку.

Ну, спасибо тебе, Увалень. Если эта кутерьма больше не грозит мне никакой прибылью, я совсем бы не расстроился, если бы остался в стороне. Кому охота связываться с мертвым логхиром, который несколько тысяч лет практикует всякие безобразия? Мне достаточно своего собственного домашнего дьявола. Он мертв всего несколько столетий и утверждает, что он — друг. Он не создает невозможных восьмируких тварей и не отправляет их требовать свое на личных грозовых тучах.

Покойник послал мне личное сообщение.

Эти священники располагают достаточной властью, чтобы заставить тысячи верующих забыть об осквернении их храмов.

А есть еще все эти колдуны, маги, повелители бурь и прочая шушера с Холма, которая может обернуться настоящей чумой, если мы по-прежнему будем притягивать к себе их внимание. Священники могут замолвить за нас словечко. Возможно, выгода тут все-таки есть.

Через два часа трепотни Чодо Контагью спросил:

— Вы знаете, где прячется эта тварь?

Вопрос не праздный. Если вы собираетесь истребить крыс, не мешало бы знать, где крысиная нора.

Да.

— Тогда эта болтовня бессмысленна. Садлер и Краск возглавляют операцию. Им нужны какие-нибудь специфические сведения, чтобы приступить к делу?

Покойник забавлялся. В несколько секунд дебаты выдохлись. Буквально каждый рвался в бой за спиной Большого Босса. Пожалуй, мои дела не так уж плохи. Все же лучше держаться за спинами его ребят и всей религиозной шайки. Тогда никто не будет путаться у меня под ногами, когда придет время задать стрекача.

52

Объект выбрал то еще место.

Медноголовая Отмель — это длинный тощий остров, который начинается там, где река, образуя излучину, минут уходит южные границы города. Длина острова — около мили, а ширина — ярдов семьдесят, и то в самом широком месте. Он покрыт чахлой растительностью, цепляющейся за ил и песок, которые и образуют отмель. От большой земли его отделяют только сорок ярдов канала. Остров уродлив, как бельмо на глазу, к тому же чертовски опасен для судоходства. Единственная причина, по которой его не срыли, углубив дно, — он принадлежит Церкви. Остров передали ей во владение еще на заре императорской эры. Некогда Церковь пыталась основать на нем монастырь, но почва была слишком ненадежной, а наводнения — слишком частыми. Так что от строительства осталась только груда камней, покрытая ползучими растениями.

Покойник утверждал, что наш объект скрывается под этой каменной кучей.

С тем же успехом он мог бы находиться в другом измерении.

Мы собрали хорошую толпу, которая стеклась на пустошь за южной стеной города. Пустошь принадлежала какому-то экс-центричному землевладельцу, не желающему ее застраивать. Чодо послал на подмогу Краску и Садлеру дюжину своих костоломов. Различные конфессии тоже внесли свой вклад в виде нескольких сотен молодых и энергичных священников. Тип с Холма, имени которого я никогда не мог запомнить, проявил достаточно здравого смысла, чтобы одолжить нам компанию стражников. Мы с Морли и Майей стояли поодаль, сами по себе, и гадали, что сейчас будет.

Экуменистская делегация отправилась в Четтери в надежде завербовать магистра-другого. Мы ждали ответа Церкви.

Спуск к реке представлял собой небольшой обрыв высотой футов двенадцать. Морли, Майя и я расположились на холмике в пятидесяти ярдах от него. Все остальные болтались между нами и рекой, но больше теснились назад. Никто не выказывал желания подобраться поближе к острову. Я стоял и гадал, знает ли враг о нашем присутствии.

Гадал я и о том, должен ли я сквиртаться с Джилл Крайт. Она и ее приятель Агире стояли в отдалении, ярдах в тридцати от остальных. Я то и дело поглядывал на них. Они не разговаривали и вообще держались не очень дружелюбно по отношению друг к другу. Возможно, Агире испытывал неловкость оттого, что его видят со шлюхой. Ему слишком поздно было прикидываться, что здесь кроется нечто совсем иное, а не то, что есть на самом деле.

Майя заметила мой интерес к этой парочке. Но она слишком нервничала, чтобы меня поддразнивать.

— Что они здесь делают? — спросила она.

— Не знаю.

Единственными людьми, которые отважились подойти к краю обрыва, были Краск и Садлер. Теперь они направились в нашу сторону. Лучше бы они этого не делали.

Краск тут же взял быка за рога:

— Гаррет, ты был моряком. Как нам туда добраться?

— Не думаю, что нам это удастся, если уж ты хочешь услышать правду.

Краск надулся:

— Помнишь тварь, которая напала на дом Чодо? Примерно с такой нам предстоит иметь дело. — Если не хуже. Этот лог-хир шлифовал свои трюки столетиями. Он пережил немало перебряг. Если верить Покойнику, он должен был исчезнуть с лица земли сразу после падения Каратхи. — В лобовой атаке он просто-напросто прикончит всех нас.

Ни Краск, ни Садлер не ведали обходных путей.

— Тогда что мы здесь делаем? — поинтересовался Садлер.

— Мы здесь потому, что люди, которые давали нам указания, не понимали, чему нам придется противостоять.

— Ладно, умник, — вступил Краск. — Ты живешь с одной из этих тварей. Как бы ты стал действовать, если бы решил ее уничтожить?

А я-то надеялся, что до этого не дойдет. Я не хотел разглашать сведения, которые кто-нибудь сможет потом использовать против нас с Покойником.

— Я бы попытался взять его измором. Во-первых, нужно устроить что-то вроде осады. Оборонительный рубеж здесь и кого-нибудь наблюдателем — на реку, чтобы прихватив этой гадине не смогли перетащить ее в другое место. После этого я бы просто насобирал побольше мышей, крыс и клопов и перевез их на плотах на остров. А дальше ждал бы, сколько потребуется.

— Что? — Головорезы растерялись.

— Слушайте, во-первых, вы должны осознать, что тварь действительно мертва. Но ее душа привязана к телу. Не будет тела — душа придется убраться. — Так по крайней мере утверждает Покойник. — На острове нет ничего, что годилось бы в

пищу паразитам, только тело логхира. Логхиру это тоже известно. Он следит за клопами и прочей дрянью. Но если они будут там кишмя кишеть, ему придется трудновато. Кроме того, мертвым логхирям приходится много спать. Таким образом они накапливают энергию для своих фокусов. Этот скорее всего сейчас спит. Во сне он не может следить за паразитами. А они тем временем славно над ним поработают. Он не почувствует их укусов, потому что он мертв.

Краск с отвращением фыркнул. Но Садлер кивнул, понимая, что я говорю дело.

— Но это займет порядочно времени.

— Займет. Но я не знаю больше ни одного верного и не слишком опасного способа разделаться с этой напастью.

— Мы должны посоветоваться с Чодо. Ему нужны быстрые результаты.

Чодо удалился в свое поместье.

— Он дорого за них заплатит, если будет настаивать.

Краск дернул головой, подавая Садлеру знак. Они отошли в сторону переговорить.

— Почему бы не вызвать сюда парочку повелителей огня? — спросил Морли. — Они могли бы выжечь тут все дотла, верно?

— Может быть. Но колдуны тоже смертны, не хуже, чем мы с тобой.

— Гаррет, — тихо и испуганно сказала Майя. — Я думаю, что оно не спит.

У нее просто талант сдержанно выражаться.

Оттуда, где мы стояли, я не видел ничего, кроме сияния, но на острове что-то происходило. Народ, который стоял поближе к обрыву, заголосил и начал пятиться назад.

Футах в пятидесяти над островом сформировалось черное пятно тучи. Она быстро росла, закручиваясь, словно водоворот. Все разинув рты глазели наверх. И напрасно.

Три окруженные сиянием типа в доспехах с внезапностью молнии выскочили на кромку обрыва и бросились на толпу. Они метали во все стороны огненные копья.

Тем временем внутри вращающейся тучи образовалась шестирюкая женщина и немедленно выросла до неимоверных размеров. Милая крошка — голая, с лоснящейся черной кожей, с черепом вместо лица и собачьими сосцами.

Священники истошно взвыли. Компания стражников решила, что им недостаточно много платят, чтобы требовать от них участия в этом представлении.

Краск и Садлер со своими ребятами жаждали помериться силами с типами в доспехах, но не могли прорваться сквозь охваченную паникой толпу.

Парни в доспехах взялись за дело. Да так, что вокруг только клочья полетели.

— Дьявол!

Я покосился на Морли, стараясь не упускать из виду черную красотку, оседлавшую тучу. Казалось, она проявляет особый интерес к Джилл и Агире. Морли рылся в карманах. Краем глаза я заметил, как в воздухе промелькнуло что-то лимонно-желтое. Оно полетело в сторону парней в жестянках.

Черт бы побрал этого воришка! Он все-таки умудрился стянуть часть Перидонтова добра прошлой ночью, когда я погасил свет.

Склянка разбилась о грудную пластину одного из типов. В первое мгновение мне показалось, что ничего не произошло. Потом оно сработало, да только совсем не так, как рассчитывал Морли.

Тип в доспехах начал смеяться. Через минуту он хохотал так безудержно, что ему пришлось воткнуть меч в землю и опереться на него. Я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь так веселился.

— Дерьмо! — проворчал Морли. — Пустышка. — Он швырнул еще пару склянок других цветов в двух остальных вра-

гов. Но содержимое этих пузырьков произвело еще менее очевидное действие.

Желтая склянка все-таки оказалась не совсем пустышкой. Краск, протиснулся сквозь толпу, отнял у хохочущего ублюдка меч и порубил его на капусту, после чего захихикал сам.

Один готов. Но двое других косили всех направо и налево. И тварь в воздухе неслась на Агире и Джилл.

Я запустил в нее своим красным флаконом.

Я не хотел этого делать. В глубине души я надеялся прорваться на остров и использовать ее против мертвого логхира.

Последствия были точно такими же, как у Чодо. Чудовище начало таять и испаряться. Но у меня не было времени насладиться этим зрелищем. Два типа в доспехах продвигались в мою сторону и все, за исключением головорезов Чодо, посчитали за лучшее проявить благородумие.

Еще одна из склянок Морли начала действовать. Один из нападающих разучился сохранять равновесие. Он поскользнулся, зашатался, прошел еще несколько шагов и упал на колени.

Тварь на острове больше никаких колдовских штучек не откальвала. Хотя, быть может, ее внимание было отвлечено чудовищем и тем, что с ним происходило.

Краск зашел за спину споткнувшегося типа и проткнул его копьем. Стало быть, остался один. Неожиданно он оказался в кольце неприятелей, куда входили мы с Морли, Садлер, большая часть ребят Чодо и примерно дюжина священников и стражников с нервами покрепче среднего. Сражение напоминало схватку гигантского громового ящера с маленькими охотниками, окружившими свою жертву. Мы не могли ничего с ним поделать в лобовой атаке, но ему неизменно приходилось поворачиваться к кому-то спиной.

Долго он не протянул.

Когда все было кончено, я отыскал глазами тварь, свалившуюся с неба. Она лежала на земле и конвульсивно дергалась,

наполовину сожранная веществом из склянки. Над тушей курился черный туман.

К нам подбежал Садлер:

— Я принимаю твой совет, Гаррет. Эта гадина может сгребть нас в порошок в любой момент, когда ей заблагорассудится.

Кто-то сдернул шлем с поверженного врага и обнаружил, что тот стал трупом вовсе не несколько секунд назад. Это был утопленник, и довольно несвежий. Рыбы и разложение основательно поработали над его внешностью.

Я кивнул Садлеру.

— Ей приходится иногда отдыхать, но, если мы попытаемся переправиться на остров, нас ждет примерно то же самое или даже похлеще. — Я подумал о Покойнике, о его способности заставлять людей забывать или действовать против своей воли. Нам действительно могло прийтись туда.

На самом деле меня удивляла низкая активность логхира. Скорее всего он боялся привлечь внимание Холма. Колдуны могли по-настоящему заинтересоваться происходящим здесь спектаклем.

— Давайте лучше позаботимся о мертвых и окажем помощь раненым, — сказал Морли.

С поля боя дезертировали люди двух разновидностей. Первые настолько устыдились своего побега, что так и не вернулись назад. Вторые со сконфуженным видом повылезали из щелей, когда представление окончилось. Теперь они рьяно бросились нам помогать.

Майя не сбежала. Я не знаю почему. Она ничего не могла бы сделать, разве что бессмысленно погибнуть. Через пятнадцать минут уборочных работ она схватила меня за руку:

— Агире отдал концы. А Джилл исчезла.

В первое мгновение я пожалел Джилл. Она не заслужила таких ударов судьбы. Потом во мне зашевелилось подозрение.

— Где Агире?

— Там, где они стояли.

Я побрел туда, косясь одним глазом на дымящуюся черную тварь. Ее плоть — если это можно назвать плотью — почти испарилась.

Я нашел Агире и опустился на колени. Майя тоже встала на колени по другую сторону от тела.

— Что-то в последнее время у смерти большой урожай на религиозных шишек, — сказал я. Впрочем, на мелких сошках тоже. И то ли еще будет, когда секты и культуры посдирают одежду со своих священников и монахов — посмотреть, все ли у них болтается на месте.

Изо рта Агире текла кровь. Он лежал на спине. Я не обнажил никакой раны, перекатил его на спину и хмыкнул.

Минутой позже я разговаривал с Садлером:

— Насколько могу судить, я свою долю работы выполнил. Теперь вы и сами здесь управитесь. Я иду домой.

Морли остался. Майя потащилась со мной. Больше ей некуда было идти. Теперь нам придется серьезно подумать о ее будущем.

— У тебя что-то на уме, — сказала она. — Что?

— Джилл.

— Что тебя расстроило?

— Это она убила Агире. Мы отвлеклись, а она воткнула ему нож в спину. Больше некому — драка до них не докатилась.

— Но зачем? — Майя не стала утверждать, что Джилл на такое не способна.

— Моши Террелла скорее всего. Агире отдал их ей на хранение. Он не говорил, что получил их обратно. У нас дома она спрятала только ключ. Если бы она оставила его у себя, ее могли бы убить. Черт! Не исключено, что она задумала стащить Моши с самого начала.

— На что они ей?

— Джилл любит денежки и красивые вещи. Представляешь, какую сумму Церковь может отвалить за Моши?

Майя только кивнула в ответ. Мы прошли несколько кварталов.

— Куда мы идем? Разве нам не в Веселый Уголок?

Может быть. Но я хотел спросить Покойника, действительно ли это мое дело.

53

Оказалось, мое. Меня нанял Перидонт, и я сам заявил во всеуслышание, что он остается моим клиентом, мертвый он или нет.

Майя была довольна. А вот я — не уверен. На улице мело. Снег выпал раньше, чем я ожидал, и обильнее, чем мне бы хотелось. В лицо задувал морозный ветер. Если бы я плюнул на все, то сидел бы сейчас дома, в тепле, попивал пиво и размышлял, как бы выставить Дина из дома и отправить спать Покойника, чтобы мы с Майей могли...

Мы вошли в Веселый Уголок, словно в призрачный город. Первый снег всегда производит такой эффект в Танфере. Все залезают в свои норы и не торопятся высунуть нос на улицу. Мы обошли заведение Дойла с торца и вышли в переулок.

— Опоздали, — сказала Майя, глядя на двойную цепочку следов на снегу. Они вели по лестнице на второй этаж и обратно, вниз.

— Возможно. — Я взбежал наверх, зашел внутрь и торопливо прошел по коридору, который мало чем отличался от коридора на первом этаже. Одна дверь была открыта. Я сунул голову внутрь.

Все верно, комната Джилл. Я узнал одежду, разбросанную там и сям. В том числе и ту, что была на ней во время сегодняшнего веселья на реке. Я выругался и бросился назад.

Наверное, я вел себя не слишком тихо. Одна из дверей открылась. Из-за нее выглянула эльфийка Полли.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

Я тут же влюбился снова.

— Я пришел сказать вам, как... Лучше я пойду... Я веду себя как кретин. — Неплохо для экспромта, Гаррет.

Я выскочил на улицу и присоединился к Майе.

— Она ушла. Пойдем за ней, пока следы не пропали.

Когда мы отошли, я обернулся. Эльфийка стояла на верхней ступеньке и с озадаченной улыбкой смотрела нам вслед.

Джилл не тратила времени даром, но снег ее выдал. Мы продвигались вперед. Следы становились все более свежими. Снегопад ослаб. Видимость улучшилась. Улица, по которой мы двигались, вывела нас на площадь. Ее пересекала одинокая фигура, тяжело передвигавшая ноги.

— Это старуха, — сказала Майя. — Посмотри на нее. Она стара даже для матери Эстер.

Я и сам это видел, хотя бы по движениям женщины. Она была одета в черное — так, как обычно одеваются старухи — и двигалась очень медленно.

— Черт возьми! Как я мог перепутать следы? — Я припомнил наш путь.

Не мог я ничего перепутать. След был один-единственный, он не пересекался ни с каким другим. Именно эта женщина вышла из заведения Дойла. И она несла узелок, прижимая его к груди.

— Вперед. — Я перешел на русь.

Снег и ветер заглушали наши шаги. Женщина не слышала нас, пока мы не оказались в полудюжине ярдов от нее.

И тут она резко обернулась.

Ни одна старуха не способна проделать такого стремительного движения.

— Привет, Джилл.

Она перестала притворяться и выпрямилась:

— Гаррет.

Майя зашла ей за спину, отрезая путь к отступлению.

— Я не могу позволить тебе ускользнуть, — сказал я.

— Знаю, — вздохнула она. — Такой уж ты есть. — Она пожала плечами. — Я не думала, что ты так быстро спокватаешься.

— Чистая случайность.

— А что, если я верну их добровольно? Этого будет достаточно?

— Вряд ли. Тебе не следовало убивать Агире.

— Ужасно глупо получилось. Я не успела подумать, что делаю. Подвернулась возможность, и я за нее ухватилась. Я поняла, что совершила ошибку, еще до того, как он упал. Но некоторые поступки необратимы, как бы тебе ни хотелось все переиграть.

— Пойдем. — Я ей поверил. Майя — нет. Она держалась у Джилл за спиной всю дорогу до Страны Грэз. Я молча брел рядом с Джилл и дрожал, то ли от холода, то ли от внутреннего напряжения. Я о многом передумал, пока мы шли, но главным образом мои мысли вертелись вокруг одного — вчера ночью, во время операции по освобождению Майи, умерли семь человек. И хотя ни один из них не погиб от моей руки, в конечном счете вина за их смерть лежит на мне. Можно оправдываться как угодно, но именно я позвал с собой Морли.

Мы подошли к воротам.

— Не говори им ничего, — вдруг вырвалось у меня. — Не отвечай ни на какие вопросы. Просто отдай ларец.

Джилл как-то чудно на меня посмотрела. Ее глаза неожиданно показались мне такими старыми... Под стать старушечьей одежде, которую она выбрала.

К воротам вышел охранник, узнать, чего она хочет. Джилл сунула ему в руки ларец, отвернулась и выжидательно посмотрела на меня.

— Прощай, — сказал я и, взяв Майю под руку, шагнул в разгулявшуюся метель. Пригнув головы, мы боролись со встречным ветром, и холод обжигал нам щеки. Мы молчали. В уголках моих глаз застыли кристаллики льда.

54

Покойник был доволен собой. Самоуверенность из него так и лезла. Даже упоминание о его просчете в отношении Славы Дуралейника не сбило с него спеси. Он похвалялся, я пытался его урезонить, а Майя нервожно на нас поглядывала, не зная, где ее место в этом холостяцком хозяйстве.

Я опустошил карманы, поставив склянки Перидонта на ту полку, где раньше был спрятан страшный ключ. Мы уже решили, как с ним поступить. На ключ не были наложены защитные чары, только заклинания, призванные подогнать его к замку, который ему положено открывать. Я распилю его и раздам кусочки нескольким скупщикам лома. Когда его переплавят, все будет кончено. Это следовало бы сделать давным-давно.

Я положил монету из «Синей Бутылки» на полку рядом с сувенирами, оставшимися у меня на память от других дел. Жалко, что я не сохранил монету из квартиры Джилл. Она значила бы для меня больше и лучше напоминала бы о нашей подверженности ошибкам. Интересно, что теперь будет делать Джилл?

Она выживет. Я не держал на нее зла. Я желал ей освободиться от груза прошлого.

Я приподнял железную цепочку с каменным талисманом, висевшим на шее, и понял, что достиг той стадии, когда один вид Покойника вызывает у меня омерзение. С меня хватит.

— Ты прокололся с Джилл, Старые Кости. Она обвела тебя вокруг пальца. Тебя так распирало от гордости из-за ключа, который ты заметил, что тебе и в голову не пришло поинтересоваться, что она прячет за своей тревогой.

От Покойника можно закрыться и утаить от него свои мысли, если как следует сосредоточиться. Очевидно, Джилл скрыла от него местонахождение Мощей, думая о ключе, который не представлял для нее никакой ценности.

Это его немного утихомирило. Но вместо того, чтобы признать свое несовершенство, он сменил тему:

— Почему ты носишь этот камень? Ты присоединился к одному из культов?

— Ну, не до такой степени все плохо. — Я ухмыльнулся. — Этот маленький амулет дал мне Садлер. Штучка отгоняет громовых ящеров. В суматохе той ночи Садлер забыл забрать камень назад. Я не стал ему напоминать. Может, пригодится как-нибудь.

Покойник выдал мне большую дозу умственного шума, который заменяет ему смех.

Может быть. Только не сегодня.

Я уловил намек, что его мысли обратились к Майе.

Я чрезмерно перенапрягся, спасая тебя от последствий твоей деятельности. Теперь я намерен соснуть.

Никогда еще Покойник не подбирался так близко к признанию, что он одобряет мою подружку.

Я пошел на кухню и сказал Дину, что он снова может отправляться по вечерам домой начиная прямо с этого мгновения. После чего, невзирая на протесты, я вытолкал его за дверь.

Несколько дней город гудел, обсуждая возвращение Мощей Террелла. Когда эта новость устарела, всем стало казаться, что нас ждет спокойная, тихая зима.

Потом кто-то совершил налет на Четтери и украл из алтарей целое состояние в золоте, серебре и драгоценных камнях. Него-

дляев никто не опознал. Из-за богохульственных надписей, оставленных на стенах места преступления, Церковь подозревала уличных бандитов-дарко.

Я на всякий случай решил держаться подальше от заведения Морли. Люди, с которыми я поддерживаю деловое знакомство, сообщили мне, что налетчики использовали вызывающие замешательство чары, чтобы нейтрализовать священников, поднявшихся по тревоге. Я не хотел, чтобы меня застали в заведении, если там объявится шайка несчастных церковников. Но из рассказов Плоскомордого я знал, что Морли не изменил образа жизни.

Когда Чодо Контагю решает что-нибудь сделать, он не отступится, пока не добьется своего. В течение восьми месяцев он возглавлял и финансировал осаду Медноголовой Отмели. Он нанял целый штат временных работников, насчитывающий — ни много ни мало — сто человек. К концу восьмого месяца едва ли не все крысы, мыши и клопы Танфера были заброшены на остров. Чодо сорвал четыре спасательные операции, предпринятые Сынами Хаммона. Он пережил несколько нападений восьминочных тварей, которых натравил на него мертвый логхир. Очень упрямый человек Чодо Контагю.

Конечно, у него была и тайная цель. Он не просто сводил счеты, он демонстрировал миру, что ждет любого, кто посмеет разозлить Большого Босса. Я без всякой радости предвкушаю тот неизбежный миг, когда наши профессиональные интересы вступят в неустранимое противоречие. Но пока он мой должник и сделает для меня все, что угодно.

Для меня наступила тихая, ленивая зима. Примерно на десять дней.

Седая оловянная печаль

1

Стоит вообразить, что дела в полном порядке и можно высоко держать голову, — бац! — старина Рок налетит на тебя с разбегу и даже не подумает извиниться. С Гарретами такое случается на каждом шагу.

Я и есть Гаррет. Полюбуйтесь: чуть больше тридцати, чуть выше шести футов, чуть тяжелее девяноста и, боюсь, скоро поправлюсь еще — я не прочь побаловаться пивком. Волосы каштановые. Чего только обо мне не говорят — я и циничный, и угрюмый, и надутый, бука, одним словом. Коварен как эмей, утверждают недоброжелатели. Но, черт возьми, сердце-то у меня доброе, ей-богу, доброе, я просто неуклюжий старый мишка с неотразимой улыбкой и нежной душой.

Не верьте слухам. Я, конечно, реалист, но порой во мне вспыхивает романтический огонек. Раньше пламя было куда ярче, но мне пришлось пять лет прослужить в Королевской морской пехоте. Я мог бы сохраниться гораздо лучше.

Морли называет меня лентяем. Грязная клевета, не стоит слушать этого непоседу, чья мораль напоминает флюгер под ветром. Я не лентяй, но работаю только, когда деньги нужны позарез. Я — частный агент, сыщик. А значит, мне немало времени приходится проводить среди многопочтенных личностей, которых вы не пригласили бы к обеду. Похитителей детей, шантажистов, разбойников, воров и убийц.

Ну да, они тоже когда-то были невинными младенцами.

В моей жизни нет ничего великого и героического, в исторических хрониках мне не отведут ни строчки. Зато я сам себе хозяин, сам распределяю время и решаю, за какие дела браться,

за какие нет. Мне не нужно изворачиваться, заискивать, совесть моя чиста.

Так вот, без крайней необходимости я стараюсь не работать, поэтому всегда смотрю в глазок, прежде чем открыть дверь. Если посетитель похож на клиента, я просто не отвечаю на стук.

Был славный денек, а ведь год только начался. Но небесное начальство отлынивало от работы, зимой и не пахло, снег таял, и на шестой день этой неправдоподобной оттепели на деревьях начали распускаться почки. Боюсь, они поторопились.

Я ни разу с начала оттепели не выходил из дома, сидел за столом и составлял счета по двум незначительным расследованиям. Я уже подумывал, не пойти ли прогуляться, пока совсем не рехнулся от духоты, как кто-то постучал в дверь.

У Дина был выходной, пришлось самому тащиться к двери. Я подошел, посмотрел в глазок — и обомлел. Да что там, братцы, я просто осталбенел!

Вестницы всяких серьезных передряг обычно носят юбки и выглядят, как вам и не снилось. Скажу проще, для непонятливых — у меня слабость к хорошенъким девушкам, аппетитным, как персик. Но я потихоньку умнею. Дайте мне годков тысячу и...

Но это был вовсе не персик. Это был человек, которого я знал много лет назад и никак не ожидал встретить снова. Да мне и не хотелось с ним встречаться. Но не похоже было, что у него крупные неприятности. Так, небольшое дельце. И я отпер. Первая ошибка.

— Сержант! Какими судьбами?! — и я протянул руку. В пору нашего знакомства я бы на это не отважился.

Он был лет на двадцать старше, такого же роста, килограммов на десять легче. Морщинистое лицо цвета дубленой кожи, большие оттопыренные уши, маленькие черные глазки. В темных волосах появилась седина, раньше ее не было. Такие безобразные физиономии попадаются, слава Богу, не часто. А здоров

мужик, из той породы людей, с которыми до гробовой доски ничего не делается, проживи они хоть миллион лет. Он стоял в дверях несокрушимый и прямой, точно аршин проглотил.

— Рад тебя видеть, — искренне сказал он.

Мы пожали друг другу руки. Блестящие глазки-бусинки сверлили меня. У него всегда был пронизывающий взгляд.

— А ты поправился.

— В ширину больше, сверху меньше. — Я пригладил волосы. Плеши пока никто, кроме меня, не замечал. — Заходите. Что вы делаете в Танфере?

— Я вышел в отставку, больше не служу. Много слышал о тебе любопытного, был тут по соседству и решил заглянуть. Но, конечно, если ты занят...

— Не занят. Пиво? Проходите на кухню. — Я повел его во владения Дина: стариk ушел, и некому было защитить их. — Вы давно ушли из армии?

— Года три назад.

— Да ну? Я думал, вы так и помрете в форме — лет эдак ста пятидесяти.

Его звали Чен Питерс, а ребята из роты прозвали Черным Питом. Он был нашим командиром, единственным посредником между нами и Богом — или дьяволом? — другого мы не знали. Профессиональный солдат, несгибаемый вояка. Я не представлял его штатским. Три года? Он все равно походил на переодетого сержанта морской пехоты.

— Все меняется. Я стал чересчур много думать, вместо того чтобы просто выполнять приказы. Пиво неплохое.

Пиво просто превосходное. Вейдер, владелец пивоваренного завода, прислал мне бочонок из своих запасов — в доказательство, что ценит мои прежние услуги, и чтобы напомнить о нашем договоре. Я давненько не появлялся у него, и Вейдер беспокоился, что рабочие снова начнут поворовывать.

— Чем занимаешься теперь?

Я чувствовал себя немного исловко. Мой отец погиб в Кантарде, когда мне было четыре года, поэтому собственного опыта я не имел, но ребята рассказывали, что в первый раз разговаривать с отцом на равных, как мужчина с мужчиной, совсем не легко. Мы с Черным Питом не были приятелями. Он был Командиром. Пусть бывшим, но смотреть на него иначе у меня не получалось.

— Я служил в штабе генерала Стэнтнора. Он вышел в отставку и предложил мне последовать за ним. Я согласился.

Гм. В мое время Стэнтнор был полковником. Он командовал всей морской пехотой в Фулл-Харборе, примерно двумя тысячами человек. Встретиться мне с ним не привелось, но слышать доводилось немало, в основном отнюдь не лестные вещи. Ко времени моей демобилизации он стал главнокомандующим военно-морских сил Каренты и отбыл в Лейфмольд, где размещалось командование флота и морской пехоты.

— Работа почти такая же, а денег больше, — продолжал Питерс. — А у тебя, похоже, дела идут неплохо. Сам себе хозяин, я слышал.

И вот тут в душу мою закралось подозрение. Сначала оно было несерьезным, так, маленький червячок. Он, видно, спрашивал обо мне, прежде чем явиться сюда, а значит, вовсе не случайно забрел поболтать о прежних временах.

— Голодать не приходится, — согласился я. — Но уверенности в завтрашнем дне нет: пока котелок варит, но... С ногами уже проблемы.

— Тренировался бы побольше. Совсем не следишь за собой, сразу видно.

Я фыркнул. Еще один Морли Дотс выискался!

— Ну-ну, полегче, нечего мне талдычить о здоровой пище и прочей дряни. Я не корова, чтоб травку жевать, и у меня ужс есть один добренъкий крестный, он мне плещь проел этой чепухой.

На физиономии Черного Пита выражалось замешательство.

— Извиняюсь. Шутка. Выходит, теперь у вас работы немного?

Я почти ничего не слышал о Стэнтноре после его отставки. Знал только, что он уехал домой в Танфер и поселился в семейном имении к югу от города. Он жил отшельником, ни бизнеса, ни политики — обычных занятий уцелевших в боях офицеров бесконечной Кантардской войны.

— У нас не было выбора. — По лицу Питерса пробежала тень беспокойства. — Генерал планировал заняться строительными подрядами, но заболел, может, подцепил что-нибудь на островах. Это изматывает его. Он почти не встает с постели.

Жаль. Стэнтнор все же был молодцом, он не отсиживался в штабе в Фулл-Харбore передвигая солдат как фигуры по шахматной доске. Во время больших морских боев он был с нами, в гуще сражения.

Жаль его. Я так и сказал Питерсу.

— Не просто жаль, Гаррет. Дело куда серьезней. Мне кажется, он умирает. Ему становится все хуже. И думаю, кто-то помогает ему умереть.

Подозрение превратилось в уверенность.

— Вы не случайно оказались по соседству.

Он не стал вилять:

— Нет. Я хочу, чтобы ты заплатил по счету.

Пояснений не требовалось.

Однажды мы были застигнуты врасплох на одном из островов. Враги напали неожиданно и перебили почти всех. Мы, кому удалось спастись, бежали на болота и отсиживались там, питаясь животными, которые не успевали съесть нас первыми. Сержант Питерс вывел нас, и поэтому я его должник.

Но это еще не все. Во время набега я был ранен, и он вынес меня на себе. Он не обязан был это делать. Он мог оставить меня лежать и ждать неминуемой смерти.

— Старик много значит для меня, Гаррет, — заговорил Питерс. — Другой семьи у меня нет. Кто-то медленно убивает его, но я ума не приложу, кто и как. Не могу помешать им. Никогда я не чувствовал себя таким беспомощным и поэтому пришел к тебе, человеку, о котором говорят, будто он умеет решать неразрешимые задачи.

Мне не нужен клиент. Но Гаррет отдает долги.

Я сделал большой глоток, глубоко вздохнул, рутнулся про себя.

— Выкладывайте.

Питерс покачал головой.

— Не хочу зря забивать тебе голову. Я отнюдь не уверен, что мои соображения имеют под собой почву.

— Черт возьми, сержант...

— Гаррет! — Голос у Питерса по-прежнему был властный, он мог и не повышать его.

— Слушаю.

— У генерала есть и другие неприятности. Я убедил его нанять специалиста, который может разобраться с ними. Я расхваливал тебя, рассказывал, какая у тебя репутация, и поделился воспоминаниями о нашей совместной службе. Он увидится с тобой завтра утром. Если ты не забываешь вытираять ноги у дверей и умеешь пользоваться носовым платком, генерал тебя найдет. Делай, что он велит, но при этом помни об истинной цели. Понятно?

Я кивнул. Замысловато, конечно, но клиенты часто ведут себя так, словно нарочно хотят все запутать.

— Для всех ты — наемный работник. Чем занимаешься — неизвестно. Прошлое тоже практически неизвестно. Возьми другое имя: твое не подходит, чересчур громкое, а дурная слава быстро бежит, может подняться переполох.

Я вздохнул.

— Похоже, мне придется проводить там много времени.

— Все время, пока не кончишь работу. Мне уже сейчас надо знать, каким именем ты намерен воспользоваться, иначе тебя не пропустят.

— Майк Секстон. — Я ляпнул, не подумав, но, наверное, то было внушение свыше. Однако я рисковал.

Майк Секстон командовал в нашей роте отрядом разведчиков. Он не вернулся с острова. Питерс услал Майка перед началом ночной битвы, и мы никогда больше его не видели. Майк был правой рукой и единственным другом Черного Пита.

Лицо сержанта окаменело. Он прищурился, открыл было рот... нет, грозный Пит всегда сначала думал, потом говорил.

— Сойдет, — буркнул он. — Они слышали от меня о Майке. Это объяснит, откуда мы знаем друг друга. Я вроде бы никому не говорил о его смерти.

Вряд ли он сделал бы это. Он не любил признаваться в своих ошибках — даже себе самому. Пари держу, в глубине души Питерс не переставал ждать, что Секстон вернется и явится с докладом.

— Я это и имел в виду.

Он допил пиво.

— Так я могу рассчитывать на тебя?

— Ты знал, что можешь, еще до того, как постучал в дверь. У меня нет выбора.

Питерс улыбнулся. На его угрюмой физиономии улыбка выглядела как-то неуместно.

— Стопроцентной уверенности у меня не было. Ты всегда был упрямый сукин сын. —

Он достал потрепанный холщовый кошелек — тот же, что и раньше, но теперь он стал потолще, и отсчитал пятьдесят монет. Серебряных монет. Ничего себе! После того как Слави Дуралийник объявил Кантард независимой республикой, не подчиняющейся ни Венагете, ни Каренте, вообще никому, цены на серебро подскочили.

Без серебра невозможно колдовать. И Карента, и Венагета раздираемы на части интригами колдунов. Самый богатый серебряный рудник находится в Кантарде, поэтому приходившие к власти шайки сражались за эту территорию еще с тех пор, как мой дедушка был желторотым птенцом, пока жадный Слави не сыграл свою шутку. Но долго ему не продержаться. Он нагадил всем и теперь со всех сторон окружен врагами.

Я открыл было рот, чтобы отказаться от денег: ведь Питерс — мой кредитор. Но потом понял, что должен взять их. Питерс призвал меня выполнить свое обязательство, но не рассчитывал, что я буду работать бесплатно. Может быть, заплатив по счету, он за что-то рассчитается с генералом.

— Восемь в день и расходы, — сказал я. — Для друзей скидка. Если останется — верну, если понадобится больше — представлю счет.

Пятьдесят монет я для сохранности спрятал в комнате Покойника. Он у меня тяжеленький, больше ста пятидесяти килограммов, и — самое в нем лучшее — все время дрыхнет, уже давным-давно не просыпался, даже скучно стало. Поймав себя на таких мыслях, я понял — в самом деле пора приниматься за работу. Скучать по Покойнику — все равно что скучать по инквизитору.

Я вернулся в кухню. Питерс собирался уходить.

— Итак, завтра утром? — уточнил он. В голосе сержанта мне послышались нотки отчаяния.

— Приду, не сомневайтесь.

2

В одиннадцать часов утра небо было отвратительного свинцового цвета, но я все же решил тронуться в путь на своих двоих, хотя

от южных ворот до лачуги генерала добрых шесть миль. Ничего не поделаешь, я на лошади — картина невероятная.

Мне пришлось раскаяться в своей опрометчивости: я слишком долго не отрывал задницу от стула, и ноги быстро устали. К тому же начался дождь, капли величиной с монетки застучали по дороге. Я расканивался все сильнее. Теперь уж точно придется столкнуться со стариком, а то на обратном пути промокну вконец.

Я перекинул сумку на другое плечо и попытался идти быстрее. Напрасный труд.

Дома перед выходом я помылся, побрился и причесался, словом, постарался привести себя в надлежащий вид для встречи с богатеями и теперь надеялся, что они оценят мои старания и не прогонят от дверей, не спросив имени. Надеялся я также, что Черный Пит не подкачал и заранее сообщил мой псевдоним привратнику.

Назвать домишко Стэнтноров лачугой — не совсем точно. На него угрохали, полагаю, на миллион кирпича, камня и отборного леса. На такой территории спокойно можно захоронить целый батальон. Я не захватил с собой карты, но заблудиться было мудрено. Генерал точно специально для меня велел пройти к дому мощеную дорогу.

Лачужка ничего себе. Каменная, с деревянной отделкой, в пять этажей, по бокам четырехэтажные флигели. Я поднял с земли камень и попытался добротить до другого угла — недолет, а бросок был недурен.

За шиворот мне потекла вода. Я прыжком преодолел две-надцать мраморных ступенек и остановился на минутку перед дверью, чтобы привести себя в порядок и не выглядеть чересчур взъерошенным. Когда имеешь дело с богачами, главное — не робить, держать хвост пистолетом.

Дверь — такими воротами мог бы гордиться и замок — бесшумно приоткрылась, выглянул какой-то человек. Я с трудом

удержался от вопроса, сколько масла пошло на смазку этих чудовищных дверных петель.

— Да?

— Я Майк Секстон. Меня ждут.

— Да.

Человек поморщился, выражение лица у него было довольно кислое. Интересно, где он посреди зимы ухитрился раздобыть лимон?

Вряд ли я произвел на него благоприятное впечатление, однако он впустил меня в холл. Вот это да! Здесь свободно поместились бы парочка мамонтов, если бы хозяину стало жаль оставлять их мокнуть под дождем.

— Пойду доложу генералу, — сказал он и ушел, точно ему кол в спину вогнали, маршируя под слышный лишь ему одному барабанный бой. Сразу видно, тоже бывший морской пехотинец.

Он исчез, а я принялся развлекаться, шатаясь по холлу и знакомясь с предками Стэнтнора, целая дюжина коих сердито пялилась на меня с портретов на стенах. Судя по всему, от художников требовалось одно — поймать на лицах моделей выражение нестерпимого страдания. Все эти старики определенно мучились от запоров.

Я насчитал трех бородатых, трех усатых и шесть гладко выбритых, но кровь Стэнтноров — крепкая штука. Они выглядели как братья, а не как представители разных поколений семьи, существовавшей со времен основания государства Карента. Датировать портреты можно было только по форме изображенных на них Стэнтноров.

Все они были в форме или доспехах. Все Стэнтноры — солдаты, моряки, морские пехотинцы. Судьба их предопределена от рождения. Хочешь не хочешь — не важно, Стэнтнор обязан служить в армии. Может, этим объясняется семейное (поголовное и хроническое) расстройство пищеварения.

Последним в левом ряду висел портрет самого генерала, написанный в бытность его главнокомандующим армии Каренты. Длиннющие седые усы свирепо топорщились, а глаза смотрели мимо тебя, как будто он стоял на корме военного корабля, пытаясь различить что-то на горизонте. В этой галерее только портрет генерала не следил за тобой неотступно, куда бы ты ни пошел. Сердито сверкающие глаза старых служак смущали меня. Наверное, это задумано не случайно — запугивать выскочек вроде вашего покорного слуги. Напротив висел, единственный среди стариков, портрет молодого человека — сына генерала, лейтенанта Королевской морской пехоты. Он не успел выработать в себе стэнтноровскую семейную мрачность. Мне не удалось припомнить имя юноши, но я знал, что молодой Стэнтнор погиб на островах, я тогда еще не демобилизовался. Других сыновей у старика не было, не было больше и портретов на обширной темными панелями стене.

Холл кончался стеной из темного небьющегося стекла, украшенной мозаиками на весьма кровожадные сюжеты из мифов и легенд. Герои убивали драконов, расправлялись с великанами и походя, от нечего делать, попирали ногами горы маленьких трупиков эльфов и гномов. Все это относилось к тем давним временам, когда люди не больно церемонились со своими меньшими братьями.

Дверь в стене была нормального размера и покрыта мозаикой в том же роде. Дворецкий, или как он там назывался, оставил дверь приоткрытой. Я воспользовался ненавязчивым приглашением.

Холл по ту сторону перегородки походил на собор.

Не меньше парадного, в четыре этажа высотой, весь из коричневого со светлыми прожилками камня. На стенах боевые трофеи Стэнтноров. Оружия и знамен хватило бы на целый полк. Пол в шахматную клетку из белого мрамора и зеленого змеевика. Посредине — фонтан: герой на поднявшемся на дыбы

жеребце вонзал копье в сердце свирепого дракона, подозрительно похожего на большого летающего громового ящера. Рискованная позиция — еще секунду, и он свалится прямо в когти чудовища. Вид у обоих был невеселый. Я не мог порицать их за это: помирать никому не охота. Скульптор, несомненно, выразил нечто важное для себя, но до меня, увы, не дошло ничего. «Ребята, вы оба хотите заполучить девицу, — обратился я к противникам, — так заключили бы полюбовное соглашение».

Стуча каблуками, я направился к фонтану. Эхо сопровождало меня.

Я огляделся кругом. Коридоры вели в западное и восточное крыло здания. По лестнице можно было подняться наверх, на балконы. На каждом этаже — балкон, на каждом балконе — множество темных, полированных колонн и эхо, эхо. Не дом, а дворец. Музей какой-то. Любопытно, кому могла прийти в голову дикая мысль соорудить такой домище и поселиться в нем?

Холодрига, почти как на улице. Я вздрогнул, подошел поближе к фонтану. Он не работал. Жаль, журчание воды скрасило бы обстановку. Они, наверное, врубают его только в дни приемов. Я всегда лелеял в глубине души мечту разбогатеть. Думаю, большинство из нас подвержены этой слабости. Но если так живут богатые, я лучше останусь при своих.

По роду занятий мне приходилось бывать во многих богатых домах, все они какие-то неуютные. Бэр. Самый красивый, что я видел, принадлежал Чодо Контагью, королю преступного мира Танфера. Он настоящее чудовище, но в его дворце есть хоть намек на нечто человеческое. Архитектор Чодо не скрывал своих пристрастий. В тот раз, когда мне случилось посетить Контагью, дворец был битком набит голыми красотками. Это, я понимаю, обстановка! Куда веселее уймы дурацких военных побрякушек.

Я скинул сумку и небрежно облокотился на ограду фонтана. — Давайте, ребята, не стесняйтесь, постараюсь вам не мешать.

Ноль внимания. Герою с драконом было не до меня.

Я огляделся. Где, черт возьми, люди? Для такого громадного помещения нужна целая армия слуг. А то будто среди ночи в музей забрел. Будто... Стоп! Не так уж все плохо.

Я заметил прелестное лицо. Оно выглядывало из-за колонны на балконе слева от меня, в западном крыле. Женщина, и красивая. Она была слишком далеко, чтобы сказать еще что-нибудь, но хватило с избытком — кровь моя вновь заструилась по жилам. Красотка оказалась робкой, точно дриада. Глаза наши встретились, мгновение — и она исчезла.

Я уже говорил: женщины — моя слабость. Удастся ли разглядеть ее? Хочется надеяться. Какое лицо! Но очаровательница упорхнула. Мимолетное видение. Ах, если бы она вернулась! На нее стоило посмотреть второй, а может, и третий, и четвертый раз. Длинноволосая стройная блондинка, в чем-то белом, прозрачном, перехваченном в талии красным пояском. Около двадцати, плюс-минус. Довольно аппетитна. Я плотоядно ухмыльнулся.

Если только она не привидение. Она проскользнула мимо абсолютно неслышно. Как бы то ни было, не успокоюсь, пока не познакомлюсь с ней поближе.

Вполне возможно, это место действительно посещают духи. Здесь так холодно, так... Нет, дело во мне самом. Наверное, никого другого оно не обеспокоило бы. Я смотрел кругом и слышал звон оружия, слышал стоны убитых на полях сражений, откуда Стэнфоры навезли все эти эмблемы своей славы. Я дал волю воображению и видел лишь собственное отражение, отражение своего настроения.

Попробуем лучше стряхнуть мрачные мысли. Просто эта халупа не располагает к веселью.

Итак, девушка исчезла, а в холле, стуча каблуками, снова появился давешний привратник и по-военному четко остановился

шагах в шести от меня. Я бегло оглядел его. Рост под шесть футов, вес около восьмидесяти килограммов, лет пятидесяти, но выглядит моложе. Волосы черные, волнистые, густые, как у двадцатилетнего, и чем-то смазаны, чтобы пряди не выбивались из прически. Если и была седина, он хорошо умел прятать ее. Глаза как льдинки, но о такой лед можно обжечься. Субъект из тех, кто убьет и даже не задумается о ваших детках-сиротах.

— Генерал ждет вас, сэр, — известил он, повернулся и пошел.

Я последовал за ним. Сначала я пытался идти нормально, но скоро сдался и замаршировал по-солдатски. Тело вспомнило давнюю муштру и отказалось повиноваться доводам разума.

— У тебя имя есть? — осведомился я.

— Деллвуд, сэр.

— Где служил, пока не вышел в отставку?

— Я принадлежал к штабу генерала, сэр.

Это абсолютно ни о чем не говорило.

— Профи?

Идиотский вопрос, Гаррет. Готов заложить семейную ферму, ты здесь единственный не профессиональный солдат, кроме девушки, возможно. Генерал не потерпел бы в своем окружении недоносков, в просторечии именуемых штатскими.

— Тридцать два года в армии, сэр.

Сам он не задал ни одного вопроса. Молчалив, не любит трепаться? Нет. Я его не интересовал: я был одним из «них».

— Может, мне следовало войти с черного хода?

Он что-то проворчал.

Черт возьми. Я уважал генерала, но за то, кем он стал, а не за то, кем родился.

Деллвуд был двадцатью годами старше, но запыхался к четвертому этажу именно я. Не меньше шести остроумных замечаний родилось в моей голове, но поделиться ими не хватило дыхания.

Деллвуд мельком глянул на меня, видимо, с трудом скрывая презрение к слабакам-штатским. Я отышался немного и сразу взял быка за рога:

— Пока ждал, я видел женщину. Она наблюдала за мной. Робкая как мышка.

— Это, надо полагать, мисс Дженинфер, сэр. Дочь генерала.

Казалось, он сомневается, не совершил ли ошибку, добровольно выдав так много. Из тех, кто не расколется, хоть пятки ему поджаривай. Интересно, в свите генерала все изготовлены по такому образцу? Зачем я тогда понадобился Питерсу? Справились бы сами.

Мы добрались до верхнего этажа западного крыла. Деллвуд приоткрыл дубовую дверь, занимавшую половину стены, и доложил:

— Майк Секстон, сэр.

Волна жара обдала меня, едва я вошел в комнату вслед за Деллвудом.

Не знаю, чего я ожидал, но обстановка кабинета удивила меня, показалась чрезмерно спартанской. Кроме размеров комнаты, ничто не указывало на богатство генерала Стэнтнора.

Ни одного ковра, только несколько стульев с прямыми спинками, неизбежный металлический скарб, два письменных стола, поставленных нос к носу. Один, побольше, видимо, генеральский, а второй для посетителей, если они захотят что-либо написать. Почти мавзолей. Жар шел от огня, пылавшего в камине. Огонька хватило бы зажарить быка. Рядом лежала гора поленьев, и еще один отставной солдат с негнувшейся спиной подбрасывал их в огонь. Он взглянул на меня и посмотрел на старика за большим столом. Тот кивнул, и истопник вышел. Наверно, они с Деллвудом на досуге совершенствуются в строевой подготовке и прочих боевых искусствах.

Осмотрев кабинет, я принялся за его хозяина.

Подозрения Черного Пита были небезосновательны. От генерала Стэнтнора осталось немногого. Он мало чем отличался от людей внизу, на портретах. Генерал почти целиком был закутан в ватное одеяло, но, похоже, весил он не больше мумии. Десять лет назад он был с меня ростом и килограммов на пятинацать тяжелее.

Кожа генерала, желтоватого оттенка, казалась полупрозрачной. Зрачки мутные от катаракты, губы ядовитого сине-серого цвета. Волосы выпадали прядями, осталось всего несколько клочков, не просто седых, а синеватого оттенка смерти. Жизнь угасала в нем.

Я не знал, как далеко зашла катаракта, но взгляд старика был тяжелым и строгим. При моем появлении он не шелохнулся.

— Майк Секстон, сэр. Сержант Питерс попросил меня зайти к вам.

— Берите стул. Поставьте его здесь, передо мной. Я не люблю смотреть на собеседника снизу вверх. — В голосе генерала мне послышалась скрытая сила, хотя не представляю, откуда он брал ее. Я воображал, что он будет говорить замогильным шепотом. Я сел напротив. Он продолжал: — Я уверен, что сейчас нас не подслушивают, мистер Гаррет. Да, я знаю, кто вы. Питерс все мне подробно рассказал, только тогда я решился принять вас. — Он продолжал таращить глаза, как будто одним лишь усилием воли мог преодолеть катаракту. — Но в дальнейшем мы будем придерживаться версии «Майк Секстон». Теперь обговорим условия.

Я сидел близко от него и чувствовал запах. Запах был не из приятных. Странно, что вся комната не провоняла. Наверное, обычно старик находился в другом помещении.

— Питерс не сказал, что вам нужно, сэр. Он просто потребовал вернуть старый долг — вот я и появился.

Я бросил взгляд на камин. Еще чуть-чуть — и здесь можно печь хлеб.

— Мне необходимо тепло, много тепла, мистер Гаррет. Прошу прощения за неудобства. Я постараюсь не задерживать вас долго. Я стал похож на ящерицу: кровь у меня холодная, совсем не греет.

Я покорно ждал продолжения и обильно потел.

— Питерс сказал, вы были хорошим морским пехотинцем. — Такая рекомендация много значила здесь. — Он ручается за вас — каким вы были тогда. Но люди меняются. Каким вы стали?

— Я был разбойником в подчинении у других разбойников, а стал свободным художником. Что вам и требуется, генерал, иначе бы вы меня не позвали.

Он издал звук, которому надлежало изображать смех.

— А я слышал, у вас острый язык, Гаррет. Но нетерпеливым приходится быть мне, не вам. Мне осталось так мало. Да. Питерс ручается за вас и сегодня. В определенных кругах о вас сложилась репутация человека надежного, но своенравного. Говорят, вы не лишены чувствительности. Это у нас никого не волнует. Говорят, вы имеете слабость к женскому полу. Полагаю, вы обратите на мою дочь больше внимания, чем она заслуживает. Говорят, вы склонны беспощадно осуждать пороки и грешки моего класса.

Может, он в курсе и как часто я меню белье? Зачем понадобился еще один сыщик? Он мог смело поручить все тому, кто составлял досье на меня.

Опять этот жалкий смех.

— Представляю, о чем вы думаете. Но мои сведения — лишь общеизвестные факты. Слава бежит впереди вас. — Гри-маса, в лучшие времена означавшая улыбку. — За годы работы вы добились прекрасных результатов. Но для этого вам пришлось стоптать не одну пару башмаков.

— Я простой парень, генерал. Стараюсь, как могу.

— Не думаю, что такой уж простой. Вы совсем не боитесь меня.

— Не боюсь.

Я не боялся его. Я встречал слишком много действительно страшных людей. Душа моя загрубела, закалилась в боях.

— Десять лет назад, наверное, боялись.

— Другие обстоятельства.

— В самом деле. Хорошо. Мне нужен человечек, который не будет бояться. Особенno меня: опасаюсь, что, выполнив поручение, вы скроете от меня правду, которую мне больно было бы услышать. Правду столь жестокую, что мне захочется прогнать вас взаимой. Вы не скроете ее?

Он сбил меня с толку.

— Я совсем запутался.

— Обычное состояние живого человека. Я имею в виду — когда я найду вас, если найду и если вы согласны взяться за эту работу, вы обязаны довести ее до конца. Не обращая внимания на то, что я стану говорить впоследствии. Я прослежу, чтоб вам заплатили сполна вперед, — и избавлю от искушения стараться ради денег.

— Я все же никак не пойму, в чем дело.

— Я горжусь тем, что способен посмотреть правде в лицо. Я хочу покончить с этим. У меня нет выбора, как бы ни было больно и неприятно. Понимаете?

— Да.

Я понял — он готов посмотреть правде в лицо. Но какой правде? Мы оба потратили массу времени, туманя друг другу мозги. Люди его класса на этом собаку съели, но генерал всегда имел репутацию человека, твердо стоявшего обсими ногами на земле. Не однажды он поступал по-своему, нарушал приказы, потому что они исходили из умозрительных представлений штаб-

ных крыс, державшихся по меньшей мере в двухстах милях от поля сражения. И каждый раз исход дела доказывал правоту Стэнтнора. Но у него было мало друзей.

— Прежде чем взять на себя какие-либо обязательства, я должен знать, чего вы хотите.

— В моем доме — вор, мистер Гаррет.

Генерал запнулся: спазма сжала его горло. Я подумал, что у него сердечный приступ, и бросился к двери.

— Подождите, — прокаркал он. — Это пройдет.

Я остановился на полпути между стулом и дверью, но через минуту спазма прошла. Я снова уснул.

— Вор в моем доме. Хотя здесь нет никого, кого бы я не знал тридцать лет, кому много раз не доверял свою жизнь.

Забавная ситуация: жизнь доверить можешь, а кошелек — нет.

Я начал понимать, зачем ему понадобился человек со стороны. Паршивая овца среди старых товарищей. Они прячут голову под крыло, отказываются видеть правду, или... Кто знает? Морские пехотинцы устроены не так, как все.

— Я слушаю. Продолжайте.

— Недуг свалил меня вскоре после возвращения домой. Вероятно, это чахотка. Болезнь развивается медленно. Я редко теперь выхожу из своих комнат. Но я заметил, что в течение прошедшего года кое-какие вещи, столетиями принадлежавшие нашей семье, постепенно пропадали. Никогда не исчезали крупные вещи, только блестящие безделушки, бросающиеся в глаза. Просто сувениры, ценные в основном как память. Но сумма набирается уже не маленькая.

— Ясно.

Я взглянул на огонь. Пора повернуться, а то с другого бока не прожарюсь как следует.

— Уделите мне еще несколько минут, мистер Гаррет.

— Конечно, сэр. В последнее время в доме были посторонние? Постоянные посетители?

— Немного. Люди с Холма. Не из тех, что промышляют мелкими кражами.

Я не стал говорить, но, по моему мнению, худшие из преступников как раз выходцы с Холма. Наши дворяне способны стащить медяки с глаз мертвеца. Но в одном генерал прав. Они не будут красть своими руками. Они найдут кого-нибудь.

— У вас есть список пропавших вещей?

— А нужно?

— Может пригодиться. Кто-то что-то ворует — он хочет продать это и получить деньги. Верно? Я знаю некоторых торговцев, оптовые поставщики которых — люди с нечистыми руками. Вы что хотите, вернуть украденное или поймать вора?

— Сначала последнее. Потом поговорим о возмещении убытков.

Внезапно как гром среди ясного неба его сразил новый приступ. Я чувствовал себя совершенно беспомощным, понятия не имея, как помочь старику. Скверное чувство.

Приступ прошел, но на этот раз генерал казался совсем ослабевшим.

— Придется кончить побыстрей, Гаррет. Мне надо отдохнуть, а то следующий припадок сведет меня в могилу. — Старик улыбнулся, и я увидел, что зубов у него не хватает. — Еще одна причина рассчитаться сразу. Мои наследники могут не счесть нужным заплатить вам.

Я хотел сказать что-нибудь ободряющее, типа «вы еще меня переживете», но слишком уж цинично обнадеживать человека в подобном состоянии. Иногда мне удается промолчать, правда, обычно не к месту.

— С удовольствием познакомился бы поближе, но природа берет свое. Я нанимаю вас, если вы согласны считать меня своим клиентом. Вы найдете вора? На моих условиях?

— Не отступать ни за что?

— Именно.

— Да, сэр. — Мне пришлось сделать над собой усилие. Я ведь в самом деле ленив. — Я берусь за ваше дело.

— Хорошо, хорошо. Деллвуд ждет за дверью. Скажите ему, мне нужен Питерс.

— Будет сделано, генерал.

Я поднялся и направился к двери. Даже в нынешнем состоянии старик сохранил частичку того обаяния, магнетизма, которые делали его образцовым командиром. Я не просто жалел его, я действительно хотел найти негодяя, который, по мнению Черного Пита, пытается убить старика.

3

В коридоре было холодно, как холодной зимой в Арктике. Черт возьми, еще отморозишь что-нибудь.

Генерал не ошибся насчет Деллвуда. Он был на месте, ждал, причем точно как приказал хозяин, на почтительном расстоянии, чтоб ничего из разговора не слышать. Хотя вряд ли через эту дверь можно было расслышать даже взрыв. Деллвуд — парень, в общем, ничего, решил я, хоть спина у него чересчур прямая.

— Генерал просит Питерса.

— Хорошо, сэр. Я, пожалуй, прежде всего выполню его указание. Вы не могли бы вернуться вниз и подождать у фонтана?

— Конечно. Но идите быстрей. Что с ним такос? При мне у него было два сильных приступа.

Деллвуд переменился в лице, уставился на меня и словно окаменел. Очевидно, он любил этого старика и сейчас был очень встревожен.

— Очень нехорошие приступы, сэр?

— Мне так показалось. Но я не врач. Он сократил нашу встречу: испугался, что еще одного припадка ему не вынести.

— Лучше я сначала проведаю его, остальное подождет.

— Что с ним такое? — снова спросил я.

— Не знаю, сэр. Мы пробовали приглашать врачей, но он, едва узнав, кто это, прогонял их. У генерала патологический страх перед медиками. Но из их слов я понял, что от врачей толку чуть. Они ничего не делают, только в затылках скребут.

— А ты ведь умеешь разговаривать, Деллвуд, у тебя неплохо получается. Приятное открытие.

— Генерал принял вас на борт, сэр. Вы теперь один из домочадцев.

Конструктивный подход редко встречается: в основном люди или врут почем зря, или совсем отказываются говорить.

— Хотелось бы потолковать с тобой, когда выдастся свободная минутка.

— Да, сэр.

Он зашел к генералу, а я отправился отыскивать фонтан. Это было нетрудно. После исчезновения Секстона я стал одним из ротных разведчиков и много тренировался. Питерс не уставал твердить, как много средств вложило в меня государство.

Сумку я оставил у фонтана, чтоб зря не таскаться с ней. Я подумал, что в этом царстве мертвых с ней ничего не случится. И ошибся. Подойдя к безумной милитаристской скульптуре, я увидел, что некто уже вовсю роется в моих вещах.

Она стояла ко мне чрезвычайно аппетитным задом. Высокая, стройная девушка. Брюнетка в желтовато-коричневом плаще-рубашке, стилизованном под крестьянское. Крестьянину не заработать на такое и за пять лет. Незнакомка копалась в сумке, и задок ее соблазнительно колыхался. Похоже, она только начала.

Я подкрался незаметно, как опытный разведчик, остановился шагах в четырех, одобрительно кивнул ее заднице и спросил:

— Нашли что-нибудь интересное?

Она быстро обернулась.

Я вздрогнул. Лицо — копия того, что я видел раньше, но на этот раз робости в нем не было ни капли. Более жесткое, мирское. В том, другом, кроме застенчивости, мне почудилась монашеская отрешенность.

Глаза незнакомки сверкнули.

— Кто вы? — Ни тени смущения. Мне нравится, когда кое в чем не раскаиваются, но не в том же, что рылись в моих пожитках.

— Секстон. Кто вы? Зачем залезли в чужую сумку?

— Не тяжело таскать с собой такой арсенал?

— Он нужен мне для работы. Я ответил на два вопроса.

Теперь ваша очередь.

Девица осмотрела меня с головы до ног, приподняла бровь, как бы сомневаясь, довольна ли увиденным. Задела меня за живое! Затем фыркнула и ушла. Я, конечно, не Аполлон, но к подобному обращению не привык. Видимо, это было частью ее плана.

Я смотрел вслед красотке. Двигалась она красиво, сознавала, что за ней наблюдают, и немного кокетничала своей походкой. Она скрылась под балконом в западном крыле особняка.

— Странные существа здесь обитают, — пробормотал я.

Я проверил сумку. Она перевернула все вверх дном, но ничего не пропало. Я вовремя спугнул ее, она не успела добраться до внутреннего кармашка с бутылками. Я дважды проверил его.

Там было три бутылочки: ярко-синяя, изумрудно-зеленая, рубиново-красная. Каждая весом около двух унций. Я раздобыл их во время одного из прошлых расследований. Содержимое было приготовлено колдуном. В трудную минуту они могли здорово пригодиться. Но я надеялся, что применять их не придется.

Господи, во скольких передрягах пришлось побывать! Я однажды столько не сносил, а одежду-то хоть постирать можно.

В ожидании Деллвуда я, осторожно ступая, обошел холл. Все равно что музей в одиночку осматривать. Детали обстановки ничего для меня не значили. Несомненно, каждая из них имела богатую историю, но я не из тех, кто интересуется историей из чистой любознательности.

Деллвуд медлил. Через полчаса я уже пялился на старинный горн и раздумывал: что, если дунуть в него пару раз? Потом на глаза мне опять попалась блондинка. Она разглядывала меня издалека. Я помахал ей. Старик Гаррет ведь дружелюбный и общительный парнишка.

Она тут же пропала. Ну точно мышка.

Наконец появился Деллвуд.

— С генералом все в порядке? — спросил я.

— Он отдыхает, сэр. Все будет хорошо. — Голос его звучал не слишком уверенно. — Сержант Питерс сделает, что вы просили. — Теперь в голосе его слышалось недоумение. — Позвольте полюбопытствовать, сэр. Что вы делаете здесь?

— Генерал послал за мной.

Он с минуту смотрел на меня, потом сказал:

— Пойдемте со мной, я покажу вам комнату.

Мы отправились в восточное крыло здания, вскарабкались на четвертый этаж. Я опять запыхался. Деллвуд решил зайти с другой стороны:

— Вы к нам надолго?

— Не знаю.

Надеюсь, что нет. Дом Стэнтнора успел надоест мне: слишком уж он напоминал склеп. Рядом умирал владелец. Когда умирает хозяин, кажется, что дом умирает вместе с ним.

Деллвуд открыл дверь.

— Что вы намерены делать после смерти генерала? — спросил я.

— Я не заглядываю так далеко вперед. Не думаю, что он скоро умрет. Он справится. Все его предки доживали до восьми-девяноста лет.

Деллвуд успокаивал себя. Он понимал, что будущего у него нет. В мире не так много места для профессиональных вояк, отдавших армии лучшие годы.

Поразительно, неужели кто-то в доме хочет, чтобы Стэнтнор сыграл в ящик раньше времени? Нет, подозрения Черного Пита нелогичны, неправдоподобны. Но когда дело доходит до убийства — тут уж не до логики.

Не следует торопиться с выводами. Сперва надо поразведать, поразнюхать, просто послушать.

— Как насчет еды, Деллвуд? Экипировки для парадных обедов я не захватил.

— С тех пор как генерал заболел, мы не одеваемся к обеду. Завтрак в шесть, ленч в одиннадцать, в кухне. Обед в пять в столовой, но без формальностей. Гости и слуги обедают вместе. Вас это не смущает?

— Нет, я демократ, сторонник равноправия. Ленч я пропустил?

С таким расписанием мне придется туго. В шесть утра я иногда и спать-то не ложусь. Не люблю утро за то, что оно начинается слишком рано.

— Что-нибудь придумаем, сэр. Я скажу кухарке, что у нас новый гость.

— Спасибо. Я устроюсь, а потом спущусь вниз.

— Отлично, сэр. Если что не в порядке, скажите. Я постараюсь исправить.

— Не сомневаюсь.

— Конечно. Спасибо.

Деллвуд зашагал прочь. Я проводил его глазами и закрыл дверь.

4

Вряд ли потребуются исправления: порядки у них, насколько я успел заметить, строгие. Делавуд ввел меня в покой, размсром превосходящие первый этаж моего дома. Я очутился в комнате с панелями из розового дерева и потолочными балками из красного. Полки во всю стену, набитые книгами. Мебели столько, что хватит разместить взвод. Обеденный стол на четыре персоны. Письменный стол, стулья. Окна из простого и цветного стекла, выходящие, увы, на север. Ковер. Какая-нибудь почтенная леди лет двести назад ткала его последние двадцать лет своей жизни. Ламп хватило бы на весь мой дом. Люстра — с массой светильников, впрочем, сейчас потушенных.

Вот как живут богачи. Двойная дверь вела в большую комнату. Спальня? Да, попал в точку.

По обстановке она не уступала первому помещению. Такой мягкой и широченной кровати мне раньше видеть не доводилось.

Я огляделся в поисках укромных местечек. Кое-что из всщей припрятал хорошенько, кое-что оставил на виду, а кое-что ни так ни сяк: можно заметить, а можно и прозевать. Самое важное я оставил при себе. Теперь лучше отправиться на кухню, пока меня не раздумали кормить. Подкрепившись как следует, я отправлюсь на разведку, и ничто не укроется от моего зоркого глаза.

В лучшие времена в кухне работало не меньше дюжины слуг, пекарей, кондитеров и так далес, трудившихся сутки напролет. Но сейчас всех их заменила одна женщина, весьма древняя на вид. Она мало напоминала человеческое существо. Наверное, наполовину тролль.

Морщинистая, высохшая, сгорбленная, она все же была на добрых два фута выше меня и килограммов на пятьдесят тяже-

лее. Невзирая на солидный возраст, у нее достало бы сил перебросить меня через голову, если бы я не сопротивлялся.

— Новенький? — проворчала она, увидев меня.

— Именно. Секстон. Майк Секстон.

— Ты опоздал. Чтоб этого больше не повторялось, юноша.

Садись. — Она показала пальцем, куда.

Я не стал спорить и уселся за стол, на три четверти заваленный глянцкой посудой и прочей утварью.

Бах! Она с грохотом поставила передо мной тарелку.

— Вы тоже служили вместе с генералом?

— Не умничай. Хочешь лопать? Лопай. Нечего комедию ломать.

— Ладно. Просто беседу поддерживаю.

Я посмотрел в тарелку. Рис был залит густым соусом, изготовленным из кусочков не опознанных мною продуктов. Я взялся за еду с опаской — как в единственном в городе общедоступном вегетарианском ресторане моего дружка Морли.

— Если мне захочется поговорить, я попрошу об этом. Разуй глаза. Разве похоже, что у меня есть время чесать языком? Кенди дали пинка под зад и все свалили на меня. Я не перестаю твердить старому упрямому придурку, что мне нужен помощник. Думаешь, он слушает? Как же, держи карман! Рад-радешенск, что выгадал две монеты в неделю.

Я попробовал немножко оттуда, немножко отсюда. Там были моллюски, и грибы, и еще пара штук не разобрал каких именно, но все было отменно вкусно.

— Вкуснотища, — похвалил я.

— Где же ты обычно ешь? Это просто помои. Я ведь одна, у меня нет времени как следует присмотреть за всем.

Она швырнула в раковину несколько кастрюлек, подняв фонтан брызг.

— Я сдва успеваю приготовить жратву к следующей кор-
межке. А эти свиньи, ты думаешь, они замечают разницу? Да
подай я кашу из опилок, стрескают — и вся недолга.

Может быть. Но мне уже давно готовил старина Дин, и я
был способен отличить хорошую готовку от плохой.

— Скольких вы кормите?

— Восемнадцать. Проклятая орава. Но тебе-то что до моих
забот, мистер Девятнадцать? Боишься оказаться последней кап-
лей, той соломинкой, что свалила всрблюда?

— Так много? Это место похоже на замок с привидениями.
Я видел генерала, Деллвуда, вас, старичка-истопника в гене-
ральском кабинете...

— Кид.

— И двух женщин. Где остальные? На маневрах?

— Умничаешь? Где ты видел двух женщин? Неужели гаде-
ныш Хэркорт опять притащил сюда свою шлюшку? Черт возьми.
Надеюсь, так оно и есть. Ей-богу, надеюсь. Старик отправит его
на черные работы по крайней мере на год. Пора вычистить эту
выгребную яму. А что, кстати, здесь делаешь ты? Новеньких у
нас не появлялось уже года два. И порядочных гостей не было
полтора года, только воображалы с Холма — носы задерут,
словно они и срут не как простые люди.

Ух!

— По правде сказать, мисс... — Она проигнорировала на-
мек. — По правде сказать, я еще не определился. Генерал по-
слал за мной, сказал, что хотел бы меня нанять. Но он не успел:
начался приступ...

Она сразу как-то обмякла. От ее нелюбезности не осталось
и следа.

— Серьезный приступ? Наверное, мне лучше пойти посмотреть.

— Деллвуд позабочился о старике. Сказал, что ему просто
нужно отдохнуть. Он перевозбудился. Вы начали о Хэркорте.
Он имеет обыкновение приводить в дом своих подружек?

— Нет. Последние два года нет. Какого черта ты спрашивашь? Не твое собачье дело, чем мы занимаемся и с кем. — Она вдруг застыла как вкопанная, потом отошла от мойки, обернулась и одарила меня весьма недружелюбным взглядом. — Или это-то и есть твое дело?

Я постарался увильнуть от отвста, вручив ей пустую тарелку.

— Нельзя ли еще чуть-чуть? В животе как раз осталось немножко свободного места.

— Так вот чем ты занимаешься! У старика новая фантазия. Думает, что кто-то хочет с ним разделаться. Или ограбить. — Она покачала головой. — Ты зря тратишь время. А может, и нет. Какая разница, за что получать денежку? Черт возьми. Наверное, для тебя даже лучше, если ничего найти не удастся. Ты и сам ограбишь его не хуже всякого другого. Пока блажь у старика не пройдет, можно доить его сколько душе угодно.

Я был смущен, но скрыл это.

— В доме завелся вор?

— Никто его не грабит. У старика нет ни шиша, не считая этого проклятого каменного сарая. А он, дьявол его возьми, слишком велик, его не утащишь. Однако, если б кто и грабил его, тебе бы я ни слова не сказала. Ни слова чужаку. Я никогда не разговариваю с пришлыми. Свора жуликов — и ничего больше.

— Достойно похвалы.

Я призывающе подвигал тарелку по столу.

— Я мою посуду, у меня руки мокрые до локтей, а у тебя с ногами все нормально. Возьми сам.

— С удовольствием, но я не знаю, где.

Она раздраженно фыркнула, но все же соблаговолила сделать скидку на мою неопытность.

— На плите, черт возьми. Рис в металлической кастрюле, тушеное мясо в чугунке. Я беспокоюсь о старике. Эти его причу-

ды... Чем дальше, тем хуже. Это болезнь на него действует. Совсем тронулся. Впрочем, ему всегда всюду чудились происки врагов.

Ни слова чужаку. Классная тетка.

— Разве никто не может обокрасть его на самом деле?³
Бывает, и параноики оказываются правы.

— А кто?³ Вот что вы мне скажите, мистер Любопытный Нос. Все в этом проклятом домище готовы сразиться за него с целой стаей драконов. Да ребята рады бы помереть вместо него.

Доказательств пока нет, но люди часто идут на весьма странные сделки со своей совестью. Я без труда мог представить, что человек, готовый умереть за генерала, в равной степени готов и обокрасть его. Найдется масса смягчающих обстоятельств, легко убедить себя, что кража абсолютно необходима.

Итак, кухарка раскусила меня за пятнадцать минут. Эдак и дня не пройдет, она разболтает остальным.

— Домовые вас никогда не беспокоили?

Окрестности Танфера периодически страдали от их нашествий, как от термитов и мышей. Эта мелюзга любит безделушки и напрочь лишена уважения к частной собственности.

— Есть немножко. Я их приспособливаю к делу.

Да, это в ее духе.

— Деллвуд намекал, что у генерала предубеждение против докторов. А ему не мешало бы полечиться.

— Его не уломаешь. Упрямства в нем на десятерых. Когда миссис умерла, он твердо решил, что никогда не подпустит к себе ни одного докторишку. Он от своего решения не отступал и не отступит.

Гм. Она не станет говорить с чужаком. Ни за что!

— Видишь ли, он любил эту девочку, мисс Тиффани. Что за прелестное дитя она была! Она разбила наши сердца. Над

ним смеялись — ведь она была гораздо моложе... Генерал был ее рабом, он, который раньше никого не любил. Потом появилась мисс Дженифер. Роды были такими долгими. Он не мог ждать и смотреть на ее мучения. Он привез из города врачей. И когда мисс Дженифер наконец родилась, один проклятый придурак перепутал лекарства. Думали, он дает ей снотворное. Ужасная ошибка и, главное, глупая.

— Она истекла кровью?

— Да. Может статься, миссис была обречена. Она была болезненным, бледненьким созданием, но генерала вам ни в жизнь не переубедить.

Ошибки, за которые человек поплатился жизнью, трудно понять и простить. Но они случаются. Нам, смертным, приходится мириться с тем, что врачи тоже люди. А значит, они совершают ошибки, как все люди. Это неизбежно. Но когда ошибаются врачи, люди умирают. Мне-то нетрудно и понять, и простить: я не знал и не любил жену генерала.

— После ее смерти вся жизнь генерала пошла наперекосяк. Он уехал в Кантард вымешивать свое горе на Венагете. — Когда ошибаются генералы, страдает еще больше людей. — А ты, парень, видно, расположился тут на весь день. Давай-ка лучше засучивай рукава и принимайся за мойку. Нам трутни не нужны.

Она, безусловно, ценный источник информации, но не до такой же степени.

— Может, позже. Если другой работы в самом деле не окажется, я наймусь судомойкой.

Она фыркнула.

— Ловко я придумала, как от тебя отделаться. Не родился еще на свет мужик, у которого достанет храбрости добровольно подступиться к горе грязной посуды.

— Ленч великолепный. Спасибо, мисс...

Не сработало и на этот раз.

5

Фонтан — удобная отправная точка. Я уселся на ограду, пересваривая сообщения поварихи. Видно, не миновать мне мытья посуды: нет другого способа выудить из этой мрачной и чудовищно молчаливой старухи все, что мне необходимо.

Вдруг у меня возникло неприятное, жутковатое ощущение, знаете, как бывает, когда почувствуешь, что кто-то тайком наблюдает за тобой? Я оглянулся — словно случайно.

Снова она, блондинка. Осмелела, спустилась ко мне на первый этаж и молнией пронеслась по темному коридору. Я притворился, что ничего не замечаю, подождал минуту, встал, потянулся и двинулся в ее сторону, по-прежнему притворяясь, что ни о чем не подозреваю. Она метнулась, как испуганная птица. Я бросился за ней, позвал: «Дженнифер!» Она скрылась между колоннами... Куда она подевалась, недоумевал я. Но белокурой незнакомки и след пропытал.

Чертовщина какая-то.

— Эй, Майк! Чем ты тут занят?

Я подскочил.

— Питерс. Не подкрадывайтесь. Я и без того начинаю верить в привидения. Есть здесь кто живой?

— Кто? Все на работе, — удивился Питерс.

А ведь верно. Такое громадное здание, да еще земли вокруг, немудрено целую армию потерять, не то что восемнадцать человек.

— Но хоть кто-нибудь...

— Временами тебе будет одиноко. — Он улыбнулся. Второй раз за два дня. Рекорд. — Я подумал, ты захочешь пройтись по поместью.

— Я найду дорогу. В морской пехоте я был разведчиком.

Улыбка увяла. Черный Пит смотрел на меня, как в былые времена: будто я недостаточно смышен, чтоб самостоятельно

зашнуровать ботинки. Он резко указал рукой в северный конец холла, на дверь в стене с мозаикой из цветного стекла, изображавшей пятьдесят свирепых вояк.

Эге. У мамочки Гаррет дебилы не рождались. Я смекнул, в чем дело.

— Я, пожалуй, не пропустил прогулку. Вы растолкуете мне, где что.

Он слегка расслабился, браво развернулся на сто восемьдесят градусов и зашагал. Я за ним — ать-два левой. А ведь никакой ностальгии по паршивым старым временам я не испытывал.

Питерс не проронил ни слова, пока мы не отошли достаточно далеко от дома и не миновали сад позади него, в котором могли укрыться соглядатаи.

— Ты видел старика. Что думаешь?

— Он в плохой форме.

— Ты знаешь яды, которые могли оказать подобное действие?

— Нет, — честно ответил я. — Нужен специалист. Я знаю парня, который разбирается в таких вещах, но он должен осмотреть генерала.

Морли Дотс знает все на свете, может, потому что он полу-кровка и эльфийской крови в нем больше, чем человеческой.

— Не получится. Довольно одного чужака, чтоб все здесь на рогах стояли.

— Ну да.

Настоящий растревоженный улей. До сих пор нам не попалось ни единого живого существа.

— Когда хочешь знать наверняка, спрашиваешь у того, кто в этом разбирается.

— Я попытаюсь.

— Теперь о ворах. Это правда? Повариха считает, что генерал выдумывает.

— Нет. Она так считает. Когда-то, мы только переехали сюда, у него действительно случались заскоки. Но она так редко выходит из кухни, что у нее у самой ум за разум заходит. Она даже не знает, какой год на дворе.

— Она пыталась запрячь меня в работу.

— С нее станется. О боги! Я помню твою стяпню.

— А я помню, что мне приходилось готовить. Крысы с кореньями, а на гарнир жуки.

Он проворчал что-то и снова почти улыбнулся.

— Неужели у вас могли сохраниться нежные воспоминания о тех днях?

— Нет, Гаррет. Я не настолько ненормален, хоть и профи. Я не скучаю по войне. — Он вздрогнул.

— А? В чем дело?

— Тревожные слухи ходят. Говорят, готовится поход против Слави Дуралейника и могут призвать ветеранов.

Я засмеялся.

— Что тут, черт побери, смешного?

— Давненько не слышал такой славной шутки. Вы представляете, скольких загребут? Всех мужчин старше двадцати пяти. И вы думаете, они пойдут, как овечки на заклание? Хоть один из них? Да если объявят такой призыв, будет революция.

— Может быть. Ты думаешь, его действительно хотят отправить?

— Допускаю.

— Я ничего не знаю о ядах. Каким образом его могут давать старику?

Я не специалист. Но из профессионального интереса всегда держу ушки на макушке, когда речь заходит о подобных вещах.

— В еде, в питье. Могут рассыпать по постели, чтобы яд проникал через кожу. Он может быть даже в воздухе. Пока мы будем доискиваться «как» — он в ящик сыграет. Надо выяснить «что». Поговорим о людях. Кто имеет доступ к генералу?

— Все, так или иначе.

— Пошли дальше. Кому это выгодно? Если есть убийца, значит, есть и причина. Верно?

— Очевидно, убийца уверен, что делает это не зря, — проворчал Питерс. — Я пытался обмозговать это с самого начала, но ни к чему не пришел.

Ничего страшного.

— Сколько стоит поместье? К кому оно переходит?

— Бессмыслица. Дженинфер получает половину. Другая половина будет поделена между нами.

— Назовите примерную цену в золоте. А потом спросите себя, на что готовы пойти некоторые ваши знакомые за малую толику этой суммы.

Он пожал плечами.

— Миллиона три за дом. Миллион за обстановку. Два-три миллиона за землю. В прошлом году за два северных участка генералу предлагали три миллиона. Он чуть было не соблазнился: проблемы с наличными, а старик не хочет, чтоб Дженинфер в чем-нибудь нуждалась.

— Три миллиона только за часть имения?

— Кому-то понадобилась земля поблизости от города. Но старик колебался, и сделка не состоялась. Они купили участок подешевле у одного типа с Холма.

— Обошлось без обид?

— Обошлось, насколько мне известно.

У меня возникла рабочая гипотеза. Каждый из наследников получит около ста тысяч марок. Я знал парней, которые за такие деньги перережут сто тысяч глоток. Стоит предположить, что кому-то не терпится получить свою долю — и мотив налицо.

— Все знают о завещании?

— Конечно. Старик много раз говорил о нем. Говорил и о том, что деньги получат лишь те, кто будет добросовестно трудиться.

Ха!

— Кухарка упоминала некоего Кенди.

— Не он. Он давно ушел. У него вовсе не было шансов. Он даже не человек. И, само собой, генерал не включал его в завещание. Он не из тех, кого старик привез с собой. Он из компашки, заправлявшей поместьем, пока мы были в Кантарде.

— Опа упоминала также Хэркорт, который доставал всех со своими девчонками.

— Хэркорт? — Питерс нахмурился. — Полагаю, он съел по горло нашими, как он любил выражаться, дермовыми правилами. Он слиньял около шести месяцев назад. Старик вычеркнул его. Хэркорт наверняка знает об этом. Ему ничего не светит. Кроме того, он не сможет возвратиться незамеченным.

— Давайте вернемся назад и посмотрим на дело с другой стороны.

— С какой?

— На чем я должен основываться? На ваших предчувствиях. Но я задаю вопросы, а в ответ каждый раз слышу «нет, только не он». Как будто никому и в голову не придет пришить старичка, нет, нет, смешно подумать. И пользы никому от этого не будет — все подозрительные личности вычеркнуты из завещания. Не за что ухватиться.

— Ты к чему клонишь?

— Я думаю, генерал просто умирает от рака желудка. Вам нужен не я, а хороший врач.

Он помолчал несколько минут. Я тоже молчал. Мы спокойно прогуливались. Он — погрузившись в тяжелые раздумья, я — глазея по сторонам. Наверное, летом на полях кто-то работал. Сейчас же не было никого. Я взглянул на небо. Оно все сильнее затягивалось свинцовыми тучами. Зима вновь вступала в свои права.

— Я пытался, Гаррет, месяца два назад. Кто-то донес старику. Доктор никогда не ступит на порог этого дома.

По его тону я понял, он знает, кто. Я спросил. Он не хотел говорить.

— Кто, сержант? Нам не приходится выбирать, кого подозревать, кого нет.

— Дженнифер участвовала в заговоре, но сплоховала. Она странная девушка. Ее главная цель — добиться любви и утвердиться в жизни. А старик не знает, как ей помочь. Он побаивается ее. Дженни выросла без него. Не важно, что с виду она очень похожа на мать. Ее мать умерла.

— Кухарка мне рассказала.

— Еще бы. Старая карга знает все и выкладывает любому, кто готов слушать. Пересажай в кухню, скорей войдешь в курс дела.

Мы прошли еще немного, теперь в южном направлении, вокруг дома.

— Нелепая ситуация, — заговорил Питерс. — Чем глубже ты будешь залезать в наши дела, тем большая путаница будет у тебя в голове. У старика много близких. Ему часто мерещилось, что его хотят погубить, а никто ничего подобного и в мыслях не держал. Чертовщина какая-то: теперь, пока убийца у всех на глазах не воткнет в генерала нож, никто не поверит, что его жизнь в опасности.

Я хмыкнул. Был у меня приятель, Шнырь Пиготта, тоже детектив. Теперь он уже умер. Однажды ему попался похожий случай. Чокнутая старушонка с кучей денег все время носилась с воображаемыми болезнями, отбивалась от воображаемых врагов. Шнырь и ухом не вел. В один прекрасный день сынок пришел ее. Пиготта не переставал казнить себя до последнего вздоха.

— Я не буду торопиться с выводами.

— Только об этом я и прошу. Не зацикливайся ни на чем.

— Конечно. Но, если хотите быстрей получить результаты, лучше пригласить специалистов.

— Я же сказал, попытаюсь. Но не трать время, не жди. Нелегко было пригласить и тебя.

Мы продолжали кружить по поместью. Прошли мимо кладбища.

— Фамильное? — спросил я.

— Триста лет.

Я взглянул на дом. Он мрачно нависал над нами.

— Не похоже, что он такой старый.

— Он не старый. Было другое здание. Осмотря служебные постройки за домом. Старый дом разобрали, а материал пошел на хозяйствственные помещения.

Надо осмотреть их хотя бы бегло. Надо изучить все вдоль и поперек. Не оставить не перевернутым ни одного камня. Но интуитивно я уже склонялся к тому, что разгадка, если существует загадка, внутри большого дома.

Питерс прочел мои мысли.

— Если я не прав и старик просто умирает от болезни, я хочу знать это точно. Ясно?

— Ясно.

— Я провел с тобой больше времени, чем рассчитывал. Мне пора вернуться к работе.

— Где я вас найду, если понадобится?

Он усмехнулся.

— Я как лошадиное дермо. Всюду. Лови где удастся. Такие же трудности у тебя будут со всеми нами. Особенно пока не кончится охотничий сезон: браконьеры покоя не дают. Кроме кухарки, никто не сидит на месте.

Мы повернули к дому, прошли через небольшой фруктовый сад с незнакомыми мне деревьями и белым летним домиком, поднялись по скату и по лестнице к парадному входу. Питерс вошел в дом, а я остановился и окинул взглядом владения Стэнтиора. Холодный ветер кусал щеки. Земля под затянутым тучами небом казалась бесцветной и унылой, как старое потускневшее олово. Как будто жизнь покидала ее вместе с владельцем.

На земле наступит весна. Но старик вряд ли увидит ее. Если я не найду отравителя.

6

Я вошел в главный холл и услышал затихающие шаги Черного Пита. Полутемный холл казался мрачным и заброшенным, как никогда. Я подошел к фонтану, оглядел еще раз возящегося с драконом героя. Что дальше? Осмотреть дом? Бrr. За ранее дрожь пробирает. Почему бы не покончить сперва со служебными постройками?

Я почувствовал на себе чей-то взгляд. По привычке обыскал все темные углы. Блондинки не было. Вообще нигде никого. Тогда я поднял глаза и заметил какое-то смутное движение на балконе третьего этажа, с восточной стороны. Соглядатай скрылся. Кто он? Один из многих, еще не виденных мною обитателей дома? Странно, почему они не показываются, рано или поздно я все равно со всеми встречусь.

Я вышел через черный ход на улицу.

Сразу за домом начинался английский сад, на который я раньше не обратил внимания: Питерс хотел отойти подальше, чтобы мы могли спокойно поговорить. Теперь я осмотрел его.

Там было много причудливых каменных сооружений — статуй, фонтанов с сухими бассейнами (зимой вода замерзает, и лед разломал бы стенки бассейна). А еще изгороди, фигурно постриженные деревья, клумбы для весенних и летних растений. В сезон сад, возможно, производил впечатление, но осенью и зимой казался запущенным и печальным.

Я остановился у изгороди с северной стороны сада и огляделся кругом. Великолепный сад, но великолепие его какое-то призрачное. Но совсем одинок я не был. По крайней мере один человек следил за мной из окна третьего этажа западного крыла.

Имей в виду, что бы ты ни делал, Гаррет, куда бы ты ни пошел, за тобой следят.

Шагов через пятьсот за забором начинался ряд тополей. Их посадили, чтобы замаскировать служебные постройки: низменная сторона жизни оскорбляла взор господ. Так поступают богачи, они не желают знать, что их комфорт оплачен потом работников.

С поддюжиной разных строений, в основном каменных, хотя это вовсе не тот камень, что пошел на постройку большого дома. Первое строение, очевидно, конюшня. Кто-то копошился внутри: я услышал стук молотка. Второе, судя по запаху, предназначено для скота. За остальными строениями, включая теплицу справа от меня, давно никто не следил. Слева находилось длинное, низкое здание, похожее на барак. Им тоже, наверное, не пользовались много лет. Я решил начать с теплицы.

Смотреть там оказалось практически нечего. На стекло угрохали массу денег, но так и не вставили. Несколько окон было разбито. Каркас, когда-то белый, нуждался в краске. Покосившаяся дверь осела, я с трудом приоткрыл ее и проник внутрь.

Никто не заходил сюда много месяцев. Все заросло сорняками. Единственным обитателем оказалась вороватая, одичавшая рыжая кошка. Завидев меня, она дала стрекача.

Небольшая, основательная постройка слева, наоборот, носила следы многочисленных посещений. Выяснилось, что это колодец. Такой domina требует много воды, но я думал, она поступает по трубам, из резервуара.

Следующей была конюшня, ее я пропустил. С работающим там человеском поговорю потом, после разведки. Дальше — сарай поменьше, набитый всякими рабочими инструментами и сельскохозяйственными орудиями, с виду в плохом состоянии. Там жила другая кошка, много мышей, а летучих мышей, судя по запаху, целый батальон. Летучие мыши — самые вонючие твари на земле.

Коровник? Да, я не ошибся. Внизу скот — мясной и молочный; наверху — сено, солома, корма. Никого вокруг, кроме

коров и еще нескольких кошек. По-видимому, были и совы, потому что летучими мышами не воняло. Хлев нуждался в ремонте. Коровы при моем появлении не проявили ровно никаких чувств, даже любопытства.

День клонился к вечеру, смеркалось. Лучше прервать осмотр. Скоро обед.

Здание, которое я про себя назвал бараком, вероятно, предназначалось для сезонных рабочих. Полмили в длину, пятнадцать дверей. За первой я обнаружил помещение, похожее на пыльную вместительную спальню. Следующая всла в меньшее помещение, разделенное на три комнаты — сразу с порога вход в большую, за ней еще две маленьких. Еще несколько дверей вели в такие же помещения, должно быть, в них жили семейные рабочие. Непонятно назначение пустого, неиспользуемого пространства между квартирками.

В дальнем конце барака я обнаружил кухню размером со спальню. Вход в нее был с противоположной стороны здания. Взглянув на его фасад, я увидел и другие двери, что объясняло минимум потерю площади. Просто часть квартир выходила на другую сторону. Кухня, темная, без окон, и в лучшие времена могла вызвать уныние. Дверь я подпер и оставил приоткрытой, чтобы свет проникал внутрь.

Ничего интересного. Пыль, паутина и кухонная утварь, которой не пользовались много лет. Еще одно заброшенное место. Странно, что все не растащили. Чего-чего, а воришек в Танферсе хватает, а утварь имеет определенную рыночную стоимость. Нескрытая золотая жила?

Дверь со стуком захлопнулась.

— Проклятый ветер, — пробормотал я и стал бочком пребираться в темноте, вспоминая, что находится между мной и выходом.

Кто-то задвинул заржавленный засов.

Это не ветер. Это человек, и человек, враждебно настроенный.

Положение неважнецкое, Гаррет. Поблизости ни у кого никаких дел нет. Толстые каменные стены. Я могу хоть обкричаться, никто не услышит. Дверь — единственный выход и источник света.

Я нашел ее, ощупал, легонько толкнул и фыркнул. А потом разбежался на несколько шагов и изо всех сил ударил в нес ногой.

Засов отскочил от сухого старого дерева. Я вырвался наружу с ножом наготове — и никого не увидел. Добежал до конца барака — все равно никого.

Проклятие! Я прислонился к стене. Что-то тут нечисто, даже если это не то, о чем думает Черный Пит.

Отдышавшись, я вернулся к кухонной двери и поискав следы. Кое-что заметил, но в сумерках как следует не разобраться.

Ладно. Ничего не поделешь. Отправлюсь обедать и посмотрю, кого удивит мое появление.

7

Я опоздал: следовало бы заранее изучить дом. Я не знал, где едят, и отправился в кухню. Подождал, пока кухарка обратит на меня внимание. Она одарила меня убийственным взглядом.

— Ты чего сюда приселся?

— Жду, хочу выяснить, где мы едим.

— Болван. — Она подняла тяжеленную кастрюлю. — Бери и пошли.

Я повиновался. Мы протиснулись через покосившуюся дверь в просторную кладовую, прошли ее насквозь и вышли через такие же шатающиеся двери.

Столовая как столовая. В ней спокойно можно принять сотни три ближайших друзей. Большая часть помещения была по-

груженна в темноту. Все сидели за одним из угловых столов. Укращения, как и во всем доме, доспехи, шпаги...

— Туда, — указала кухарка.

Нетрудно было догадаться, что она имеет в виду пустующее место. Я поставил кастрюлю на стол и уселся.

Народу было немного. Дженнифер, Питерс, брюнетка, которую я утром поймал на месте преступления у своей сумки, плюс три парня, с которыми я раньше не встречался, и кухарка, устроившаяся напротив меня. Генерала, видимо, не ждали.

Девушка и незнакомые парни рассматривали меня. Сплошь морские пехотинцы в отставке, чего и следовало ожидать. Девушка выглядела отлично. Она персоделась в весьма соблазнительный наряд.

Гаррет, ты попался... Нет, авось пронесет. Было в ней что-то неприятное. Она излучала готовность, призыв, а хотелось отвернуться, отступить. Точно, есть в ней нечто опасное, недобро, чувствуется раздвоенное копытце.

Как Морли учит? Ни в коем случае не связывайся с ненормальными бабами, у тебя и без того с головкой неладно. Взрослею помаленьку, не иначе. Конечно, в один прекрасный день и свинья может взвиться в облака. Но перерести это свое качество я планировал не раньше чем годков через шестьсот.

— Майк Секстон, — представил меня Питерс. — Он был со мной на островах десять лет назад. Майк, это наша кухарка. — Он указал на троллеобразную старуху.

— Мы уже знакомы.

— Мисс Дженнифер, дочь генерала.

— С ней я тоже встречался. — Я поднялся и через стол протянул девушке руку. — Раньше случая не представилось. Обе ваши ручки были в моей сумке.

Кухарка хихикнула, а Дженнифер посмотрела на меня так, будто прикидывала, в каком виде я вкуснее — в печеном или жареном.

— Деллууда ты знаешь. Следующий за ним Каттер Хокес.

Хокес сидел слишком далеко, я не мог обменяться с ним рукопожатиями и просто кивнул. Он кивнул в ответ. Хокес был тощим субъектом с тяжелым взглядом серых глаз и впавыми щеками, лет пятидесяти пяти, несговорчивый на вид. Он походил скорее на сбившегося с пути попа, чем на старого служаку. Смешливый, должно быть, парень. И юморной — как булыжник.

— Арт Чейн.

У Чейна были разбойничьи, черные, начинающие седеть усиши, немногого волос на макушке и килограммов десять лишнего весу. Глазки тоже черненькие. Еще один тип с аллергией на смех. Он вообще не соизволил поздороваться. От счастья лицезреть меня он лишился речи.

— Фрэйдель Кид.

Кид был старше генерала, ему перевалило за семьдесят. Тощий, вялый, один глаз стеклянный, да и второй не сильно хорош, взгляд у него поэтому был несколько неопределенный. Но зато он не производил впечатление человека, положившего жизнь на то, чтобы, не дай Бог, не улыбнуться. И сейчас, когда Питерс назвал его имя, он улыбнулся. Это был тот самый человек, который при мне растапливал камин в покоях генерала.

— Рад познакомиться, мистер Секстон.

— Взаимно, мистер Кид.

Видите? Я могу вести себя по-джентльменски. Слухи, что Гаррет, мол, неотесанный грубиян, — клевета завистников, не более.

Дженифер не дала мне приняться за еду.

— Что вы здесь делаете?

— Генерал послал за мной.

Все интересовались моей особой. Приятно иногда оказаться в центре внимания. Покойника пока в печку не засунешь, он и ухом не поведет.

— Зачем?

— Спросите его. Он сам вам скажет, если захочет.

Дженни прикусила язычок. Глаза ее метали молнии. Интересные это были глаза — голодные, кошачьи, наверное, она могла видеть в темноте. В полумраке столовой я не разобрал, зеленые они или нет. Неопределенный, странный цвет, единственный в своем роде. Чертовски красивые глазки, но совсем не манящие.

— Чем же вы занимаетесь? — спросил старик Кид.

— Гм. Меня можно назвать дипломатом.

— Дипломатом?

Всеобщее изумление.

— Именно. Я привожу в порядок дела, заставляю людей изменить свое мнение, я вроде армии, но в миниатюре. Частные услуги.

Питерс предостерегающе взглянул на меня.

— Не меньше вашего, ребята, люблю хорошую беседу, — сказал я. — Но я проголодался, а вы все скопом на меня навалились. Разрешите отвлечься?

Они странно посмотрели на меня. Кухарка удивилась больше других: может, она думала, что ошиблась на мой счет.

— Где остальные, сержант? — спросил я, помешивая кочергой в камине.

Питерс нахмурился.

— Все тут. Кроме Тайлера и Уэйна. У них свободный вечер.

— Снэйк, — добавил Кид.

— Да, точно. Снэйк Брэддон. Но он никогда не заходит в дом. Черт возьми. Не слинял ли он совсем? В последнее время он мне не попадался. Кто-нибудь видел Снэйка?

Отрицательные поматывания головами.

— Позавчера он приходил за продовольствием, — сказала кухарка.

Не хотелось задавать сразу слишком много вопросов, поэтому я не стал выпытывать подробности о Снэйке Брэдоне. Поймаю Черного Пита одного и обо всем расспрошу.

— Все равно не сходится, — сказал я. — Я слышал, что, не считая меня, в доме восемнадцать человек.

Все, исключая кухарку, выглядели озадаченными.

— Здесь уже много лет не было столько народу, — сказал Чейн. — Мы, кухарка, Тайлер, Уэн и Снэйк пытаемся помешать этому сараю развалиться на части.

Я проглотил кусочек. Кушанье было столь же вкусное, как за ленчем, но еще более непонятное. Кухарка явно с любовью относилась к своему искусству.

Вскоре молчание стало угнетать меня. Они молчали не в честь моего бенефиса. Они и без меня такие же разговорчивые.

— А блондинка? Кто она?

Я загнал их в тупик.

— Какая блондинка? — спросил Питерс.

Я смотрел на него секунд десять. Черт его разберет, может, и правда не понимает.

— Лет двадцати, весьма примечательная. Высокая, как Дженифер, потоньше. Волосы почти белые, до пояса. Глаза, полагаю, синие. Робкая как мышка. Одета в белое. В течение дня я засек ее несколько раз, она за мной наблюдала. А, припоминаю. Деллвуд, я ведь при тебе ее видел. Ты сказал, что это Дженифер.

Деллвуд состроил недовольную гримасу.

— Да, сэр. Но я-то ее не видел и подумал, что это мисс Дженифер.

— Я сегодня не надевала белого, — сказала Дженифер. — Какое на ней было платье?

Я приложил все силы, чтобы описать его, и получилось не-плохо. Заслуга Покойника: он научил меня наблюдать и описывать увиденное.

— У меня нет ничего подобного. — Дженинфер безуспешно пыталась говорить скучающим, безразличным тоном.

Они переглянулись. Похоже, никто из них действительно не знал, кто такая блондинка.

— Кто сейчас ухаживает за генералом? — осведомился я. — Если все вы здесь?

— Он спит, сэр, — ответил Деллвуд. — После обеда мы с кухаркой разбудим и покормим его.

— С ним никого нет?

— Он не хочет, чтоб с ним нянчились.

— Ты задаешь чертовски много вопросов, — взорвался Чейн.

— Привычка. Работа такая. Есть в доме пиво? Не помешало бы на десерт.

— Генерал не одобряет выпивку, сэр, — просветил меня Деллвуд.

Неудивительно, что у них так весело. Я сурово взглянул на Питерса.

— Вы не предупредили меня.

Сержант схалтурил. Выполнит он свою работу как следует, он разузнал бы, что я жить не могу без пива. Питерс улыбнулся и подмигнул. Сукин сын.

— Неплохо приготовлено. Что бы это ни было. Помочь убрать со стола?

Все посмотрели на меня как на помешанного.

— Сам напросился — получай. — Кухарка поймала меня на слове. — Нагружайся, и за мной.

Я так и сделал, а когда вернулся за второй порцией, столовая уже опустела.

Надо выспросить у Питерса, как кухарка могла перепутать число обитателей дома.

8

После обсeda я побрел к себе, подошел к двери и порылся в карманах в поисках ключа от простенького замка, который мне оставил Деллвуд. Но дверь была приоткрыта. Так.

Я не удивился. Чему удивляться после проделок Дженинфер и штучек в бараке?

Я остановился. Идти вперед, как кавалерия? Или принять меры предосторожности? Излишняя осторожность не в моем стиле. Но она способствует продлению жизни. Кроме того, меня никто не видит.

Я опустился на колени и проверил замок. На старой медной пластинке вокруг замочной скважины — несколько свежих царапин. Замок этот был просто примитивной железякой, открыть его мог любой, обладающий мало-мальским терпением. Я нагнулся и посмотрел в замочную скважину.

Ничего. Темнота. А я оставил лампу зажженной. Ловушка?

Если ловушка, то подстроил ее тупица, тем более что дверь была не закрыта до конца. Старые вояки, конечно, не спецы-вэломищики, но вряд ли они допустили бы столь грубую ошибку. Но если это не ловушка, значит, просто обыск. Но тогда они не стали бы тушить лампу и выдавать себя.

«Дезинформация», — мелькнуло у меня в голове. Словечко из игры в шпионов. Поставлять не просто ложную информацию, но больше информации, чем нужно, причем львиная доля ее ничего не стоит. Следовательно, тень сомнения ложится на всю получаемую информацию.

Я отошел, прислонился к стене и кивнул. Да, похоже, интуиция не подвела. Мне позволяет думать все что угодно, большинство предположений не соответствует истине, бесполезны или вводят в заблуждение. Мудрено сложить головоломку, когда кусочков у тебя в три раза больше, чем нужно.

Но что делать сейчас? Может, какой-нибудь невежа все же дожидается в темноте и жаждет пристукнуть меня.

Так почему бы не ответить ударом на удар?

Коридор был шириной добрых десять футов, слишком велик, как и все в доме, и точно так же завален металлическим хламом. Меньше чем в двадцати шагах от меня валялся панцирь. Я оттащил его и поставил у двери, затем отошел и потушил ближайшие лампы — затаившийся злоумышленник увидит лишь силуэт. Я встал за оловянным прикрытием, легонько толкнул дверь, держась на пару шагов позади панциря. Остановился, как бы удивленный.

Ничего не произошло. Я вернулся, взял лампу и внес ее в комнату. Никого, кроме меня и панциря-манка. Я проверил шкафы, спальню, гардеробную. Никого. Все вроде в порядке. Если кто и рылся здесь, то это был крупный специалист. Он замел малейшие следы. Не за что уцепиться.

Итак, что мы имсем? Некто старался, взламывал замок, просто чтобы потушить лампу?

Я закрыл дверь, похлопал панцирь по плечу.

— Шутки с нами шутят, дружище. Оставайся-ка под рукой.

Я оттащил его к платяному шкафу, запихал внутрь. Шкаф пришелся как раз впору. Потом я зажег лампы, одну отнес обратно в коридор, вошел внутрь, заперся и уселся к письменному столу обработать полученные за обедом сведения.

Дело не спорилось. Парочка кружек пива мне не помешала бы. Неплохая идея — смыться на время и заодно проконсультироваться со специалистами.

В ящике стола нашлись и бумага, и чернильница, чего там только не было! Я вынул и начал делать заметки: выписал имена тех, с кем встречался и с кем не встречался, и отдельно загадочную блондинку. Питерс, Деллвуд, генерал, кухарка, Дженинфер, Хокес, Чейн, Кид, выходные Тайлер и Уэйн и некий Снэйк Брэдон, асоциальный тип, который не заходит в дом. Некто по

имени Кенди, его теоретически можно не считать, потому что он давно пропал. Хэркорт, который ухитрялся протаскивать в дом подружек, но ушел полгода назад.

Кухарка говорила — восемнадцать. Но у меня выходит одиннадцать плюс таинственная блондинка. В морской пехоте это называлось недосчитаться личного состава.

Стук в дверь.

— Да?

— Майк, это Питерс.

Я впустил его.

— В чем дело?

— Я принес список пропавших вещей. Не ручаюсь за его полноту. Не те вещи, которые видишь каждый день и сразу замечаешь, когда они пропадают.

Он вручил мне пачку бумаги. Я сел и просмотрел ее.

— Много всего.

Мелочишка. Напротив каждого пункта стояла предполагаемая цена. Золотые медали, ювелирные украшения, принадлежащие давно покоящимся суровым и грубоватым отставным морским пехотинцам. Декоративное оружие.

— Если хочешь, я могу пройтись по комнатам и составить более подробный список. Но трудно сказать, что пропало: никто не знает, где какая вещь должна находиться.

— Не стоит. Вряд ли это поможет напасть на след. Вор, судя по всему, действовал с оглядкой.

Но и без дополнений итог получился такой, что у меня глаза на лоб полезли.

— Двадцать две тысячи?

— Я постарался максимально точно прикинуть стоимость металла и камней. Но у скупщиков, полагаю, цена будет куда ниже.

— Да, но частично это компенсируется художественной ценностью. Эти вещи не какая-нибудь рухлядь, они не могли испариться без следа.

— Возможно.

— Нам поручено найти вора³ — Именно об этом просил меня генерал.

Я понимал чувства Черного Пита.

— Старику не долго осталось. Он не должен сойти в могилу с таким грузом: зная, что кому-то сошло с рук воровство.

— Верно. Я найду еще одного человека, он поработает со скупщиками. Иногда удается выйти на вора с другого конца. Дайте мне описание четырех-пяти примечательных всадиц из списка.

— За это придется заплатить дополнительно?

— Да. А что, жаль генеральских медяков?

— Нет. Но я не привык доверять без оглядки. Тебе еще что-нибудь нужно?

— Мне нужно побольше узнать о здешних жителях. — Я взглянул на свой список. — Считая трех парней, которых я не видел, и не считая мою милочку-привидение, получается одиннадцать. Кухарка говорит — восемнадцать. Где еще семья?

— Говорю тебе, у нее крыша едет. Она здесь с тех пор, как построили первый дом. Я не преувеличиваю, она не знает, какой год на дворе. Когда мы только приехали из Кантарда, было восемнадцать человек, считая ее и Дженнифер. Было и больше, пока генерал не разогнал прежних слуг. Теперь — одиннадцать.

— Куда делись остальные?

— Сэм и Тарк умерли сразу. Уэллек, когда мы слушали коров, подошел к быку не с той стороны, и бык его забодал. Остальные просто разбрелись. Они были сыты по горло, появились здесь все реже и реже, а потом ушли совсем.

Я наклонился, достал чистый лист бумаги, разделил пять миллионов на два и отдал два с половиной миллиона Дженнифер. Потом разделил два с половиной на шестнадцать, и вышло сто пятьдесят шесть тысяч с мелочью.

Неплохо. Я никогда не встречал человека, способного пройти мимо такой суммы, все равно, в золоте или в серебре.

Я произвел еще кое-какие вычисления. Два с половиной миллиона на девять выходит двести семьдесят тысяч с мелочью. Черт возьми, вдвое больше.

Эге, да здесь еще что-то происходит!

Но я не высказал своих догадок вслух, затаил их в уме.

— Есть какие-нибудь предположения? — спросил Питерс.

— Да нет.

Предпримем несколько отвлекающих маневров.

— Нелегко во всем разобраться. Можно ли отыскать тех четырех? И мне надо побольше узнать о завещании генерала.

Он нахмурился.

— Зачем?

— Большое поместье. Вы сказали, он использовал наследство как стимул заставить людей работать? Четырех он, выходит, обидел. Может, один из них пытается взять реванш, свести счеты — с помощью кражи или даже отравления.

— Ты меня озадачил.

— Еще не все. Копия завещания. И выяснить, не было ли трений между генералом и теми четырьмя.

— Но ведь ты не думаешь, что они тайком возвращаются назад и...

Я не думал, нет. Я думал, что они давно покойники. Я настолько доверяю людям, что сейчас не сомневался — играет кто-то из оставшихся, причем играет дьявольски тонкую игру. В таком случае этот кто-то невиновен в покушении на старика. Ему генерал нужен живым и здоровым, пока не уменьшится число наследников. Этот кто-то даже мог пригласить детектива со стороны... если представить, что у него были серьезные причины для беспокойства.

— У кого-нибудь есть запасной ключ от моей комнаты?

Вопрос застал его врасплох.

— У Деллвуда. А почему...

— Пока я обедал, кто-то сломал замок и проник внутрь.

— Зачем бы...

— Ну а зачем кому-то убивать генерала? Если этот кто-то существует, его должно нервировать мое присутствие. Что вы все делали, разойдясь после обеда?

Призовем на помо́дь логику. Исключим меня и кухарку, потому что я этого не сделал, а она была со мной. Исключим из числа подозреваемых Деллвуда, потому что ему не требовалось взламывать замок. Питерса, потому что он знает обо мне. Исключим и тех, кто был с ними.

— Деллвуд собирался пойти к генералу и приготовить его к обеду. Полагаю, Дженнифер пошла с ним, как обычно. Она ждет, пока кухарка принесет еду, и кормит старика, если сам он не в силах. Я был у себя и составлял список.

— Угу. — Я с минуту подумал. — Есть проблема, сержант. Приходится всем объяснять, почему я здесь. Мне нужно задавать вопросы. Нужно использовать все лазейки, дергать за все ниточки. Не обойтись без надежной крыши. Кухарка уже ругается, что я не в меру любопытен.

— Я надеялся, но не очень верил, что ты сможешь работать, не выдавая себя.

— Сколько людей знает о пропаже беспедушек? И сколько знает о ваших подозрениях? Почему бы не сказать правду? Сказать, что старик нанял меня искать вора. Они могут найти это забавным, если думают, что дело в его больном воображении. А предполагаемый убийца расслабится. Другие ж, если я докажу, что старика в самом деле обкрадывают, станут относиться ко мне с большим доверием. Верно?

— Предположим, — без особого энтузиазма отозвался Питерс.

— Давайте сделаем так. Пусть все знают, но думают, что я не знаю, что они знают. Пусть смеются над новой фантазией генерала.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Нет. Я хочу завалиться поспать. Собираюсь завтра с утра смотреться в город, велеть кому-нибудь заняться крадеными вещицами.

— Это намек?

Так оно и было.

— Я не нарочно, но, выходит, намек.

— Увидимся утром.

Он вышел. Я запер за ним дверь и вернулся к письменному столу.

Похоже, здесь три загадки. Кто обкрадывает генерала, кто пытается убить его и кто сокращает число наследников. Можно предположить, что три преступления, если они действительно совершаются, не зависят друг от друга. Кража еще не убийство, а убийство генерала не в интересах того, кто пытается увеличить свою долю.

Боже, сколько негодяев на мою бедную голову!

Я пошел спать. Вряд ли Питерс, зная мои привычки, поверили мне. Но мне действительно необходимо было успеть выспаться до трех часов утра.

9

Обычно я своим временем располагаю сам — когда захочу, ложусь, встаю тоже, когда захочу, плюс-минус десять минут. И на этот раз я проснулся как раз вовремя.

И еще глаз не успел открыть, как сразу ощутил чье-то присутствие. Не знаю, как. Возможно, звук, такой тихий, что до сознания он не дошел. Почти неуловимый запах. Или шестое чувство. Как бы то ни было, я знал, что в комнате кто-то есть.

Я лежал на левом боку, лицом к стене, укутавшись пуховым одеялом, так что даже под угрозой пытки раскаленным железом

быстро повернуться не мог и попытался сделать это осторожно, медленно, будто просто ворочаюсь во сне.

Обман не удался. Я увидел только кончик платья выскользнувшей из спальни блондинки.

— Эй! Постой! Я хочу поговорить с тобой.

Умчалась.

Выкарабкиваясь из кровати, я запутался в покрывале и проворчал про себя пару ласковых. Молодчина Гаррет, крепко стояши на ногах. Настоящий гимнаст, ловок, как кошка. Я вышел в гостиную. Ее не было. Никаких следов. Дверь заперта.

Я зажег несколько ламп и осмотрел приемную. Дверь вроде бы не скрипела, ключ в замке не поворачивали — ничего не было. В этом проклятом доме с привидениями есть небось потайные ходы, раздвижные панели и так далее, а может, и подземная тюрьма, и кости, погребенные под фальшивым фундаментом.

Наплевать, все равно славно проведу время, пусть даже в компании духов и привидений.

Я подошел к окну. Светало, на чистом небе виднелся бледнеющий серп месяца.

— Ну же. Не халтурьте. Подавайте мне гром и молнию, и туман над торфяными болотами, и зловещие завывания в ночи.

Вернувшись, я осмотрел комнату, но потайных ходов не обнаружил. Придется заняться этим попозже, когда будет время ощупать стены и все такое. А сейчас пора выбираться потихоньку, пока никто из обитателей дома меня не замстил.

Я перетащил своего оловянного друга из шкафа в спальню, снял с подпорки, которая поддерживала его в вертикальном положении, и уложил в кроватку. Любой злоумышленник решит, что я дома, это куда лучше, чем гора подушек. Я накрыл панцирь простыней, и стало совсем хорошо.

— Приятного отдыха, старина.

Мне не нравилось, как идут дела. Кто-то настроен отнюдь не дружелюбно. Я прихватил свой любимый во всех спорах аргу-

мент — увесистую дубинку со свинцовыми набалдашниками — и выскользнул в коридор.

Там было пусто. Горела лишь одна лампа: бережливый Деллавуд экономил масло. Кроме него и кухарки, я больше никого не видел за работой.

Надо выяснить, чем занимаются остальные. Спрошу при случае Питерса.

Я прошел в восточный конец коридора, к маленькому окошку, выходившему на улицу. Снаружи ничего — полумрак и звезды. Вурдалаки и вампиры нынче выходные. Я направился к первой слева двери.

Кроме меня, на этом этаже никого не было, поэтому, не стараясь соблюдать тишину, я спокойно взломал замок и вошел, лампа в левой руке, дубинка в правой. Напрасная предосторожность — комната оказалась просто затянутой паутиной каморкой. Никто сюда не заходил минимум лет десять.

Я бегло осмотрел ее и отправился в следующую комнату — на другой стороне коридора, наискосок. То же самое.

И так повсюду на этаже, за исключением последней комнаты. В ней сохранились следы недавнего посещения: местами пыль на камине лежала не таким толстым слоем, как будто что-то передвигали — подсвечники или другие небольшие предметы. Я попытался прочесть что-нибудь по следам на полу. Всегда надеясь отыскать нечто сногсшибательное: отпечаток слонового копыта или двупалой босой ноги. Надежды мои не оправдались. Посетитель волочил ноги, хотя, вероятно, не нарочно. Среднестатистический вор о таких вещах не задумывается.

Обыск затянулся. Я решил быстренько все обойти, а детальный осмотр оставить на потом. По крайней мере буду знать, где что находится.

По лесенке с перилами я поднялся в мезонин. Мезонин представлял собой одну огромную комнату размером больше главного

холла, загроможденную хламом таким же пыльным, как и комнаты внизу. Узкий проход вел к лестнице. Это был самый короткий путь на четвертый этаж западного крыла.

Другой вариант: спуститься на второй этаж и пройти через него к узенькому балкончику над черным ходом — с этого балкончика ораторы никогда обращались к собравшейся внизу толпе. Неплохо также пройти через мезонин в западное крыло, вернуться на первый этаж, а потом снова подняться.

Западное крыло оказалось обитаемым. В комнаты проникнуть не удалось. Может, завтра ночью. В городе надо будет показать слесарю мой ключ, чтобы он сделал отмычку для замков такого типа.

Коридор четвертого этажа, прогулка по балкону. Ничего. Как и на третьем. Но некоторые отличия от моей части дома все же имелись. Коридоры уже и короче, в конце их — двери, ведущие в покой хозяев. Из-под двух дверей пробивался свет. Кто-то или полуночничает, или боится темноты.

На втором этаже было только пять больших помещений, наверное, для почетных гостей, графов, герцогов, адмиралов и прочих равных им по чину господ.

Первый этаж предназначался для хозяйственных нужд. Судя по всему, в былые времена в западном крыле велись дела имения. Двери в некоторые комнаты были открыты. Я отважился зайти и ничего не нашел.

Из западного крыла я направился в восточное, где, как я знал, располагались кухня, кладовые, столовая. Я уже проходил через него, но не имел возможности удовлетворить свое любопытство.

Я прошел мимо героя, упрямо пронзающего дракона, и вдруг мною снова овладело знакомое, леденящее душу чувство. Я оглянулся и никого не увидел. Моя поклонница-блондинка? Черт побери, она что, в самом деле привидение?

Не поймите меня превратно. В том доме даже в полдень дрожь пробирала, он словно явился из истории с привидениями. Но я не допускал мысли, что они действительно посещают его. Мир полон странного, таинственного и сверхъестественного, но в данном случае это ни при чем. Деньги, презренный металл — вот корень здешних интриг.

Подробное знакомство со столовой показало, что первое впечатление не было обманчивым. Просторная комната, украшенная обычными в берлоге Стэнтноров предметами. Потрясающие: в скольких же битвах они участвовали?

Высокий потолок наводил на мысль, что второй этаж восточного крыла меньше первого. Верно. Я выяснил это, осмотрев кладовую.

Дверь ее открывалась на лестничную клетку. Одна лестница вела наверх, вторая — вниз. Внизу было темно, как у вампира в сердце. Я пошел наверх. Лестница привела меня на склад домашней утвари. Некоторые предметы выглядели так, будто лежали здесь с начала века. Кто-то из покойных ныне Стэнтноров сэкономил, закупив товары оптом. Все в полном порядке, хоть пол не подметен и пыль никто не вытирает. Множество мошек налетело на свет моей лампы.

Зачем понадобилось отводить под склад такое большое помещение?

Я подошел к куче дубовых балок толщиной дюйма по четыре, обитых по краям железом. На каждой мелом был поставлен номер — белый на потемневшем металле. Любопытно. Я пригляделся. Ага, ставни. Ставни, чтобы защищать окна при осаде, они, должно быть, ровесники самому дому. Использовались ли они когда-нибудь? Во всяком случае, не в нашем столетии.

В конце восточного крыла я обнаружил комнату-сейф. Дверь была закрыта на щеколду, но не заперта. Склад оружия. С таким вооружением можно провести целую кампанию — если не

хватит того, что развешано на стенах в жилых помещениях. Стальные части смазаны, деревянные покрыты парафином. Приятная, нечего сказать, обстановочка была в стране во времена постройки этого дома.

Я слишком долго задержался на складе. Кухарка уже грызла посудой. Мне удалось незаметно проскользнуть мимо кухни.

В коридоре четвертого этажа я вновь заметил белое платье. Моя прекрасная загадочная дама. Я послал ей воздушный поцелуй.

10

В моей комнате вновь побывал непрошеный гость. На этот раз он удалился в спешке: ключ торчит в замке, дверь открыта. Почему — я понял, войдя в спальню.

Он убил панцирь. Вошел, прикончил беднягу старинным боевым топором и оставил истекать кровью. Топор он бросил на месте преступления.

Я рассмеялся. Пари держу, он в штаны наложил со страху: перепугался, что угодил в западню.

Но веселость моя быстро прошла. Я хожу по краю пропасти, следующее покушение может стать последним. Необходимо принять меры.

Я заперся, спрятал ключ в карман: он был не идентичен моему, а значит, мог послужить отмычкой. Затем я вытащил своего оловянного приятеля из кровати и вынул из него топор.

— Извини. Мы им еще отомстим.

Топор я укрепил над дверью в спальню. Теперь уж не обессудьте, мысленно обратился я к своим врагам, встреча будет не очень гостеприимной. Только потом я прилег вздремнуть часок.

К завтраку я явился первым. Кухарка хлопотала вовсю.

— Помочь?

— Работы хватит на десятерых. Не знаю, чего ты добиваешься, парень, чего подлизываешься, но не сомневайся, я этим воспользуюсь. Загляни в печь — как там булочки.

Я повиновался.

— Через несколько минут можно вынимать.

— Ты смыслишь что-нибудь в выпечке?

Я объяснил ей заведенный у меня порядок. Черной работой и готовкой занимается Дин. Но он научил и меня. Дин — хороший повар, и я тоже сносно готовлю, когда приходится. Например, когда отпускаю Дина, чтобы принять кое-кого без свидетелей.

— Не знаю, врешь ты или нет. Врешь, наверное. Я никогда не встречала мужика, умеющего готовить.

Я не стал говорить ей, что, по мнению Дина, стоящие повара только мужчины.

— Свести бы вас вместе. Интересно, что получится?

— Угу. Пора, вынимай булочки и тащи сюда горшок с маслом.

Я понюхал масло.

— Свежее.

— Снэйк только что принес.

— Он будет завтракать с нами?

Она засмеялась.

— Только не Снэйк. Он ни с кем не разговаривает. Просто берет продукты и уходит. Не очень-то он общительный, наш Снэйк.

— А что с ним такое?

— С головой не в порядке — после Кантарда. Он пробыл там двадцать лет и не получил ни царапины. Снаружи. — Она покачала головой и принялась накладывать на деревянную доску колбасу и бекон. — Печальная история. Я знала его мальчуганом. Славный был парнишка. Чересчур нежный и чувствительный для морской пехоты. Но он считал, что должен попробовать. И вот теперь он совсем старик и мозги набекрень. Он здорово

рисовал, этот парень. Мог бы стать великим художником. У него глаз был волшебный. Все видел насквозь и рисовал, что видел. Что сверху лежит, каждый дурак нарисует, подумаешь, хитрость. Но чтобы видеть правду, нужен особый талант. Парень видел ее. Ты что, вознамерился торчать здесь и чесать языком до самого ленча или все-таки собираешься поесть?

Я занялся посудой и не стал говорить кухарке, что она мне и словечка не дала вставить.

Она не унималась:

— Я говорила старику — он тогда как раз был произведен в генералы: стыд и срам держать в армии такого парня. Повторила еще раз, когда он вернулся. А генерал мне сказал: «Твоя правда, кухарка, грех это, он много чего мог бы сделать для людей. Но не запретишь же ему». А Снэйк, упрямый осел, вообразил, что его долг — идти с хозяином на войну.

В кухне постепенно собирался народ. Я заметил два новых лица — Тайлера и Уэйна. Похоже, ночка у них выдалась бурная. Все брали свои приборы и шли в столовую.

— Тайлер и Уэйн? — спросил я кухарку.

— Как ты догадался?

— Так и догадался. Есть еще кто-нибудь, кого я не видел?

— Кому еще здесь быть?

— Не знаю. Вчера вы сказали, их восемнадцать человек. Я видел десятерых плюс робкий Снэйк и блондинка, которая показывается только мне. Восемнадцать никак не набирается.

— Восемнадцать и нет.

— Вы сказали — восемнадцать.

— Слушай, парень, мне четыреста лет. Мне нужно сосредоточиться, чтобы вспомнить, где я нахожусь. Я только готовлю, накрываю на стол и мою посуду — до другого мне и дела нет. Хожу туда-сюда. Ничего не вижу, ни с кем не говорю. Когда я последний раз поднимала глаза, их было восемнадцать, считая

меня. Наверное, прошло какое-то время. Эгс, может, поэтому остается так много объедков: я-то готовлю на восемнадцать человек.

— Я не заметил, что на столе слишком много приборов.

Она помолчала.

— Пожалуй, ты прав.

— Вы давно у Стэнтиоров?

— Я пришла к ним вместе с мамой совсем сопливой. Давным-давно, когда Карента еще была империей. До того, как Стэнтиоры переехали в новый дом. Ему-то от силы лет двести. Славный получился домик, как игрушка. Теперь-то он старый, стал, ветхий.

— Должно быть, немало вы повидали на своем веку.

— Да уж кое-что повидала. В этой самой столовой мне случалось прислуживать королям, маршалам и адмиралам.

Разговор наш оборвался: она направилась в столовую. Я пошел следом. Особых эмоций мое появление не вызвало. Досады никто не проявил, но и кувыркаться от радости никто не собирался. Мрачное сборище.

Эти ребята провели вместе всю жизнь. О чем им говорить? Они уже все сказали друг другу. Я не в первый раз попадал в такую компанию. Иногда это чувствуется сразу, без слов.

Тайлер и Уэйн были типичными морскими пехотинцами. Независимо от физических отличий служба в армии накладывает определенный отпечаток. Тайлер — тощий, узкогрудый, с тяжелым взглядом карих глаз, волосы цвета соли с перцем, густая, пегая бородка коротко и аккуратно подстрижена. Уэйн моего роста, килограммов на десять тяжелее, но не толстый. Крепкий на вид — если как следует разозлить, справится с пятью бешеными быками. Дюйма на четыре выше Тайлера, светловолос, с ледяными синими глазами. И все же они похожи, как близнецы.

Я пять лет провел в обществе таких людей. Любой из них, если ему западет в голову, способен на убийство. Человеческая жизнь для них почти не имеет цены: слишком много смертей они видели.

Но есть одна загвоздка. Морские пехотинцы — ребята прямые. Понадобись кому пришить старика — он и пришел бы. Если, конечно, нет веских оснований убивать его постепенно. К примеру, увеличение своей доли наследства — чем не основание?

Гадать бесполезно, и бесполезно торопить события.

Я помог кухарке убрать со стола и собрался в дорогу.

11

Я не был у Морли несколько месяцев. Мы не ссорились, просто не было необходимости и не хотелось, будто корова, щипать травку, которой потчуют в его ресторане. Я пришел в девять. Заведение было закрыто. Ресторан Морли работает с одиннадцати вечера до шести утра и обслуживает всех мазохистов, готовых питаться одними овощами.

Кто только здесь не бывает! Даже некоторые из моих лучших друзей, мне тоже, волей-неволей, иногда приходится.

Итак, девять часов. Закрыто. Я подошел к черному ходу и постучал условным стуком, то есть колошматил в дверь и вопил, пока подручный Морли Клин с пятифутовым куском свинцовой трубы в руках не изъявил желание сделать из меня яичницу.

— Я по делу, Клин.

— Еще бы... стал бы ты так горячиться из-за вегстарианской жрачки. И носа не кажешь, пока чего не понадобится.

— Я плачу за услуги.

Он фыркнул. Он не доверял мне, считал, что я использую Морли, поскольку и он нередко втягивает меня в разные опасные предприятия, не спрашивая моего согласия.

— Эвонкой монетой, Клин. И Морли не приходится даже задницу от кресла отрывать — у него всегда есть мальчик на побегушках.

Клин помрачнел: он как раз был одним из этих мальчиков. Но дверь не захлопнула.

— Проходи.

Он посторонился, запер дверь и провел меня через кухню, где повара резали капусту, к бару. В баре он сунул мне кружку яблочного сока, буркнул: «Жди» — и пошел наверх.

Зала была голой, тихой и унылой. Здесь не часто собирается много народу.

Морли Дотс — безжалостный негодяй, кровопийца и шантажист. Как и те, кто на него работает. Он паразит, использующий в своих грязных целях самые темные стороны человеческой натуры. В этом ему нет равных, разве кое-кто из парней Чодо Контагью.

В общем, Морли Дотс — квинтэссенция всего, что я ненавижу. Когда-то я и сам был таким, но, твердо решив исправиться, отдался от подобных субъектов. Но Морли я люблю. Ничего не поделаешь — любовь зла.

Клин вернулся и печально провозгласил:

— Он помешался на здоровье.

— Подумаешь, новость! Да он из кожи вон лезет, лишь бы обратить еще кого-нибудь.

Морли — единственный в своем роде убийца-вегетарианец. Он ужасно переживает, что его ближние губят свое здоровье, поедая мясо, не дожидаясь, пока он самолично перережет им глотки. Сдается мне, логика у него хромает. Впрочем, я могу ошибаться.

— Он выдумал что-нибудь новенькое? В последний раз, когда я его видел, он зарился играть в азартные игры и пытался отказаться от женщин. Но без них он и дня не протянет.

— Да, с этим покончено. Напомни ему. Сейчас у нас на повестке дня режим. Рано ложиться, рано вставать. Он уже на ногах, оделся, поел и делает зарядку. Нет, только подумай! Год назад в это время суток я не мог его вытащить из постели даже под страхом смерти.

— Ну уж... Разве ты не веришь в чудеса? Стоило посулить ему солидный куш и...

— Он зовет тебя наверх. Налить еще?

— Давай. Все равно ничего покрепче у вас не дождешься.

Клин подмигнул — Морли так и не удалось обратить его — и наполнил мою кружку. Я захватил ее и поднялся в кабинет Морли, представлявший собой надстройку над основным помещением ресторана. Я, можно сказать, ближайший друг Морли, но во внутренние покои мне путь заказан: я чересчур коротко пострижен, не крашу губки и не подвожу глазки.

Дотс приседал как заведенный, у меня от одного этого эре-лица заболел живот.

— Для своего возраста ты в неплохой форме, — похвалил я.

Черт его разберет, может, это врожденное. В жилах Морли течет кровь эльфов, а они долго сохраняются.

— Ты, видно, снова взялся за работу, — заговорил он без малейшего напряжения, не переставая приседать.

Да, зарядка и мне не помешала бы. В моем возрасте, стоит распуститься, восстановить форму уже нелегко.

— С чего ты взял?

— Без дела ты сюда не заходишь.

— Неправда. С Майей я приходил почти каждый день. Раньше, до нашего разрыва.

— Ты проворонил настоящую жемчужину, Гаррет.

Морли перевернулся и начал отжиматься.

Темная кровь эльфов в нем почти незаметна. Он выглядел просто невысоким, стройным темноволосым мужчиной в отличной форме. Морли легок на ногу. Вокруг него всегда атмосфера

риска и приключений, но без угрозы, поэтому женщины находят его неотразимым.

— Наверное, ты прав. Мне порой недостает ее. Славная малышка.

— И прехорошенькая. А с Тинни как? Встречаетесь?

Моя подружка Тинни Тейт — рыженькая, темпераментная девица. У нас с ней весьма бурные и непредсказуемые отношения.

— Встречаемся. Если ей не въведет в голову наказать меня, лишив своего общества.

— Хорошо, что ты не проболтался ей о Майе. За все время нашего знакомства других разумных поступков за тобой не числится.

Морли быстренько отжался положенные пятьдесят раз и вскочил. Он даже не вспотел. Мне ужасно захотелось пнуть его в зад: ничего не поделаешь, зависть — страшная штука.

— Ты слышал о генерале Стэнтноре?

— Командовал морской пехотой?

— Именно.

— И что же?

— Парень, что работает у него — мой бывший сержант, — потребовал вернуть старый должок. Он хочет, чтобы я кое-что сделал для старика.

— Ты делашь что-то просто так, ради самой работы? Всетаки ты редкий экземпляр, Гаррет.

— Знаю. Я как собака — пальцем не шевельну, если не голоден.

— Короче. Я-то работаю всегда, и работы у меня навалом.

— Старик умирает. Сержант думает, что его пытаются убить. Медленно, чтоб было похоже на изнуряющий недуг.

— Его в самом деле убивают?

— Не знаю. Он болен уже давно. Ты представляешь, как это можно сделать?

— Какого он цвета?

— Цвета?

— Ну да. Есть яды, которые действуют постепенно, накапливаясь. Распознать их можно по цвету лица больного.

— Он болезненно желтый. Волосы выпадают клоками. Кожа точно прозрачная.

Морли наморщил лоб.

— Ни синего, ни серого?

— Желтый. Как помадка.

Он покачал головой.

— Ничего не могу сказать.

— Он еще страдает припадками.

— Бешенства?

— Сердечные или что-то в этом роде.

— Ни на что не похоже. Если б увидеть его...

— Да. Но вряд ли это можно устроить. Они там все с приветом, не выносят чужаков.

Я бегло описал ему обитателей дома Стэнтнора.

— Похоже на психушку.

— Вроде того. Все они, кроме кухарки и Дженинфер, лет по тридцать прослужили в морской пехоте, главным образом в Кантарде.

Морли усмехнулся.

— От комментариев воздержусь.

— Молодец. Избегайте соблазнов, и мир станет чуточку лучше. Еще одно. Старик воображает, что я занят поисками вора. Кто-то крадет его серебро и военные трофеи. — Я протянул список, Морли начал читать. — Я заплачу дополнительно тому, кто возьмется разведать, не проходят ли некоторые из этих вещей по обычным каналам.

— Плоскомордому нужна работа.

Плоскомордый Тарп — наш общий приятель, что-то среднее между Морли и мной. Он совестливей Дотса и честолюбивей меня,

но огромный, как дом, и кажется недоумком. Тарпа трудно принимать всерьез, и ему редко достается хорошая работа.

— Ладно. Я заплачу по обычным расценкам. Плюс если найдет что-нибудь из списка. Плюс если опишет вора.

— Деньги при тебе?

Намек понят. Я выплатил ему аванс.

— Мы с Плоскомордым благодарим тебя, — сказал Морли.

— Конечно, хочется сделать одолжение старому товарищу, но задаром это чертовски скучно. Особенно если старик просто помирает своим ходом.

— Что-то там происходит. Меня пытались замочить. — Я вкратце рассказал ему.

— Вот бы посмотреть на физиономию того парня. Он вдарили топором, а ты зазвенел, как колокол, — заржал Морли. — Однако тебе повезло.

— Надо полагать.

— В чем же, по-твоему, суть дела?

— Не знаю. Деньги? Больше там ничего нет. У старика примерно пять миллионов. Сын его умер. Жена умерла двадцать лет тому назад. Его дочь Дженнифер получает половину, а другая половина переходит к его приятелям — морским пехотинцам. Три года назад было семнадцать наследников. С тех пор двое умерли, предположительно естественной смертью, одного забодал бешеный бык, а четверо пропали. Посчитать нетрудно: доля оставшихся в живых почти удвоилась.

Морли уселся, положил ноги на стол и поковырял зубочисткой в жемчужно-белых зубах. Я не мешал ему думать.

— Да, в этом муравейнике может подняться довольно паршивая возня.

— Такова уж человеческая природа.

— Я не любитель держать пари, но тут можно смело ставить на жадность. Кому-то не хватает его доли.

— Такова уж человеческая природа.

— Никто не пройдет мимо таких денег. Ни ты, ни я, ни даже святой. Думаю, ты копаешь в правильном направлении.

— Беда в том, что мне никак не удается увязать все вместе. Если я найду вора — кстати, зачем воровать, когда тебя ожидает огромное наследство? — не станет ни на йоту ясней, кто убивает генерала. Для того, кто сокращает число наследников, это смысла не имеет. Ему, наоборот, надо, чтоб старик протянул подольше.

— Что будет, если дочка сыграет в ящик раньше его?

— Проклятие! — Это же очень важно, а мне и в голову не приходило. Если все перейдет к служакам, ей надо держать ухо востро.

— Странно, по их поведению не заподозришь, что они знают о происходящем. Похоже, они настроились жить себе поживать тихо-мирно. Они и не думают следить друг за другом, а я, пробыв там всего день, сразу заметил, что дело нечисто.

— Вы, сыщики, дальше своего носа не видите.

— Ты о чем?

— Ведь они все старые товарищи. Кому-то одному вэбрело на ум разбогатеть, перерезав остальных. Но кто же заподозрит своего старого кореша? Представь только, через что они прошли вместе.

Он прав. У меня тоже такое в голове бы не уместилось. Нельзя вдруг перестать доверять старому товарищу, с которым провел бок о бок много лет. Невозможно вообразить, что он так изменился.

— В конце концов, может, так оно и есть: трое умерли естественной смертью, а четвертым надоели заведенные в доме порядки, и они ушли, наплевав на деньги.

— А земля плоская и стоит на трех китах.

— Ты пессимист.

— Я реалист. Ты разуй глаза. На днях тридцатишестилетний мужик зарезал отца с матерью за то, что они не дали ему денег на бутылку. Такова жизнь, Гаррет. Люди — хуже самых жутких чудищ изочных кошмаров. — Он усмехнулся. — Тебе еще повезло: никакой мистики — ни вампиров, ни оборотней, ни ведьм, ни колдунов, ни встающих из могил мертвецов. Всякая дрянь не путается под ногами.

Я фыркнул. Такие штуки встречаются не на каждом шагу, но они тоже часть жизни, и рано или поздно приходится с ними столкнуться. Лично меня чертовщина интересовала мало. Впрочем, мне еще не довелось иметь с ней дело.

— Кажется, я видел привидение.

— Чего?

— Привидение. Я все время вижу женщину, которую никто не впускал в дом. Никто больше ее не видит. Если они не морочат меня, но скорее всего морочат.

— Или тебе мерещится. Роскошная блондинка, верно?

— Блондинка. Недурна.

— Ты просто грешишь наяву.

— Ну со временем узнаем. Меня еще кое-что тревожит, но пока не могу выразить словами, что именно.

— Пустяки, наверное.

— Пустяки? Лучше мне вернуться туда.

— У тебя есть с собой что-нибудь эдакое? Неприятно думать, что ты в окружении убийц — и не вооружен ничем, кроме зубов и ногтей.

— Есть пара штучек.

— Всегда у тебя что-нибудь припасено, — хмыкнул Морли. — Смотри, не поворачивайся ни к кому спиной.

— Не буду.

Я уже закрывал дверь, когда Морли окликнул меня:

— А дочка, какая она из себя?

— Двадцать с небольшим. Красотка, но не из разговорчивых. Испорченная девчонка, надо полагать.

Он задумчиво поглядел на меня, передернул плечами, встал из-за стола, опустился на пол и снова принял за отжимания. Я хлопнул дверью: тяжело смотреть, как человек сам себя мучает.

12

Я повернулся на юг, весьма довольный собой: я знал своего Морли, любопытство погубит его. Он умрет, а выяснит, где собака зарыта. Всех поднимет на ноги, все вверх дном перевернет, но разузнает, что происходит у Стэнтноров, если что-нибудь происходит.

Когда я вышел за Южные ворота, самодовольство улетучилось. Начал моросить дождик. Я обругал себя за недоверие к лошадям. Черт возьми, не умеешь ездить верхом, нанял бы карету: ведь карету можно отнести к необходимым расходам, и пускай Стэнтнор платит. Расходы — удивительно гибкая статья, особенно если клиент не имеет возможности контролировать тебя.

До поместья я добрался уже насквозь мокрый. Странно. Большинство крупных загородных поместий имеют названия «Клесны», «На ветру», иногда и вовсе бессмысленное, типа «Британский камень». Но у Стэнтноров — точно не имение, а лачуга овцевода. Поместье Стэнтноров — и все. Старинное семейное жилище, роскошное, как музей, но ни для кого оно не стало домом, никому не пришло в голову дать ему имя.

Я не дошел до входа в особняк шагов пятьсот, Дженинфер Стэнтнор вылестела мне навстречу из парадного подъезда. Она даже шали не накинула. Питерс шел следом, но не похоже было, что он хочет ее задержать.

Они поравнялись со мной одновременно. Казалось, Дженифер уже довела Питерса до белого каления и теперь не пропь отделаться от него. Я постарался прикинуться удивленным. Это было нетрудно: я не переставал удивляться ни на минуту. Я приподнял бровь — один из моих самых эффектных трюков. Дженифер остановилась, но молчала, пытаясь отдохнуться. Питерс, он запыхался меньше, хоть и был в три раза старше, сообщил:

— На охоте произошел несчастный случай.

Я и глазом не моргнул.

— Да?

— Давай зайдем в дом, а то промокнем.

Я взглянул на Дженифер. Казалось, она намеривается заговорить.

— Это не несчастный случай, — мрачно заявила она.

Нет, вероятно, если есть жертвы. Но вслух я этого не сказал, только хмыкнул.

— Нас беспокоят браконьеры, — рассказывал по дороге Питерс. — На наших землях водятся олени — целое стадо.

— Они привлекают браконьеров, — вставила Дженифер. — Раньше этих разбойников было меньше.

— Трое за весь прошлый год, — сказал Питерс. — Но сам понимаешь, крестьяне... Олени — удобная мишень: они здесь не очень пугливы. За последний месяц к нам вторгались шесть раз. Точнее, нам известно про шесть.

— Папе не оленей жалко, — сказала Дженифер, — его больше огорчают нарушения границы. По границам у нас лежат такие штуки, вроде шпал...

— После последнего случая, — продолжал Питерс, пока мы поднимались по ступенькам крыльца, — генерал велел регулярно патрулировать территорию. Он хотел поймать кого-нибудь и примерно наказать. Сегодня дежурили Кид, Хокес, Тайлер и Снэйк. Хокесу, видимо, удалось поймать нарушителя, схватить его, как говорится, за руку. Он затрубил в рог.

— А когда прибежали остальные, — подхватила Дженнифер, — он лежал на земле, а из тела его торчала стрела. Освежеванный олень валялся среди деревьев шагах в ста от него.

— Интересно. Интересно и печально. Но при чем тут я? Разбирайтесь сами.

Дженнифер удивилась, а Питерс огрызнулся:

— Не болтай чепухи. Ты здесь единственный разведчик. Остальные — морские пехотинцы и ни черта не смыслят в следах.

— Угу. — Может, и так. — Столько лет прошло. Да и хорошим разведчиком я никогда не был. — Я вспомнил свои недавние неудачи.

— Даже средний разведчик лучше, чем ничего. — Питерс взглянул на направлявшегося к нам Чейна. — Как он?

— Ему самому не справиться. Нужен хирург.

— Ты же знаешь. Никаких врачей в доме.

— Перевозить Хокеса нельзя: это убьет его.

— Приведите врача! — вскричала Дженнифер. — Отец не узнает: он ведь не выползает из своей комнаты.

— Деллвуд доложит ему.

— Деллвуда я беру на себя.

— Ступай, — велел Питерс Чейну.

Чейн зашагал прочь.

— Надеюсь, Хокес выживет, — сказал я.

— Он борется.

— Могу я поговорить с ним?

— Он отключился. Без сознания. И маловероятно, что он вообще придет в себя, если Чейн не привезет хирурга.

— Покажите мне место, где это случилось, пока дождь не смыл следы.

Пришлось ехать верхом. Мое всегдашнее везение. Лошадь казалась смиренной и приветливой. Но еще когда ее выводили, на морде чудовища я заметил ухмылку. Она, видимо, много слышала обо мне и теперь понадеялась на приятную прогулку.

Ехать пришлось порядочно. У Стэнфордов было много земель. Мы мало разговаривали. Я осматривал окрестности: вдруг пригодится.

Я с младых ногтей развивал в себе эту привычку, поэтому и пошел добровольцем в разведку, когда исчез настоящий Секстон.

— Похоже, Снэйк возвращается, — сказал Питерс.

Мы спустились с холма и приближались к месту событий. Под дубом, недалеко от застрявшей в деревьях туши оленя, я увидел человека.

— Сержант, в армии я ни разу не встречал никого из ваших парней. Кто-нибудь из них знал Секстона?

— Не думаю.

Я спешился, привязал повод к молодому дубку. Лошадь недовольно зыркнула на меня.

— Размечталась, думала, я отпущу поводья и ты спокойненько удерешь?

— Что ты сказал? — переспросил Питерс.

— Я к лошади обращаюсь. Люблю разговаривать с лошадьми: они понятливей людей.

— Снэйк, это Майк Секстон. Был разведчиком у меня на островах. Ты, наверное, слышал о его приезде.

Снэйк что-то проворчал и оглядел меня с головы до ног. Я в долгую не остался.

Снэйк перешеголял даже Чайна. Волос он не стриг с тех пор, как ушел из армии, борода торчала клочьями. Вряд ли он часто мылся и менял одежду. Штаны были заляпаны причудливыми разноцветными пятнами.

— Слышал, — подтвердил он.

— Что-нибудь нашел?

Снэйк проворчал что-то. Это означало «нет».

Я взглянул на тушу.

— Некрупная особь, а?

— Олененок, — ответил Снэйк, — только начал линять.

Однако. Зачем браконьеру олененок, если ему нужно мясо, а звери здесь не пугливы? Он скорей убьет оленя покрупней. Я внимательно осмотрел тушу.

Я не разглядывал дичь уже лет десять, но видно было, что работал дилетант, который никогда не делал этого сам, а лишь видел, как делают другие.

— О сегодняшнем патруле. Был у вас определенный план? Распределение обязанностей?

— Ты о маршруте? Был, — ответил Питерс. — Маршруты наметили таким образом, чтобы четыре человека могли проконтролировать всю территорию.

Я не совсем это имел в виду, но спросить точнее не мог — из боязни выдать больше, чем хотел.

— Где был Хокес, когда это произошло?

— Там, выше.

Я пошел за Питерсом. Место преступления сразу бросалось в глаза: Хокес, упав, цеплялся за траву. Он потерял порядочно крови, и глупые мухи вместо того, чтобы лететь кормиться на золотую жилу — оленю тушу в кустах, облепили место, где он упал. Да, Хокес упал шагах в ста от оленя. С такого расстояния не промазал бы даже слепой лучник.

Я отыскал след Хокеса и прошел по нему до того места, где он оборвался.

— Здесь, полагаю, он затрубил в рог. Потом спустился вниз и остановился второй раз.

— И тут браконьер уложил его.

Во всяком случае, кто-то сделал это.

— Когда это произошло?

— Около девяти.

— Ага. — Тот олененок умер гораздо раньше.

Я вернулся вниз, Снэйк по-прежнему стоял, уставившись на тушу.

— Тебя что-то смущает? — спросил я.

— Кому понадобился маленький олененок? — проворчал он. Его не волновало, что старый товарищ лежит поверженный со стрелой в груди. Он оплакивал олененка.

Я снова осмотрел тушу, но смертельной раны не обнаружил.

— В ней была стрела?

— Нет.

Снэйк явно не страдал излишней болтливостью.

Дерево, на котором повис олененок, росло в нескольких шагах от края небольшого, футов триста, лесочка, за ним начинался ручей. Я пошел вниз по склону, поглядывая по сторонам в поисках следов разбойника. И нашел. Некто в страшной спешке продирался сквозь заросли. Оно и понятно: он только что подстрелил парня и боялся, что вот-вот появятся его товарищи.

Питерс шел за мной.

— Каждый маршрут был подробно разработан? — спросил я.

Он удивленно нахмурился.

— Нет, мы просто разъехались в разные стороны, чтобы не топтаться всем сразу на одном пятаке.

Значит, снайпер шел не за кем-то определенным, ему был нужен любой. Если допустить, что стрелу пустил не запаниковавший браконьер, а человек, специально устроивший эту ловушку.

Я не сомневался — второй раз Хокес остановился потому, что увидел кого-то знакомого. Он застыл на месте, он колебался, с чего бы ему еще останавливаться?

Тот человек и есть убийца.

Понял ли это Питерс? Он ведь далеко не глуп.

— Вы ладите с соседями?

— Мы их игнорируем, они нас. Многие нас боятся.

Я бы тоже боялся.

Шагов через пятьдесят снайпер немного успокоился. Он свернул на старую звериную тропу. Здесь следы были видны плохо —

слишком много листьев под ногами, но я различал путь, по которому он уходил: там листья были примяты.

— У вас есть собаки? Если нет, где их достать?

— Следопыты? Нет.

Звериная тропа вывела нас к ручью. Здесь была развилка. Одна дорожка шла через ручей, другая — вдоль по берегу. Убийца выбрал последнюю.

Через тридцать футов тропинка ушла в широкий, мелкий рукав ручья с песочным дном. И не вышла с другой стороны.

— Я потерял след.

— Посмотри получше, черт побери.

Я посмотрел. Питерс не заметил в мелкой воде лошадиных лепешек. Некто поехал дальше по дну ручья. Штука нехитрая: глубина нигде не превышала фута.

Многие ли крестьяне, вынужденные промышлять незаконной охотой на олений, имеют возможность держать лошадей?

— К сожалению, ничего нет.

— Что ж, придется доставать этих треклятых собак.

Мы снова поднялись на холм.

— Кто у вас ведает конюшнями?

— В основном Снэйк. Тайлер и Хокес помогают. Шут его разберет, этого Снэйка. Ему нравится ухаживать за животными. Но сесть на лошадь вы его не заставите и под страхом казни.

Перебор, пожалуй, но понять можно.

Я задал еще несколько вопросов, но получил в ответ лишь любопытные взгляды. Если они не лгали и не были ни виновниками, ни соучастниками, Хокеса прихлопнул кто-то другой. Самоубийством он тоже не кончал. Круг подозреваемых сузился, но недостаточно. Мне хотелось отделаться от Снэйка и Питерса и пройти по ручью до места, где стрелок вышел на берег.

— Дерьмо! — вдруг взорвался Питерс. — Эх ты! Головой надо соображать, а не задницей.

— Что такое?

— Как мы поступали после набегов на венагетов на проклятом острове? Что я вколачивал в ваши глупые головы каждый треклятый день?

До него дошло.

— Да. В воде не остается. Перед набегом мы всегда провевали, есть ли путь к отступлению по реке или ручью.

— Ублюдок пошел по ручью. Поэтому ты ничего не нашел.

— Да.

— Пошли же.

— Я проверю сам. Вас я больше не задерживаю.

Он гневно взглянул на меня, обернулся, проверяя, не слышит ли Снэйк.

— В чем дело, Гаррет? Что-то ты темнишь, я не первый раз замечаю.

— Я не темню, я выполняю свою работу, как умею. Пока не доказано обратное, подозреваемые — все и никто. Не важно, хорошо я их знаю или нет.

Он начинал злиться.

— Перестаньте. Вы хотите, чтобы я выяснил, кто убивает старика, верно? Кто из ваших парней? Никто и в то же время один из вас. Пока я не выведу негодяя на чистую воду, я буду вести себя с вами так же, как со всеми остальными. Даже если здесь не происходит ничего хуже воровства. Ясно?

— Хочешь играть в одиночку? Что ж, ты профессионал. Я потерплю. Какое-то время потерплю.

— Хорошо. Но выбора у вас нет. И нечего из себя выходить.

Он прямо кипел от злости. Все они так. Все думают, что должны быть исключением из правил.

Питерс стегнул лошадь и умчался прочь. Пускай сердится. Главное, убрался, остальность срунда.

13

Вид у моей лошади был весьма недовольный. Я взял ее под уздцы и повел вдоль края леса. Если ничего не найду до границы поместья, пойду назад, к дальнему концу леса.

Негодяй был хитер, но ограничен. Его мер предосторожности хватило бы, не появившись у меня поводов для подозрения. Но они появились.

Я нашел место, где всадник выехал из леса. Довольно близко от места падения Хокеса, но отсюда уже не видно. Расстояние между следами копыт показывало, что теперь он уже не так торопился. Значит, его не беспокоило, как объяснить свое присутствие на землях Стэнтнора. Поэтому я вновь занес Тайлера и Чайна в список подозреваемых. Их я еще не допросил.

Надо будет опросить оставшихся в живых участников патруля, кто что говорил и делал до начала охоты. Может, удастся за что-нибудь зацепиться.

В смелости убийце не откажешь. Он обогнал холм, за которым устроил засаду, а потом направился к дому. Охотники за браконьерами в это время суетились вокруг Хокеса. Я потерял след. Покружила вокруг, пошарил там и сям, ничего. Дождик и холодный ветер победили мою профессиональную добросовестность. Я поехал к дому.

Я прошел через музей, то бишь через главный холл, и собирался зайти к себе переодеться, как откуда ни возьмись выскочила Дженифер. Девушка казалась более женственной, хрупкой и ранимой, чем обычно. Она была взволнована и испугана. Я остановился, хоть и не испытывал никакого желания видеть ее.

— Сержант Хокес умер, — выпалила она. — Умер у меня на руках. По его телу прошла дрожь, он дернулся, издал какой-то странный звук — и все, его больше нет.

— Когда?

— Несколько минут назад. Я искала Деллвуда, но увидела вас. Мне нужен кто-нибудь, я не знаю, что делать.

За утешениями она обратилась определенно не по адресу. Я был не расположен утешать никого, даже роскошную брюнетку с соблазнительными формами, способными воскресить мертвого епископа. Ночка и утро выдались хлопотливые. Я чувствовал себя так, точно мне на плечи навьючили груз килограммов в пятьдесят. Хуже — я пропустил ленч.

Я уже убедился, что с кухаркой разговаривать бесполезно. Она понятия не имела, что делается на свете, все пропускала мимо ушей.

— Поговорите лучше с Деллвудом.

Вот и он — легок на помине. Обычная невозмутимость покинула его.

— Мисс Дженнифер, вам не следует оставлять Хокеса.

— Он во мне больше не нуждается.

Деллвуд вытаращил глаза:

— Он... он...

— Да. Что будем делать?

— Деллвуд, — сказал я, — мне нужно видеть генерала. По возможности срочно. Я буду у себя.

Я намеревался вздремнуть: следующая ночь тоже скорей всего будет долгой. Отдохну, пока есть возможность.

Я оглянулся на Дженнифер и Деллвуда. Может, они были хорошими актерами, может, в самом деле были огорчены и измучены. Все же они немного перенягравали, очень уж им хотелось произвести на меня благоприятное впечатление.

Мне без разницы. Пусть хоть вопят и пляшут от радости. На мой взгляд, в доме только один славный парень, и зовут его Гаррет.

14

Проснулся я к обеду, но отдохнувшим себя не чувствовал: пол моей туалетной оказался не слишком удобным ложем. Но он безопасней кровати — стоит лишь взглянуть на раны моего оловянного друга.

Я решил разбить лагерь в одном из свободных помещений. Придется им поехотиться, если захотят прикончить меня во сне. Не из-за меня ли погиб Хокес? Я заснул с этой мыслью. Не послужило ли мое присутствие толчком, заставившим злодея изменить график убийств? Я не мог ничего изменить, но не переставал изводить себя.

Я прошел по коридору на балкон, посмотрел вниз. Дженифер сидела у фонтана, прислонившись к крылу дракона. Чейн и Кид протопали мимо, не обратив на нее внимания. Они шли обедать.

Напротив ниже этажом я заметил притаившуюся в тени колонны блондинку. Она мельком взглянула в мою сторону. Я махнул рукой. Из коридора напротив, тоже на четвертом этаже, показался Черный Пит, нахмурился и помахал в ответ. Я указал вниз, он перегнулся через перила.

Слишком поздно. Она скрылась.

Теория моя разлетелась прахом. Дело в том, что я начал было обдумывать — наполовину всерьез — одно предположение насчет этих постоянных явлений. Я решил, что блондинка — это Дженифер в парике, быстро меняющая одежду. Сложение у них очень похожее, лица тоже. Мне, а старина Гаррет всегда был немножко романтик, блондинка казалась более привлекательной. Но до сих пор я не видел их вместе. Оставался лишь вопрос — на кой черт Дженифер понадобилось такое странное развлечение. Но иногда теории наши соответствуют истине, иногда нет. Мои, как правило, нет.

К первому этажу я убедил себя, что просто поторопился с выводами. Блондинка в самом деле красивее. Есть в ней нечто неповторимое, воздушное, неземное. Дженнифер этого нипочем не изобразить.

Конечно, я и Дженнифер не знаю как следует. Я работаю всего день и никого не изучил досконально, разве кухарку, да и ее недостаточно. Впрочем, маловероятно, что мне удастся изучить их. Не того сорта люди, чтоб близко подпустить чужака.

Питерс встретил меня у лестницы.

— Ты чего хотел?

— Чего махал-то?

— А я не вам махал. Под вами на балконе стояла моя блондинка. Она скрылась, когда я указал на нее.

Питерс взглянул на меня, точно сомневался, того ли человека пригласил.

Что ж, закроем тему.

— У меня к вам вопрос. Исключительно гипотетический. Если бы вы кого-нибудь здесь убили и захотели избавиться от тела — какое место в имении самое подходящее?

Он изумленно посмотрел на меня.

— Гаррет... Чудной ты какой-то. Или ты так изменился после ухода из армии? Для чего ты спрашиваешь?

— Мое дело спрашивать, ваше — отвечать. Вам не нужно понимать, какую цель преследуют мои вопросы. Черт возьми, они и для меня не всегда имеют смысл. Но такие уж у меня методы.

— Но хоть намекнуть ты можешь? Если б я собирался зарыть...

У него мелькнула догадка: он подумал, что я ищу место, где спрятаны генеральские безделушки.

— Зависит от обстоятельств — сколько у меня времени, как надежно хотел бы я упрятать тело. Черт возьми, будь у меня

время, я зарыл бы его поглубже. Но если б времени не было — вообще не стал бы его закапывать, дотащил бы до болота, привязал пару камней — и привет.

— Что за болото?

— По дороге, за кладбищем. От подъезда видны вершины деревьев, там небольшой холм, а за ним болото. Здоровое болото, был даже план осушить его, а то очень воняет. Но старый Мельхиор, владелец земли, слышать об этом не хочет. Сходи посмотри на него: оно тебе кос-что напомнит из времен войны.

— Посмотрю. Пойдемте поедим, пока кухарка о нас не забыла.

Мы с Питерсом отправились в столовую. Кухарка действительно подавала последнее блюдо и обиженно покосилась на меня, как на предателя. Ах да, я ведь не помог ей. Таковы люди, помоги один раз — и тебе сядут на шею.

Как и прошлым вечером, трапеза проходила в молчании. Никаких разговоров, кроме глухих угроз по адресу браконьера. Обстоятельства гибели Хокеса никому не казались подозрительными.

Невероятно. Их убивают — одного за другим, а они точно слепые. Может, дело в военной выучке? В начале кампании в моей роте было двести офицеров, сержантов, солдат. Через два года из тех, что воевали с самого начала, осталось восемнадцать человек. Убивают одного, другого, через некоторое время начинаешь принимать это как должное. Живешь себе, пока можешь, покорно ждешь своей очереди — и становишься абсолютным фаталистом.

— Кто сегодня работает в конюшне? — спросил я.

Они взглянули на меня, будто только что заметили.

— Никто, — ответил Питерс. — Снэйк в патруле.

Он хотел спросить, зачем мне это. И другие хотели. Но лишь посмотрели на меня.

Я встретился глазами с Дженифер. Она робко, зазывно улыбнулась. Оттаивает потихоньку.

— Я говорил с генералом, — сказал Деллвуд. — Он встретится с вами после обеда

— Хорошо. Спасибо. Я не сомневался, что ты не забудешь.

Все опять повернулись кс мне: они недоумевали, чего ради мне понадобился старик. Интересно, какие теории они строят на мой счет? Питерс им, похоже, ни слова не сказал.

— Как вы развлекаетесь, ребята? — спросил я. — Здесь чертовски уныло. — Совсем забыл о пиве. Ладно, отложим до завтра.

— У нас нет времени развлекаться, — проворчал Чейн. — Слишком много работы, а генерал больше никого не наймет. Кстати, теперь придется вкалывать и за Жокеса. Значит, все остальное придется послать к черту.

— Хозяйство разваливается, — подхватил Уэйн, — хоть мы и вертимся как грешники на сковородке. Деллвуд, постарайся довести это до его ума.

— Постараюсь, — без особого оптимизма отозвался Деллвуд.

И пошло и поехало. Я узнал даже больше, чем хотел, о том, что именно разваливается, что может подождать, а что необходимо сделать в срочном порядке.

— Я и говорю, мы зря тратим время на проклятых браконьеров, — заявил Тайлер. — Черт с ними, незачем их ловить. Генерал больше не выходит, не ему судить, стоит возиться с этими паршивцами или нет. Пусть хоть всех оленей сожрут и подавятся. Нам надо серьезными вещами заниматься.

Разгорелся спор.

Дженифер не принимала в нем участия. Она больше интересовалась мной. Мой неотразимый шарм наконец подействовал. Впрочем, может, ее просто восхитило, как здорово я расшевелил старых пней.

15

Мы с Деллвудом помогли кухарке убрать со стола. Деллвуду явно не хотелось выпускать меня из виду. Кухарка была молчалива, но в присутствии свидетеля другого ждать не приходилось. Деллвуду не терпелось начать разговор. Он и начал, как только мы вышли из кухни.

— Надеюсь, вы продвигаетесь успешно. Хорошо бы сегодня сообщить генералу что-нибудь обнадеживающее, поднимающее настроение.

— Почему именно сегодня?

— Он хорошо себя чувствует, оживлен и голова на редкость ясная. Поел без посторонней помощи. Похоже, ваше присутствие взводрило его. И если б ваш доклад поддержал его настроение...

— Не знаю, не знаю... Вряд ли мое сообщение порадует генерала. Постараюсь не огорчать его понапрасну.

Мы поднялись наверх. Кто-то следил за нами. На сей раз точно Дженинфер. Странная она, а жаль, такая хорошенъкая...

Не пойму, что со мной: роскошная женщина, а я холоден как лед. Сроду со мной этого не случалось. Я ведь неисправимый бабник. Что-то с ней все же неладно, на первый взгляд соблазнительная, а внутри какая-то червоточинка.

— Кто растил Дженинфер?

— Кухарка в основном. И слуги.

— Вот как? А куда они подевались?

— Генерал их уволил, чтобы освободить комнаты для нас. Предполагалось часть земли отдать в аренду, но ничего не вышло.

— Он оставил кухарку, почему именно ее?

— Она величина постоянная. Жила здесь всегда, вырастила и генерала, и его отца, и его дедушку. Старик не лишен сентиментальности.

— Что ж, это хорошо. — В бытность свою главнокомандующим он сентиментальностью не отличался. Впрочем, у меня не было случая узнать его поближе.

— Он обходится без слуг.

Деллвуд провел меня в покой генерала, в комнату, в которой я встречался со стариком в прошлый раз. И опять Кид разжигал огонь в камине.

— Подождите здесь. Я приведу его через несколько минут.

Жара стояла адская.

— Конечно. Благодарю.

Ждать пришлось довольно долго, но на старика стоило поглядеть. Он улыбался, на щеках зиял румянец.

Генерал подождал, пока уйдут Деллвуд и Кид.

— Добрый вечер, мистер Гаррет. По-видимому, у вас есть новости?

— Есть, генерал, но это плохие новости.

Чем объяснить улучшение в его здоровье? Отравитель испугался моего присутствия и затаился?

— Не важно, плохие-хорошие, главное, дело сдвинулось с мертвой точки.

— Сегодня утром я ходил в город. Я нанял людей проследить, не появились ли пропавшие вещи у скупщиков краденого. Мои люди знают свое дело. Если вор воспользовался этими каналами, они найдут вещи и опишут продавца. Мне нужны ваши указания. Должны ли они вернуть указанные ценности обратно? Продажа состоялась, и вы окажетесь во власти их новых хозяев.

— Прекрасно, сэр, прекрасно. Конечно, вернуть, всеми средствами постараться вернуть. Я все хочу получить назад, хотя боюсь, что вряд ли их охотно нам отдадут. — Он улыбнулся.

— Вы в хорошем настроении, сэр.

— В превосходном. Я не чувствовал себя так хорошо много месяцев. Да что месяцев — лет! Не вы тому причиной, но началось это после вашего появления. Вы приносите удачу. Если так пойдет, через месяц я буду танцевать.

— Надеюсь, сэр. Теперь плохие новости. Но сперва я должен признаться — я здесь не только для того, чтобы разоблачить вора.

— То есть? — Глаза его сверкнули.

— Да, сэр. Сержант Питерс считает, что кто-то медленно отравляет вас. Он хотел, чтобы я выяснил, кто, если подозрения его не беспочвенны.

— И что? Нашли что-нибудь? — Он не на шутку встревожился.

— Нет, сэр. Ничего.

Лицо его прояснилось.

— С одной стороны, ничего. Тиши да гладь. Остается только радоваться вашему выздоровлению. Я и радуюсь. Но я подозрителен по природе.

— Это и есть ваши плохие новости?

— Нет, сэр. Они куда хуже. Я бы сказал, обширнее.

— Продолжайте. Я не казню вестников несчастья, и я не из тех, кто затыкает уши, лишь бы не слышать неприятных известий.

— Разрешите начать с просьбы взглянуть на ваше завещание. Он нахмурился.

— Питерс просил копию. Это для вас?

— Да.

— Продолжайте.

— Я опасаюсь, не в нем ли корень зла. — Я начал выражаться напыщенно, но с генералом Стэндиором нелегко было держаться непринужденно. — Возрастает ли доля оставшихся в живых с уменьшением числа наследников?

Он пронизывающе посмотрел на меня.

— Половину я завещал Дженифер, половину — остальным. Сперва их было шестнадцать человек. После сегодняшнего утра — только восемь. Значит, доля оставшихся удвоилась.

Взгляд его стал тяжелым. Я подумал, что он способен выкинуть меня вон, несмотря на прежние свои заявления о нежелании прятать голову под крыло.

— Обоснуйте ваши подозрения, мистер Гаррет.

— Вас покинули четыре человека. Мне это кажется невероятным. Один — может быть, максимум двое. Но люди так устроены, что не в силах пройти мимо таких денег. Четверо? Невероятно!

— Понимаю. Может, вы правы. Что еще?

— Кто бы ни подстрелил Хокеса, убийца подготовил все заранее. Олень был мертв задолго до убийства. Стрелок ускакал на лошади. Разве у крестьян, вынужденных промышлять в чужих поместьях, есть лошади? Кроме того, всадник, выйдя из засады, направился к дому. Хотя проследить его до конца мне не удалось: на полпути я потерял след.

Генерал долго молчал. Лицо его опять побледнело. Я таки расстроил его.

— Не хочется отнимать у вас время собственной персоной, но на мою жизнь уже дважды покушались. Кто, я не знаю.

Он посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Расследование убийств не входило в наш договор. Но я подумал, вы должны знать о происходящем. Продолжать ли мне это дело?

— Да! — Он запнулся. — Не укладывается в голове. Воровство — мелочь. Но пытаться отравить меня, перебить моих людей! Немыслимо!

— Именно. У меня тоже пока не получается связать все это вместе.

— Я отказываюсь верить вам, мистер Гаррет. Я знаю этих людей лучше, чем... Два покушения на вашу жизнь, говорите?

Я рассказал ему.

Генерал кивнул.

— Не допускаю, что вы... Нет. Я верю вам. Позовите Деллвуда.

Я поднялся.

— Можно сначала вопрос, генерал?

— Задавайте.

— Может ли оказаться виновным кто-то посторонний? Есть ли у вас враги, достаточно злобные, чтобы попытаться подкупить ваших домашних?

— Конечно, у меня есть враги. У человека многое возраста, занимавшего такое положение, не может не быть врагов. Но ис-
думаю, что они пошли на такое... Нет, этот человек наверняка живет здесь.

Я кивнул и открыл дверь. Деллвуд ждал в коридоре на подобающем расстоянии от входа.

— Генерал просит вас.

16

Итак, я все сказал старику, и он сразу взял быка за рога. Я не ожидал, что он поступит по-умному, но это его дом, его жизнь, его здоровье и его право рисковать.

Он велел Деллвуду привести всех. Усадил. Велел мне стать рядом, лицом к ним. Они все смотрели на нас и недоумевали. Питерс и Чейн пошли искать Снэйка. Кид подбросил дров в камин, и я опять вспотел.

Никто не произносил ни слова. Только Дженифер сделала слабую попытку заговорить, но генерал оборвал ее:

— Подожди.

Одно слово, произнесенное тихим голосом, но подействовало оно как удар хлыста.

Чейн и Питерс привели Снэйка. Он постарался привести себя в приличный вид и, хотя не очень преуспел в этом, был допущен в комнату.

— Закрой дверь, Питерс, — велел Стэнтнор. — Запри на замок. Спасибо. Дай мне, пожалуйста, ключ.

Питерс повиновался. Присутствующие следили за ним. На лицах их отражались различные чувства, но почти все нахмурили брови.

— Благодарю, что пришли. — Как будто у них был выбор. — У нас возникла проблема. — Генерал протянул руку.

Я вложил в нее завещание. Старик разрешил мне прочесть его, пока мы ожидали прихода домочадцев.

— Вот мое завещание. — Точнее было бы назвать этот до неправдоподобия наивный документ призывом к убийству. — Вы в подробностях знакомы с его содержанием. Я напоминал вам его достаточно часто. Похоже, оно и стало причиной преступления.

На столе перед ним стояла свеча. Он поднес бумагу к пламени, подождал, пока она загорелась, положил на стол и оставил гореть. Я следил за реакцией служак.

Они были поражены, может быть, разочарованы и оскорблены. Но ни один не двинулся с места, не потерял выдержки, не выдал себя.

— Эта бумага послужила орудием убийства. Я не собираюсь произносить длинные речи. Факт установлен. Теперь мотив установлен. Завещание отменяется, на днях я напишу новое.

Он заглянул в глаза каждому, по порядку. Ни один не отвел взгляда, не смутился. Но все казались озадаченными и расстроеными.

— Я не понимаю, сэр, — заговорил Дэллвуд.

— Надеюсь, что не понимаете. Но те, кто не понимает, должны запастись терпением. Все выяснится. А сначала я пред-

ставлю вам человека, стоящего рядом со мной. Его зовут Гаррет. Кроме прочих своих талантов, мистер Гаррет — сыщик-профессионал. Я нанял мистера Гаррета, чтобы узнать, кто обкрадывает меня, и до сих пор был доволен его работой. — Из старика вышел бы неплохой шахматист.

— Мистер Гаррет нашел доказательства куда более ужасного преступления. Он сообщил мне, что кто-то из вас убивает товарищей, чтоб увеличить свою долю наследства.

— Сэр! — запротестовал Деллвуд, остальные только зашевелились и беспокойно переглянулись.

— В армии, к твоему сведению, Деллвуд, Гаррет был разведчиком. Он нашел следы сегодняшнего браконьера. Они привели к нашей конюшне.

Это была намеренная неточность. Старик нарочно не упомянул, что я потерял след в полях. Пусть виновный почувствует безвыходность своего положения.

— Мистер Гаррет составил себе имя на расследовании подобных дел. Я попросил его найти убийцу, и он согласился. В его способностях я абсолютно уверен. Теперь вы все знаете. Невиновных я призываю действовать заодно с мистером Гарретом. Чем быстрей мы покончим с этим, тем лучше. А теперь обращаюсь к виновнику злодействий. Попытайся скрыться, беги, но знай, я достану тебя и на дне морском. Ты обманул мое доверие, ты причинил мне жгучую боль! Тебе нет прощения! Дай срок, я доберусь до тебя, я вырву твое подлое сердце!

Я старался не смотреть на генерала, но зрелище было впечатляющее. Старый черт зашел дальше, чем я предполагал.

Он скончал завещание и тем самым устранил угрозу для жизни невиновных. Теперь никто ничего не выиграет. Если генерал умрет, не оставив завещания, все имение отойдет королю, а значит, все останутся с носом. Даже отправитель до поры до времени заинтересован в сохранении его жизни.

Неглупый мужик этот генерал Стэнтнор. Но меня он подставил.

— Положение ваше определилось, мистер Гаррет. Спрашивайте, что вам нужно.

— Сэр... — начал Чейн.

— Нет, сержант Чейн. Задавать вопросы будет мистер Гаррет. А вы помалкивайте, пока вас не спросят. Мы все останемся здесь, пока мистер Гаррет не будет удовлетворен.

— Мистер Гаррет не уверен, что продержится на ногах так долго, — заметил я.

Собрать вместе всех подозреваемых и опутать злодея паутиной хитроумных вопросов — нет, это не для меня. Я больше похож на быка в посудной лавке или, скажем, в тихом прудике — он плюхается в воду и баражается в ней, покамест не распугает всех лягушек. Эх, сюда бы моего Покойника. У него много талантов, и один из самых полезных — умение читать мысли. Он бы мигом покончил с этой волынкой.

К тому же я все-таки допускал возможность вмешательства со стороны, хотя и не находил мотивов. Не отбросив эту возможность, загадки не разгадать.

Они смотрели на меня и ждали. Генерал тоже взглянул в мою сторону, словно приглашая: давай, старина Гаррет, покажи себя во всей красе.

— Кто-нибудь хочет признаться? Мы бы не теряли зря времени и отправились бы спать.

Добровольцев нет. Чего и следовало ожидать.

— Именно этого я и боялся.

— Когда мне было девять лет, я спер у сестренки леденец, — сострил Чейн.

— Неплохое начало преступной деятельности. Но все же нет необходимости углубляться так далеко в прошлое. Давайте ограничимся сегодняшним утром. Что вы делали сегодня, сер-

жант Чейн? Расскажите нам, кого вы видели, и что этот кто-то делал, и кто видел вас, и за какими занятиями.

Придется запастись терпением и выслушать девять историй о сегодняшнем утре. Но из этого может выйти толк. Каждая история добавит штрих к общей картине. Каждая история, разумеется, правдивая, все сильнее будет загонять злодея в угол.

Чейн насупился, но успел лишь проворчать нечто нечлено-раздельное. Стэнтнор тут же осадил его:

— Я призываю к сотрудничеству, Чейн. Точно выполняя указания мистера Гаррета. Отвечай на его вопросы, и обойдемся без оговорок. В противном случае убирайся прочь и знай, что ты — главный подозреваемый.

Чейн прикусил язык и недружелюбно взглянул на меня. Да, вряд ли этот парень станет твоим собутыльником, старина Гаррет.

— Постарайся припомнить все свои наиболее существенные действия за сегодняшний день и как можно точнее назвать время.

— Я не смотрю на часы. Я слишком занят. Из кожи вон лезу, и все равно всех дел не переделать.

— Поблагодарите убийцу: еще пара рук долой. Выслушав всех, мы будем знать, кто что делал, где и когда. Вперед. Мы не ограничиваем тебя во времени.

Умница, Гаррет: сам себя приговорил к пытке. Битых сорок пять минут Чейн докладывал мне, что между завтраком и ленчом не делал ровным счетом ничего интересного и видел только пятерых домочадцев — Деллвуда, Питерса и тех, что были в патруле.

— Есть возражения? — спросил я. — Кто-нибудь хочет уличить его во лжи?

Нет желающих.

— Хорошо. Снэйк. Ты чувствуешь себя здесь не в своей тарелке. Хочешь избавиться от нас? Прошу.

Рассказ Снэйка оказался не лучше. Все, кого он видел, занимались самыми невинными вещами. А видел он Деллвуда до

отъезда, других охотников во время облавы и Питерса, явившегося вместе со мной. Потом он вернулся в конюшню и вновь забился в свой угол.

— Не люблю я людей. Плохо мне с ними, — откровенно признался он. — Разрешите идти, генерал?

Старик, видимо, задремал, но отозвался он без промедления:

— Разве тебе неинтересно, что будут говорить другие в твоё отсутствие?

— Нет, сэр. Мне скрывать нечего. И мне чертовски неспокойно здесь. — Бедняга и правда выглядел каким-то встревоженным и испуганным.

Генерал взглянул на меня. Я пожал плечами. Стэнтнор протянул ключ, я отпер дверь и выпустил Снэйка.

— Спокойной ночи.

Проходя мимо меня, он шепнул:

— Приходите, когда кончите. Возможно, я знаю, кто убил Хокеса.

Спорить не приходилось. Я просто включил его во все удлиняющийся список дел, которыми придется заниматься, пока добрые люди спят, закрыл дверь и огляделся. Не подслушал ли кто? По лицам ничего не разберешь. Но шепот был довольно громкий.

Затем я взялся за Уэйна. Результат нулевой. Кухарка, не сократи я ее немножко, проговорила бы всю ночь и весь следующий день. Она видела всех, и все видели ее.

Итак, минус четыре. Прошло три часа. Осталось еще пятеро. Картина начинала вырисовываться. Но ничего занимательного, обычная, повседневная суета. Деллвуда видели все, он не успел бы отлучиться. В любом случае врать он, как и кухарка, не стал бы.

Значит, следующий Питерс. Он негодовал, что его подозревают наравне с другими, но подчинился беспрекословно. Генерал, казалось, снова задремал, но, возможно, так только казалось.

Питерс не сообщил ничего нового. Едва он кончил, подала голос Дженнифер:

— Мистер Гаррет — или это тоже псевдоним? — давайте следующая буду я, а то нервы уже на пределе.

— А у меня нет, что ли?

Она ни черта не делала все утро. Сидела у себя и вязала. Деллвуд может подтвердить: там он ее и нашел, когда принес известие о Хокесе.

Прекрасно.

— Я пойду? Страшно устала, и голова просто раскалывается.

Я сочувствовал ей: у меня тоже начинала болеть голова. Наверное, простудился, немудрено при такой погоде.

— Пока нет. Потерпите еще, я постараюсь ускорить допрос. Кто следующий?

Нет желающих. Я выбрал Тайлера. Он даже не пытался скрыть раздражение. Скукота. Но концы с концами сходятся, ухватиться не за что. Еще один человек видел Деллвуда — и все.

— Кид? Что скажешь?

Скучная история, в основном о патруле.

Надежды мои не оправдались. Вне подозрения — на девяносто процентов — лишь Деллвуд и кухарка.

— Деллвуд, хоть это и потеря времени, изложи нам свою версию.

Его рассказ оказался лишь немногим короче кухаркиного. Он не навел меня на след. Практически у всех было время убить Хокеса.

Что ж, ты должен перевернуть каждый камушек, Гаррет.

— Благодарю за помошь и терпение. После буду говорить с каждым в отдельности, сколько понадобится. Любое убийство можно раскрыть. Если что-либо придет в голову, дайте мне знать, я сохранию ваше имя в тайне. Вы свободны.

Они ринулись к двери, позабыв, что ключ у меня. Первая спохватилась Дженнифер. Она вырвала его у меня с грацией разъяренной росомахи.

— Еще одно. Я видел в доме вторую женщину. — Я описал белокурую красотку. — Кто она? Секрет это или нет, я требую ответа.

Они недоумевающе уставились на меня. Некоторые покачали головами, засомневавшись в моем здравом рассудке. Все ушли, кроме Деллвуда. Он положил ключ на письменный стол.

— Я уложу генерала, сэр, если вы не возражаете.

— Не возражаю, если он не возражает.

— Идите, Гаррет, — заговорил старик, доказывая, что он и не думал спать. — Я не в силах продолжать. Увидимся после завтрака.

— Слушаюсь, сэр. — Я устал. Не урвать ли несколько часов, не вздремнуть ли? Когда еще придется поспать всласть: ведь старик сделал из меня живую мишень.

Нет. Сперва Снэйк. Судя по всему, навряд ли он сообщит нечто полезное. Но, с другой стороны, черт его разберет. А вдруг... Тогда я смогу не бояться, что меня опять попытаются зарубить во сне топором.

Я направился вниз, в холл. И тут же застыл как вкопанный, разинув рот.

Опять эта женщина. На балконе, наискосок от генеральских покоев. На моем балконе. Я дрожал мелкой дрожью, но не отрываясь смотрел на нее, точно грезил наяву. Она скользила, как призрак, не замечая меня. Я бросился к лестнице, ведущей на пятый этаж, прокрался в восточное крыло, спустился на балкон.

Напрасные старания. Она исчезла. Надо поймать ее в ловушку, иначе с ней не поговоришь. А мне безумно этого хотелось.

Желание порой играет с нами странные шутки. Она возбуждала меня, а победительное очарование *Дженнифер* почему-то оставляло равнодушным.

17

Поскольку вход в мою комнату был сразу из коридора, я подумал, что не помешает принять меры предосторожности. Пожалуй, ножа может оказаться недостаточно, если ночной гость будет настроен чересчур воинственно.

Уходя, я просунул между дверью и косяком листок бумаги. Но это была лишь приманка. Листок трепыхался на виду и сразу бросался в глаза. Настоящим сигнальным устройством служил мне волос, высывающийся из-за двери на пару дюймов. Его-то уж на место не вставишь.

Волоса не оказалось.

Войти или нет? Видимо, злоумышленник еще там: между собранием у генерала и моим приходом прошло совсем немного времени, он не успел бы обыскать комнату.

Я подумал было расположиться с комфортом и подождать снаружи. Но это значило бы отсрочить свидание со Снэйком.

Может, пойти ва-банк и удивить непрошеного гостя? Я снял со стены булаву, достал ключ, отпер дверь и сильно пнул ее ногой, чтобы отбросить притаившегося в засаде. С булавой наготове я ворвался в комнату.

Пусто. Темно. Кто-то опять задул лампу.

Я поспешил вернуться в коридор: мой силуэт мог послужить отличной мишенью для человека, вооруженного арбалетом.

В дверном проеме показалась чья-то фигура.

— Это я.

Морли Дотс. Я осмотрелся, нет ли кого в коридоре, и зашел в комнату.

— Какого черта ты тут делаешь?

Я отбросил булаву и зашарил по столу в поисках лампы.

— Стало любопытно, что у вас здесь происходит.

Я зажег лампу и захлопнул дверь.

— Ты так прямо взял и вошел?

— Подумаешь, у вас все двери нараспашку.

— Как тебе мои апартаменты?

Он постучал себе по носу.

— Запах. У эльфов тонкий нюх, а в твоих апартаментах воняет мясом. Сразу ясно, ты не вегетарианец.

Издевается, мерзавец.

— Значит, ты явился. Что прикажешь с тобой делать?

— Новости есть?

— Да. Еще один убитый. Это случилось сегодня утром, пока я был в городе. Поэтому вечером старик созвал совещание, доложил всем, кто я такой, и пригрозил, что виновных детектив Гаррет по стенке размажет. Между делом старик спалил свое завещание. А что новенького в городе?

— Плоскомордый кое-где побывал, но нашел немного. Ты знаешь, сколько штамповалось этих медалей, в любом ломбарде их полным-полно. Ценность представляют только серебряные: в Холме вечно не хватает серебра.

Холм — центр Танфера. Там живут все важные шишки, в том числе шайка колдунов, ведьм и прочих, кому серебро нужно позарез: для волшебства серебро что дерево для огня. С тех пор как Слави Дуралейник сосредоточил все запасы серебра у себя в Кантарде, цены на него взлетели до небес.

Впрочем, это к делу не относится.

— Что с подсвечниками и прочей дребеденью?

— Кажется, он нашел пару. Люди, купившие их, не помнят продавца. Но ты ведь знаешь Плоскомордого. Убеждать он умеет.

Он убедителен, как оползень: станешь на дороге — рискуешь быть раздавленным.

— Великолепно. Что будем делать?

— Завтра он попытается снова. Жаль, что ворюга не спер что-нибудь эдакое, примечательное — тогда бы его наверняка запомнили.

— И правда. Дал он маху. Слушай. У меня назначена встреча с одним человеком. Он говорит, что знает убийцу. Может, и впрямь знает. Надо поспешить, а то он передумает и не станет разговаривать.

— Вперед, отважный рыцарь.

Морли частенько подсмеивается над моей романтичностью и сентиментальностью. Но он и сам не безгрешен. Взять хоть его появление здесь. Ни в жизнь не признает, что не захотел оставлять меня одного среди акул. Любопытно ему, видите ли, стало.

— Дом с привидениями, да и только, — ворчал Морли, пока мы осторожно спускались по лестнице. — И как они тут живут?

— Говорят, дома стены помогают. Привыкаешь через какое-то время, перестаешь замечать.

— Что это за брюнетка, на которую я наткнулся по дороге, в пустом холле?

— Генеральская дочка, Дженифер. К ней не подступишься.

— А может, ты не знаешь, как взяться за дело.

— Может. Но сдается мне, с ней не все в порядке.

Мы вышли через черный ход. Светила луна, и я почти не спотыкался, а Морли, тому без разницы, он из тех, кого хоть в гроб заколоти — зрение, как у кошки.

— По крайней мере у вас все без затей: ни призраков, ни вампиров, ни великанов — просто людская жадность.

Я подумал о женщине в белом. Надеюсь, она не призрак: я не умею общаться с бестелесными существами.

Морли схватил меня за плечо.

— Здесь кто-то есть.

Я ничего не увидел, но услышал звук — будто человек вдруг остановился.

— Услышал нас, — шепнул Морли и как сквозь землю провалился. Я подошел к конюшне, позвал:

— Снэйк? Ты где? Это Гаррет.

Не отвечает. Я просунул голову внутрь. Темно, лошади неспокойны. Лучше обойти вокруг, сразу заходить рискованно.

С северной стороны конюшни из щелей между досками пробивался слабый, неверный свет, похоже было, что горит оплывающая уже свечка.

В углу оказалась небольшая дверца, видимо, я наткнулся на убежище Снэйка.

— Снэйк? Ты здесь? Это Гаррет.

Снэйк не отвечал.

Я открыл дверь.

Снэйк не ответит больше никому, во всяком случае, в этом мире. Его зарезали.

Нечистая работа. Удар пришелся в грудь, но не в сердце, лезвие прошло через легкое, кончик ножа торчал из спины.

Появился Морли.

— Я его упустил. — Он глянул на Снэйка. — Любитель работал.

Эх, Морли, всегда всех критикует.

— Даже профи может наделать ошибок, когда имеет дело с несговорчивым субъектом. Этот человек, я слышал, бывший десантник. А десантников голыми руками не возьмешь.

— Может, и так. — Дотс присел на корточки, повертел в руках шнурок, обвитый вокруг шеи Снэйка. — Занятно!

Я занялся поиском улик. В спешке убийца мог что-нибудь обронить.

— Что это?

— Это шнурок кефов-душителей.

— Что-о? — Я присел на корточки рядом с Морли.

— Есть такое восточное племя — кефы-душители. Им строго-настрого запрещено проливать кровь. Потому что тогда мертвец не найдет покоя, пока не будет отмычен. Приходится убивать без

кровопролития. Между тем убийство — часть их религиозного ритуала, поэтому плетение шнуров у кефов целое искусство.

Я взглянул на шнурок. Да, не просто обрывок веревки.

— Убийцы-асы изготавливают собственные шнуры. Плетение удавки — последнее испытание, дающее статус мастера. Посмотри. Узел, как у нас делают для виселиц, но петля круглая, ее можно накинуть одной рукой. Узлы — на самом деле не узлы, веревка оплетает пробку конусообразной формы. Эта штуковина устроена, как стрела с наконечником, пробка может высокочить только в одну сторону.

Мне понадобилось не больше секунды, чтобы разобраться в устройстве шнурка: наглядный пример был налицо. Я нашупал конусообразные выступы.

— Пробка сжимается, высекивает из узла и расширяется снова, с другой стороны.

— Как снять шнурок?

— Его не снимают. Используют один раз. Потом он считается испорченным. Я видел эту штуку только однажды. Моему знакомому удалось перерезать ее у себя на горле. Но более везучего парня на свете нет, не считая тебя, конечно.

Я огляделся вокруг. Сам Снэйк интересовал меня меньше. Может, наш убийца и дилетант, но тоже весьма везучий дилетант. Ни одной улики.

— Печально, — сказал я.

— Смерть всегда печальна.

Кто бы говорил! Не Морли полон неожиданностей.

— Я не о том. Посмотри, как он жил. — Я указал на угол Снэйка. Он жил, как лошади. Спал на соломе. Из мебели — только грубо выкрашенный стол. — Он был профессиональным солдатом, двадцать лет в войсках, преимущественно в Кантарде. За это неплохо платят. Человек настолько осмотрительный, что ухитрился выжить, наверняка умел и с деньгами обращаться. Но он жил в конюшне, как животное, и не имел даже смены одежды.

— Бывает, — проворчал Морли. — Хочешь пари, что родился он в самых распоследних трущобах? Или на какой-нибудь грязной ферме, где и двух медяков за месяц не увидишь?

— Не надо пари.

Я видел, что он прав. У выросших в бедности людей есть патологическая страсть откладывать деньги про черный день. Но смерть приходит раньше этих предполагаемых несчастий. Жалкая жизнь. Я тронул Снэйка за плечо — мускулы его были напряжены, не расслабились даже после смерти. Странно.

Я вспомнил рассказ кухарки о Снэйке. «Он был доблестным воином», — напишут на надгробном памятнике.

Я перевернул тело, чтобы посмотреть, нет ли чего под ним. Нету.

— Слушай, Морли. Задушить — дело долгое. Вероятно, убийца сперва попробовал придушить его, а потом пырнул ножом или наоборот.

Морли огляделся кругом. Жуткий кавардак.

— Вероятно.

— Ты когда-нибудь душил человека?

Морли укоризненно взглянул на меня: бес tactный вопрос.

— Извини. А я вот душил. Мне во время набега поручили придушить часового. Я тренировался заранее.

— Не похоже на тебя.

— Мне не нравится убивать и никогда не нравилось, но я подумал: если убить человека придется и если я хочу уделеть, значит, надо все сделать как следует.

Морли проворчал что-то. Он был занят осмотром того, что некогда было лицом, грудью и животом Снэйка.

— Я все разыграл как по нотам. Когда я подошел к нему, парень дремал. Но очень быстро проснулся и отбросил меня, как тряпичную куклу. Он мне чуть мозги не вышиб, а ведь я ни на секунду не отпускал проклятой веревки. Единственное, что мне

удалось, — я не дал парню заорать и поднять тревогу, а там подоспел кто-то из наших и добил его ножом.

— Ну и что?

— Если ты не сломаешь жертве шею, она будет бороться. Предположим, ей удастся сорвать нападающего и ослабить веревку. Парень увидит тебя, пусть даже на шее у него эта дьявольская восточная удавка, и тогда придется его прикончить любым доступным способом — иного выхода нет.

— Ты ведешь к тому, что Снэйк был сильнее убийцы. Как тот часовой.

Я не говорил, что часовой был сильнее меня, но Морли попал в точку.

— Да.

— У кого-то в доме теперь полно синяков и ссадин. Если это кто-то из домочадцев.

— Может быть. Черт побери! Почему мне так не везет?!

— Ты о чем? — Морли считает меня до неприличия везучим.

— Почему убийца не оставил следов? Клочок одежды, пучок волос, хоть что-нибудь.

— Почему бы ему просто не прийти с повинной? — Морли покачал головой. — Ты торопишься и не ценишь то, что имеешь. Он оставил нож и удавку. Куда больше? Я уже рассказывал, какая редкость этот шнурок. А сколько таких ножей ты видел?

Лезвие ножа было чуть длиннее фута и сделано из полированной стали, но больше всего меня заинтересовала рукоятка — из черного агата, гладкая, зато в самом широком месте вычеканены два серебряных двуглавых венагетских орла.

— Военный трофей? — предположил Морли.

— Довольно необычный. Из Венагеты. Принадлежал как минимум полковнику. Да, в гвардии его мог носить командир батальона, а в регулярных частях — полковник или подполковник.

— Много ли здесь таких ножичков?

— Верно, это уже что-то. Ниточка, пусть и тонкая. — Я взглянул на Снэйка. — Господи, почему ты ничего не сказал, у тебя же был шанс!

— Гаррет.

Это нам знакомо. Когда Морли кажется, что меня, по его выражению, не туда заносит, он начинает говорить таким вот престорегающим тоном. «Не раскисай, ты же профессионал», — одергивает он. Не терпит он также упрямства и легкомыслия.

— Я в порядке. Но жалко парня. Я знаю, какую жизнЬ он прожил. Он не заслужил подобный конец.

— Пора идти, Гаррет.

— Да.

Пора. А то увязну в переживаниях. Я побрел прочь.

У каждого, как говорится, хватит сил пережить несчастье другого. Слава Богу, что убит не я.

18

Морли предложил поискать следы человека, шаги которого мы слышали в темноте. Я не возражал, но следов мы не нашли.

— Нехорошо, Гаррет.

— Что?

— У меня нехорошее предчувствие. Это не просто интуиция, больше. Необоснованная уверенность. Я уверен, что дела принимают скверный оборот.

Словно в подтверждение его слов, донесся крик. Кричали не от боли и не от страха, хотя и от страха тоже. От этого звука кровь стыла в жилах. Похоже, кричала женщина, но голову на отсечение я бы не дал. На островах я слышал, как мужчины кричат женскими голосами.

— Не стой на виду, — велел я Морли и побежал к дому.

Крики не замолкали. Я ворвался в дом.

Шум доносился из западного крыла, с балкона третьего этажа. Я в два прыжка преодолел лестницу, но наверху замедлил шаги. Мне не хотелось оказаться замешанным в какое-нибудь очередное злодейство.

Ступени были забрызганы водой и заляпаны чем-то зеленым. Около лампы лежало нечто, похожее на дохлого слизняка. Я тронул его ногой. Ага, пиявка. Мне пришлось близко познакомиться с ближайшими родственниками этой твари в болотах на островах.

Воняло ужасно. Запах тоже был мне знаком по островам. Что, черт возьми, стряслось?!

Гвалт стоял невообразимый, вопили все, на разные голоса.

— Копьем, копьем его, затолкайте его назад! — кричал Питерс.

— Бог мой, что же это?! — не своим голосом взвизгнул Деллвуд.

Я осторожно поднялся выше и увидел собравшихся на лестничной площадке мужчин. Двое из них тыкали копьями во что-то, копошащееся на лестнице.

Во что именно, я толком не разглядел. Но подозрение у меня появилось.

Оживший мертвец.

Я взял лампу.

Мне не хотелось видеть то, что я увидел, никому не может хочется, а убийца меньше всего.

Это был труп. Один из погребенных в болоте. В народе их называют ходячими покойниками — убитые, которые не могут найти покоя, пока не наказан убийца. Существует миллион историй о мести мертвецов, но я никогда не предполагал, что стану участником одной из них. Ходячие покойники — это всего лишь легенда, своими глазами их никто не видел.

Забавно у нас устроены мозги. Не знаю, что должно было прийти мне в голову, но подумал я лишь об одном: почему это случилось именно со мной?

Четкая концепция убийства с корыстными целями рассыпалась в прах.

— Что делать, Гаррет, что делать?! — взвывал Питерс.

Блевать, больше ничего не остается. Убить ходячего покойника невозможно: он уже мертв. Он все равно будет являться и доведет вас до белого калсния.

— Попытайтесь зарубить его.

Делвуда вырвало. Чейн оттолкнул его и схватил алебарду. Два отрубленных пальца упали рядом со мной, продолжая извиваться как живые.

— Задержите его здесь. Я обойду кругом.

Я отступил на балкон, затем спустился обратно на первый этаж и заметил белокурую незнакомку. Она стояла на верхнем балконе западного крыла, откуда ее не могли видеть остальные, находившиеся надо мной. Она казалась более оживленной и заинтересованной, чем обычно, как будто радовалась про себя. Я попытался подкрасться к ней, но, как всегда, безуспешно. Я не удивился.

Через верхний этаж я пробрался на поле боя. Ребята старались вовсю — кололи, рубили, пыхтя и отпихивая друг друга.

— Это становится утомительным, — заметил Питерс.

— Согласен. За кем он?

— Какого черта, откуда мне знать?

— Кто кричал?

— Дженинджер. Она случайно наткнулась на него. Оно погналось за ней.

— Где она сейчас?

— У себя.

— Продолжайте, вы все делаете правильно.

Я отошел от них. Кид и Чейн ругались мне вслед. Я вернулся.

— Кем он был при жизни? — спросил я Питерса.

— Откуда я, черт побери, знаю? — проворчал он. Не мешало бы сержанту обогатить свой словарный запас: он начал повторяться.

— Секунду.

Я спешил к Дженифер; ее покой, видимо, были такие же, как у генерала, но этажом ниже. Я дернул дверь — заперто. Я постучался.

— Дженифер, это Гаррет.

Какое-то шевеление за дверью, потом все смолкло. Она не открыла.

Что ж, ничего удивительного, если учесть, какие страсти рассказывают о проделках оживших мертвцов.

Я попытался еще раз, но Дженифер не отозвалась. Тогда я вернулся к ребятам. Там все было по-прежнему — хотя всюду валялись вонючие куски разложившейся плоти, существо продолжало неумолимо надвигаться на нас.

Я нашел чистое местечко, с которого мог спокойно наблюдать за сражением.

— Кто это все же был, Питерс?

— Я узнал его. Спенсер Квик. Он исчез два месяца назад. Я узнал его по одежде, никто больше так не одевался. Он носил веци из черной кожи, воображал, что женщины от этого балдеют. А чего ты, собственно, прячешься там, Гаррет? Хорошо устроился, сукин сын.

Я схватил палаш футов пяти длиной, из тех, которыми в былые времена забавлялись на турнирах рыцари. Попробовал конец. Довольно острый. Я приготовился встретить движущегося к балкону мертвеца.

— Пусть идет.

— С ума сошел! — крикнул Кид.

Может, и сошел.

— Отвалите. Прочь с дороги.

— Отойдите, — велел Питерс.

Что-то он стал слишком послушным.

Они отскочили.

Останки волочились в мою сторону, цепляясь за стену и распространяя зловоние.

— Чего ты ждешь?! — завизжал Уэйн.

Я надеялся, что мертвяк нападет на своего убийцу. Но он не напал. Чего и следовало ожидать.

Служаки запаниковали, похватали топоры и мечи и принялись размахивать ими. Шесть человек и в таком состоянии — чудо, что они не поубивали друг друга.

Я встал в сторонке и смотрел, не воспользуется ли кто суматохой, чтобы убрать еще одного наследника.

Теперь им было где развернуться, и они изрубили мертвца на мелкие кусочки. Много времени на это не потребовалось: у них были причины стараться. Тайлер, Уэйн и Деллвуд долго не могли остановиться и продолжали рубить уже без всякой необходимости.

Только запыхавшись вконец, они угомонились, хотя еще поглядывали на меня: не приняться ли теперь за старину Гаррета? Судя по всему, бравые вояки сочли, что я помогал им не слишком усердно.

— Ладно, сейчас надо позаботиться об остатках, лучше всего собрать все куски и сжечь. Питерс, расскажите мне о Квике поподробнее. Каким он был и как так вышло, что исчезновение его никому не показалось странным?

Чейн готов был взорваться. Но я не позволил ему вмешаться и продолжал:

— Чейн и вы, Питерс, и вы, Тайлер. Я хочу, чтоб вы вышли со мной. Мы попробуем пройти по его следам.

— Что? — Чейн судорожно сглотнул. — По следам?

— Да. Я хочу понять, откуда он вышел. Может, от этого будет толк.

Чейн затрясся.

— Должен признаться, я оказался полным дерьмом. Я боюсь. За все годы в Кантарде я ни разу так не боялся.

— Ты никогда не попадал в такие ситуации. Это пройдет. И нечего стыдиться, со всяким случается.

— Мы потеряли не одного Квика, — сказал Питерс. — Они что, все явятся?

— Вряд ли. Мертвяки не сваливаются вам на голову пачками, как правило. — Я припомнил парочку историй: например, о Дикой Охоте — целая банда всадников-мертвецов охотилась за живыми. — Вы видели, что оно еле ползает. Будьте начеку, тогда сможете перехитрить его. Главное, спокойствие. Единственное средство прекратить их нашествие — принести в жертву настоящего убийцу.

— О Боже! — вскричал Чейн. — Ему без разницы, ему нужен кто-нибудь. Кто угодно. Подумаешь, мол, просто еще одна славная ночка, в армии таких было немало. Но я притворялся. На самом деле я был жутко напуган.

— Вооружитесь, если так будете чувствовать себя увесренней, и обязательно захватите топоры.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Гаррет, — пробормотал Питерс.

Я не знал. Я просто старался громкими распоряжениями и активными действиями заглушить страх.

19

— Тайлер, держись слева от меня, футах в четырех. А ты, Чейн, справа. Что-то не вижу следа. Посмотрим-ка получше. Пошли.

Мы с Питерсом стали между ними, так что получилась цепь длиной шагов сорок.

— Вряд ли оно оставило следы, — заметил Питерс.

— Все может быть. Вы собирались рассказать мне о Квике. Каким он был, пока мы не прикончили его.

— Мы? — хмыкнул Чейн. — Будь я проклят! Нет сил слушать, что ты несешь.

— Тише, — осадил его Питерс. — Он все делает правильно. Спрашивай, не стесняйся, Гаррет.

— Боюсь, я тем самым выдам себя и сыграю на руку убийце.

— Он и так уже предупрежден.

— И невредим. Кстати, список жертв увеличивается. Снэйк убит.

Питерс остановился, поднял фонарь и внимательно посмотрел на меня.

— Не шутишь? Снэйк. Но почему, черт возьми, Снэйк?

Попытаться вспомнить, кто где сидел, когда я отпер дверь и выпустил Снэйка? Пустое: любой человек с хорошим слухом мог разобрать, что он сказал мне дурацким театральным шепотом. Может, он хотел, чтобы убийца знал. Может, строил какие-то планы, но они обернулись против него. Но я бы близко к себе не подпустил человека, про которого точно знал, что он убийца. Настолько близко, чтобы можно было накинуть петлю.

— Нашел, — сказал Чейн.

Находка оказалась полусгнившим кусочком кожи, зацепившимся за куст. Мы вновь построились шеренгой и пошли дальше.

— Расскажите мне о Квике, — попросил я.

— Не могу, — ответил Питерс. — Я практически не знал его. Он тоже не любил общества, как и Снэйк, почти все время проводил один. Из него слова нельзя было вытянуть. Но он воображал, что ни одна баба перед ним не устоит. Если хочешь разузнать о нем, поспрашивай девчонок в «Черной акуле». Я только могу сказать, что генерал его знал и работал с ним в связке. Как и со всеми нами.

Я проходил мимо «Черной акулы» по дороге к дому Стэнтнора. Мрачного вида забегаловка. Я собирался разведать, какое пиво там подают. Теперь есть повод заглянуть туда.

— Чейн, а ты что-нибудь знаешь о нем?

— Нет. Противный был тип. Я не огорчился, когда он ушел. Они со стариком вечно собачились. На деньги Квик, сколько я его знал, всегда плевал. Просто больше некуда было деваться.

— Тайлер?

— Ничего не знаю. Знаю только, что в «Черной акуле» его уважали. Он был настоящим оборотнем, этот Квик: как завидит бабу, меняется на глазах. Я думал, что он нашел себе местечко получше — вот и все.

Прекрасно. Живые чудные, а мертвые и того чудней.

Мы пытались, пока не потеряли след, найти еще какие-нибудь зацепки. Двигались еле-еле.

— Кто это делает, Гаррет, как ты думаешь? — спросил Питерс.

— Понятия не имею.

— Он скажет, когда останется один из нас, — поддел меня Чейн.

Вмешался Тайлер:

— Я бы поставил на Снэйка. На островах он вконец спятил. Помешался на убийствах. Бывало, надоест ему сидеть сложа руки, соберется и идет охотиться в одиночку.

Я знал нескольких таких парней. Они как наркоманы. Привыкли на войне убивать и не могли остановиться. Только смерть могла избавить их от этой дурной привычки.

Питерс нашел место, где высокая трава была слегка примята. Видимо, мертвяк тут остановился. Мы снова напали на след. Он привел нас к той самой трясине, о которой говорил Питерс.

— Вы когда-нибудь слышали о кефах-душителях? — осведомился я.

— О кефах? Каких кефах, ты сказал?

— Душителях. Вроде как племя такое. Профессиональные убийцы. Вернее, религия предписывает им убивать.

— Черт возьми, кефы живут минимум в двух тысячах миль отсюда. Я их в глаза не видел.

Меня тоже Бог хранил от этого удовольствия.

— Они вроде эльфов.

— К чему ты о них начал?

— Снэйк был задушен ими удавкой, ритуальным шнурком. Надо полагать, в ваших краях это не самое распространенное орудие убийства.

Насколько я мог разобрать при свете фонаря, Питерс был изумлен. Бог мой, до чего мерзкая у него физиономия.

— А что скажете о боевом кинжале венагетского полковника? У кого здесь есть подобные сувениры?

— С черной ручкой и чеканкой серебром? Длинное лезвие?

— Да.

— Можно полюбопытствовать, почему ты спрашиваешь?

— Можно, но я не отвечу. Сначала расскажите мне об этом ноже.

— У Снэйка был такой. Во время одной из своих отлучек он убил полковника, а кинжал взвел себе, — сказал Чейн.

— Проклятие!

— В чем дело?

— Этим ножом его и зарезали — потому что номер с удавкой не прошел, а преступник торопился. Нет, вы подумайте! Его собственным кинжалом! Черт возьми, еще окажется, что он покончил самоубийством!

Похоже, негодяй был не столько умен, сколько дьявольски везуч. Слишком многое случайностей играло сму на руку.

— Бог мой! — охнул Чейн.

— Что еще? — спросил Питерс.

— Посмотрите-ка.

Мы подошли к нему. Чейн поднял фонарь повыше.

Теперь в траве было два следа, футах в двух друг от друга. Мы с Питерсом обменялись взглядами, потом посмотрели на Чейна.

— Тайлер! Иди сюда.

Но Тайлер не пришел. Мы заметили свет его фонаря не-высоко над землей, как будто он встал на колени и что-то разглядывает.

— Секунду.

— Что ты видишь?

— Похоже...

Какое-то движение у него за спиной.

— Осторожней, сзади!

Мертвяк схватил Тайлера за горло и поднял в воздух. Шея бедняги хрустнула, он пискнул, как придушенный кролик, фонарь его упал на землю и разбился. Керосин загорелся, огонь лизал ноги трупа. Он поднял Тайлера над головой и отшвырнул в темноту, затем повернулся к нам.

— Расходимся, — велел я.

— Черт тебя возьми, надо что-то делать, а не глазеть, — огрызнулся Чейн.

Керосин догорел. Ни трава, ни мертвец не занялись: отсыревшее топливо плохо горит.

— Надо расчленить его, как того, первого, — сказал я.

— Нечего болтать, делать надо, — повторил Чейн.

Увы, он был прав. Мертвецу было без разницы, на кого нападать. Он ненавидел всех живых. Если бы дело было в Тайлере, он бы тут же распался на куски, исчез — полностью отмщенный и удовлетворенный. Но он не успокоился. Он жаждал нашей крови.

Ничего, с тремя ему не сладить. Мыдвигаемся быстрее, и у нас оружие. Но труп наступал, а не так-то просто расчленить тело, которое не лежит спокойно в гробу, а преследует тебя.

Но через несколько минут испуг начал проходить и ко мне вернулась способность соображать.

— Кто это был?

— Пончик, — ответил Чейн, сосредоточенный, как часовщик, каждое движение которого должно быть точно рассчитано.

— Пончик? Что за имя такое?

— Прозвище, — прояснил Питерс. — На самом деле его звали Симон Ривервэй. Но он не любил это имя. «Пончик» ему нравилось больше. Так его называли женщины в Фулл-Харборе: говорили, что он сладенький, как пончик.

Чудно. Я размахнулся, хотел ударить мертвяка по шее. Он вытянул руку, пытаясь помешать мне, и удар сломал ему запястье. Но существо воспользовалось тем, что я потерял равновесие, схватило меня другой рукой и крепко держало за рукав. Все, каюк тебе, Гаррет, промелькнуло у меня в голове. Чейн поднял обе руки над головой и со всей силы рубанул мертвеца. Он попал ему по плечу, и тот отпустил меня.

— Я твой должник, Чейн.

Я отскочил на несколько шагов и, готовясь последовать примеру Чейна, поставил фонарь на землю.

Труп последовал за мной — и удружил Питерса. Тот подскочил сзади и ударил его под коленки, перерезав сухожилия.

Он продолжал надвигаться, но уже значительно медленнее.

Казалось, это не кончится никогда. Но все-таки мы сладили с ним. Он упал и больше не вставал. Тогда мы для пущей уверенности искрошили его на мелкие кусочки. За работой страх прошел. Я поднял фонарь.

— Лучше уйти отсюда и дождаться рассвета. Двое уже приходили, могут появиться еще. После все осмотрим.

— Ты говорил, они ходят поодиночке, — возразил Питерс.

— А вдруг я ошибся? Не хочется ставить опыты, пошли отсюда.

— Первую умную вещь от тебя слышу. — Чейн осмотрел Тайлера. — Мертвое мертвого. Ты думаешь, Тайлер один из убийц?

— Не знаю. Поручиться не могу. Сейчас ему было все равно, кого убивать. Он пришел просто убивать людей.

— Как в басне о волке и ягненке? Пошли. А то Тайлер как вскочит — и за нами! Этого мне не вынести.

Я не возражал. Вообще считается, что покойник начинает ходить лишь спустя несколько месяцев после смерти, но мне не хотелось проверять, правду ли говорят в народе.

20

Мы добрались до дома, и я отправился проводить Деллвуда, Кида и Уэйна. Они разожгли на заднем дворе костер и бросали в огонь куски первого трупа.

— Бросайте все, — велел я, — и в дом.

— В чем дело, сэр? — спросил Деллвуд.

Румянец уже вернулся к нему.

— Видимо, он пришел не один, только что мы наткнулись на его приятеля, при жизни его звали Пончик. Он убил Тайлера. До рассвета лучше не высовывать нос на улицу.

Они не стали базарить, не стали задавать вопросов. Они покидали остатки трупа в огонь и направились к дому. Я пошел за ними, озираясь по сторонам. Непонятно, куда подевался Морли.

Оставшиеся в живых собирались у фонтана. Когда я присоединился к ним, они толковали о Снейке и Тайлере. Уэйн и Кид полагали, что второй покойник попал в точку и убил истинного злодяя.

— Не уверен, — возразил я. — Он пришел убивать и не удовлетворился Тайлером, только червячка заморил. Деллвуд, проверь двери. Питерс, есть еще входы в дом?

— Несколько.

— Возьмите с собой Чейна и Кида, проверьте все. Пока не рассветет, будем передвигаться по троем.

— Как? — не понял Чейн.

— Я думаю, убийца работает в одиночку, значит, у нас все время будет численное превосходство — двое на одного.

— Ах вот оно что!

— Спроси ребят о той удавке, — напомнил Питерс.

Верно.

— Деллвуд, Уэйн, Кид, вы что-нибудь знаете о кефах-душителях, в особенности об их ритуальных шнурках для удушения?

Они наморщили лбы.

Деллвуд вернулся после поспешного обхода дверей и, еще не отдышавшись, сразу спросил:

— О чём речь?

Я описал веревку, которую обнаружил на шее Снэйка.

— Похожая штука есть в кабинете генерала.

Лицо Питерса прояснилось:

— Точно! Вспомнил. Я видел такой шнурок в углу у камнина, среди всякого железного хлама и хлыстов.

Я тоже вспомнил хлысты, но, конечно, до сих пор я не обращал на них внимания.

— Деллвуд, в следующий раз, когда будете там, проверьте, не исчезло ли что. Спросите у генерала, откуда у него эта вещь, а если ее нет на месте — куда она исчезла.

Деллвуд кивнул. Ненавижу небрежность и легковерие, но я просто не мог подозревать его. Мне казалось, что он не способен на преступление. Если исключить еще Питерса: не псих же он, чтобы нанимать детектива, будучи виновным, выбор не такой уж большой.

Остальные мыслили так же. Чейн, Кид и Уэйн, беспокойно переглядываясь, старались держаться подальше друг от друга: им стало тесно в одной комнате.

Питерс хотел было отойти.

— Подождите. Сначала еще один вопрос. С этими убийствами я совсем отвлекся от краж. Есть среди вас наркоманы? Игрохи? Бабники? — Эти пристрастия могли стать причиной воровства.

Они отрицательно замотали головами.

— Ни Хокес, ни Снэйк, ни Тайлер?

Трое за один день. Стариk будет недоволен моей работой, хотя, если подумать, он ведь не охранником меня нанимал.

— В Кантарде не выжить, если не умеешь обуздывать свои пороки и желания, — сказал Питерс.

Да, правда. Хотя места вроде Фулл-Харбора — это настоящий притон, рассадник пороков. Там мы проводили наши редкие отпуска и свободные дни. Зато там же мы узнавали, что почем в этой жизни, лишились всех своих иллюзий.

Карента до сих пор не освободила Фулл-Харбор, несмотря на требования Слави Дуралейнику. Срок его ультиматума истек. Очень скоро там что-то произойдет, будет серьезная заварушка. На этот раз у Слави не будет обычных преимуществ. Нелегко справиться с приготовившимся к обороне укрепленным городом, и взять его хитростью тоже не удастся. Вряд ли у Слави найдутся друзья за крепостными стенами, а среди его врагов — сильнейшие колдуны Каренты. С ними ему не совладать.

Я не сомневался — Фулл-Харбор Дуралейнику не по зубам. Но попытаться ему придется. Он слишком много звонил об этом, обратного хода нет.

Впрочем, сейчас нам не до осады Фулл-Харбора. Мы тоже осаждены, ужас подстерегает нас за стенами дома.

Группа Питерса разошлась по дому — провесить, не проникли кто внутрь. Остальные по-прежнему, как запасные игроки, сидели у фонтана. Некоторое время молчали, потом я спросил:

— Деллвуд, что думаешь делать после смерти генерала?

Он удивленно взглянул на меня.

— Никогда всерьез не думал об этом, мистер Гаррет.

Трудно поверить. Я так и сказал ему.

— Эря не веришь, Гаррет, — хихикнул Уэйн. — Деллвуд у нас не от мира сего. Он не из-за денег торчит здесь, просто хочет заботиться о старике.

— В самом деле? А почему торчишь здесь ты?

— По трем причинам. Деньги. Больше некуда деваться. И Дженифер. Женщины — моя любимая тема, но за последние дни это первая возможность посудачить о них.

— Генеральская дочка?

— Она самая. Хочу заполучить ее.

Что ж, честно и открыто.

— Каково мнение генерала?

— Понятия не имею, я не поднимал этого вопроса и не собираюсь поднимать до его смерти.

— А что вы собираетесь делать с вашей долей наследства?

— Ничего, пускай лежит. Зачем мне деньги, если я женюсь на Джени?

Резонно.

— Поэтому я не убийца, мистер. Мне незачем никого мочить, чтобы получить половину имущества старика.

Опять же резонно.

— А мнение Дженифер?

Она вроде бы не проявляла никакого интереса к Уэйну.

— Если честно, не сказать, что она от меня без ума. Но других предложений у нее нет и, похоже, не предвидится. Придет время — и она капитулирует.

Самоуверенный малый, говорит, точно на все сто убежден — выйдет по его.

— Ты что об этом думашь, Деллвуд?

— Бог знает, сэр. Но кто-нибудь мисс Дженифер все равно понадобится.

— А ты чем не пара?

— Нет, сэр. Мне с ней не сладить. Я уж молчу о том, что не больно-то приятно иметь с ней дело.

— Да ну? — Я хотел было расспросить его поподробней, но тут Уэйн вскочил и показал пальцем в сторону черного хода.

За дверным стеклом маячила смутная тень. Вновь прибывший потряс дверь. Я принял его за Морли и не спеша пошел открывать. Пусть подождет.

Я был на полпути, когда пришелец прижался лицом к стеклу. Я разглядел полуразложившиеся черты трупа и остановился.

— Еще один. Спокойно. Скорее всего он не сможет войти. Если все же войдет, не пускайте его дальше.

Я вернулся к фонтану, устроился поудобнее. Я был взволнован, но не испуган. Чего бояться? Ожившие мертвецы не так уж опасны, если вы подготовились достойно встретить их.

Один за ночь — противно, но еще куда ни шло, а больше...

Все на свете может быть и все бывает, но ходячих покойников мне раньше видеть не доводилось. Никогда не слышал, чтобы люди в действительности сталкивались с ними. Я, конечно, не имею в виду вампиров. Но вампиры — другое дело. Это просто болезнь такая, и они не по-настоящему мертвые, они ни то ни се — не живые и не мертвые.

Как бы то ни было, один труп — неприятно, два — неприятно вдвойне, но три — это уж ни в какие ворота не лезет. Нет, тут дело не просто в ненависти и жажде мести.

Легенды гласят, что массовое нашествие мертвецов могут вызвать лишь колдуны и чародеи.

— Гм. Скажи, Деллвуд, нет ли в округе какого колдуна? Хотя бы волшебника-любителя?

— Нет, сэр, — нахмурился он. — К чему вы клоните?

— Подумал, не позвать ли его на помощь, пусть уложит наших неугомонных приятелей в кроватку, — соврал я.

— Снэйк, — сказал Уэйн. — Он знал всякие такие штуки. Его одна ведьма научила. Было время, он от нее ни на шаг не отходил, писал с нее портрет, вот она и выучила его своим фокусам. — Он зажал. Видно, фокусы были забавные. — Впрочем, бедняга Снэйк не особо преуспел в магии.

— И он мертв.

— Верно. Как говорится, нет человека — нет проблемы.

— Но... мозги у него крутились в эту сторону? В смысле, он думал как колдун?

— Не понял.

— Слушай сюда. Я должен был встретиться с ним. Он собирался назвать мне убийцу. Казалось, сомнений у него нет. Он должен был принять меры предосторожности. Но, несмотря на его выучку, силу и осторожность, его убивают. А может, он допускал такой вариант? Предположим, он хотел подстроить ловушку.

— И попался.

— Слушай дальше. Говорят, убив колдуна, ты навлекаешь на себя страшное проклятие. Допустим, Снэйк решил, что, если он будет убит, все убитые раньше восстанут и покарают злодея.

— Черт его разберет, — проворчал Уэйн. — С этого психованного ублюдка все станется, мог и такую свинью нам подложить.

Порой сверкание моего блестательного ума ослепляет даже меня самого.

Пусть я прав. Следовательно, нашествие мертвецов объясняется. Что дальше? Убийца, если только это не Тайлер, по-прежнему гуляет на свободе. До нового нападения мы ничего не узнаем.

Если у убийцы есть хоть капля соображения, он сбежит при первом удобном случае. Я верю в человека, в его разум.

— Ладно, ребята, я смертельно устал и отправляюсь на боковую.

— Сэр! — запротестовал Деллвуд.

— Ему не войти.

Однако он продолжал ломиться в дверь, настойчиво, хоть и безрезультатно.

— Убийце, если он еще жив, крупно повезло. Теперь он все может свалить на Тайлера. Это и дураку ясно.

Я действительно чертовски устал, глаза слипались. Нет, поспать решительно необходимо.

— Всем спокойной ночи.

21

Я открыл дверь и сразу же обнаружил Морли, преспокойно сидящего за моим письменным столом, водрузив на него ноги.

— Стареешь ты, Гаррет, не можешь и одной ночки провести на ногах.

— Гм. — А что я вам говорил? У нас, детективов, мозг как стальной капкан и реакция просто молниеносная, за словом в карман не лезем.

— Я слышал твое обращение к парням, поручения раздал, ложись теперь, дрыхни.

— Вторую ночь не сплю. Как ты вошел? Мы вроде все проверили и заперли.

— Верно, но штука в том, что я вошел раньше. Вы охотились на того мертвеца, а я пошатался немного кругом и зашел. Побродил по дому и поднялся сюда, когда старушка-тролль начала греметь горшками.

— О! — Сегодня ночью я определенно не в ударе. Или сегодня утром? Первые солнечные лучи уже заиграли на оконных стеклах.

— Я осмотрел кухню, проверил, чем тут кормят. Можно сказать, ради тебя, старина, не щажу живота своего.

Я не стал уточнять. Кухарка отдавала предпочтение простым, тяжелым деревенским блюдам: мясо с подливкой, мучное — и все жирное. Хотя блюдо, которым она угощала меня в первый раз, могло понравиться даже Морли.

Уходить он явно не собирался, более того:

— Я думаю, тебе нужен свой человек, и человек умелый, чтобы как-то уравновесить силы.

— Угу? — Ничего лучшего в голову не пришло.

— Я осмотрю помещение и поищу комнату, куда они не заглядывают и где я могу затаиться, не рискуя переполошить весь муравейник, и помочь тебе.

Помощь пришла бы очень кстати. Сотню вещей следовало сделать, но не доходили руки. Например, осмотреть потайные ходы, порыться в жилых комнатах. У меня не хватало на это времени и, вероятно, не хватит — на мне вечно висит что-нибудь неотложное.

— Спасибо, Морли. Долг за мной.

— Пока что нет. Но скоро сквитаемся и тогда... — Он имел в виду пару-другую поручений, которые взваливал на меня раньше. Самое неприятное из них — я помог ему притащить к одному его недругу гроб с вампиром. Он, конечно, не предупредил меня по вполне понятной причине — я отказался бы. Я ничего не подозревал, пока вампир не выскоил из гроба. Само собой, в восторг я не пришел. С тех пор Морли расплачивается со мной мелкими услугами.

— Введи меня в курс дела, чтобы я не изобретал велосипед.

Для начала я высыпался.

— Холод меня доконает. Я начинаю трястись, как овечий хвост.

— Диета, — изрек Морли. — Питайся правильно — и никогда не простудишься. Посмотри на меня. Я ни разу в жизни не простужался.

— Может, и так.

Эльфы не подвержены простудам. Я дал Морли подобный отчет, как будто разговаривал с Покойником. Рассказывая, я не сводил глаз со своего дружка. Стоит Морли заметить, что получается, будто он бескорыстно помогает мне, — он тут же придумает, как извлечь из этого выгоду. Я знаю его достаточно хорошо и сразу замечаю, когда он делает стойку. Первое, что может взбрести ему в голову, — кликнуть свою шайку и обобрать Стэнтнора до нитки. Это нструдно. Значительно трудней потом спастись от преследований разъяренных и жаждущих твоей крови богатеев. Правда, не больно он их боится.

Вряд ли они станут так уж переживать из-за генеральского добра, суть в сословных интересах: нельзя допустить прецдент. Все военачальники, адмиралы, колдуны и чародеи примут участие в крестовом походе против Морли и потребуют его примирной казни.

— Итак, налицо три разных преступления, — подытожил Морли. — Воруют — раз. Вероятно, пытаются медленно убить генерала — два. Массовые убийства — три. Воровством уже занимаются, об этом у тебя голова может не болеть. Генерал... Мне и доктору необходимо осмотреть его. Что касается другого убийцы, единственный путь — продолжать расспрашивать людей, само собой, исключая подозреваемых.

— Не учи ученого, Морли.

— Ладно, подумаешь, какой обидчивый. Я просто думаю вслух.

— Ты согласен, что Деллвуд и Питерс — маловероятные кандидатуры?

— Конечно. Старик прикован к постели, и к тому же у него совсем никаких мотивов.

О генерале я даже не подумал.

— Кид староват для такого темпа и недостаточно силен.

— Возможно, хотя нападать исподтишка и врасплох — обычное дело для убийцы, а на это способен и пожилой человек.

— Пожалуй. Дальше Уэйн — хочет жениться на деньгах. И кто же остается?

— Чейн. — Жирный, отталкивающий субъект. Я с первого взгляда почувствовал к нему неприязнь.

— И дочка. И, возможно, кто-то со стороны. Не говоря уж о тех, кто просто покинул дом, а не пал от руки убийцы.

— Подожди-ка, о чём ты?

— Предположим, Снэйк Брэдон вызвал трех. Где еще один? Кто он такой? Что было написано об этих людях в завещании?

Я не помнил. Одного вычеркнули. Это я слышал. Но если кому-то полагалась часть наследства, даже если он сейчас отсутствовал и все думали, что он ушел насовсем или умер, — у него были веские причины и удобная позиция, чтобы совершить эти злодействия, а потом вернуться как ни в чём не бывало.

— Кто бы ни убил Хокеса, он направлялся к дому.

— Ты потерял след.

Верно.

— Если это сделал кто-то не живущий в доме, значит, он не знает, что генерал сжег завещание.

— И продолжает свое черное дело.

Опять же верно.

— Кто-то пытался зарубить меня.

— Но это могло быть связано с другими преступлениями.

— Морли, отстань, у меня и так уже крыша едет от этой чертовщины.

Он взглянул на меня и криво усмехнулся.

— Точно, рожа у тебя преглупая.

— Я толкуюсь на месте и тороплю события. Когда нехорошие мальчики нервничают — они делают ошибки и сами себя выдают.

Морли хихикнул.

— Сообразительный ты парень, Гаррет. Что, если преступником был Тайлер?

— Запросто.

— Кстати, кухарка. Она торчит здесь четыреста лет, и ей вполне могло прийти на ум, что генеральское семейство обязано выделить ей кусок пожирней, чем стариk собирался ей дать.

Что ж, может быть. Тролли — это другая раса, и голова у них устроена по-другому. Если кто-нибудь мешает троллю, он просто сметает неосторожного со своего пути.

— Кухарку видели в доме, когда был убит Хокес. Кроме того, даже если лошадь не свалилась под ее весом, следы были бы в метр глубиной.

— Но может, она травит старика?

Я покал плечами.

— Средства и возможность у нее есть, но я не улавливаю смысла. Она вырастила генерала, я сказал бы, что она по-своему привязана к нему.

— Ты прав, — фыркнул Морли. — Этак мы ни к чему не придем. Ложись-ка банийки, а я пойду поброжу.

— В спальню не заходи, — предупредил я. — Там ловушка: топор для незваных гостей.

Я решил улечься на перине. Пол гардеробной чересчур жесткий. Может, потом переберусь.

Морли кивнул. На лице его мелькнула улыбка.

— Пусть лучше к тебе наведается хорошенькая девчушка. Так куда интереснее.

Что верно, то верно.

22

Кто-то настойчиво стучал в дверь. Мне казалось, я не спал — просто задумался, однако за окном уже рассвело. Проклиная пришельца, я перевернулся на другой бок: не выношу, когда меня будят. Но проснулся.

Я продрал глаза, потянулся, как старая легавая, — и подскочил, будто мне в задницу булавку воткнули. Я увидел нечто невозможное, немыслимое.

Загадочно улыбаясь, в спальню вплыла блондинка. Я выпучил глаза, не в силах произнести ни слова.

Она присела на краешек кровати, посмотрела на меня. Спокойно так вошла и села — ничего с ней не случилось. Я поднял глаза — мое защитное приспособление на месте — тяжеленный топор готов упасть на голову любому, кто попадется в ловушку, и залить кровью полкомнаты. Да, топор наготове, а толку чуть: она открыла дверь, но устройство не сработало.

По спине у меня побежали мурашки. А если бы это была не моя прелестная и загадочная поклонница, а кто-нибудь, преследующий несколько иные цели? Я вообразил себя зарезанным в собственной постели, похожим на наколотого на булавку жука.

Пока я боролся с неприятными видениями и выкарабкивался из постели, блондинка исчезла, не воспользовавшись, однако, дверью в коридор, в которую не переставал барабанить какой-то невежа. Он прямо-таки вывел меня из себя.

Я собрался с духом, прихватил палку и пошел взглянуть, кто беспокоит меня в неурочный час — не важно, сколько сейчас времени на самом деле.

— Делмвуд! На этот раз что стряслось?

— Ничего, сэр. Но сегодня утром вы собирались к генералу, сэр.

— Да. Извиняюсь. Так разоспался, все на свете позабыл и остался без завтрака. Черт побери. Ладно, все равно надо садиться на дисту. Дайте мне десять минут привести себя в порядок.

Вояка с сомнением взглянул на меня: он, видно, сомневался, что я управлюсь меньше чем за год.

— Да, сэр. Я встречу вас там, сэр.

— Прекрасно.

Стареешь, Гаррет. Лишь через полчаса я через верхний этаж прошел к генералу.

Я недоумевал, куда подевалась блондинка. Недоумевал, куда подевался Морли — и почему я до сих пор не убрался восьмой. Здешняя публика мне не по зубам. Как бы то ни было, я не собираюсь жертвовать жизнью за истину и справедливость. Слинять бы отсюда, а через годик вернуться и посмотреть, как обстоят дела.

Словом, настроение у меня было приподнятое.

Деллвуд ждал в коридоре перед генеральской дверью. Он впустил меня. Повторился обычный ритуал. Деллвуд вышел. Кид подбросил дров в камин, так что в комнате стало невыносимо жарко, и удалился вслед за Деллвудом. Я вспотел. Генерал приветствовал меня садиться. Я сел.

— Деллвуд ввел вас в курс дела?

— Вы оочных событиях? Я в курсе. Как вы думаете, что происходит? И почему?

— Как ни странно, кое-какие соображения у меня есть.

Я рассказал ему о предложении Снэйка, об условленной встрече и как я нашел его.

— Деллвуд предположил, что шнурок взят из вашего кабинета.

— Шнурок душителей? Да. У меня есть такой, достался в наследство от отца. Он имел дело с этой сектой в начале века, когда был молоденьким лейтенантом. Его направили бороться с пиратами, они тогда совсем обнаглели. В шайке одного зарвавшегося бандюги как раз были убийцы-душители. Шнурок валялся там вместе с хлыстами.

Я проверил.

— Теперь его там нет.

Я ни капельки не удивился, генерал тоже.

— Кто мог взять его?

— Кто угодно и в любое время: я много лет не прикасался к этому хламу.

— Кто знал о его существовании?

— Все слышали мои байки об отцовских приключениях. И о приключениях других Стэнтиоров. После смерти сына я ничего не жду от будущего и утешаюсь воспоминаниями о славных делах прошлого.

— Я понимаю вас, сэр.

Старик просиял.

— Вы служили под его началом?

Осторожно, Гаррет. Не давай заговорить себе зубы.

— Нет, сэр. Но от ребят слышал о нем много хорошего. Это чего-нибудь да стоит.

Особенно учитывая, как солдаты обычно отзываются об офицерах.

— Да, да.

Душой он был уже в другом времени — более счастливом, во всяком случае, теперь оно казалось счастливым: так уж у нас мозги устроены — перекраивают историю, как им вздумается. Внезапно он очнулся. Видимо, прошлое было усыпано не только розами.

— Кошмарная ночь. Расскажите мне об этих мертвцах.

Я изложил ему свою теорию, что их вызвал Снэйк.

— Возможно, — сказал он. — Весьма вероятно. Колдуны и не на такое способны. Чернявка-Невидимка, была такая подлая ведьма, забавлялась тем, что вооружала необученных солдатиков и ждала, что из этого выйдет.

Имя колдуны ничего для меня не значило, я знал только, что теперь ее диковинный псевдоним взяла себе другая ведьма. По-настоящему ее зовут, кажется, Генриетта Слэдж.

— Что-нибудь конкретное вы можете доложить мне, мистер Гаррет?

— Пока нет.

— Есть подозреваемый?

— Нет, сэр. Все подозреваемые. Мне не удается разобраться в ситуации. Я еще недостаточно хорошо знаю людей.

Он взглянул на меня, словно хотел сказать, что надо жить по военному девизу: с трудностями справляемся, не сходя с места, с невозможным — через минуту.

— Что намерены делать теперь?

— Осмотреться получше. Беседовать с людьми, пока не приду к определенным выводам. Надо вытрясти из них правду. Ночью мне пришло в голову, что убийцей может оказаться один из покинувших дом. Видимо, он намерен как ни в чем не бывало вернуться к чтению завещания.

— Нет. Все, кто последовал за мной после ухода в отставку, подписали соглашение. Долю в наследстве имеют лишь оставшиеся в поместье.

Я потерял всякое уважение к старику. Он подкупил их, связал договором, чтобы не остаться в одиночестве. Он вовсе не был филантропом, он был всего лишь жалким эгоистом. Внушительная внешность — лишь маска, за ней скрывается некто весьма непривлекательный.

Я не стал бы называть это прозрением, но интуиция не обманывала меня. Передо мной сидел низкий старикашка, искусно прячущий свою подлинную сущность.

Я взглянул на него повнимательней. Цвет лица сегодня утром опять скверный. Улучшение прошло, старик снова на прямой дорожке в ад.

Не твое дело судить его, Гаррет, одернул я себя.

Но потом напомнил себе, что именно этим, восстановлением справедливости, я и занят в данный момент.

Кто-то постучал в дверь. Я так и не успел решить, имею ли право осуждать генерала, а он, видимо, собирался оправдываться.

— Войдите.

Деллвуд открыл дверь.

— Мистер Тарп хочет видеть мистера Гаррета.

Генерал посмотрел на меня. Я пояснил:

— Это человек, которому я поручил заняться поиском пропавших вещей.

— Приведи его, Деллвуд.

Деллвуд закрыл дверь.

— Сюда? — удивился я.

— Вы опасаетесь, что он скажет что-нибудь не предназначеннное для моих ушей?

— Нет. Я просто не хочу беспокоить вас.

— Ничего страшного.

Старый черт хочет развлечься. Не больно ему интересно, что расскажет Плоскомордый — просто одному неохота сидеть.

— Мистер Гаррет, не затруднит ли вас подбросить дров в камин?

Проклятие, а я-то надеялся, он не заметит, что пламя стало не таким вулканическим. Похоже, единственным занятием Кида было поддержание огня.

Появился Плоскомордый с вещевым мешком. Двигался он с изяществом пещерного медведя; в его лапице здоровенный мешок казался дамской сумочкой. Деллвуд, похоже, немного оробел. На старика мой приятель тоже произвел впечатление.

— Покажите его кухарке, — пошутил он. — Ей не устоять.

Первая потуга сострить за время моего присутствия в доме.

— Вы свободны, Деллвуд.

Деллвуд вышел. Плоскомордый отер пот со лба.

— Что за черт, почему ты не откроешь это проклятое окно?

А где твой старичок?

— Ну-ну, повежливей.

— Ладно.

— Что у тебя?

Приезд Плоскомордого меня удивил. Не такие он получил деньги, чтоб чересчур усердствовать.

— Похоже, я нашел кое-что из украденного.

Он вывалил содержимое сумки на письменный стол. Серебряные подсвечники. Не вздорожай серебро в последнее время, они не представляли бы особой ценности.

— Это ваши вещи, генерал? — спросил я.

— Проверьте подставки. Если вещи принадлежат нашей семье, внизу должно быть клеймо в виде морского конька.

Я посмотрел. В самом деле, морские коньки.

— Вот и зацепка. Как они к тебе попали, Плоскомордый?

У Плоскомордого, когда он разговаривает, голос почему-то становится неестественно — для его габаритов — писклявым.

— Вчера вечером у Морли в ресторане потолковал с парнями, — поведал он. — Они жаловались, что дела плохи. Посидели, поболтали о том о сём, ну знаешь, как это бывает. Потом один из парней спросил, назначено ли вознаграждение за эти вещи. Морли мне о вознаграждении ничего не сказал. Ну я так и говорю: «Может да, может нет, а ты что-нибудь знаешь?»

— Нельзя ли покороче?

— Оказалось, он знает кое-кого из скупщиков, которых я не знаю. Они иностранцы. Сегодня утром я наведался к одному. И сразу же напал на эти подсвечники. Немного поговорили, я ему пригрозил, он в долг не остался. Я намекнул, что он вроде бы ни с кем из воротил не связан, а я, так уж случилось, лично знаком с самим Чодо. Не хочешь ли, говорю, уладить это дельце? А он вдруг стал такой покладистый. Короче, одолжил мне подсвечники, но я обещал вернуть их.

Значит, так он и сделает. Если же генерал попытается заграбастать свое добро, Плоскомордый пойдет напролом — он свое слово держит.

— Ладно, получишь назад. Скупщик может опознать вора?

— Все вещи куплены оптом, у другого иностранца. Мой знакомый готов продать его имя.

— Вы следите, генерал?

— Я понял так — тот скупщик краденого купил подсвечники у другого скупщика. За определенную мзду первый готов выдать второго.

— Все так.

— Выбейте из него это имя.

— Не годится, генерал. Он предлагает честную сделку, и мы должны ответить тем же.

— Вести переговоры с преступниками, как с порядочными людьми?

— Вы всю жизнь провели с бандитами с Холма. Но вы же не брыкались и играли по их правилам. Сейчас у нас есть зацепка. Мы можем сегодня же покончить с делом о воровстве. Плоскомордый, сколько он хочет?

Я привык просчитывать несколько ходов вперед. Скупщик краденого без связей? Ему понадобятся друзья. Его бы приласкать, приручить — в один прекрасный день он может оказаться полезным. Если останется жив. Никто не боится скупщиков краденого, но Морли Дотса и Чодо Контагью боятся все.

Плоскомордый назвал цену, она оказалась невысокой.

— Выгодная сделка, соглашайтесь, генерал. Подумайте, насколько больше вы можете потерять, пожадничав из-за нескольких монет?

— Возьмите у Деллвуда: казной заведует он.

Генерал изрядно поднадоел мне, и я ухватился за возможность покинуть его общество.

— Я позабочусь об этом, сэр.

Наверное, Стэнтнор почувствовал мое нетерпение, он промолчал, но на лице его отразилась боль.

Я никогда раньше не видел такого выражения на лицах стариков, я мало имел с ними дела. Но так же выглядят дети, когда понимают, что взрослым некогда возиться с ними.

У меня защемило сердце. Я ведь считал себя славным парнем, а сейчас почувствовал себя виноватым. И откуда только берется это отвратительное чувство? Вот почему я завидую Морли: он-то никогда не чувствует вины. Он делает что хочет или что должен и недоумевает, чего мы волнуемся, почему порой так нелепо ведем себя?

23

— Старик плохо выглядит, — заметил Плоскомордый. — Что с ним?

— Не знаю. Ты поможешь мне выяснить.

— Что я должен сделать?

— Деллвуд, генерал велел дать моему другу денег на покрытие дополнительных расходов. Сколько тебе, Плоскомордый?

Я дал ему шанс окупить поездку.

Но он не ухватился за эту возможность и почти не завысил цену.

— Двадцать. — Парень пытался вздуть цену, но я задал ему трепку.

— Узнай имя, потом найди самого покупателя. Хорошо? Но это еще не все — раздобудь где-нибудь лекаря и притащи сюда.

— Лекаря? Вот те раз. Зачем тебе лекарь?

— Осмотреть генерала. У старика зуб на всех врачей, единственный выход — одурачить его. Этим ты и займешься. Идет?

— Расходы на тебе.

— Поторопись.

— Слушаю и повинуюсь.

Тарп был слишком прост и не стал бы иронизировать, но в голосе его мне послышалась насмешливая нотка.

Деллвуд принес двадцать монет, и Плоскомордый отправился в путь. Я проводил его до парадного и увидел, как он сел в коляску. Вероятно, он ее позаимствовал у Светерта, нашего общего друга. Я остался недоволен расточительностью Тарпа. Старик выдал мне неплохой аванс, однако я не предполагал, что расходов будет так много.

Деллвуд присоединился ко мне.

— Могу я спросить — зачем это все, сэр?

— Спросить можете, но я не отвечу. Часть моего плана — и все. Вы расскажете генералу, что я пригласил доктора?

Он подумал.

— Нет, сэр. Это необходимо. Несмотря на вчерашнее улучшение, генерал быстро угасает. Сейчас он прикидывается молодцом, но ночь была тяжелая. Если удастся одурачить его... Я, как сумею, поддержу вас.

— Мне понадобится помочь: дел сегодня по горло. — Каких дел? Я и сам толком не знал. — Я дам вам указания попозже, но до возвращения Тарпа.

— Очень хорошо, сэр.

Мы расстались. Я отправился наверх взглянуть, не у меня ли Морли. Пора ему вступить в игру. Дойдя до верхнего балкона, я заметил свою подружку в белом. Я махнул ей рукой — как ни странно, она ответила тем же.

Морли в комнате не оказалось. Это в его духе — исчезнуть именно тогда, когда он мне нужен. Болван. Я захватил пальто и вышел.

Красотка стояла на том же месте. Она не смотрела на меня. Я решил попытать счастья еще разок. Стараясь не шуметь, я поднялся наверх, осторожно спустился. Ха! Все еще здесь.

Но... Воображение сыграло со мной злую шутку. Это была не блондинка. Это была Дженинфер в белом платье, но не в

таком, какое носила белокурая красотка. Когда я подошел, она грустно улыбнулась.

— В чем дело? — спросил я.

— Так... — Она вздохнула и оперлась локтями на перила. Я остановился неподалеку, но не слишком близко. Внизу герой продолжал свою смертельную схватку с драконом. Чейн прошел мимо, не взглянув на них. Я посочувствовал витязю: мы, герои, неравнодушны к аплодисментам.

Я ответил Дженифер ни к чьему не обязывающим, но поощряющим душевные излияния звуком: «гмм».

— Я очень безобразна, Гаррет?

Я взглянул на нее. Нет, она отнюдь не безобразна.

— Не очень. — Не она первая. Я знал нескольких столь же великолепных женщин, которые были менее уверены в своей привлекательности, чем любая дурнушка. — Только мертвец или совершенный чурбан может не заметить вашей красоты.

— Спасибо. — Дженифер чуть-чуть оттаяла, на губах мелькнула улыбка. Она подвинулась поближе ко мне. — Ты добр. — Она помолчала. — Никто не замечает меня, не замечает, что я женщина.

Как объяснить, что дело не во внешности? Дело в душе. Она красавица, а душа у нее, как у паучихи «черная вдова». Никак не объяснишь. Придется присочинить, иначе не избежать взрыва, она просто возненавидит меня.

Даже стоя совсем близко к Дженифер, я не ощущал ничего. Ее привлекательность не возбуждала.

Эге, все ли с тобой в порядке, старик?

— Ты не замечаешь меня.

— Очень даже замечаю. — Разве что слепой крот мог не заметить ее. — Но я несвободен. — Такое объяснение всегда сгодится.

— О! — В этом возгласе прозвучало уныние. Верно — уныние. В унынии прошла и проходит ее жизнь. Уныние — бездна, способная поглотить все на свете. — Как ее зовут?

— Тинни. Тинни Тейт.

— Она хорошенькая?

— Да.

Моя рыженькая под стать Дженифер. Высший класс. Но у нас масса проблем, и одна из них — мы зашли в тупик. Это называется «не могу — жить — с тобой — и — не могу — без — тебя». Мы недостаточно доверяем друг другу, чтобы рискнуть взвалить на себя какие-либо обязательства.

Другое дело Майя... Хотя она так часто повторяла, что мы поженимся... Может, я просто сбылся с этой мыслью... Однако я не переставал гадать, чем она занимается теперь, пытался следить за ней, словом, допускал, что не все еще кончено между нами.

— Гаррет! Очнитесь.

— Я задумался о Тинни. И потом... это место... этот дом.

— Не извиняйтесь. Я здесь живу. Я знаю. Это печальное место. Обитель призраков несбыившихся надежд и мечтаний. Некоторые из нас живут прошлым, а остальные будущим, которое никогда не наступит. Нас объединяет только кухарка, но она живет вообще в другом измерении. — Девушка не столько разговаривала со мной, сколько думала вслух. — Знаешь, Гаррет, перед домом проходит дорога, до нее не больше мили, рукой подать. Она ведет в Танфер, в Каренту, в мир. Но я с четырнадцати лет не выходила за ворота.

— Сколько же тебе сейчас?

— Двадцать два.

— Что держит тебя?

— Только я сама. Я боюсь. Все, чего я хочу, — там, за воротами. Но я боюсь выйти и увидеть, пощупать это. Когда мне было четырнадцать, кухарка взяла меня в город на летнюю

ярмарку — больше я никогда не выезжала за пределы имения. Мне очень хотелось поехать, но город ужаснул меня.

Странно, большинство красивых женщин не испытывают в жизни никаких затруднений: все и всегда рады прийти им на помощь.

— Я знаю свое будущее. Оно пугает меня.

Я подумал, что она имеет в виду Уэйна. Я бы тоже волновался, доведись мне стать целью столь тщательно продуманной осады.

— Я останусь здесь, в своих владениях, и буду постепенно превращаться в сумасшедшую старуху, пока дом не обвалится и не погребет нас с кухаркой. У меня никогда не хватит смелости позвать рабочих отремонтировать его: я боюсь чужих людей.

— Это неправда, все будет совсем не так.

— Так. Мне исполнилась неделя, а судьба моя уже была предрешена. Если бы мама не умерла... Хотя она вряд ли что-нибудь изменила бы. Она сама, насколько я слышала, была странной женщиной. Отец — Повелитель Огня, мать — Владычица Бурь, она выросла в столь же леденящей обстановке. Родители обручили ее с моим отцом, до свадьбы они не встречались, однако папа любил ее. Мамина смерть причинила ему жгучую боль. Он никогда не упоминает о ней, но хранит в спальне мамин портрет, лежит иногда и часами смотрит на него.

Что я мог ответить? Тут не поможешь, не утешишь.

— Я собираюсь прогуляться. Не хочешь ли взять шаль и пройтись со мной?

— На улице холодно?

— Не очень.

Зима еще пыжилась, тщетно пытаясь спугнуть пробуждавшуюся от спячки природу. Мне приятно было видеть ее бессильные потуги: терпеть не могу зиму.

— Хорошо, согласна.

Она оттолкнулась от перил и пошла по лестнице вниз, в свои покой. Я потащился следом. Дженнифер не противилась, пока мы не подошли к ее двери. Тут она занервничала: ей явно не хотелось пускать меня внутрь.

Ладно, на этот раз я готов оставить ее убежище не оскверненным. Я отступил в коридор.

Раньше я сомневался, не лишена ли Дженнифер обычного женского кокетства, но теперь сомнения развеялись как дым. Она вернулась буквально через минуту. Никогда не встречал девушки, которой на перемену туалета требовалось меньше получаса. Она управилась в один момент, надела очень простое, военного покроя эймнее пальто, которое удивительно шло ей, подчеркивая красоту лица. Я даже вздрогнул: подумать только — такая прелестница пропадает зазря в этой темнице! Ее лицо, прекрасное, как полотна великих художников, следовало выставить в музее; чтобы все могли любоваться им.

Мы спустились в холл, прошли мимо ее предков Стэнтноров, взиравших на нас с мрачным неодобрением. Уэйн тоже недовольно зыркнул на меня: наверное, решил, что ему пытаются перебежать дорожку.

Я ошибся: было не так уж тепло. Со временем отъезда Плоскомордого холодный, пронизывающий ветер усилился. Но Дженнифер, казалось, не замечала непогоды. Мы сошли с крыльца, и я повел ее по той же тропинке, по которой шел прошлой ночью с Чейном, Питерсом и Тайлером.

— Тебе хотелось бы побывать в городе? Это можно было бы устроить.

Я имел в виду поручить ее Плоскомордому. Он мастерски умеет обращаться с женщинами, хотя сам западает лишь на совсем маленьких, росточком не больше пяти футов.

— Если ты пытаешься спасти меня, не трудись: слишком поздно.

Я не ответил — мое внимание было приковано к оставленным ночью следам.

— Сегодня я видела нечто странное. — Дженифер резко сменила тему. — Я видела незнакомого мужчину. Я поднялась наверх, там ты меня и нашел, но его уже не было.

Должно быть, Морли.

— Наверняка это кавалер моей блондинки.

Дженифер сердито посмотрела на меня — в первый раз, с тех пор как мы вышли из дома, она подняла глаза.

— Смеешься надо мной?

— Не над тобой. Скорей над ситуацией в целом. Я снова и снова вижу женщину. Никто больше не видит ее. Более того, никто не допускает, что она действительно существует. А теперь тебе тоже являются привидения.

— Я видела его, Гаррет.

— Не спорю.

— Но ты не веришь мне.

— Не верю и не не верю. В моем деле — первое правило: допускать любую возможность.

Второе — помнить, что все тебе лгут.

Она вроде бы удовлетворилась этим ответом и на некоторое время замолчала.

Мы подошли к месту гибели Тайлера. Его там не было, мертвеца тоже. Я пошарил кругом, пытаясь понять, что же случилось. И не понял. Надеюсь, Питерс и прочие домочадцы помогут разрешить загадку. А выяснить это необходимо.

Дул пронизывающий ветер, небо было серым, трава пожухлой, а дом Стэнтноров нависал над нами как воплощение безысходной тоски. Я взглянул на фруктовые деревья, протянувшие к небу голые ветки. Для них скоро наступит весна, для них, но не для хозяев дома.

— Ты танцуешь? — спросил я. — Давай устроим танцульку в вашей обители сабель.

Дженнифер попыталась поддержать шутку, но у нее ничего не вышло.

— Не знаю, не пробовала.

— Эге! Это мы исправим, мы еще заставим тебя улыбнуться.

Она помолчала с минуту, а потом снова огорошила меня:

— Я девственница, Гаррет.

Вообще-то я так и думал, но зачем сообщать об этом мне?

— Когда ты появился у нас, я подумала — вот мужчина, который изменит это. Но я ошиблась, правда?

— Я, я вроде бы...

— Питерс предупреждал меня...

— Он говорил о моей репутации? Да, обо мне много болтают, а дыма без огня не бывает. Но то, чего ты хочешь, Дженифер, это неправильно. Не так все должно быть.

Осторожно, Гаррет, осторожно. Черти в аду — просто кроткие овечки по сравнению с оскорблённой женщиной.

— Не надо делать это только потому, что тебе надоела девственность. Любовью надо заниматься, только когда ты уверена — ты хочешь именно этого. Когда ты с кем-то особыенным, очень важным для тебя и хочешь разделить с ним необычное, чудесное.

— Проповедь мне может прочитать и кухарка.

— Извини. Я просто пытаюсь объяснить тебе. Ты привлекательная девушка. Я мало встречал таких красавиц. О таких люди вроде меня могут только мечтать. Я б мигом обслужил тебя, будь я из тех парней, которые используют женщину, а потом отбрасывают ее как обглоданную кость. Им и дела нет до ее страданий.

Похоже, мои доводы подействовали.

Уверяю вас, все это красноречие и маневрирование далось мне не даром и всколыхнуло в душе старины Гаррета массу противоречивых чувств.

— Понятно. Это твой способ быть добрым.

— Верно. Познакомьтесь, мистер Славный парень. С трудом удерживаюсь, чтобы не погладить себя по головке.

Она окинула меня внимательным взглядом.

— Извини, тебе, конечно, от моего остроумия проку мало.

Теперь я шел по следу мертвца, медленно поднимаясь на небольшой пригорок — к семейному кладбищу. Дженинфер, похоже, ничего кругом не замечала. Шагов через пятьдесят она остановилась.

— Можешь ты сделать для меня одну вещь?

— Конечно. Даже то, о чем мы говорили, если когда-нибудь это окажется правильным.

Она натянуто улыбнулась.

— Потрогай меня.

— К-как? — поперхнулся я, растеряв все свое блестящее остроумие.

— Потрогай меня.

Что за черт?

Я прикоснулся к ее плечу. Она поймала мою руку, схватила и прижала к своей щеке. Я нежно погладил ее. Никогда еще я не касался кожи столь шелковистой.

Дженинфер задрожала — и это была некорошная дрожь. Глаза ее наполнились слезами. Она отвернулась, не знаю уж, от смущения или от страха. Потом опять повернулась ко мне. Мы двинулись дальше, подошли к невысокой кладбищенской ограде.

— Это для меня почти то же самое, — сказала она.

— Что?

— Никто до сих пор не трогал меня. Во всяком случае, сколько я себя помню. Кухарка, наверно, трогала, когда пеленала и что там еще делают с младенцами.

На мгновение я точно окаменел, уставившись на зловещее старое здание. У, проклятый холодный дом!

— Иди сюда.

— Что?

— Просто иди сюда.

Дженинфер подошла ближе — и я крепко обнял ее. Она была жесткая, как чутунный столб. Я поддержал ее, потом отпустил.

— Еще не поздно начать. Каждому необходимо, чтобы его время от времени трогали и ласкали. Каждому человеку.

Я понял, чего она добивалась. Дело не в девственности, и секс тут ни при чем. Возможно, она не сознавала этого до конца, но ей представлялось, что секс — цена, которую придется заплатить за нечто действительно нужное.

Сколько раз Морли твердил, что как дело коснется калек и прочих ущербных, я становлюсь совсем простачком! Столько раз, что и не сосчитать. И он прав — если только у простачка может возникнуть потребность облегчить чужие страдания.

Я перешагнул через ограду и подал руку Дженинфер. Перелезая, она зацепилась за ограду подолом и тихонько чертыхнулась. Платье было явно не предназначено для загородных прогулок. Я поддержал ее, пока она отцепляла подол, осмотрелся. Взгляд мой упал на надгробный памятник, более новый, чем остальные, но такой же незатейливый. Просто гранитная плита с именем: Элеонора Стэнтнор. Даже даты нет. Дженинфер остановилась рядом.

— Моя мать.

И все? Это и есть место успокоения женщины, чья смерть перевернула, перекорежила столько жизней и превратила дом Стэнтноров в дом разбитых сердец? Я, разумеется, не думал, что генерал построил храм в честь своей жены. Ведь ее мавзолеем, ее памятником стал дом. Обитель несбывшихся надежд.

Дженинфер снова вздрогнула, придвинулась ближе. Я обнял ее. Дул пронизывающий ветер, небо было серым, а кругом — могилы. Мне тоже хотелось прижаться к кому-нибудь.

— Я передумал. То есть отчасти передумал. Проведи эту ночь со мной. — Я не стал ничего объяснять. Она тоже промолчала, только напряглась еще больше.

Это был просто порыв. Есть у меня слабинка — не могу спокойно смотреть, как человек страдает.

Может, такая штука — карма — все-таки существует. Благие деяния наши порой вознаграждаются. Мелочь, казалось бы, но порыв этот спас мне жизнь.

24

Мы постояли молча, глядя на могильный камень.

— Ты много знаешь о своей матери? — спросил я.

— Только то, что сказала тебе: кухарка мне больше ничего не говорила, отец — вообще ничего. После ее смерти он уволил всех, кроме кухарки. Так что не осталось никого, кто мог бы рассказать мне о маме.

— А о бабушке с дедушкой ты что-нибудь слышала?

— Никогда. Дедушка Стэнтнор умер, когда я была совсем маленькой. А бабушка — когда отец был еще мальчишкой. О бабушке и дедушке с материнской стороны я не знаю ничего, кроме того, что они были Владычица Бурь и Повелитель Огня. Кухарка не рассказала мне, кем именно они были. Думаю, они плохо кончили, и поэтому она решила, что лучше мне остаться в неведении.

Ага! В мозгу у меня словно колокольчик звякнул. Излюбленное развлечение нашего правящего класса — устраивать заговоры с целью захватить трон. Последнее время заговоров не случалось, но раньше, бывало, мы меняли королей как перчатки. Однажды за год их сменилось три штуки.

Большая шумиха поднялась, когда мне было лет семь-восьмь. Дженинфер родилась примерно в то время. Преступный

сговор раскрыли. Выяснилось, что замышлялись ужасные злодеяния, и их предполагаемая жертва пришла в праведное негодование. Ни о каком «прощено — и забыто» не могло быть и речи. Заговорщиков сначала повесили, потом изрубили на куски, головы и тела их разбросали в разные стороны, а руки и ноги пронесли по всему королевству и закопали на перекрестках дорог. Их огромные поместья были конфискованы. В то время никому не хотелось оказаться даже в самом дальнем родстве с преступниками.

С моего шестка ужасно забавно смотреть, как важные господа гоняются за собственным хвостом, и вдруг — оп! — хвост прищемило дверью. Может, это двойное сравнение не из удачных, но вы поняли, что я хотел сказать. Когда случаются заварушки, сторонние наблюдатели надеются, что всякие там партии и группировки сожрут друг друга или самих себя и жизнь наконец наладится. Не тут-то было. Они выбирают худший из возможных вариантов и на этом успокаиваются.

Выяснить, кто были дедушка и бабушка Дженинфер, не составит труда.

— Хочешь узнать что-нибудь о них? Для тебя это важно?

— Нет. Жизни моей это не изменит. Они меня абсолютно не интересуют. — Она помолчала. — В детстве я часто мечтала о них. Мечтала, что они явятся и заберут меня домой, в свой дворец. Ведь на самом деле я, конечно, принцесса. Они спрятали нас с мамой в этом доме от врагов, но случилось что-то непредвиденное. Например, они забыли, где находится наше убежище. Не знаю. Никогда не могла понять, отчего они не приходят, но уверила себя, что в один прекрасный день они все-таки появятся.

Обычные детские вымыслы. Однако...

— Вполне вероятно, ты не ошиблась. В то время в стране было неспокойно. Возможно, твою мать выдали замуж, чтобы укрыть от врагов. После смерти ее родителей остался лишь один человек, который знал, кто она: твой отец.

— Невероятно.

— Я в то время был ребенком, но все помню. Заговорщики пытались убить короля. Попытка сорвалась. Король пришел в ярость. Погибло множество людей, среди них и невинные.

Ложь во спасение. Пусть себе думает, что ее дедушка с бабушкой были лишь щепками, летящими, как известно, когда рубят лес.

Она невесело рассмеялась.

— Вот оно что! Выходит, в моих детских фантазиях была крупица истины.

— Тебе в самом деле неинтересно?

Я мог выяснить все очень просто — стоило лишь порыться в архивах. Игра стоит свеч, если это скрасит жизнь Дженинфер.

— Наверное, немножко интересно.

— В таком случае я разузнаю.

Я двинулся дальше. Она следом, целиком погрузившись в собственные мысли, не обращая на меня внимания. Я вернулся к оставленным мертвцами следам. Мы почти вышли на дорогу, и только тогда Дженинфер осознала, что по-прежнему удаляется от дома. Не стань тропинка слишком уж неровной, девушка так бы и не очнулась.

— Куда мы идем?! — В голосе зазвучала паника. Глаза дико блеснули. Она озиралась, как человек, застигнутый врасплох на вражеской территории. Только крыша дома немного виднелась из-за пригорка, на котором находилось кладбище. Стоит нам выйти на дорогу, скроется и она.

— Я иду по следу существа, удостоившего нас своим посещением прошлой ночью. — На самом деле в высокой траве я насчитал уже три следа. Но ни один не вел назад. Это смущило меня: ведь расправились мы только с двумя. — Думаю, они вышли из того болота, что неподалеку отсюда.

— Нет уж, давай вернемся.

Она как будто боялась, что мертвец внезапно набросится на нас из-за куста. И опасения ее были небезосновательны. Эти ходячие покойники вели себя не по правилам. Кто знает, может, и дневной свет им програда? Я же не сообразил взять с собой оружие и теперь не был готов к встрече с ними.

Но я не особо волновался: на свету им не подкрасться незамеченными.

— Ни о чем не беспокойся. Все будет хорошо.

— Я возвращаюсь, иди туда, если хочешь... — она сказала «туда», будто это значило «на тот свет», — иди.

— Твоя взяла. Все болота в конечном счете одинаковы, на островах я достаточно ими налюбовался.

Дженнифер уже пропустила к дому. Мне пришлось бежать рывью, чтобы догнать ее. Она вздохнула с облегчением.

— Все равно уже пора на ленч.

Она права. Кроме того, надо найти Морли и договориться, что будем делать, когда вернется Плоскомордый.

— Спасибо, Дженнифер, я из-за своего легкомыслия уже сколько раз опаздывал.

Мы прошли прямо на кухню и принялись за еду. Все с любопытством поглядывали на нас: прознали уже о нашей прогулке. Все истолковали это по-разному, но никто ничего не сказал, хотя у Уэйна в запасе наверняка была парочка теплых слов.

Питерс собрался уходить.

— Где я смогу вас найти? — остановил я его.

— В конюшне. Пытаюсь заменить Снэйка. — Вид у сержанта был недовольный. Подобная работенка и меня не привела бы в восторг.

— Я зайду к вам. Задам пару вопросов.

Он кивнул и вышел. Какое-то время я подлизывался к кухарке — помогая убирать со стола. Они с Дженнифер почти не

разговаривали, так, мямлили что-то. Но кухарка никогда ничего не скажет в присутствии третьего лица. Поразительная женщина!

Я надеялся, что Дженифер не будет таскаться за мной постоянно. Но она не отставала. Подбирай после этого несчастненьких. Стоит один раз погладить собачонку, потом не отвяжешься. Простачок я, Морли прав.

Кстати, нужно увидеть его и определиться с планами на день. Я пообещал кухарке вернуться и поднялся наверх в надежде застать Морли у себя. Дженифер плелась следом и отлипла, только поняв, куда я иду: испугалась, видно, моей дурной репутации.

Я попрощался с ней и, пока не скрылся за дверью, сохранял на лице самое простодушное выражение.

Морли не было. Даже и не пахло. Странно. Я был озадачен. Морли, конечно, тот еще гусь, но, как правило, связь держит.

Я пережил несколько неприятных минут, воображая, что он попал в засаду и лежит где-нибудь мертвый. Жуткая мысль. Представьте себе: друг ввязался в дело исключительно ради вас — и погиб! Но Морли слишком высокого класса профессионал, он бы не попался в ловушку. Он совершает ошибки, но другого рода. Например, когда врывается разъяренный муж, бедняжка Морли может оказаться в неудобном положении и не в состоянии ему достойно ответить.

Я быстренько прикинул, сколько осталось до возвращения Плоскомордого, и решил, что справлюсь без Морли. Придется Черному Питу потрудиться.

Я накинул пальто, проверил, на месте ли мое сигнальное устройство, и отправился в конюшню.

Напрасно я озирался по сторонам в поисках прелестницы-блондинки. На глаза мне попался лишь Кид. Он стоял на балконе четвертого этажа западного крыла и мечтал, как он будет прогуливаться здесь после смерти.

Кид близко общается с генералом. Надо бы с ним потолковать. Вдруг удастся выведать, кто может желать смерти старика.

25

Я просунул голову в дверь конюшни, но Питерса не увидел. Две лошади с усмешкой смотрели на меня, словно думали: «Ага, наш час пробил».

— Догадываюсь, чего вам не хватает, — сказал я им. — Четкого плана действий. Но мы с генералом заключили сделку: он заплатит мне лошадьми. И самых нахальных я отправлю на живодерню — пусть с вас там шкуру сдерут.

Не знаю, зачем я это сказал. Полная чушь, разумеется. Они не приняли мои слова всерьез. Интересно, почему при виде лошади я всегда глупею.

— Питерс, вы здесь?

Я начал волноваться: слишком многие уже погибли.

— Я здесь, — отозвался он из дальнего угла.

Там было темно, поэтому я старался передвигаться осторожно, хоть и не допускал, что Питерс замешан в злодеяниях.

— Проклятый Снэйк, наверное, все время тратил на возню с красками. Он месяцами не убирал здесь. Посмотри, что делается.

Я посмотрел. И сморщил нос. Питерс вилами бросал на стоявшую рядом тележку навоз и грязную солому.

— Я мало что в этом смысле, но, по-моему, навоз на поля вывозят не в это время года.

— Отстань. Мне надо вывезти дермо и вычистить помещение. — Он пробормотал несколько крепких ругательств по адресу Снэйка и его предков. — А хлопот у меня и без того хватает. Почему бы тебе, Гаррет, пока свободен, не взяться за вилы и не помочь мне немного?

Я повиновался, но думаю, толку от меня было кот наплакал. Мне всегда везло, даже в армии: я не выполнял черной работы и не ухаживал за лошадьми.

— Кстати, зачем я пришел. Я нашел парня, который купил украденные вещи. Мой помощник приведет его сегодня днем.

Питерс перестал работать и пристально посмотрел на меня. Впрочем, особого впечатления мое сообщение на него не произвело.

— Значит, кое-что ты все же делаешь. А я уж начал думать, что ты и вовсе лентяй, только мозги Дженинфер пудришь.

— Ничего подобного. Не мой тип, — отпарировал я.

Сержант заметил мой тон и сменил тему.

— Ты пришел просто сообщить мне новости?

— Нет, мне нужна ваша помощь. Мой помощник приведет еще и врача.

— Ты хочешь, чтобы я отвлекал старика, пока докторишко будет его осматривать?

— Я хочу, чтобы вы вышли на дорогу встретить их и объяснили доктору, что к чему, а то он, пожалуй, сбежит, не взглянув на старика. Хотя я не возлагаю на него больших надежд: без подробного осмотра трудно делать выводы.

Питерс неутомимо загружал навоз на тележку и ворчал что-то себе под нос.

— Когда они придут?

Я прикинул, сколько займет дорога туда-обратно. Проволочек Плоскомордый не допустит. Он ухватит их за шиворот, в охапку — и сюда.

— Часа два еще есть. Хорошо бы, чтоб парня больше никто не видел. Пусть это будет сюрприз.

— Не отлынивай, — буркнул Питерс.

Я взялся за вилы.

— Я все устрою, — сказал он. — Но сначала надо взглянуть на старика. Там вечно что-то случается.

— Для меня это очень важно.

— В самом деле?

— Может, расследование сдвинется наконец с мертвой точки и куда-нибудь да придет.

— Ты всегда был оптимистом.

— Вы не согласны?

— Нет. Ты имеешь дело не с заурядными преступниками. Эти себя не выдадут, не запаникуют. Будь осторожен.

— Я осторожен.

Он опустил вилы.

— Продолжай работать. Пойду узнаю, как дела.

Я посмотрел ему вслед и усмехнулся. Уши Питерса торчали, как ручки у кувшина.

Я еще чуть-чуть побросал навоз и плонул. Не в конюхи готовила мама-Гаррет своего любимого сына.

Я отошел шагов на десять, и тут в голову мне пришла одна мысль. Я вернулся назад, в логово Снэйка Брэдона, покрутился там минут пять, посветил лампой во все углы. Тело Снэйка исчезло. Куда они его дели? Свежей могилы на кладбище не было.

Черт! Забыл спросить Питерса о Тайлере и мертвце. Мне недостает дотошности Покойника, я теряю бдительность, задумываюсь о посторонних вещах, копаюсь в собственных переживаниях и вообще недостаточно внимателен. При Покойнике я не позволял себе распускаться, он заставлял меня работать четко, точно по списку, номер за номером.

Ничего, я наверстаю упущенное. Пусть я не успел встретиться со Снэйком, это не значит, что он не сможет мне кой-чего порассказать. Спасибо Покойнику — он меня надоумил. Стоит сосредоточиться, и вещи заговорят, хочется им того или нет. Итак, за работу, Гаррет.

Тем же самым я занимался, когда мы нашли Снэйка, и ничего не обнаружил. Но на этот раз я заметил заляпанный

краской стол, на который раньше не обращал внимания. Я вообще как-то упустил из виду эту сторону деятельности Снэйка.

Кухарка называла Снэйка гениальным художником, мне рассказывали, что он писал портрет колдуны Чернявки-Невидимки. Теперь я видел перед собой наглядные доказательства того, что он не бросил рисовать и рисовал помногу.

Но это не вязалось с прочими сведениями о Брэдоне. Художники живут нахлебниками при господах с Холма. Не важно, насколько они талантливы, такой работой не прокормишься. Брэдона я не воспринимал как художника именно потому, что он ни перед кем не пресмыкался.

Но этот стол свидетельствовал о том, что работал Снэйк много. Где же плоды его трудов? На столе их не было.

Начав с рабочего стола — центра жизни Снэйка Брэдона, я тщательно обыскал помещение. Ничего интересного, кроме всяких валяющихся в беспорядке рисовальных принадлежностей, в комнате не оказалось. Я вспомнил, каким чумазым был Снэйк, когда мы расследовали убийство Хокеса. По-видимому, он тогда работал над новой картиной.

К логову Снэйка примыкала разделенная на две части комнаташка двенадцать на пятнадцать футов, раньше там хранилась конская упряжь. Я постоял там, размышляя: судя по всему, не я один вспоминал о Снэйке после его смерти. Эх, Гаррет, Гаррет, старый недотепа! Обскакали тебя.

Если человек, обыскавший комнату раньше меня, и нашел что-либо любопытное, он избавился от него, не оставив следов. Остались только обломки старых кистей на полу. Вряд ли хобби Снэйка было тайной. Надо полагать, о нем знали все, но старались не упоминать. Малевать картины — занятие недостойное мужчины и морского пехотинца. Разумеется, своими замыслами Снэйк ни с кем не делился.

Однако нелегко разобраться в этих людях. Они снова и снова изумляли меня.

Я помедлил, пытаясь вообразить, куда Снэйк мог прятать вещи, не предназначенные для посторонних глаз. Ту же операцию наверняка проделал и мой предшественник, знаяший Снэйка куда лучше.

Великий мыслитель Гаррет поднапрягся, но родить ничего не смог.

Ладно, обищем еще раз. Надо проверить каждый закуток, каждую щелку. Кто бы ни опередил меня, ему пришлось торопиться, чтобы другие не заметили его отсутствия. Черт возьми, он мог обшарить все еще до нашего с Морли появления. Или пока все думали, что он таскает навоз.

Но вдруг он что-нибудь упустил. Если это что-нибудь существует.

Я быстро осмотрел нижнее помещение. В глаза ничего не бросилось, а тем временем приближалось опознание вора. Я заспешил, почему-то надеясь, что мне попадется какое-нибудь чрезвычайной важности доказательство.

Я забрался на сеновал, уселся на стог сена, бормоча про себя: «Какого черта я здесь ищу? Картинки? Ясное дело, он писал картины, а они куда-то запропастились. Но зачем отыскивать их?»

Я пожал плечами, поднялся и огляделся кругом. Снэйка снабжали довольно-таки приличным, сухим сеном. Обычным крестьянам приходится набивать сараи бросовой трухой.

Кстати, о сене. Мне вспомнилась забавная история об одном типе из нашего взвода, звали его, кажется, Талса. Он классно стрелял из лука и был нашим снайпером. Деревенский парнишка, из очень бедной семьи, погиб на островах. Он, бывало, все ржал, рассказывая, как развлекался с дочками барина из соседнего поместья. Они устроили себе потайную комнатку на сеновале в главной барской конюшне.

Я поднял лампу повыше и внимательно осмотрел сеновал. Сена тут чересчур много. Не для того ли, чтобы замаскировать вход в тайник? Ага, теперь мы на верном пути.

Я потыркался туда-сюда, гадая, как Брэдону удавалось проникать внутрь. Выбрал методом исключения три возможных точки, поставил лампу на перекладину и принялся за работу.

Я переворошил с десяток стогов, решил, что неправильно выбрал место, и перешел к следующему варианту. Перевернул еще с десяток охапок и почувствовал себя дураком. Похоже, я опять сел в лужу.

Мои действия привлекли внимание аборигнов. Откуда-то выскочили и присоединились ко мне три безобразные кошки и зловещего вида полосатый старый кот. Под переворачиваемыми копнами сена заметались мыши. Кошки нажрались от пуз. Они работали командой, лично я такое видел впервые. Я переворачивал копну, одна из кошек сразу же прыгала на освободившееся место и гнала перепуганных зверьков в пасти товарищей. В какой-то момент у кота оказалось по мыши под обсими передними лапами да еще одна в зубах.

— Ну что? — спросил я их. — Не зря, выходит, стараюсь?

Последняя попытка. Говорят, на третий раз получится. Я перевернул несколько охапок сена, кошки кружились вокруг. Ура! Дыра высотой фута три и шириной дюймов восемнадцать. Черная, как сердце священника. Я взял лампу и подзадорил кошкам:

— Слабо залезть туда и рассказать, что увидите? Слабо, конечно, так я и думал.

Я лег на живот и заполз в нору.

26

Внутри стоял не противный, но очень крепкий запах прелого сена. Я и без того был простужен, а тут у меня из носа просто фонтан забил.

Устроенная в сене комната оказалась больше, чем я ожидал, пять футов в ширину и восемь в длину; чтобы сено не

осыпалось, стены Снэйк укрепил досками. Здесь Брэдон хранил свои картины и прочие сокровища, в основном всякий металлический военный хлам и медали. Он собрал целую коллекцию медалей, приколол их к рваному карентийскому знамени и гордо выставил у задней стенки каморки.

Я не мог не посочувствовать бедняге: вот как, значит, родина отблагодарила своего храброго защитника, вот до чего он докатился. А наши правители еще удивляются, что Слави Дуралийник стал народным героем.

Обе боковые стены были заставлены картинами. Все полотна без рам; Снэйк просто складывал по три-четыре штуки вместе и прислонял к стене. Кухарка не преувеличивала, скорее она недооценивала Снэйка. Я не специалист, но мне его работы показались творениями гения.

Сюжеты и краски их не были веселыми, жизнеутверждающими. Порождения мрака, видения ада. Одна простая на первый взгляд картина сразу приворотила мое внимание. Меня будто под дых ударили. Снэйк нарисовал болото, может, не то болото, что стало мне домом в бездомные, полные тоски и отчаяния годы службы, но не менее ужасное. Свинцовое небо нависало над унылым пейзажем, едва проступавшим из темноты. Болото было изображено таким, каким оно начинает казаться через несколько сводящих с ума месяцев. Комары размером со шмелей, горящие во тьме глаза, человеческие кости. На переднем плане — повешенный. Стервятники кружатся над его головой, черная птица уселась на плечо и клюет лицо мертвца. Почему-то не вызывает сомнений, что перед вами — самоубийца, не пожелавший жить и страдать дальше.

Двое парней из нашего взвода действительно покончили с собой: не смогли терпеть бесконечную муку. О боги! Мне казалось, что я проваливаюсь в эту картину и лечу в глубь времен, как в пропасть. Я отвернулся картину к стене. Довольно, мне не вынести больше.

Меня била дрожь, однако я просмотрел картины у одной стены и перешел к другой. Больше ни одна не потрясла меня до такой степени, но в глазах беспристрастного зрителя они не уступили бы той, с болотом.

— Сумасшедший, он был сумасшедшим, — шептал я.

Мне показалось, что лошади внизу заволновались.

Я снова принялся переворачивать и рассматривать картины. В целом они были спокойней, да, пожалуй, не такие безумные, но увидены теми же глазами, тем же живописцем, написавшим страшные видения войны. Я узнал вид Фулл-Харбора, подернутого фантастической, дьявольской дымкой — еще подтверждение тому, что Снэйк переносил на холст свои воспоминания и неотступные мысли.

Но Брэдон был не только пейзажистом. Сначала я наткнулся на портрет Дженифер, относящийся, полагаю, ко времени возвращения генерала с войны. На портрете Джени неуловимо отличалась от себя нынешней, казалась моложе и еще красивей. И все же нормальный человек не мог так нарисовать. Я внимательно изучил портрет, но он остался для меня загадкой. Художник придал Дженифер что-то такое, от чего по коже у меня побежали мурашки.

Были и другие портреты. Кид выглядел старым, усталым и измученным, точно смерть у него за плечами. В генерале, как и в Дженифер, Снэйк усмотрел нечто жуткое и вместе с тем хитрое, лисье. Чейн, ну с этим все ясно, мерзкий тип. Уэйн — жадный делец. А ведь я угадал; не во всем, но частично я был согласен со Снэйком, кое-какие его трактовки представлялись мне спорными, но некоторые лица были написаны так, будто художник в самом деле видел насквозь.

Второй, более поздний портрет Дженифер, выражение жестокости явственней, но красота девушки расцвела еще ярче. Портреты людей, с которыми мне не довелось повстречаться,

вероятно, кто-то из пропавших. Деллвуд. Он напомнил мне баскетхуанда, видимо, Снэйк хотел сказать, что старый служака похож на верного пса, не имеющего собственной воли и собственного мнения. Питерс. Очевидная неудача художника, по портрету ничего нельзя сказать о моем командире. Кухарка. Пожалуй, чересчур высокородие и романтично, она изображена чуть ли не как праматерь всего сущего. Затем еще один, третий, портрет Дженифер, ошеломляющий, почти отталкивающий этим непостижимым раздвоением — сияющая красота и смертный ужас. Теперь я немного успокоился и был в состоянии хорошо рассмотреть портрет. Он действовал, если можно так выразиться, на подсознательном уровне. Не знаю, как Снэйк добился такого эффекта, но он нарисовал два лица, одно под другим, верхнее — ослепительно прекрасное и нижнее — оскаленная маска смерти. Надо было долго и пристальноглядеться в картину, чтобы уловить это.

Лошади внизу из себя выходили. Я задумался было, в чем дело, но быстро отвлекся. Магическая, да, я не оговорился, колдовская сила таланта Снэйка Брэдона заворожила меня.

Прятать от людей красоту Дженифер — большой грех, но лишить человечество произведений Брэдона, оставить их погибать от сырости и плесени — грех вдвойне, преступление века.

Я поклялся на портрете Дженифер, что вызову отсюда полотна Снэйка, не допущу, чтобы гений художника погиб вместе с ним.

Любил ли он Дженифер? Только ее он рисовал больше одного раза. Нет, еще сцену, изображавшую какое-то необычное, возможно, священное место до и после осквернившей его, вполне натуральной человеческой битвы. От этой картины буквально несло мертвечиной, я воспринял ее как притчу, как предсказание грядущего конца света.

Я высморкался, втянул носом воздух. Нос еще не успел заново наполниться соплями, и я уловил какой-то новый запах. Что это? Я пожал плечами и продолжал осмотр.

— Проклятие! Лопни мои глаза! — Я не ругался, я вопил от радости.

Снэйк нарисовал мою даму в белом. Он изобразил ее как воплощение красоты, но и в ней было нечто сверхъестественное и потому страшное.

Она бежала куда-то, мчалась, летела, спасалась от стущившейся за плечами тьмы. Понятно было, что кто-то гонится за ней, и в то же время вы задавались вопросом — почему, от чего она бежит? Чем дольше и внимательней вы вглядывались в картину, тем загадочнее она становилась. Женщина смотрела прямо в глаза зрителю, в глаза художнику, неуверенным, робким движением протягивала руку, будто молила о помощи. По лицу ее было ясно — она знает, на кого смотрит, и знает, что позади.

Картина поразила меня не меньше, чем пейзаж с болотом. На этот раз я не понимал, почему. Ведь с моими личными переживаниями она не была связана.

Я опять высморкался и снова почувствовал запах. На этот раз я узнал его.

Дым!

Проклятая конюшня была охвачена пламенем. Неудивительно, что лошади волновались.

Я выкарабкался из каморки, подбежал к краю сеновала. Пламя уже бушевало в углу, там, где Питерс возился с навозом. Лошади метались, рвались прочь из конюшни. Снаружи доносились крики. Жара стояла адская.

Но я не был заперт. Стоило поторопиться — и я смог бы выкарабкаться невредимым.

Представляю, какую гримасу скрочит Морли, узнав, что я полез обратно в тайник Снэйка, рисковал жизнью ради какой-то мазни.

Я схватил холсты в охапку сколько мог унести и вытащил из дыры. Огонь быстро распространялся, меня опалило жаром, брови тянули, дым разъедал глаза. Пошатываясь, я брел к выходу, огонь догонял меня.

— Придурок несчастный, — ругал я сам себя.

Огонь обжег шею. Глаза слезились, я почти ничего не видел. Даже без этих проклятых картин шансы выбраться были невелики. Но я не мог допустить их гибели, ради спасения наследия Снэйка стоило рискнуть жизнью. В душе я уже сейчас оплакивал картины, которые не сумел вынести.

Понизу огонь распространялся быстрее, чем в высоту. Теперь он был впереди меня, дошел до угла, где ночевал Снэйк. Этим путем мне не выйти.

Через щели между досками, из которых была сделана наружная стена, я видел дневной свет. Грубо обструганные доски рассохлись от времени, и некоторые бреши были не меньше дюйма. Все равно что заглядывать в щелочку в адских воротах — так близко и так далеко.

Опасность приближалась. Я решился. Старая конюшня, если она и в самом деле такая гнилая, как кажется, вот-вот развалится. Можно попробовать разломать стену. Я навалился на нее плечом. Она затрещала, плечо тоже, но ни стена, ни плечо не треснули. Я повернулся спиной и ударил в стену ногой. Одна доска подалась немного. Это плюс отчаяние придало мне силы. Я ударил снова. Доска дюймов шести шириной выгнулась, а потом не выдержала собственной тяжести и отлетела. Я, верно, совсем спятил: сначала выпихнул картины Брэдона и лишь потом расширил дыру и вылез сам.

Я чуть не задохнулся от дыма, но все же благополучно выкарабкался наружу.

Некоторое время я лежал неподвижно, пытаясь отдохнуть и лишь смутно сознавая, что крики доносятся с другой стороны конюшни. Передохнув, я ухватился за оградку, выпрямился, огля-

делся, ощупал себя — все ли цело. Вокруг никого не было. Я собрал свои бесценные сокровища.

Если боги существуют, они согласятся со мной насчет этих картин. Нельзя было позволить им исчезнуть. Я сложил полотна вместе, дохромал до коровника и спрятал их на сеновале. Почему-то мне показалось, что так будет правильно. Затем я поплелся на шум голосов.

Вся компания в сборе. Кудахчут, как потревоженный курятник. Они занимались безнадежным делом: таскали к пожару ведра с водой из колодца. Отсутствовали только генерал и Питерс.

— Гаррет! — вскричала Дженифер. — Откуда ты?!

У них челюсти поотвисали — наверное, выглядел я потрясно.

— Задремал в конюшне, — соглашал я.

Она немного побледнела. Я улыбнулся самой героической своей улыбкой.

— Пустяки. Прошел сквозь стену — и вот я снова здесь, с вами.

Меня одолел кашель. Проклятый дым.

— Для меня не существует препятствий.

— Ты мог погибнуть.

— Мог. Но не погиб же. Слишком я дощий, чтоб погибнуть.

— Кто-то пытался убить тебя, парень, — сказал Кид, проходя мимо с огромным ведром воды.

Я взглянул на бушующее пламя. Мне это в голову не пришло, а вдруг он прав?

Нет. Никто не стал бы убивать меня, запалив конюшню. Слишком легко было спастись. Может, он хотел выманить меня, но... Нет, не сработает, чересчур много свидетелей.

Даже в таком смятенном состоянии я ясно сознавал, что поджигатель хотел уничтожить конюшню и то, что не успел обнаружить во время облавы.

Удивительная вещь — информация Снэйка второй раз ускользнула от меня.

Воду носили все, даже кухарка. Кроме Питерса. Я уже начал подозревать его, но вспомнил, что услал его сам.

Черт возьми, Плоскомордый запаздывает.

— Эря теряете время, мужики, — сказал я. — Единственно, что можно сделать, — проследить, как бы огонь не перекинулся на другие строения.

— А мы что, по-твоему, делаем, придурок?! — окрысился Чейн. — Не помогаешь, так вали отсюда.

Хороший совет.

— Пойду в дом, обработаю ожоги.

Я еще не осматривал их, но надеялся, что ничего серьезного нет. Не хватало еще этой чепухи, и так простуда замучила.

Я тихонько побрел прочь. Никто не обратил внимания.

27

Я прошел через парадный холл, мимо неутомимых бойцов и хмурых Стэнтноров. Я пробыл в конюшне слишком долго, Плоскомордый сильно задерживается, если только я правильно расчитал время.

Никого. Я вышел на крыльцо. Ожоги, хоть и неопасные, давали о себе знать. Надеюсь, доктор захватит с собой обезболивающее. Проклятый Тарп, где его носит? Неужели так трудно скрутить пару парней и приволочь их сюда?

По ступенькам застучали дождевые капли. Я взглянул на небо — опять все затянуло свинцовыми тучами. Похоже, у Стэнтноров по-другому и не бывает. Мне это уже стало надоедать.

Ветер усиливается. Надо полагать, поджигатели сейчас здорово разочарованы, они-то, конечно, надеялись, что дождя не будет.

А он зарядил не на шутку. Не сказать чтобы ливень, но огонь потушить поможет. Минут через пятнадцать совсем разойдется. Завывал ветер, и тут из тумана показалась карета.

Чертов Плоскомордый. Теперь он еще карету нанял!

Кучер осадил лошадей, пассажиры вылезли из кареты. Питерс бегом поднялся на крыльце, за ним крепкий, видный мужчина. Я решил, что это и есть доктор. Затем подсеньского вида низкорослый человечек, Плоскомордый и Морли Дотс.

— Где тебя черти носили? — спросил я Морли. — Я тебя все утро искал.

Он странно посмотрел на меня.

— Я был дома, занимался своими делами.

— Слушай, Гаррет, — перебил нас Плоскомордый, — вот доктор Стоун. — Он указал на невысокого человечка. Да, никогда не надо судить о людях по внешности. — Он с тебя семь шкур сдерет. А это тот парень. Мы условились — никаких имен.

— Ладно. Пусть только укажет вора. Питерс, идемте наверх.

Вид у сержанта был озадаченный.

— Что здесь происходит?

— Кто-то поджег конюшню. Вместе со мной. Идемте. Док, у вас есть что-нибудь от ожогов?

Мы зашли в дом.

— Хочешь, чтоб он и последнюю шкуру с тебя спустил? — спросил Плоскомордый.

Питерс прошел вперед, к лестнице.

— Где ты был так долго?

— Это все Морли. Он искал врача поплоше, чтоб сошел за компаньона такой вот темной личности.

Резонно.

— Ладно. Морли, я думал, ты пошатаешься по дому, поглядишь, что и как, а то у меня времсни не хватает, просто на части рвут.

Он снова странно посмотрел на меня. По-видимому, недоумевая, чего это Гаррет разболтался. Питерс тоже был недоволен.

— Делаю, что могу, Гаррет, — ответил Дотс, — но у меня есть свои дела, я не могу весь день быть у тебя на подхвате.

— Но я слышал, как ты ходишь туда-сюда.

Он остановился.

— Ты лег спать, примерно через часок я обошел дом, не обнаружил ничего интересного и решил наведаться домой, проверить, не ограбил ли меня Клин. Он тот еще тип, стоит только отвернуться... Я не возвращался в комнату.

Я вздрогнул, по коже пробежали мурашки.

— Не возвращался?

— Нет.

— Бог мой. Честное слово, я тебя видел.

— Это был не я.

Но я-то не сомневался. Я вставал на горшок, видел Морли, даже пробормотал какое-то приветствие, и он как будто ответил. Так я ему и сказал.

— Это был не я, Гаррет. Я ушел домой, — серьезно и беспокойно повторил Морли.

— Тебе виднее. — Я тоже говорил очень серьезно. — Но кто же это был?

— Оборотень?

Мне случалось сталкиваться с ними и не хотелось повторять этот опыт.

— Оборотень? Но они сначала убивают людей, личину которых хотят принять. Потом овладевают их душой — и пошло-поехало. Но все равно абсолютного сходства им добиться не удается.

— Верно, а парень был вылитый я?

— Я чертовски устал. Горела только одна лампа. Я просто прошел мимо, почти не обращая внимания. Но готов поклясться, это был ты.

— Мне это не нравится. Меня это тревожит, Гаррет. Очень даже.

Еще бы. Не хватало нам, чтобы по дому разгуливал какой-то негодяй и прикидывался кем ему заблагорассудится.

Морли, конечно, думал только о себе. У него и так забот полон рот, а тут еще кто-то начнет под его именем и видом вмешиваться в его же грязные делишки.

У меня перспективы куда шире. Если некто смог прикинуться Морли, значит, он в любой момент сможет прикинуться кем угодно. А значит, никто из нас не сможет с уверенностью сказать, с кем имеет дело в данный момент. Начнется страшная неразбериха, сам черт ногу сломит. Никто не сможет разобраться, где правда, где вымысел.

— Лучше тебе остановиться, пока не поздно, — заявил Морли.

Соблазнительно, на редкость соблазнительно. Но...

— Не могу. Я взялся за это дело. Если я откажусь, потому что оно стало слишком сложным, ничто не помешает мне отступить и в следующий раз. Эдак я скоро вообще не смогу работать.

Морли удержался и не напомнил мне, что я полжизни трачу на увиливание от работы.

— Положим, ты прав. Оставайся. Но я сматываю удочки. — Мы дошли до последней лестничной площадки. — Ты молоко пьешь?

— Предпочитаю пиво.

— Оно и видно.

— Почему?

Остальные смотрели на нас как на шутов.

— Не знаю почему, но молоко благотворно влияет на зубы, кости и мозги. Люди, которые пьют много молока, никогда не теряют здорового чувства самосохранения. Пропойцы же постепенно начисто лишаются его.

Ну сел на своего конька, завел волынку — про дисты и тому подобное. Лучше бы прямо сказал: «Боюсь, ты вконец спятил, старина».

— Не пойму, о чём вы, — вмешался Питерс. — Впрочем, не важно. Но, думаю, не стоит тянуть время. — Он смотрел в окно. Пламя было видно и отсюда: Похоже, сержанту очень хотелось бросить нас и мчаться на пожар.

— Правильно. Пошли к старику.

Все направились к покоям генерала. Я отстал, еще раз взглянул на огонь.

— Гаррет!

— Иду.

Я поймал на себе взгляд блондинки. Она пряталась за колонной, улыбаясь, и, казалось, готова была ответить на мое приветствие.

Я выругался про себя и продолжал путь.

Ее портрет мне удалось спасти. Вот принесу его в дом и задам парочку вопросов. И, черт возьми, на этот раз им не отвертеться.

Мне надоело корчить из себя добрячка.

28

Питерс прошел во внутренние покои, а мы остались ждать в кабинете. Чтобы убить время, я подбрасывал в камин дрова и обменивался недоумевающими взглядами с Морли. Каждый из нас гадал, что еще выкинет другой.

Появился генерал, закутанный, точно в Арктику собрался. Он посмотрел на огонь, посмотрел на меня — я как раз шевелил поленья, чтобы втиснуть еще несколько, — и благодарно просиял:

— Очень мило с вашей стороны, мистер Гаррет. — Он оглядел собравшихся. — Кто эти люди?

— Мистер Морли Дотс — владелец ресторана и мой помощник.

Морли кивнул.

— В самом деле?

Вид у старика был слегка испуганный и озадаченный: похоже, имя моего друга ему приходилось слышать раньше, и теперь я тоже упал в его глазах.

— С мистером Тарпом вы знакомы, — продолжал я. — Остальные джентльмены предпочитают оставаться неизвестными, но готовы опознать вашего вора.

— О! — ничего не выражающий звук.

Оказавшись лицом к лицу с правдой, он вовсе не горел желанием узнать ее. Но я помнил инструкции: не давать ему ускользнуть.

— Где остальные? — спросил генерал.

Я попросил Питерса привести их. Он повиновался только, когда генерал выразил свое согласие.

— Они пытаются потушить огонь. Кто-то поджег конюшню.

— Пожар? Поджог? — Он был ошарашен.

Доктор и Морли внимательно изучали старика.

— Да, сэр. Я полагаю, человек, убивший Брэдона, боялся оставить в конюшне что-то, что может разоблачить его. Убийца обыскал помещение, но, наверное, торопился и не смог сделать это как следует, поэтому и решил уничтожить улики наверняка.

— О! — опять этот пустой звук.

Я подошел к двери, выглянул наружу. Никого.

— Плоскомордый, скажи нам, когда все соберутся.

Он что-то пробурчал и приблизился ко мне.

— Ты предупредил тех двоих? — шепнул я.

Он снова буркнул нечто невразумительное. Но времени на объяснения не было, приходилось рассчитывать на смекалку Тарпа.

— Генерал, вы позвольте мне расположиться, как в прошлый раз? Мистер Дотс и мистер Тарп смогут охранять дверь.

— Конечно, конечно.

Огонь разгорелся, в комнате стало светлее, и теперь я мог разглядеть, что цвет лица у старика вновь такой же мертвенно-бледный, как и в день моего приезда.

Я занял свое место. Через несколько минут Плоскомордый сообщил:

— Пришли.

— Проведи их сюда, а обратно не выпускай.

— Понял.

Доктор ретировался в уголок, скупщик краденого тоже. Морли и Плоскомордый встали по обе стороны двери.

Вошли служаки, усталые, настороженные и удрученные. Они с опаской поглядывали на Морли и Плоскомордого, как будто все они, даже Питерс, боялись, что сейчас их уличат в преступлении.

— У мистера Гаррета есть новости, — объявил генерал.

Мистер Гаррет и мистер Тарп поглядели на скупщика. Взгляд Плоскомордого не сулил парню ничего хорошего, если тот вздумает запираться.

Но ему не пришлось ничего говорить. Преступник вышел вперед.

— Кто-то крадет из дома безделушки, сумма достигла уже двадцати тысяч. Генерал хотел знать, кто. Теперь мы знаем — Деллвуд. Но я не пойму, зачем.

Он держался прекрасно. Возможно, он никогда не сомневался, что разоблачение неминуемо.

— Чтобы покрыть расходы по дому. Не было другого способа достать деньги.

Сперва генерал лишь лопотал что-то невразумительное, потом перешел к напыщенным обвинениям. Лица солдат оставались непроницаемы, но у меня возникло подозрение, что симпатии не на стороне хозяина. Какую-то долю секунды я даже допускал, что все они желают его смерти.

Деллвуд твердо гнул свое:

— Генерал выдавал мне средства, достаточные для содержания дома десять лет назад, ко времени нашего возвращения из Кантарда. Он не верил, что цены с тех пор выросли. Я и медной монетки не положил себе в карман, ничего не истратил зря. Но поставщики отказывались продлить кредит.

Препаршиво, надо полагать, чувствовать, что разорен, особенно если привык к богатству.

— Ты должен был все рассказать, а не подвергать меня такому унижению, — не унимался генерал.

— Я повторял вам неоднократно, сэр. В течение двух лет. Но вы видите только прошлое. Вы отказываетесь верить, что времена изменились. Я оказался перед выбором: или сделать то, что я сделал, или отдать вас на растерзание кредиторам. Я решил защитить вас. Сейчас я соберу вещи.

Деллвуд повернулся к двери. Плоскомордый и Морли преградили ему путь.

— Генерал? — спросил я.

Старик молчал.

— Не знаю, имеет ли это значение, сэр, но я не сомневаюсь — он говорит правду.

— Вы считаете меня скрягой?

— Ничего подобного я не говорю. Но репутация у вас такая.

Что-что, а маневрировать и ублажать я мастер. И до сих пор ни с кем из клиентов — мужчин, во всяком случае, — не испортил отношения.

Старик еще что-то пискнул, а потом с ним опять случился приступ.

Сначала мне показалось, что он играет. Видимо, остальным тоже. Наверное, он не однажды поднимал ложную тревогу. Все просто стояли и ждали, когда это кончится. Но потом, отпихивая друг друга, кинулись к хозяину, Деллвуду впереди. Ни один не отступил.

— Плоскомордый, твой парень больше не нужен.

Напрасно я надеялся, что, стоит разрубить один узелок, остальное распутается само собой,

— Отойдите, — сказал я. — Ему не хватает воздуха, но худшее осталось позади. Плоскомордый, Деллвуд пусть идет тоже.

Деллвуд проследовал к выходу с видом, полным достоинства. Кстати, выходит, что и я, и Плоскомордый, все вообще получают деньги только благодаря его усилиям. Я взглянул на кухарку. Она рассказывала, что у генерала даже собственного ночного горшка нет. За всю жизнь старый осел так и не научился управлять хозяйством. И вот Деллвуд уходит — кто займет его место? И не попытается ли этот кто-то спасти поместье другим способом: убрав с дороги его жадного и ни черта не смыслящего владельца?

Генерал взял себя в руки.

— Не могу сказать вам «спасибо», мистер Гаррет, хотя сам просил об этом. Деллвуд! Где Деллвуд?

— Ушел, сэр.

— Верните его. Он не может уйти. Что я буду делать без него?

— Понятия не имею, генерал, меня это не касается. Мы сделали все, что могли.

— Хорошо. Да. Оставьте меня. Но верните Деллвуда.

— Все свободны. Питерс, вам лучше остаться. Кид? Морли, Плоскомордый, мне надо поговорить с вами.

Я вышел первым, почти выбежал.

29

Я застал Деллвуда в его комнате. Он упаковывал вещи и даже не потрудился закрыть дверь.

— Пришли проверить, не прихватил ли я семейные драгоценности?

— Я пришел сказать, что генерал просит тебя остаться.

— Я большую часть жизни потратил на выполнение его желаний. Баста. Приятно наконец стать свободным человеком. — Он лгал. — Преданность тоже имеет границы.

— Ты расстроен. Ты сделал то, что должен был сделать, а заработал только кучу неприятностей. Но никто, даже я, не ставит этот поступок тебе в вину.

— Чушь. Он будет костить меня всю оставшуюся жизнь. Такой уж он человек. Не важно, почему, зачем, но я ткнул его носом в его же дермо. Он не простит ни за что, не важно, кто из нас прав.

— Но...

— Уж поверьте мне, я его лучше знаю.

Я верил.

— Но, уйдя, ты все потеряешь.

— Наследство мало для меня значит. Я не бедный человек, мистер Гаррет. Мне удалось кое-что скопить, и я выгодно вложил свои сбережения. На жизнь мне хватит и без наследства.

— Тебе решать. — Я не двигался.

Он перестал бросать вещи в сумку и взглянул на меня.

— В чем дело?

— Генерал нанял меня не только, чтобы найти вора. Он хочет знать, кто пытается убить его.

Деллвуд фыркнул.

— Убить его? Никто его не убьет. Это просто большое воображение.

— Когда я появился здесь, все, кроме тебя, так же думали о кражах. Но генерал оказался прав. Думаю, он прав и насчет убийства.

— Чушь. Кому какая польза от этого?

— Хороший вопрос. Не пойму, какой толк от этого поместья. Однако другого мотива я не вижу. Пока не вижу.

Я выжидательно посмотрел на Деллвуда. Он молчал.

— Не возникало ли у генерала когда-либо каких-либо трений с кем-нибудь из вас?

— Не ждите от меня подсказок, мистер Гаррет, мне нечего сказать. У всех бывали неприятные разговоры с генералом, но за это не убивают. Вопросы дисциплины, не более.

— А злопамятные среди вас есть?

— Чейн. Разжиревший у кормушки крестьянский мальчишка без царя в голове. Он всегда на кого-нибудь злится, но не на генерала. Я свободен, сэр?

— Еще нет. Ты понял, что разоблачение не за горами с того момента, как я появился здесь, верно?

— Да, вы меня не удивили. Удивило одно — что вам удалось найти скрывающегося. Это все?

— Нет. Кто убил Хокеса и Снэйка?

— Вы меня спрашиваете? Я надеюсь, что вы ответите на этот вопрос. Ведь вы первоклассный сыщик.

— Этим я и занимаюсь. А ты, случайно, не пытался обезвредить меня, дабы избежать лишних неприятностей?

— Сэр?

— В этом доме на мою жизнь покушались уже трижды. Что, если тебе взбрело в голову покончить со мной, чтобы твои проделки не вышли на свет Божий?

— Не в моем духе, сэр. За все время службы в морской пехоте я не убил ни одного человека. Не собираюсь начинать и теперь. Говорю вам, мне нечего здесь терять.

Может быть, а может, он искусный лжец.

Я пожал плечами.

— Честно говоря, я не считаю, что ты поступил нехорошо, и вовсе не горжусь тем, что вывел тебя на чистую воду.

— Я не держу на вас зла, сэр. Вы лишь послужили орудием; это неминуемо должно было случиться. Но мне хотелось бы дотемна выйти на дорогу.

— Не передумаешь? По-моему, без тебя старик откинет копыта.

— Кид позаботится о генерале. Все равно долго он не простоянет.

— Ты знаешь, кто такая блондинка? — Теперь ему действительно нечего терять и он смело может сказать мне.

— Подозреваю, что она плод вашего воображения. Здесь нет ни одной женщины со светлыми волосами. Ни одной, только вы видите ее.

— Брэдон тоже видел. Он нарисовал ее портрет.

Он застыл на месте.

— Брэдон?

— Да.

Он поверил мне и не нашелся что возразить, кроме не особо уверенного: «Снэйк был ненормальным!»

Я убедился, что Деллвуд ничего не знает о блондинке. Тем интереснее и загадочней казалась она мне.

Я отошел от двери, показывая, что путь свободен.

— Ты ничего не хочешь мне сказать, ничего, что могло бы сохранить жизнь остающимся?

— Нет. Я сказал все, что мог.

Он поднял сумки.

— Поезжайте вместе с моими помощниками, — предложил я. Деллвуду безумно хотелось послать меня к черту, но он сдерживался и сухо поблагодарил:

— Спасибо.

Шел дождь, а сумки, видно, весили немало.

— Еще одно, — остановил я его. — Что стало с телом Тайлера и с трупом? Они валялись там, перед домом.

— Спросите Питерса. Я не знаю. Я занимался только домом.

— Труп, который пытался ворваться через черный ход, тоже как сквозь землю провалился. Он не вернулся в болото. Где он мог спрятаться и переждать светлое время?

Предположим, что ожившие покойники, как им и положено, днем не отваживаются выходить на охоту.

— В служебных постройках. Мне в самом деле надо идти, мистер Гаррет.

— Хорошо. Спасибо, что поговорил со мной.

Деллвуд вышел, прямой, как всегда. Ни капли раскаяния. Он выполнил свой долг, ему нечего стыдиться. Но уговаривать его остаться бесполезно.

Итак, еще одним человеском меньше. Осталось шесть наследников. Их доля возросла почти до пятисот тысяч каждому.

Морли, Плоскомордый и доктор ждали меня у фонтана. Но я не торопился: надо было подумать, как отразить атаку мертвецов.

Кухарка перехватила Деллвуда по дороге к двери. Они о чем-то горячо заспорили. Очевидно, она пыталась его удержать.

30

Я присоединился к Морли и остальным.

— Ну каков ваш вердикт?

Морли пожал плечами.

— Это не то, что я думал: он не тряслся и речь не нарушена. А раньше ты замечал за ним что-нибудь такое?

— Его била дрожь, но не очень сильная. Нарушений речи не было. Что скажешь о припадке?

— Не знаю. Спроси Стоуна.

Я спросил.

— Я не вполне уверен, — ответил он. — Надо бы осмотреть старика получше и поговорить с ним. Но, насколько я успел понять, вам скорей нужен не врач, а заклинатель духов.

— Кто-кто?

Морли был поражен не меньше моего. Заключение доктора застало его врасплох. Таких изумленных глаз я у него никогда не видел.

— Заклинатель бесов. Или демонолог. Или маг. Может, все трое сразу. Хотя, повторяю, прежде всего следовало бы как следует осмотреть пациента.

— Обождите, вы мне все карты спутали.

— Между нами, и я, и мистер Дотс отлично разбираемся в ядах. И не знаем ни одного, который дает подобное сочетание симптомов. При отравлении симптомы, психические и физические, были бы еще сильнее, больной полностью утратил бы контроль над собой или просто помер бы. Но мало ли что генерал мог подцепить в Кантарде. Болезнь вероятнее, чем яд. Я сам оттрубил там восемь лет и повидал немало весьма странных недугов, хотя ни с чем похожим не сталкивался. Он принимает какие-нибудь лекарства?

— Смеетесь? Да он скорей умрет. — Меня осенило. — Может, это малярия? — Я был одним из немногих в морской пехоте счастливчиков и никогда не болел малярией. — Или какая-нибудь разновидность желтой лихорадки?

— Я думал об этом. Опасная форма малярии плюс злоупотребление хинином могут дать подобную картину. Да еще неправильное лечение... Но вы говорите, он скорее умрет, чем прибегнет к помощи врачей. Нет, я не рискну делать выводы, не ознакомившись предварительно с историей болезни генерала.

— Почему вы заговорили о заклинателе духов?

— Я подозреваю, что природа болезни генерала сверхъестественна. Это самое вероятное. Некоторые разновидности злых духов вызывают такие симптомы. Мой совет — покопайтесь в его прошлом: возможно, там вы найдете объяснение происходящему. Понщите также источник враждебных колдовских влияний. Возможно, какой-нибудь враг наслал на генерала порчу.

Черный Пит появился как раз вовремя и услышал большую часть нашего обсуждения.

— Что скажете? — спросил я. — Есть у генерала враги, которые могли учудить такое безобразие?

Он покачал головой.

— Разгадка в доме, Гаррет, я абсолютно уверен. У генерала нет врагов, желающих ему смерти. Во всяком случае, даже худшие из них ограничились бы тем, что послали к старику кого-нибудь вроде твоего дружка. — Он ткнул пальцем в Морли.

— Здесь поблизости нет колдунов. Не считая покойного Снэйка. Стоун, мог ли чародей-любитель наслать на генерала злого духа, который бы продолжал вредить и после смерти хозяина?

— Любитель? Сомневаюсь. Только очень сильный колдун, если это такие духи, которые могут действовать самостоятельно. Как правило, ненависть — единственная сила, оживляющая их. Я имею в виду ненависть достаточно сильную, чтобы попрать законы природы, ненависть, заставляющую желать своему врагу вечных мук. И тогда порча начинает разъедать жертву изнутри. Но я не специалист, поэтому и предложил пригласить демонолога, заклинателя духов или колдуна. Вы можете раскрыть природу враждебного влияния, а потом уничтожить его. Или вызвать духа, узнать причину ненависти и попробовать умиротворить его.

— Это безумие, Гаррет, — вмешался Питерс. — У генерала никогда не было таких врагов.

— Мы лишь обсуждаем варианты. Стоун допускает, что болезнь носит естественный характер. Но ему нужно осмотреть генерала и ознакомиться с подробной историей болезни. Есть ли возможность устроить это?

Питерс посмотрел на меня, глянул на Морли и Плоскомордого.

— Устроим. — В голосе его зазвучал металл. — Пускай старый ублюдок бранится сколько влезет, мы не оставим ему выбора. Я вернусь через пять минут. — Он зашагал в сторону кухни.

Морли примостился на ограде фонтана, у дракона под крыльшком.

— Что теперь?

— Подождем. Он поговорит с кухаркой, и, если она возьмется за дело, вы получите возможность осмотреть Стэнтнора. — Возводить кухарку в ранг матери-земли, прародительницы всего сущего, конечно, перебор, но она, безусловно, владычица дома Стэнтноров. — Доктор, можете вы рекомендовать специалистов?

— Давайте сначала попытаемся осмотреть пациента. Если я не обнаружу физической причины болезни, тогда уж придется пригласить их. Но это обойдется недешево.

— Хотел бы я знать, что в наше время обходится дешево, кроме моих услуг?

Морли хмыкнул.

— Не прибедняйся. Одно дельце — и на дом заработал.

— Не спорю, один клиент заплатил, зато с пятьюдесятью наемниками Плоскомордый расплатился из моего гонорара. Ты знаешь что-нибудь о мире искусства?

— Ничего себе поворотик. Я знаю кое-что обо всем. Мне это необходимо. Что интересует тебя?

— Скажем, я открыл неизвестного гения, его полотна достойны быть выставленными в музее. К кому мне обратиться?

Он пожал плечами, усмехнулся.

— Не темни. Если у тебя есть ворованные картины старых мастеров, я помогу. Я знаю людей, которые имеют выходы на не особо щепетильных коллекционеров. Кстати, ты можешь обратиться к своему приятелю, владельцу пивоварни.

— Вейдеру?

— Он липнет ко всем культурным начинаниям, только и слышишь — здесь он почетный председатель и там, ко всякой бочке затычка. У него большие связи. Но ведь у тебя нет старинных полотен?

Морли оглянулся кругом. Пари держу, в уме он уже подсчитывал барыши.

— Эря смотришь. Ничего не найдешь, кроме потертых усатых, насупленных стариканов. Здесь нет ни одной картины сколько-нибудь известного художника.

— Да, я обратил внимание. Нечего сказать, теплая компашка. Любопытно, их что, с детства отучали улыбаться?

— Может, это наследственное, хотя мне кажется, Деллвуд просто притворяется.

— Идет твой сержант.

Питерс вылетел из кухни на всех парусах. Я заранее знал, что он скажет.

— Мы не будем спрашивать разрешения у старика.

— Он вычеркнет вас из завещания.

— Наплевать. Пошли.

Однако он задержался и взглянул на меня. Я догадался, что Пит хочет побеседовать со мной с глазу на глаз, и пропустил остальных вперед.

— В чем дело?

— За всеми треволнениями я совсем забыл о завещании. Генерал сжег только одну копию, но она не единственная. Он всегда делает по два экземпляра каждого документа, иногда три.

— Да? — Интересно: значит, если убийца в курсе, ничего не изменилось. — Сколько копий завещания существует?

— Еще одна точно. Он дал ее мне, чтобы я передал тебе, как ты просил. Я оставил ее в комнате, отвлекся на что-то и не вспомнил, пока кухарка не сказала то же самое — стариk, мол, тебя вычеркнет.

— Для вас это было несущественно?

— Нет. Я выполнил твою просьбу, но не довел дело до конца. Но сейчас меня осенило. Я понял, какие последствия это может иметь.

— Ясно, какие. Значит, убийца, если он знает о копии, не остановится. Кто знает?

— Деллвуд и Кид. Они были там. Да все знают, что генерал всегда делает несколько копий.

— Куда вы ее положили? Дайте мне ключ, я схожу за ней. А вы ступайте займитесь стариком.

Питерс грозно взглянул на меня. Я понял, о чем он думает. Что я собираюсь устроить у него обыск.

— Разве вам есть что скрывать? — спросил я.

— Сукин ты сын, Гаррет. Все время пакостишь.

— Вам есть что скрывать?

— Нет! — вспыхнул он.

— Тогда сделайте это сами. Я поверю вам на слово.

Мне вспомнился пожар в конюшне. Не Пит ли его виновник? Я ведь там попал в ловушку и вынужден был рассчитывать лишь на собственное мужество и ловкость.

Он отдал мне ключ.

— В ящике письменного стола.

Кухарка прошествовала наверх, лестница трещала под ней.

— Мы дело будем делать? — осведомилась она. — Или языком чесать?

Молодец тетка. Старику с ней не сладить. Она его просто придавит своей тушей, а там — ругайся он сколько душе угодно, ничего не поможет.

— Спасибо, — поблагодарил я ее.

Она криво усмехнулась.

— За что? Он мне как сын, понимаешь?

— Да.

Я проводил взглядом Питерса. Он поспешил догнать остальных.

Никогда в жизни генерал не попадал в такое затруднительное, тактически невыгодное положение. Ему нечем припугнуть ни Морли, ни Плоскомордого, ни доктора, ни кухарку. И у него

должно хватить мозгов не прогонять Питерса, иначе он останется практически без всякой помощи. Сейчас не до личных амбиций — главное, выжить и сохранить поместье хоть в каком-то порядке.

Я подозревал, что стоимость его быстро падает.

Я нашупал в кармане ключ Питерса, осмотрелся. Мне казалось, что за мной наблюдают, но никого вокруг не было. Наверное, опять блондинка. Интересно, где все? Работают, наверное. Хоронят оживших мертвецов. Приятное местечко, черт возьми!

31

Опять что-то не так — дверь в комнату Черного Пита оказалась не заперта. Такая небрежность не в его духе.

Я применил старый прием: схватил щит, ногой распахнул дверь и ворвался внутрь. И опять ничего не обнаружил.

Черт возьми. Сколько шутников в этом проклятом сарае! Я прислонил щит к деревянному косяку, поставил рядом свой увесистый аргумент и подошел к письменному столу. Комната была зеркальным отражением моей. Я сел на абсолютно такой же стул за абсолютно такой же стол.

Полагаю, я услышал шарканье подошв по ковру, начал поворачиваться... Начал, но не кончил.

Что-то обрушилось мне на голову, из глаз посыпалась искры. Помнится, я заорал, свалился и долбанулся мордой об стол. Неприятное ощущение.

Вырубить человека не так-то просто: ударишь недостаточно сильно — жертва опомнится и нанесет ответный удар, ударишь слишком сильно — убьешь и снароком. Если нападающий выражает, что делает, он не будет бить по затылку, разве что захочет проломить тебе череп.

Этот удар был нацелен как раз на мой затылок, но я изменил положение, и он пришелся по шее, а затем скользнул по плечу. Бандит достиг цели, вернее, достиг лишь на девяносто девять процентов. С полминуты я еще мог различить какое-то движение рядом с собой, а потом свет померк в моих глазах.

Первой моей мыслью было: надо завязывать, стар становлюсь, удовольствия никакого — одно похмелье.

Мне показалось, что я отрубился у себя дома прямо за столом. Только попытавшись встать, я вспомнил ужасную правду. Меня обступали чужие вещи. Голова кружилась. Я упал, стукнувшись подбородком о край стола, скорчился на полу и изверг съеденное за завтраком. Когда я попробовал пошевелиться, рвота началась снова.

Пока я развлекался таким образом, некто пробежал мимо меня к двери. Я заметил лишь, как мелькнуло что-то коричневое. Но мне было не до наблюдений.

Сотрясение мозга, пронеслось у меня в голове. Я не на шутку перепугался. Бывает, после такого удара что-то там в мозгах сдвигается и не становится на место. Бывает, людей парализует. А бывает, они засыпают вечным сном.

Не поддавайся, Гаррет, ни в коем случае не теряй сознание — вот что говорят врачи. Вставай, Гаррет, наплевать на рвоту. Смелей. Заставь свое тело повиноваться воле.

Беда, что воли у меня осталось кот наплакал.

Все же через какое-то время, собравшись с силами, я пополз к двери. По дороге несколько раз терял сознание, но в целом упражнение подействовало благотворно. Я почувствовал себя посвежевшим, почти бодрым и решил, что в этот раз, пожалуй, не помру. Я настолько воспрянул духом, что даже открыл дверь, прополз еще пару футов и только потом ослабел и опять вырубился.

Чьи-то нежные пальцы осторожно скользили по моему лицу, ощупывали его, как пальцы слепой женщины. Я с трудом пошевелился и на сотую долю дюйма приподнял одно веко.

Моя милочка в белом одеянии пришла мне на выручку. По крайней мере вид у нее был весьма взволнованный. Губы красотки шевельнулись, но я ничего не услышал и запаниковал: бывает, люди и слух тоже теряют.

Она отскочила — и зря. Я был сильно не в форме, любая улитка могла помериться со мной в беге и выйти победительницей. К тому же ногу мне прищемило дверью. Я попался, как мышь в мышеловку.

— Не уходите. Пожалуйста, не уходите, — слабым голосом взмолился я.

Во мне проснулся сыщик. Пытливый ум вновь принялся за работу.

Она вернулась, опустилась на колени и продолжила ощупывать мою голову.

— Тебе очень больно? — Это был даже не шепот, а тень шепота, но звучал он озабоченно, обеспокоенно. Лицо ее было полно заботливого внимания.

— Я ранен в самое сердце: вы все время убегаете от меня. — Нам, сыщикам, пальца в рот не клади. Мы такие, сразу берем быка за рога. — Я никогда не видел женщины красивее вас.

Лицо у нее прояснилось. Чудно, до чего же женщины любят комплименты, самая твердокаменная и то не устоит. Красавица даже чуть-чуть улыбнулась.

— Кто вы?

Я хотел было признаться ей в любви, но счел это несколько преждевременным. Признаюсь через десять минут.

Она не отвечала. Она просто поглаживала мой лоб и виски и напевала что-то тихо-тихо, я не мог разобрать слов.

Да кто я такой, чтобы задавать вопросы посланнице небес? Я закрыл глаза. Будь что будет.

Она запела чуть громче. Колыбельная, прекрасная и завораживающая. Бог с ними, с делами. Вот она, настоящая жизнь.

Что-то легкое, как пушинка, коснулось моих губ. Я приоткрыл глаза. Она улыбалась. Она склонилась надо мной, ее лицо было совсем близко.

Да. И вдруг что-то изменилось. Она вскочила — и была такова. Раз — и нету! Я не успел пресодолеть слабость и повернуться — она уже испарилась.

По коридору затопали шаги, сначала деловитые, потом торопливые.

— Гаррет! Что стряслось?

Теперь Черный Пит стоял на коленях около меня. Слабое утешение: предшественница его была куда привлекательней.

— В твоей комнате... меня съездили по башке, — просипел я.

Он распахнул дверь и кинулся в комнату. У меня хватило соображения выдернуть ногу. От этого я устал так, словно вкалывал целый день.

Из комнаты выскочил Питерс, в руке он сжимал лист бумаги.

— Все перевернуто. Но вот оно, завещание. Какого еще черта им могло понадобиться?

— Полагаю, искали именно его.

Он сердито взглянул на меня.

— Ты все там заблевал.

— Ничего не поделаешь, у меня не было выхода.

— Если приходили за завещанием, почему не взяли его?

— Я упал лицом на стол. Чтобы достать завещание, нападавшему пришлось бы передвинуть меня. Я мог очнуться. Он выскочил, когда я начал приходить в себя. Кто мог подслушать наш разговор?

— Кухарка и Кид не могли: они были наверху со стариком. Уэйн хоронил Снэйка, Хокеса и Тайлера.

Питерс помог мне сесть.

— Кстати, куда вы дели тела?

— Их оттащили к колодцу: там прохладней. А какая, собственно, разница?

— Значит, остается Чейн. Или Деллвуд, если предположить, что он вернулся.

— Чейн скорее всего ходил смотреть, как обстоит дело с пожаром в конюшне, хотел попробовать спасти уцелевшие вещи.

— Это был не призрак. И не оживший труп. Третий труп нашли?

— Не было времени искать.

— Так он сам нас найдет.

Я поднял руку, ухватился за Питерса и с его помощью поднялся. Держась другой рукой за стенку, я смог принять вертикальное положение.

— Что с диагнозом?

Страшно болела голова, я даже перестал чувствовать ожоги. Правду говорят: нет худа без добра.

— Они искали тебя, хотели рассказать...

— Расскажите вы.

— Генерал уволил меня и Кида. Мы ему прямо заявили, что никуда уходить не собираемся.

— Похоже, вы также не собираетесь рассказать мне об этом паршивом диагнозе.

— Не хочется говорить: в это трудно поверить.

Ясно. Но все-таки я позволил Питерсу свести меня вниз, привалился к ограде фонтана и, с трудом удерживаясь, чтобы не упасть, дождался появления Морли и остальных.

— Что, без демонолога не обойтись? — обратился я к ним.

— Не смотри на меня так, — запротестовал Морли. — Я не виноват.

— Вид у тебя обалдевший.

— Обалдеешь с этими привидениями. Хуже вампиров и оборотней. У меня просто руки опускаются.

— Ты прав.

Морли не хотелось верить, что мы имеем дело со злыми духами. Я тоже не был готов к этому. На карту поставлено

наследство — при чем тут всякая чертовицна? Не первый случай, когда вину за кровопролитие сваливают на каких-то сомнительных призраков.

Но Хокеса и Брэндона убило не привидение. Не привидение устраивало мне ловушки, пыталось зарубить меня топором, спасть в конюшне и продырявить мне башку.

Все уставились на меня, как на командира, ожидая решительного слова.

— Голова разламывается, — сказал я. — Морли, ты останешься на ночь, не бросишь меня?

— Все время боялся, что ты попросишь.

Это у него такая милая манера соглашаться.

— Я заплачу, — пообещал я.

— Каким образом, если у старика нет ни гроша?

Я не стал говорить, что получил приличную сумму авансом. Хотя было столько расходов, от нее, наверное, немного осталось.

— Что-нибудь придумаем. Как он воспринял все это?

— Мягко говоря, без восторга.

Я посмотрел на доктора.

— Значит, естественной причины болезни найти не удалось?

Пожалуйста, о, пожалуйста!

Он помотал головой.

— Во всяком случае, ничего мне известного у генерала нет. Но пригласите демонолога. Черт возьми, я сам за ним пошлю. Прежде всего надо разгадать эту загадку. Если сверхъестественной причины не окажется, позовите меня снова. Для меня как для врача это будет хорошей проверкой.

Морли лукаво улыбнулся.

— Вы, ребята, оба должны постараться. Вы на этом карьеру сделаете. Стоун откроет и опишет неизвестную науке болезнь, а Гаррет поймает убийцу, который в десять раз умней его.

— Моя задача куда проще, — проворчал я. — Всего лишь продержаться до тех пор, пока останется только один подозрева-

емый. — Головная боль доконала меня вконец, а это не улучшает характер. — Доктор, у вас есть что-нибудь от головы?

— В чем дело?

Я рассказал ему.

Он настоял на осмотре и дал обычные при сотрясении мозга советы. Может, он был не совсем жуликом. Вообще-то я весьма низкого мнения о врачах и юристах, и основано это мнение на собственном горьком опыте.

Стоун приготовил мне старую добрую микстуру с отвратительным вкусом, настоящую на ивовой коре. Проглотив ее, я воспрянул духом и решил, что могу жить дальше.

— Питерс, скоро ужин. Парни, должно быть, проголодались. Сведи их с кухаркой. А я загляну к генералу.

Питерс хмуро поинтересовался, не желает ли кто поужинать. Плоскомордый и Стоун, конечно, не отказались, а Морли все равно оставался ночевать.

Поднимаясь по лестнице, я вспомнил о Делвуде. Я предложил ему отправиться в город в карете, неужели он до сих пор ждет, мерзнет на улице вместе с кучером?

Дождь не переставал. Я посочувствовал Уэйну и Чейгу. Хотя последнему меньше. Прихлопнули бы его поскорей, этого Чейна.

— Прогони его, — хриплым голосом велел генерал Киду, когда я без стука вошел в кабинет.

Кид взглянул на меня.

— Боюсь, не получится, сэр, — ответил он простодушно, но с насмешливым блеском в глазах и отвернулся к камину, чтобы скрыть улыбку.

— Вы слышали диагноз, генерал³ — спросил я.

— Мистер Гаррет, я не просил вас вмешиваться в мою жизнь. Я вас нанял только, чтобы найти вора.

— И убийцу. И предполагаемого убийцу, который охотится за вами. Следовательно, сохранить вашу жизнь — часть моей

работы. Для этого мне необходимо выяснить, каким способом вас пытаются убить. Первое предположение было — яд. Но я ошибся.

Он казался удивленным. Возможно, они не сказали ему. Наверное, он разбушевался и вел себя так несносно, что они сочли за лучшее ретироваться побыстрей.

— Мистер Дотс — специалист по ядам. Доктор Стоун — лучший специалист по тропическим болезням. — Немножко увеличить не помешает, ведь правда? — Они говорят, вы не отравлены, разве только каким-нибудь чрезвычайно редким, экзотическим ядом, о котором Морли не слышал. Вы также не страдаете ни одной известной медицине болезнью, хотя доктор нашел у вас анемию и разлитие желчи. Вы болели малярией, генерал?

Думаю, Стэнтнора невольно тронуло, что люди так хлопочут, несмотря на его скверный характер.

— Да. На островах трудно было уберечься от нее.

— В тяжелой форме?

— Нет.

— Вы принимали хинин? Врач говорит, что ваш недуг может объясняться злоупотреблением некачественным хинином.

— Нет!

По телу генерала прошла судорога. Опять приступ. У него больное сердце?

Приступ был легким. Кид не успел добежать до старика, а судороги уже почти прекратились.

— Нет, — проскрипел генерал, — нет, мистер Гаррет, никаких лекарств. Если и предлагали, я отказывался.

— Так я и думал. Но мне необходимо было уточнить, прежде чем я скажу вам мнение экспертов.

— К чему они пришли?

— На вас наслали порчу.

— Что?.. — Этого он не ожидал. Кид тоже застыл, разинув рот.

— Причина вашего недуга — сверхъестественная. Ваш враг — призрак. Или кто-то, кто наслал на вас злого духа. Питерс говорит, что таких врагов у вас нет. Доктор Стоун говорит — покопайтесь в своем прошлом.

Мне никогда не пришло бы в голову, что это возможно, но цвет лица у старика стал еще хуже. Просто катастрофически. Кожа его покрылась каким-то пепельно-серым налетом.

Что-то было в его прошлом. Темное пятно, не известное больше никому, нечто ужасное, призрак, который мог подняться из могилы, чтобы восстановить справедливость. Черт возьми, лачужка Стэнтноров была обязана иметь кошмарное прошлое, какое-то тяготеющее над ней проклятие, иначе картина была бы не полной.

— Лучше нам обсудить это, — сказал я. — Придется приглашать специалистов. — Я выразительно глянул на Кида. Старик не захочет признаваться в старых грехах на глазах восхищенной публики. — Демонолога, заклинателя бесов, медиума или колдуна, чтобы вступить в общение с духом. — Ох уж этот Кид — с места не двинулся, туп как пень.

Генерал собрался с мыслями и только тогда заговорил.

— Убирайтесь, Гаррет, — сказал он.

— Я вернусь, когда вы будете готовы к разговору...

— Убирайся. Оставь меня. Пошел прочь из моего дома, из моей жизни...

У него начался новый приступ, на этот раз тяжелый.

— Эй, позовите доктора! — крикнул Кид.

Но на лице его я не заметил раскаяния. Он не сожалел, что позволил довести старика до такого состояния.

Странные они все люди.

32

Я отправился в кухню. Кухарка была одна.

— Вам нужен помощник?

— Явился еще что-нибудь вытянуть из меня? Не подъезжай, парень, я тебя насквозь вижу. Тебе что-то нужно, но на сей раз я и рта не раскрою. Нечего в чужие дела соваться.

— Конечно.

Я закатал рукава и с отвращением взглянул на кучу грязной посуды. Нет на свете ничего хуже мытья посуды. Но я притащил от плиты котел горячей воды, налил ее в раковину, добавил холодной и бесстрашно принялся за работу. Десять минут прошли в молчании. Я ждал. Она не сможет долго сдерживать свое любопытство.

— Вы были в комнате, когда осматривали генерала. И что вы думаете?

— Стариk прав, этот докторишка в самом деле обманщик. — В тоне ее не было уверенности, одно лишь беспокойство.

— Думаете, он ошибается?

— Да он сумасшедший, если верит в это. Здесь нет ни призраков, ни привидений.

— Три трупа.

Она поперхнулась. Именно это внушало ей сомнение. Если бы не появление ходячих покойников, она и внимания бы не обратила на слова доктора Стоуна.

— Все твердят мне, что у генерала нет врагов, способных на убийство. Нет ни у кого и мотива пытаться ускорить его смерть, несмотря на величину поместья.

— Немного от него останется, от этого треклятого поместья. Ей-богу, стариk заразил все вокруг. — Кухарка говорила слабым голосом. Да, она уж не та, что прежде, живет своей внутренней жизнью, у нее пропала охота вмешиваться в творящиеся кругом безобразия.

— Если сегодня никто не убивает генерала, не пытает его мукой медленной смерти, не держит на краю бездны, может, это дело рук призраков прошлого? Что-то мне подсказывает — искать нужно во времени до его отъезда в Кантард.

Она ворчала, беспорядочно расшвыривая вокруг себя кухонную утварь, но ничего вразумительного я не услышал.

— Что с ним случилось? Я слышал только о смерти его жены. Не тут ли таится разгадка? Ее родители... Дженнифер рассказала мне, что они были из могущественной аристократии, но имен она не знает. Осталось ли после них наследство? Или было какое-то проклятие — до седьмого колена?

Кухарка не поддавалась и упорно хранила молчание.

— Не были ли они вовлечены в заговор Синих, направленный против Кенрика III?

— Напридумывал, сам не знаешь, откуда чего насобирали...

— Такая у меня работа, деньги за это получаю. Полагаю, бабушка с дедушкой были-таки вовлечены в заговор. Полагаю, мать Дженнифер очутилась здесь отчасти для того, чтобы спастись от возможных в случае провала преследований. Ей не повезло: заговор провалился, и Кенрик уничтожил всех, даже самых дальних родственников бунтовщиков. Допускаю, что доктор, перепутавший лекарства, действовал по указке короля. Возможно, Дженнифер осталась жива только потому, что у врача не поднялась рука убить новорожденную.

— Ну напридумывал...

Я не реагировал и спокойно ждал, пока она дополнит мой рассказ. Я уже перемыл и вытер целую гору посуды. Не пора ли подумать о смене профессии? Старая становится чересчур утомительной. Я с удовольствием задержался на этой мысли.

— Матушка миссис звалась Чэрон Светлоокая. А папа ее был сам Натаниель Синий Дьявол.

Большой проказник был ее пapa Синий Дьявол — душа заговора, злобный негодяй. История гласит, что только вмеша-

тельство наиболее влиятельных заговорщиков ограничило его планы свержением короля. Он-то мечтал смести с лица земли весь дом Кенрика, всю правящую династию. Кровавая вражда между ним и Кенриком началась с пустячной детской потасовки.

Чэрон Светлоокая скорее всего знала о деятельности мужа не больше, чем обычно знают женщины. Почти до конца она вроде бы и не подозревала о заговоре. Но есть основания считать, что именно благодаря ей заговорщики потерпели поражение: в последнюю минуту Чэрон предупредила короля.

Мы никогда не узнаем наверное — разве что воскреснет кто-нибудь из мертвых, в живых же не осталось никого. Но вряд ли кому придет в голову воскрешать их. Воскрешать колдуна — опасная и глупая затея, решиться на это может лишь более сильный колдун.

— Мать привела Элеонору сюда, чтобы спрятать ее?

Кухарка пробурчала что-то. Несколько секунд она обдумывала, заговорить или нет. Я добавил в раковину горячей воды.

— Верно, мать привела ее. В полночь. Ну и ночка была, воистину адская. Гром, молния, ветер завывал, как тысячи грешных душ. Чэрон Светлоокая и Стэнтноры состояли в отдаленном родстве. Я забыла ее девичье имя. Фэн... дальше не помню. Дитя насквозь промокло и смертельно перепугалось. Она, как Джениффер, никогда раньше не покидала родного дома. Совсем юная и очень хорошенъкая.

— Тоже как Джениффер.

— Более робкая, чем Дженини. Дженини может постоять за себя, она настоящая артистка, наша Дженини, меняет обличья, точно платья. Молодая миссис Элеонора была не такова, она и собственной тени боялась.

Я хмыкнул.

— Старый генерал и Чэрон Светлоокая сладили это дельце тут же, в кухне. Я подавала чай и все видела. Они поженили девчушку и молодого Уилла. Ей оставили только имя: так было

безопасней. Прошло не больше двух дней, и разразилась буря. Но старого генерала Кенрик не посмел и пальцем тронуть: в те дни армия Каренты держалась только на нем, без Стэнтнора нам не миновать бы разгрома.

Война для меня тогда немного значила. Отец давно погиб, а я был слишком мал, меня забрать не могли. Но я припоминаю, для Каренты настала плохая пора, и все говорили, что вся надежда на старшего Стэнтнора, без него, мол, Венагета разгромят нас.

— Не знаю, будет ли тебе с этого прок, но скажу — помоему, Чэрон хотела предложить сделку: она выдавала заговорщиков, а ей гарантировали неприкосновенность. Бог знает, добилась ли она успеха. Во всяком случае, она не уцелела.

— Подождите, я запутался, — остановил я ее. — Дженинфер ведь родилась вскоре после того? А у нее еще был старший брат.

— Единокровный брат, не родной... Сын первой жены генерала. Ему пришлось жениться в шестнадцать лет. Она была дочерью служанки. Но тебе это незачем знать.

— Чтобы разобраться в происходящем, мне надо знать все. Тайны убивают. Что стало с первой женой генерала?

— Их брак продолжался, пока мальчишка не подрос и его не передали нянькам, а затем учителям. Тогда ее прогнали, старый генерал отоспал всю семью.

— Они не сопротивлялись?

— Еще как! Но старый генерал откупился. Паренек ужасно напоминал молодого Уилла, особенно когда возвращался после ночки в борделе. Настоящим разбойником он был. Да. Намучились мы с ним. — Не похоже, что она имела в виду обычные юношеские проказы. Видимо, генерал в молодости был отталкивающим типом.

Добрую четверть часа я пытался выудить из кухарки еще что-нибудь. Мне удалось лишь добиться подтверждения, что молодой Стэнтнор был грубым и низким развратником, волоки-

той, чья жизнь получила какой-то смысл и оправдание только после длительного пребывания в Кантарде.

— Неприятный был парень. Кто мог возненавидеть его настолько сильно, чтобы...

— Нет. — Она говорила всерьез, а не просто увиливала от ответа. — Такова жизнь, Гаррет. Это проходит. По молодости любой может натворить глупостей.

Некоторые продолжают творить их всю жизнь.

— Но люди вырастают. Ошибки юнцов причиняют боль, радоваться и умиляться тут нечему, но никто не унесет такую обиду с собой в могилу и не восстанет из мертвых, чтобы отомстить за нее.

Не знаю. У Стэнтноров и им подобных все наперекосяк. Человек их круга мог счесть себя оскорбленным в случае, который нормальный смертный назвал бы мелкой неудачей.

— Тогда скажите мне, что за призраки одолевают его?

Кухарка бросила работу и внимательно посмотрела на меня. Она вспомнила что-то, о чем не вспоминала годами. С минуту казалось, что она вот-вот заговорит. Но потом она покачала головой, лицо ее стало непроницаемо.

— Нет. Не было этого.

— Чего не было?

— Ничего. Просто жалкая сплетня. К нашим сегодняшним делам отношения не имеет.

— Лучше скажите мне. Вдруг за этим что-то кроется.

— Не хочу повторять сплетни. Не хочу ни на кого возводить напраслину. Все равно к делу не относится.

Я в третий раз наполнил раковину горячей водой и мигом перемыл третью порцию посуды. Держу пари, она много лет не видела столько чистой посуды сразу.

Хоть здесь не подкачал. Спасти жизнь людей я не способен, зато когда дело коснется мытья посуды — тут Гаррет чудеса творит. Ей-богу, пора задуматься о перемене профессии.

Наконец она заговорила:

— От судьбы не убежиши. Генерал по уши втрескался в миссис Элеонору. Она стала его божеством.

Я ободряюще хмыкнул. Кухарка не реагировала, тогда я попробовал спросить напрямую.

— Я и так сказала больше, чем следовало, — гласил ее ответ. — Чужаку не надо столько знать о нас.

Сомневаюсь. Мне казалось, она взвешивает каждое слово и говорит только то, что считает нужным. Следующую порцию выдаст немного погодя, когда решит, что я достаточно созрел.

— Надеюсь, вы понимаете, что делаете. Уверен, ваши секреты помогли бы сохранить жизнь многих людей.

Эх, не умеем мы довольствоваться малым. Жадность нас погубит. Наверное, я надавил слишком сильно. Кухарка обиделась: в конце концов она не обязана говорить. Она недружелюбно взглянула на меня и до ужина не проронила больше ни слова, только огрызаясь и распоряжалась.

33

После ужина, проводив наконец доктора и Плоскомордого, мы с Морли отправились ко мне в комнату.

— Бедняга Деллвуд, наверное, устал ждать, — заметил я, поднимаясь по лестнице.

Он плюнул на карету и ушел пешком несколько часов назад. Кучер тоже роптал на свою нелегкую долю: никому не пришло в голову пригласить его в дом погреться.

Морли рыгнул.

— Ей-богу, старуха хотела меня отравить. От таких помоев отказались бы и свиньи.

Я усмехнулся. Стоило Морли заикнуться, что ему не нравится еда, кухарка тут же отбрила его, предложив завтрак ското-

вить самому. Более того, персона моего неотразимого друга не произвела на здешних аборигенов ровным счетом никакого впечатления. Напрасно Морли расточал свои чары — Дженифер и бровью не вела. Самолюбие Морли было задето: он не привык, чтобы на него смотрели как на пустое место. Но их не интересовало, кто он такой. Подумаешь, какой-то нахал, вторгшийся в их замкнутый мирок. Что касается меня, я не настолько чувствителен к мнению окружающих...

— Приятная компания, Гаррет. А девушка — просто снежная королева. Где ты их откопал?

— Они откопали меня, а людям, у которых все в порядке, я не нужен.

— Понимаю, — хмыкнул Морли. — У этих-то неполадок выше головы.

Я склонен думать, что его клиенты еще чуднее моих. Но у Морли с ними разговор короткий, уж он-то резину тянуть не станет.

Подойдя к двери, я проверил свою сигнализацию. Если кто и заходил ко мне, это были аккуратные люди. Мы вошли.

— Пойду вздремну, — сказал я. — Прошлая очка выдалась тяжелая. Пожалуйста, сегодня никем не оборачивайся.

— Постараюсь, — кисло улыбнулся Морли и начал распушивать моток веревки, который стацил, пока я помогал кухарке мыть посуду после ужина.

— Для чего это?

— Хочу измерить комнату. Ты говоришь, кто-то ухитряется входить и выходить, не пользуясь дверью, значит, должен быть другой путь.

Он отмерил фут, завязал узел, сложил веревку, завязал второй узел. Линейка, конечно, не безупречно точная, но сгодится и такая.

— Я сам собирался заняться этим, когда будет время.

— У тебя никогда не будет времени проработать мелочи, Гаррет. Ты всегда слишком занят — ломишься в открытые двери или торопишь события. Кстати, как ты думаешь, чего ожидать сегодня ночью?

У меня было сильное подозрение, что без неприятностей нам не обойтись и сегодня.

— Может вернуться один из мертвецов. Да черт знает что еще может случиться. Пока будешь ковыряться с веревкой, покраскин мозгами, как вывести Чейна на чистую воду.

— Чейн? Такой жирный, бранчливый парень?

— Он самый.

— Ты думаешь, это он хулиганит?

— Больше некому. Только у него была возможность убрать Хокеса и Брэдона и трижды пытаться прикончить меня.

— Используй в качестве приманки себя самого. Схвати его за руку.

— Спасибо, не хочется. Три попытки, а может, и четыре. Я дал ему достаточно форы, не находишь?

— Ложись спать — все будет в порядке, не бойся: Морли рядом.

— Если поразмыслить, звучит не слишком успокаивающе.

Я прошел в спальню, скинул одежду и скользнул под чистую, прохладную простыню. Фу ты, даже грешно нежиться на такой великолепной перине.

Секунд тридцать я еще слышал, как Морли копошится в соседней комнате, бормоча что-то себе под нос, а дождь барабанил в окно. Потом я погрузился в сон.

Я еще не проснулся до конца. А стоило. Я был не один в постели. Белокурая красавица вернулась ко мне, перебирала волосы, проводила пальчиками по лицу. На сей раз она не спешила, но в какой-то момент наклонилась слишком сильно, потеряла

равновесие, и, не успев ничего толком обдумать, я схватил ее за руку, притянул к себе. Теперь она лежала на мне.

В комнате было темно. Будь незнакомка брюнеткой в черном платье, я бы совсем не видел ее. Но лицо девушки так близко от моего лица я мог разглядеть. Она улыбалась, вернее, пыталась улыбнуться, чтобы казаться озорной и шаловливой, как кошечка. Но тело ее отказывалось притворяться, она дрожала, как дрожат от ужаса.

— Скажи мне, — шептал я, — скажи мне, кто ты.

Я обнял ее, погладил ее шейку. Я просто хотел задержать прекрасную незнакомку, не дать ей уйти, но через мгновение и сам потерял голову. Волосы у нее были легкие словно паутинка.

Вместо ответа красотка поцеловала меня. О боги! Поцелуй подействовал, как стакан чистого виски. Я забыл, кто я и где нахожусь.

Она дрожала так, будто ей пришлось голой бежать под холодным дождем, но дыхание ее обдавало меня жаром. Она засыпалась под одеяло. Вот чего не хватало старому генералу, чтобы перестать мерзнуть. Он здорово сэкономил бы на топливе.

Я больше не мог сдерживать себя, я впился в губы незнакомки. Еще несколько секунд — и она перестала дрожать.

— Эй, Гаррет! — Морли колотил в дверь. — Ты собираешься прорыхнуть всю ночь?

Я вскочил так резко, что закружилась голова. Ощупал постель. Никого. Старина Гаррет опять один-одинешенек. Что это было? У меня живое воображение и богатая фантазия, но...

— Принеси лампу.

— А топор мне на голову не свалится?

Топор?

— Иди, не бойся.

Когда Морли вошел, я сидел на кровати, закутавшись в простыню. Наверное, вид у меня был ошарашенный, а чувствовал я себя ошарашенным втройне.

— Что случилось?

— Ты не поверишь.

Он не поверили.

— Я не выходил из соседней комнаты. Ну может, один раз на горшок — и сразу обратно. Никто мимо меня не прошмыгнулся. Тебе приснилось.

Может быть.

— Черт побери! Почаще бы такие сны. Но это был не сон, нет. Никогда мне ничего подобного не снилось.

— Стареешь, Гаррет, привыкай заниматься любовью лишь во сне, наяву ты свое отпрыгал. — Морли ухмыльнулся, продемонстрировав здоровые, как у всех эльфов, зубы.

— Не подначивай, мне не до того. Ты что-нибудь нашел? Который час?

— Да. В стенному шкафу места на две трети меньше, чем должно быть. Около полуночи. Час ведьм.

— Давай без шуточек по ночам, а?

Я встал, покрывало потащилось следом. Морли с любопытством взглянул на меня, шагнул вперед и поднял что-то с пола.

Это был красный поясок, его всегда, даже на картине Снэйка, носила моя душечка.

Я победоносно посмотрел на Морли и слегка улыбнулся.

— Пояс не мой.

— Сматываться надо отсюда, вот что, Гаррет.

Я молча одевался, не зная, что сказать. В общем-то, спорить не приходилось.

— Ты когда-нибудь бросал работу, пообещав выполнить ее? — наконец выговорил я.

Он снова странно взглянул на меня.

— Да. Однажды.

Такого я вообразить не мог. Нет, только не Морли Дотс. Чтобы он отступил?! Да он не спасовал бы и перед королем преступного мира, не растерялся бы, угодив в логово вампиров. Я видел это собственными глазами.

— Не верю. Что это было — стая громовых ящеров?

— Не совсем.

Он не любит говорить о своей работе. Я не стал настаивать, но чувствовал, что Морли сильно не по себе, очень сильно, хоть он и крепится.

— Пошли посмотрим, что там в шкафу.

— Тот тип нанял меня, не предупредив, с кем придется иметь дело, сказал только, где и когда. Ну и удивился же я...

Я открыл дверцу шкафа.

— Продолжай.

— Я должен был расправиться с тобой.

Я медленно обернулся. Неужели он заговорил о том случае? А я-то молился, чтоб момент этот никогда не настал.

— Расслабься, забудь. Шесть месяцев — немалый срок, что прошло, то прошло и быльем поросло.

Он не упомянул бы о нем, это все страх. Я попытался вспомнить, в чем была суть того дела. Дельце выеденного яйца не стоило, так, пустяки — найти одного пропавшего человечка, но мне сразу показалось, что пахнет жареным. Парня я нашел — мертвым.

— Я твой должник.

— Забудь, не о чем говорить.

— Ладно, проехали. Давай-ка посмотрим, что с этим шкафом, почему в нем мало места.

Вспомнил. Вспомнил, почему с самого начала то дельце дурно пахло: клиентка чего-то недоговаривала. Она прямо кипела от злости, жажда мести переполняла ее, а причина оставалась непо-

нятной. Она рассказала только, что разыскиваемый был связан с ее покойным мужем.

В конце концов все прояснилось. Парень мог шантажировать дамочку: какие-то махинации с наследством ее муженька. Знай она, что его уже убрали, обошлась бы и без моих услуг.

Парень же, в свою очередь, почуяв слежку, нанял Морли.

А, черт с ними, со старыми историями, сейчас нам не до прошлогоднего снега.

Однако я в самом деле должен Морли. Отказаться от оплаченной уже работы — это посерьезней, чем мои злоключения с гробом вампира.

— Здесь, — сказал Морли.

Теперь я заметил, что с правой стороны шкаф был на пару футов ниже, чем следовало.

— Посвети мне.

Я исследовал внутреннюю стенку. Ни дверцы, ни лазейки.

— Должен же быть какой-то ход!

Я пошарил кругом, отыскивая искусно замаскированное устройство, вроде тех, что мне случалось видеть раньше. Ничего похожего.

— Нашел, — сказал Морли и откинул панель фута в два шириной.

Бам! Это он отпустил доску. Дверца открывалась наподобие крышки у бочонка с мукой на кухне, когда она закрывалась, снаружи ничего не было видно.

— Здорово сделано, — отметил Морли.

Обычно, если дверью часто пользуются, вокруг на полу или на стене остаются следы. Но эта дверца была закреплена кожаным ремешком, не дававшим ей отскочить до конца.

Мы переглянулись.

— Ну что дальше?

Морли усмехнулся.

— Есть два пути: первый — стоять здесь разинув рты, а второй — предпринять что-нибудь. Я голосую за последний.

— Только после вас.

— Э, нет. Я всего-навсего помощник, наемная сила. Я готов подать копье храброму рыцарю, вышедшему на бой с Армией Тьмы. Если со мной вдруг случится припадок самоотверженности, я могу почистить его заржавевшие доспехи. Но лезть вместо него в клетку со львами — нет уж, дудки.

— Я слишком тебя люблю, дружок, и никогда не подвергну такому испытанию.

Он прав. Моя игра — мне и карты в руки. Тем более попытка не пытка.

Я взял вторую лампу, проверил, достаточно ли в ней масла, и приготовился заползти в отверстие.

— Не отходи от меня.

— Ни за что, босс. Я всегда рядом.

— Обожди. — Я вернулся в комнату.

— Что теперь?

— Экипировался не полностью.

Это как раз тот случай, когда надо быть во всеоружии. Морли с улыбкой наблюдал за моей возней с разноцветными бутылочками.

— Странно, как тебе удалось сохранить их до сих пор.

— Умный человек никогда ничего не выбрасывает: никогда не знаешь, что может пригодиться.

С таким арсеналом я был готов выступить против громового ящера и смело протиснулся в узкий коридорчик. Морли было куда проще — он на две головы ниже и на полтонны легче. Я же все время стукался головой. Мы прошли шагов семь и оказались в каморке без окон и дверей, находившейся между туалетной и спальней, ужасно тесной, не шире трех футов, пыльной и затянутой паутиной. Там не было ничего интересного, на полу

валялись гвозди, щепки и куски штукатурки. За стенной начинались соседние с моими покой.

Во всех стенах были понаделаны глазки. Так-так. Два, чтобы наблюдать за туалетной, и три — за спальней. При мысли, что меня все время могли видеть, я поежился. Чертовски неприятно.

— А вот и выход, — сказал Морли.

В углу каморки, около стены коридора, в полу была дыра, квадратная — два на два фута. Вниз вели деревянные ступеньки.

Я отчаянно расчихался. Пыль и простуда сделали свое черное дело. Голова разламывалась, ожоги не давали покоя. Казалось бы, радоваться нечему. И все-таки я засмеялся.

— Ты чего?

— Теперь первым пойдешь ты.

— Почему это? Только после вас.

— Ты у нас такой юркий, такой акробат, что из гроба выберешься.

Я проверил ступеньки. Вроде бы прочные, но все же — идти вниз по вертикальной лестнице, с двумя зажженными лампами... Хорошо, что у меня отличная координация.

Каморка на третьем этаже не отличалась от каморки на четвертом ничем, кроме люка, который прикрывал ход на второй этаж.

— Там дальше большая кладовая, — сообщил я Морли и чихнул так, что лампа не погасла только чудом.

Я прислушался. Внизу тихо. Тогда я приподнял крышку люка и откинул ее в сторону, крепилась она на шарнирах.

Но как мы спустимся? Лестницы не было.

Хитро придумано. Сразу под люком строители приделали полку, она и заменяла ступеньку. Я спрыгнул на пол.

· Зная уже, что искать, мы быстро обнаружили потайные ходы, ведущие в комнаты западного крыла.

— Простенько и со вкусом, — восхитился Морли. — Как думаешь, это для слежки или на случай бегства?

— Думаю, для всяческих стэнфоровских нужд. Интересно, как это устроено в восточном крыле — там другая планировка.

— Западное крыло ты уже осматривал?

— Кроме подвала.

— Неужто так и не нашел местечка, где могла прятаться твоя подружка?

— Нет.

— Ты спрашивал кухарку, не пропадают ли у нее продукты?

— Нет. — А следовало, должна же она чем-то питаться. Я подумал о портрете блондинки. Лучше, не откладывая в долгий ящик, перетащить его в дом.

— Давай по порядку. Сперва подвал. Потом другое крыло. Скорей всего в него можно попасть из подвала.

— Точно.

Мы осторожно спустились в нижнюю кладовую, прислушались. Тихо. Теперь подвал.

Обычный подвал, хотя потолок выше, чем в моем — там мне приходится ходить согнувшись, — просторный, темный и пыльный, с массой колонн, поддерживающих потолочные балки. Пустой и сухой. Неудивительно, что сухой. Дом построен на вершине холма, и система канализации тщательно продумана.

Двигаясь в восточном направлении, мы наткнулись на остатки винного погреба.

— Удобное местечко, если кому приспичит избавиться от трупа.

— Для этого у них есть семейное кладбище, — возразил я.

— Однако пару-тройку трупов спустили в болото.

Морли всегда прав.

Мы завершили обход восточной части подвала, не обнаружив ничего, кроме пустых винных бочек, сломанной мебели, окороков и прочих припасов, подвешенных повыше, чтобы мыши не достали. Я чихал не переставая. Мы перешли в западную часть.

— Тут и вовсе делать нечего, — сказал Морли.

И точно. Ничего, кроме системы водоснабжения фонтана, представлявшей интерес главным образом для инженеров. Потайных ходов мы не нашли.

— Зря потеряли три четверти часа. — Я опять чихнул.

— Потерянного времени не бывает. Даже если результат отрицательный.

— Я всегда это твержу, а ты ворчишь, что мы зря тратим время.

— Наверное, друг от друга заразились, — хихикнул Морли.

— Пошли, пока всех пауков не переполошили.

Я чихал без передышки. Интересно, в подвале никакой живности, только пауки. Я ожидал, что здесь полным-полно мышей.

— Ты что-нибудь чувствуешь? Запах, я имею в виду. Мой нос вышел из строя.

— Какой еще запах?

— Кошачьего дерhma.

— Чего?

— Нет мышей, значит, есть кошки. Кошек я видел снаружи, в сараях, но они ухитряются залезать в подвал. Следовательно, существуют какие-то отверстия.

— Да. — Морли встревоженно огляделся. Он вспомнил, что вокруг бродит оживший мертвец. — Ничего мы здесь не найдем. — Ему явно было не по себе, а обычно он непоколебим как скала. Этот жуткий дом хоть кого доконает.

Я начал подниматься на первый этаж — и тут услышал чей-то крик.

— Проклятие! Что на этот раз?

Никогда не пытайтесь бежать в темноте по незнакомому помещению, даже с лампой в руках. Прежде чем удалось добраться до главного холла, мы раз шесть чуть не столкнулись лбами.

34

Мы ворвались в светлый холл, Стэнтноры не жалели средств на его освещение.

— Что это было?

— Кричали вроде бы отсюда, — сказал Морли, — но пришли мы первые. — Нет, не совсем. Черт побери! Раэрази меня гром!

Чейн опередил нас. Мы не сразу увидели тело: храбрый победитель драконов и поверженное чудище скрывали его. Чейн лежал на полу, скорчившись, в неестественной позе. Вокруг расползлось кровавое пятно. Кровь еще не перестала течь.

— Похоже, он свалился с верхнего балкона, — с деловитым бесстрастием констатировал Морли. — Попытался приземлиться на ноги, но потерпел неудачу. — Морли посмотрел вверх. — Можно пари держать, сам он не прыгал и не случайно перевалился через перила. Но я больше не держу пари.

— Таких — тысяча против одного — я тоже не держу.

Высота была футов тридцать, но Чейну они, наверное, показались тысячью.

Тридцать футов — порядочная высота, но иногда, если падающий полностью владеет собой или ему просто повезет, он может остаться в живых. Чейну не повезло.

Я заметил движение на балконе и приготовился вновь увидеть свою загадочную белокурую красавицу. Но это была всего лишь Дженифер, она стояла у перил, напротив коридора, ведущего к моей комнате, и, пораженная, побледневшая, смотрела вниз.

Через минуту прямо над нами загремел бас Питерса.

— Какого черта?! — Перепрыгивая через ступеньки, он побежал вниз.

— Побудь с ним, — сказал я Морли. — А я к ней. — Я кивнул на Дженифер.

Черный Пит буквально засыпал Морли вопросами, не давая вставить ни слова и не слушая ответов. Я же рысью побежал наверх — и опять запыхался. Мамой клянусь, как только покончу с этим делом, каждый день буду тренироваться, вот посплю эдак с недельку и начну.

Теперь щеки у Дженифер пылали, будто она целую милю мчалась, не останавливаясь.

— Где ты был? — выпалила она. — Я десять минут не могла тебя добудиться.

— Чего?

Она вздрогнула и потупилась.

— Ты сказал... я думала, ты хочешь...

Проклятие, совсем забыл. Чертовски повезло, что она не пришла раньше, и вдвойне повезло, что я не дал ей ключ.

Но она стояла передо мной такая робкая и стыдливая, такая беспомощная; легкая ночная сорочка почти не скрывала округлые формы... Меня наконец проняло. И как — просто слюнки потекли. Только бормотание Питерса внизу не давало мне начисто забыть о деле. Какая-то маленькая частичка мозга помнила о нем, но маленькая, очень маленькая частичка.

— Что ты знаешь об этом? — Я указал на Чейна.

Дженифер сделала большие глаза.

— Ничего.

— Как это ничего? Совсем ничего не видеть и не слышать ты не могла.

— Ладно. Не сердись. — Все еще трепеща, она придвинулась чуть ближе. О деле, парень, думай, о деле. — Полчаса назад я тихонько вышла из комнаты, прошла по коридору и посмотрела с балкона вниз. Чейн с Питерсом сидели у фонтана. Просто сидели, ждали чего-то. Я не могла спуститься по лестнице незамеченной и поэтому тоже ждала. И боялась все сильней, уже готова была отказаться от свидания с тобой, но тут Питерс

что-то сказал Чейну и начал подниматься. Чейн повернулся спиной, и я поспешила, пока Питерс не обратил на меня внимания, прошмыгнуть на четвертый этаж...

Наверное, Чейн все-таки заметил меня, он что-то крикнул, но я быстренько взбежала на четвертый этаж и сразу по коридору к тебе. Чейн тоже поднялся, я видела, как он прошел к отцу. Я стучалась, но ты не отзывался. А потом тот вопль... Я не знала, что делать, вконец перепугалась и хотела спрятаться в коридоре, в темноте — и тут услышала твой голос.

— Ты не видела никого, кроме Питерса и Чейна?

— Нет, я же сказала.

— Угу. — Я с минуту подумал. — Возвращайся лучше к себе, пока не вышел еще кто-нибудь. Питерс и так уже достал нас своими вопросами.

— О!

— Именно. Уходи. — Я проводил Дженифер через верхний этаж. Она свободно ориентировалась в темноте. На лестничной площадке третьего этажа мы расстались. — Зайду к тебе, как освобожусь.

— Хорошо, — пискнула она. Да, девчушка перепугалась до смерти. Да и неудивительно, я сам струсили.

Чейн мертв. Моя опора, мой любимый подозреваемый. Мой почти пойманный убийца. Ушел в лучший мир. Выходит, я сел в лужу. Правда, можно допустить, что Чейн на кого-то напал и жертва, обороняясь, убила его.

Я поднялся на балкон, с которого он предположительно был сброшен. Морли с Питерсом замолчали и следили за мной.

— Он носил шерстяные брюки? — спросил я.

— Да.

На перилах остались обрывки шерсти, кусочки кожи, царепины. Видимо, Чейн цеплялся за них. Крошечные улики, но они не оставляли сомнений, что убийца столкнул его. Я представил,

как Чейн стоял здесь и смотрел вниз, может, говорил с кем-то — и вдруг толчок. Скорей всего недостаточно сильный. Вероятно, потом его толкнули еще раз.

Порой я чересчур чувствителен. Судьба безвременно погибших не дает мне покоя. Я воображаю, как все это происходило и что испытал человек, осознав неотвратимость гибели. Упасть и разбиться насмерть, по-моему, ужасный конец. Я сочувствовал Чейну больше, чем следователь обычно сочувствует жертве преступления.

Что чувствовал он в эти секунды падения? Страх, отчаяние, тщетную надежду — вдруг удастся ослабить удар, уцелеть?

Я содрогнулся. Чейн будет являться мне бессонными ночами. Я с трудом взял себя в руки и поплелся вниз. Все тело ныло, и настроение было прескверное.

— Ну-с, ваша версия, сержант.

Питерса неприятно поразил мой тон, но он сдержался.

— Мы караулили мертвеца. — У фонтана была разложена целая коллекция смертоносных орудий, я ее сперва не заметил. — Наше дежурство кончалось примерно через час. Потом черед Кида и Уэйна. Мне приспичило отлучиться. Выходить на улицу не хотелось, и я отправился к себе в комнату.

— Что-то долго вы мочились.

— Дело в том, что мне захотелось по-большому. Хочешь проверить? Оно еще теплое.

— Поверим ему на слово, Гаррет. — Морли не из тех дотошных сыщиков, что готовы в поисках улик обнюхать все грязные горшки. Откровенно говоря, это и не в моем вкусе тоже. Кроме того, я верил Питерсу. Реши он спихнуть кого-нибудь с балкона, он выбрал бы алиби поумней.

Похоже, подозреваемых нет.

Значит, надо начать все сначала и вновь подозревать всех, принимая во внимание даже маловероятные кандидатуры.

Питерс, кухарка, Уэйн. Кто? По непонятной причине я отдавал предпочтение Уэйну. Это сразу обеляло кухарку, хотя у нее-то алиби — комар носа не подточит. Но алиби еще не доказательство.

Доля в наследстве выросла теперь до шестисот тысяч, если стоимость поместья не падала быстрей, чем рассчитывал убийца.

— Полагаю, убийца знает о копиях завещания, — сказал я Питерсу.

— Следовательно, угроза жизни генерала возрастает.

— Почему?

— Убийца боится, что другие копии тоже будут уничтожены и усилия его пропадут зря. Возможно, он захочет убрать старика, пока тот не сжег последнюю копию. Надо бы точно выяснить, сколько их всего и где они сейчас.

Я похлопал по карману рубашки, убедился, что моя копия цела и невредима. Хотя никаких гарантий нет — я ведь тоже смертен, как Чейн, Хокес и Брэдон.

Я вспомнил Снэйка и подумал о его картинах. Надо принести их в дом.

Но на улице лил дождь, даже хуже — несколько раз сверкнула молния.

— Погодка как раз подходящая для этого места, — заметил я. — Не хватает только жутких завываний и резвых привидений.

— Зато есть кое-что получше, — фыркнул Питерс. — Резвый мертвечок. — Он ткнул пальцем в сторону черного хода.

Мертвец вернулся. Он опять напал с тыла. Молния осветила его, я пригляделся. Этот разложился сильнее других.

Питерс выбрал несколько предметов из кучи оружия у фонтана.

— Займемся им?

— Вот, Морли, каков мой старый сержант — смело смотрит в лицо опасности.

— Ага. — Морли тоже подошел к арсеналу. Некоторые веци ему определенно приглянулись.

— Ладно, давай кончать, эти ребята чересчур навязчивы.

Я порылся в куче оружия. Все лучшее уже разобрали. Опоздавшие всегда вынуждены довольствоваться обедками. Придется мне умерить свой кровожадный пыл.

35

Морли привалился к ограде фонтана и ощупывал сломанные ребра. Питерс, схватившись за живот, корчился на полу в луже рвоты, собрав все свое мужество, чтобы сдержать стоны. Я отдался пустякам: ушиб голени, вывих ступни, чепуха, тем более на разных ногах. В следующий раз, черт с ним, пусть убивают, будет не так больно.

— Почему ты не сказал, что при жизни этот молодчик был боксером? — прохныкал Морли.

— Нечего на меня бочку катить! Почем я знаю, кто он такой?!

Повсюду были разбросаны куски трупа, некоторые еще шевелились.

— Теперь что?

— Что?..

— Два трупа сожжены, верно?

— Насколько мне известно, один.

— Оба, — выговорил Питерс. Он стоял на коленях, костяшки сжатых в кулаки пальцев побелели. Он получил очень нехороший удар в пах. — Куски второго мертвеца покидали в горящую конюшню, когда поняли, что потушить ее не удастся. — Питерс выплевывал слова маленькими порциями, по два-три раза, но эта реплика стоила ему нового приступа тошноты, но он уже изверг из себя все и теперь позывы были сухими.

Я сочувствовал сержанту, но был слишком занят своими болячками, и поэтому участие мое было не таким уж горячим.

— Завершим хотя бы начатую работу. — Я поднялся: куски трупа, похоже, снова стягивались в одно место. Прихрамывая, я обошел поле боя и разбросал их подальше.

— Тысяча чертей, что стряслось? — услышал я и поднял глаза.

Уэйн с Кидом стояли на третьем этаже. Готовились принять смену.

— Спускайтесь. Мы совсем выдохлись.

Они бросились вниз. Уэйн опередил Кида. Он взглянул на тело Чейна, на куски разложившегося трупа, опять на Чейна.

— Боже, Боже мой! — Ничего лучшего он придумать не смог, только повторил вопрос: — Что стряслось?

Тут к нам присоединился Кид, и я поведал им о последних событиях.

— Боже, Боже мой! — Уэйн безумно испугался. В первый раз до этих людей дошло, что они тоже смертны.

— Ну-ну. Теперь ты на сто тысяч богаче.

— Слушай, ты, плевать мне на деньги. Обойдусь. Они этого не стоят. Дождусь рассвета, чтобы этот гад не напал на меня, и все — уношу ноги.

— Но...

— На деньгах свет клином не сошелся. А мертвому от них и вовсе толку чуть. Я ухожу. — Он был близок к истерике.

Я глянул на Питерса. Сержант доплелся до бортика фонтана, взгромоздился на него и весь сжался, поглощенный своей болью. Больше у него ни на что не осталось сил.

Морли тоже не помощник. Да он и не знает этих людей и все равно не смог бы помочь.

Я посмотрел на Кида. Старик был бледен как полотно и испуган не меньше Уэйна. Оба они заглянули в лицо смерти,

ставшей частой гостьей в их доме. Здесь не так уж много места и волей-неволей приходит в голову мысль — чья очередь следующая?

Кид несколько раз судорожно сглотнул.

— Генерал. Кто-то должен заботиться о генерале.

— Пусть сам о себе заботится, проклятый ублюдок, — огрызнулся Уэйн. — Я ухожу, я не стану жертвовать жизнью ни за него, ни за его деньги.

Боль мешает сосредоточиться, но моя не была невыносимой и не занимала меня целиком. Я не лишился способности соображать и сейчас лихорадочно обдумывал — что дальше? Кто из трех притворяется и как сму удастся притворяться так мастерски?

Трудно представить в роли убийцы кухарку, Дженнифер или генерала. Но что, если убийц несколько? Этот вариант практически не проработан. Между тем он объяснил бы многие алиби.

Кстати, моя возлюбленная, изящная, словно статуэтка из слоновой кости. Кто она? Сказочная принцесса? Или — дело идет к этому — злодейка с черной душой?

Кто же она? Кто?

С грацией бегемота я спрыгнул с ограды фонтана. Кид и Уэйн немного опомнились и взялись за работу. Кид сходил в кухню и принес несколько холщовых мешков. Не произнося ни слова, они собрали в них остатки трупа и наглоухо завязали. Простуда спасала меня от многих неприятных ощущений — я не чувствовал вони.

Морли смирно стоял в сторонке.

— Как ты? — спросил я.

— Утром сматываюсь. — Он состроил гримасу, сплюнул на пол, наклонился рассмотреть плевок и опять сморщился.

— Ты чего?

— Смотрю, нет ли крови в слоне.

— Да просто весь пересмазался.

Он сверкнул на меня глазами и чуть усмехнулся. Я прикусил язык: понятно, работает напоказ. Пусть, мол, думают, что Морли совсем плох. Впоследствии может пригодиться.

Питерс очухался.

— Что теперь, Гаррет?

— Не знаю.

— Как прекратить этот кошмар, пока всех нас не перебили?

— Не знаю. Разве только разбежаться? Сделать ноги.

— Но в таком случае убийца останется победителем. И так Уэйн завтра уходит. Уйти — все равно что быть убитым.

— А ведь парень облегчает тебе работу, Гаррет, — заметил Морли. Лицо его опять перекосилось. Персигрываешь, дружок, персигрываешь.

— Как так? — Сами видите, я был не в лучшей форме.

— Можешь еще одного вычеркнуть из списка.

— Гаррет, как изловить его?! — взорвался Черный Пит.

Его? Теперь я отнюдь не был в этом уверен. Если Уэйн уходит, а Питерс невиновен, то остается только накинуться на Кида. Но Кид стар и слаб, а многие преступления потребовали недюжинной силы.

— Нет зацепки, сержант. Не давите на меня. Вы лучше знаете друг друга — вот вы и скажите мне, кто злодей.

— Мы по уши в дерьме. Никто, если рассуждать логически, никто. Разве та фантастическая блондинка, которую только ты и видел.

— Я видел, — вмешался Морли.

Я в изумлении воззрился на приятеля. Он что, оказывает моральную поддержку?

Не он ли ночью говорил прямо противоположно? Или это был другой Морли? Я и забыл об оборотне, способном превратиться в кого угодно. Или пошаливает злой дух, в присутствии которого не сомневался доктор Стоун?

Час от часу не легче.

— Картину, — шепнул мне Морли. Я нахмурился. — Предъяви картину, пусть наконец скажут, кто она такая и чем замечательна — молчу, конечно, о ее достоинствах в постели.

Может быть, Морли прав. Может быть. Но мне ужасно хотелось послать его ко всем чертям. Сейчас мы в относительной безопасности. С трупом покончено. Убийца тоже скорей всего на время угомонился. Раны ноют не переставая. Мне хотелось убраться подобру-поздорову наверх и заняться делом, от которого меня так бестактно оторвали, то есть задать храпака.

Но однажды я на несколько минут опоздал на свидание с Брэдоном — и вот что из этого вышло. Не говоря уж о конюшне и тех картинах... Словом, надо ковать железо, пока горячо.

Я встал.

— Питерс, у вас найдется что-нибудь непромокаемое? Плащ, зонтик?

Морли тоже встал, лицо его сморщилось от боли, он ухватился за бок.

— Зонтик? Какого черта тебе понадобилось на улице?

— Нужно срочно перенести кое-что в дом.

Пит взглянул на меня как на ненормального. Допускаю, что он не ошибся.

— Налево, до конца холла и под арку. В бывшем туалете для гостей. — Он по-прежнему говорил отрывистыми, короткими фразами.

Мы с Морли зашли под невысокую, меньше пяти футов, арку. Под ней оказалась дверца, ведущая в небольшую нишу. В нише было две двери, одна прямо передо мной, другая слева. Я открыл первую, а Морли занялся второй.

За дверкой я обнаружил женскую уборную. До сих пор я не знал, что в доме есть туалеты, и ходил на улицу. Возможно, помещение теперь не использовалось по назначению. Там просто устроили кладовку. Плащей я не нашел и пошел проведать Морли.

Его комнатка была, как и следовало ожидать, мужской уборной. Мраморные пол и стены. Но труба, по которой поступала вода, проржавела. Плащ я нашел, но Морли исчез.

— Ты где?

— Здесь, — откликнулся он из левого заваленного швабрами, метелками и вениками угла.

Морли отыскал еще одну выдвигающуюся панель. За ней начиналась лесенка.

— Позже разведасм.

Среди прочего хлама, наваленного на крыше громадного мраморного унитаза — по-моему, на нем могли усесться разом четырех человека, — я откопал фонарь. Похоже, им сравнительно недавно пользовались.

Морли выбрался из угла, и я зажег фонарь.

— Если бы не это, — сказал Морли, — я бы подумал, что уборной лет двадцать не пользовались.

— Да. — Я облачился в длинный клеенчатый плащ. — Выбери что-нибудь для себя.

Пока Морли возился в поисках одеяния размером хоть чуть-чуть поменьше цирковой палатки, я прихватил еще несколько тряпок, чтобы завернуть полотна Брэдона. Снарядившись таким образом, мы смело отдались на волю разбушевавшейся стихии.

На самом деле мы тащились как черепахи, беспрерывно спотыкаясь. У меня почти все силы уходили на то, чтобы не дать фонарю погаснуть.

Дул сильный ветер, нас окружали потоки воды. Сверху тоже лило. Гремел гром, сверкала молния, мы как будто попали на поле жесточайшего сражения, но, несмотря на все препятствия, благополучно добрались до коровника.

— Слава Богу, мы надели плащи, — сказал Морли. — А то промокли бы.

Нашел за что благодарить, придурок. Все равно — промокли насеквоздь.

Я с трудом докопался до места, где припрятал картины.

— Черт побери! Не так все плохо.

— А что хорошего?

— Они все еще здесь.

— Проверь все же, нет ли ловушки.

Морли пошутил, но я готов был принять его совет всерьез. Впрочем, ловушки не оказалось, мне повезло.

Я встряхнулся, как вылезшая из воды собака. Морли поставил фонарь и, ругаясь, принялся отмахиваться от лестучих мышей.

— Этих плащей недостаточно. Схожу поищу еще. — Он исчез, оставив меня в почти полной уверенности, что больше мы никогда не увидимся.

Однако он вернулся и притащил два тяжеленных куска брезента. Мы сложили полотна Снэйка в две пачки, завернули и вышли под дождь. Каждый взял по одной пачке.

Я опять промок до нитки и вымазался по колени в грязи, но картины не пострадали. Мы добрали до дома, разделись.

— Наверное, лучше взять их наверх, — сказал я.

Морли взглянул на картины.

— Психиатру его вовремя не показали.

— Но какой талант! Вот она.

— Я сражен. — Он уставился на портрет блондинки, как будто хотел проглотить его.

— Пойдем наверх, насладимся в спокойной обстановке.

Но нам пришлось пройти мимо Кида, Уэйна и Питерса.

— Что это у вас? — поинтересовался Черный Пит.

Причин скрывать правду у меня не было.

— Кое-что из работ Брэдона. Я спас их из огня.

Им стало любопытно: Брэдон никому не показывал своих картин.

— Вот это да! — воскликнул Кид, просмотрев две военные сцены. — Да он больной!

— Нет, — возразил Уэйн. — Так оно и было, так мы чувствовали.

— Чепуха, все выглядело иначе.

— Знаю. Я говорю, так мы чувствовали.

— Смотрите, мужики, — включился в обсуждение Питерс, — а ведь он недолюбливал Дженнифер.

Как-то вышло, что я спас четыре портрета — блондинку и три Дженнифер. Ребятам повезло, что их изображений я не вытащил. Они бы не оценили мастерство живописца. Портреты Дженнифер я схватил просто второпях.

Питерс разложил картины у фонтана. Третий (наверное, недавний) портрет Дженнифер я раньше не разглядывал. Он был самым ужасающим из всех, он словно источал ужас и заставлял усомниться в здравом рассудке художника.

— Мы знали, что Снэйк псих, но не до такой же степени. Гаррет, не вздумайте показать его мисс Дженн. Это слишком жестоко, — сказал сердобольный Кид.

— И не собираюсь. Я хватал наугад. Но вот она, блондинка. Этот портрет я захватил не случайно. Вот женщина, которую я видел много раз. Кто она?

Они посмотрели на меня, на картину, опять на меня. Наверное, подумали, что я тоже не крепок на голову и позволил себе увлечься первым подвернувшимся под руку предметом, но сдержались и не высказали своего впечатления вслух.

— Понятия не имею, Гаррет, — рубанул Питерс. — Никогда ее не видел. А вы, ребята?

Уэйн и Кид покачали головами.

— Хотя... вроде бы... — промямлил Уэйн.

В голове у Кида тоже мелькнула какая-то мысль, он наморщил лоб, подошел ближе.

— Узнаешь? — спросил я.

— Нет. Секундочку... Нет. Просто игра воображения.

Я не стал спорить. Все равно доказательств пока нет.

— Пошли, Морли.

Мы начали собирать картины. Теперь Питерс, нахмурившись, рассматривал блондинку, мучительно пытаясь что-то сообразить. Он побледнел немножко, вконец растерялся, но так ничего и не сказал. Мы собрали полотна и направились к лестнице. Поднялись на четвертый этаж, и я, меня точно подтолкнул кто, подошел к перилам балкона. Питерс и Кид о чем-то возбужденно шептались.

У Морли слух острой мосго.

— Не знаю точно, о чем они говорят, но они пытаются убедить друг друга, что это невозможно.

— Они узнали ее?

— Они думают, что она как две капли воды похожа на ту, кем быть не может. Да, кажется, я не ослышался.

Все это мне совсем не нравилось.

36

В гостиной Морли водрузил портрет таинственной дамы на полку у камина и принялся сосредоточенно изучать его. Я нсверно истолковал этот интерес, что простительно: слабость Морли к женскому полу ни для кого не секрет.

— И не мечтай, дружок. Место занято.

— Спокойно. Садись и смотри на картину.

Не случись чего-то очень важного, Морли не стал бы говорить со мной подобным тоном. Я устроился поудобнее и взирался на портрет.

Морли поднялся, задул несколько ламп. Комната погрузилась в полумрак. Потом он отдернул занавески. Теперь ничто не скрывало от наших глаз неистовствующую за окном бурю. Устроив все таким образом, Морли продолжал изучать картину. Женщина на ней казалась все более и более живой, овладевала

постепенно всем моим существом. Мне хотелось взять ее за руку и увести прочь, спасти от той жути, что настигала ее.

Буря как бы перекликалась с фоном картины и еще усиливала эти ощущения. Проклятый Снэйк Брэдон был колдуном. Портрет, если долго смотреть на него, действовал даже сильнее, чем пейзаж с болотом и виселицей, но природа этого воздействия оставалась неуловимой, секрет его ускользал от меня.

Я почти слышал ее мольбы о помощи.

— У, ведьма! — пробормотал Морли. — Она затмевает все. Сейчас мы ее уберем.

— Что ты сказал?

— Там есть еще что-то. Но нас отвлекает женщина.

Точно. Фон картины казался мне лишь украшением, подчеркивающим ее удивительную красоту.

Морли взял с моего стола бумагу и с помощью небольшого ножичка вырезал силуэт блондинки — чтобы прикрыть ее.

— Упаси тебя Господь испортить картину. Прирежу.

Я уже знал, куда повешу ее. У меня дома в кабинете как раз есть пустое местечко.

— Я скорей сам себе глотку перережу, Гаррет. Твой Брэдон псих, но псих гениальный.

Любопытно, Морли называет Снэйка сумасшедшим, а ведь они никогда не встречались.

Морли задул еще одну лампу и закрыл незнакомку на портрете.

— Будь я проклят...

Картина не утратила выразительности, но теперь стали заметны и детали.

— Не думай ни о чем, — шепнул Морли, — просто погружайся в нее.

Я старался как мог.

Снаружи черт знает что творилось. Раскаты грома, сверкание молний. Вот как раз вспышка — и тут же на картине тоже словно вспыхнуло что-то, шевельнулось во тьме.

— Ну?

Это длилось лишь долю секунды — и больше не вернулось. Напрасно я пялил глаза.

— Ты видел лицо? — спросил Морли. — Лицо в тени?

— Да. Но только секунду и больше не вижу.

— Я тоже. — Он убрал бумагу. — Она бежит не от чего-то, а от кого-то.

— И к кому-то взывает. Думашь, Брэдон имел в виду определенного человека?

— Бежит от кого-то к кому-то? — уточнил дотошный Морли.

— Может быть.

— К нему, к художнику?

— Может быть. — Я пожал плечами.

— К тебе? Ты ведь...

— Ты сказал, что видел ее.

— Я не уверен. Я видел женщину, но лишь мельком. Чем больше я смотрю, тем больше уверяюсь, что видел другую.

— Дженифер?

— Да. Они очень похожи.

Я попытался уловить сходство.

— Нет, не нахожу. В Джени много от Стэнтиров, а в этой ни капли.

Наверное, голос мой дрогнул.

— Ну?

— Лицо в темноте. В нем тоже много стэнтировского.

— Дженифер? Брэдон изображал ее весьма скверной девчонкой.

— Не думаю. Кажется, это мужское лицо.

— Мужчине около тридцати и лицо совершенно безумное?

За окном опять сверкнула молния. Я вскочил и зажег лампы.

— Ничего не могу поделать. Ознооб бьет, — пояснил я.

— Да уж. Все страшней и страшней становится. Как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров.

Холод пробирал до костей — внутренний холод. Не удивлюсь, если окажется, что за нами все время наблюдали.

— Нужно разжечь огонь.

— Эврика! Повтори, что ты сказал.

— Сказал, разожгу огонь. Надоело мерзнуть.

— Гаррет, ты гений.

— Спасибо. — Что я такого гениального сморозил?

— Пожар в конюшне. Ты правильно подумал тогда: не ты причина поджога, а что-то, что Брэдон прятал. А что ты нашел в тайнике? Картины. — Морли ткнул пальцем в блондинку. — Этую картину.

— Не знаю...

— Я знаю. Что такое остальные полотна? Бред сумасшедшего. Портреты людей, которых мы и так видим каждый день, и виды Кантарда.

Я еще раз взглянул на картину.

— Вот ключ к разгадке преступлений. Вот из-за чего погиб Брэдон. Вот почему загорелась конюшня. Вот твой убийца. — Морли рассмеялся безумным, как все в этом доме, смехом. — А ты спал с ней. — Он хотел продолжать, но запнулся, подошел и положил руку мне на плечо. — Прости, старина.

Самому-то ему не заживело б, он способен переспать с виновницей массовых убийств, а потом с улыбкой перерезать ей горло. И хоть бы хны. Милейший мошенник мой Морли, но есть в нем этакое жутковатое хладнокровие.

Впрочем, поняв, как подействовал его удар, он попытался как-то поддержать меня.

Я думал, что долго не очухаюсь, но пришел в себя довольно быстро, хоть и был потрясен до глубины души.

— Мне надо пройтись.

Морли не удерживал меня. Я подумал, что быстрой ходьбой смогу утихомирить боль, но испытанное средство не помогало.

Не способствовало и завывание ветра за окнами, а гром действовал на нервы, как кошачий концерт в полночь.

Тогда-то я и вспомнил обещание, данное Дженифер. Я обещал попозже заглянуть к ней. Что ж, убьем, как говорят в народе, одним выстрелом двух зайцев.

— Ты куда? — окликнул Морли.

— Так, обещал кое-кому, чуть не забыл. — Я поспешил уйти, пока он не помешал мне.

Но я вовсе не был уверен, что принял верное решение

37

Я перегнулся через перила. Кид с Уэйном молча сидели у фонтана друг напротив друга. Кровь Чайна подстерли, Питерс ушел. Им-то чего не спится? Правда, не им одним: у меня тоже сна ни в одном глазу, несмотря на изнеможение и многочисленные раны и ушибы.

Я поднялся наверх и проскользнул на третий этаж. Никто меня не заметил. Этот домина словно создан для тайных свиданий. На цыпочках я подкрался к двери Дженифер и постучал. Она не ответила. Учитывая все обстоятельства, я другого и не ожидал. Я толкнул дверь — заперта.

Весьма благоразумно. Не надо быть сеими пядей во лбу, чтобы догадаться принять эту меру предосторожности. Я постучал вновь. Ответа не последовало.

Ладно, шум поднимать не стоит.

Я собрался было уходить, но остановился. Не знаю, что двигало мной, но я вернулся и попытался самостоятельно справиться с замком. Пустяковая работенка — пара минут, и дело в шляпе. Я вошел и запер за собой дверь.

Дженифер не любила темноты. С полдюжины ламп горело в гостиной, абсолютно такой же, как у ее отца. Расположения

комнат я не знал, но решил, что искать Дженнни нужно за той дверью, из которой обычно появлялся генерал.

Я затрудняюсь определить это помещение — точно не спальня, скорее маленькая гостиная, скучно обставленная, с большим, выходящим на запад окном. Полутемно: горит только одна свеча.

Дженинфер сидела на стуле лицом к окну. Занавески были откинуты, буря не утихала, но она крепко спала. Вряд ли она услыхала мой стук, даже если б бодрствовала.

Что теперь, умная твоя голова? Одно неверное движение — сюда набежит народ, и ты оглянешься не успеешь, как станешь евнухом.

Ладно, не впервой мне попадать в такие непростые положения. Я тронул девушку за плечо.

— Проснись, Дженнни.

Дженинфер отшатнулась, подпрыгнула на стуле и заверещала. Но небеса смилиостились надо мной: очередной удар грома заглушил се крик, а потом она узнала меня и — более или менее — опомнилась.

— Ты ужасно напугал меня, Гаррет. Что ты здесь делаешь? — прижав руку к сердцу и задыхаясь, спросила она.

Прямо признаться было неловко, и я уклончиво ответил:

— Я ведь говорил, что зайду. Я и пришел, постучался, но ты не отворила. Тогда я заволновался, все ли в порядке, взломал замок и вошел. Ты была такая бледная... Прости, я только коснулся твоего плеча, я вовсе не хотел тебя испугать.

Достаточно ли искренне звучали мои слова? По-моему, да.

Я играл эдакого чистосердечного парнишку — и небезуспешно: уроки Морли не пропали зря. Она немного расслабилась и придвинулась ближе.

— Бог мой, надеюсь, мой визг не перебудил весь дом.

Я еще извинялся, а затем — это казалось совершенно естественным — приобнял Дженинфер за плечи: чтоб ей было

уютней. Через минуту-другую Дженини почти перестала дрожать и спросила голоском маленькой девочки:

— А теперь ты меня изнасилуешь?

Ну и ну, удержала, лучше не придумаешь. Я разразился хохотом. Напряжения как не бывало, я даже слишком разошелся, пришлось взять себя в руки.

— Я сказала что-нибудь смешное? — Мой смех задел Дженинфер.

— Нет, Дженини дорогая, нет. Я не над тобой смеюсь — над собой, честное слово, над собой. Я не собираюсь тебя насиливать. Я дико устал. По правде говоря, я в таком состоянии, что не способен изнасиловать даже бурундука. Меня сначала подожгли, потом трахнули по башке, а потом избили до полусмерти. У меня все болит, и я чертовски расстроен из-за Чайна. Сейчас мне ничего не надо, тем более кого-то насиливать. Просто хочется побывать рядом с женщиной — чтобы мы могли утешить и успокоить друг друга.

Я разливался соловьем. Учитесь. Ставлю восемь против пяти, что таким манером можно уломать любую, самую испорченную девственницу, уговорить ее пригреть и утешить вас. Это несложно — прикиньтесь безобидным, беспомощным, простодушным, жаждущим материнской ласки — и готово дело.

Слово за слово... Я вел свою партию безукоризненно, а ведь ничего не планировал, все на вдохновении. Через пятнадцать минут мы очутились в постели. Еще через пятнадцать минут мне пришлось напомнить себе, что я безобидный, беспомощный и ищу только поддержки.

А славно все-таки просто полежать с кем-то рядом, особенно если до этого вас били, обижали и вообще травили, как волки травят хромую лисицу. Но, лежа рядом с такой девушкой, недолго и позабыть обо всей этой мясорубке.

Мы пошептались — в основном о вполне невинных вещах, но... Почему-то она не могла лежать спокойно, вертелась как

юла. Я же теперь чувствовал себя относительно свободно. Вот Дженнин шевельнулась, нащупала что-то, вздрогнула.

— Это то самое и есть — о чем я думаю?

Намек понятен.

— Да, прости ради Бога, ничего не могу с собой поделать. Наверное, мне лучше уйти. — Разумеется, я не собирался уходить. Нет, от Гаррета вам этого не дождаться.

— Не верю. Нет, это невозможно.

Почему невозможно? Обидно, ей-богу.

На некоторое время все картины, бури, раны и болячки вылетели у меня из головы. Спали только урывками: почти всю ночь мы раздвигали границы возможного.

Тем не менее утром я возненавидел лишь свое бренное тело. Я ощущал себя столетним старцем, но голова была ясная — не считая простуды. Я поцеловал Дженнин в лобик, в носик и в подбородок и только потом заторопился к себе — пока не проснулись домочадцы.

Уэйн и Кид не покинули свой пост, хотя Кид клевал носом, а Уэйн — тот просто растянулся на бортике фонтана и громко хрюпал. Кухарка сердито гремела посудой и бранилась, даже с четвертого этажа я слышал ее голос. Интересно, чего она разошлась? Ничего, скоро узнаем, что стряслось с этим оплотом сдержанности и стоицизма.

Поднявшись наверх, я, прежде чем углубиться в свой коридор, взглянул на балкон напротив. Блондинка пристально смотрела на меня. Я нерешительно махнул рукой, она не ответила. «О Господи, начинается выяснение отношений», — простонал я и направился к двери.

Сперва я подумал, что белокурая красотка опередила меня, но потом понял, что передо мной портрет. Это было так странно и жутко, что я повернул картину изображением к стене.

— Хорошо провел время?

Морли развалился в огромном кресле. Похоже, он только проснулся.

— Потрясно.

— То-то, смотрю, рожа у тебя довольная, прямо лоснится. Ступай умойся, скоро завтрак. — Ему что, не терпится отведать кухаркиной стряпни?

— Я, пожалуй, пропущу завтрак. Лучше сосну немного.

— Ты на работе, Гаррет. Ты не имеешь права укладываться спать, когда пожеласт твоя левая нога.

— Вот почему хорошо, когда ты сам себе хозяин.

Но Морли прав. Он даже не догадывается, насколько прав. Я, конечно, могу завалиться поспать часок-другой, но, если кого-нибудь за это время убьют, он много лет будет являться ко мне в страшных снах.

— Согласен, пошли.

Теперь Морли выглядел самодовольным и торжествующим. Ублюдок, знал, чем меня взять. Я прошел в туалетную и побрызгал в лицо водой. Морли торчал на пороге.

— Пойду-ка я поскорей навещу кухарку, — заявил он, — а то ты всех баб перепугаешь, а я останусь с носом.

— Опять не повезло, дружок. Кухарку я уже давно покорил.

Морли недоверчиво фыркнул.

— Пришлось поспешить. Я знал, что ты на нее накинешься, как мотылек на огонек. — Я вытер лицо. — Но, с другой стороны, не хочу становиться тебе поперек дороги, мешать счастью друга. Она как раз в твоем вкусе. Только, чур, шафером буду я.

— Не изощряйся. Я не дерусь с безоружными.

— Угу.

— Это диета твоя оказывается. Надо потолковать с кухаркой. Правильное питание — вот путь к спасению генерала, а вовсе не легионы врачей и ведьм.

— Ты приготовился защищаться?

— Чего?

— Последнее предупреждение, приятель. Вижу, ты опять завел старую песню — о мясе, сельдерес и вареных сорняках.

— Вареных сорняках? Да ты хоть раз заплатил за жратву в моем ресторане из собственного кармана?

Я так устал, что забыл, как Морли умеет изображать праведное возмущение, и допустил грубейшую ошибку, честно ответив:

— Зачем? Если можно не платить...

— Ага, жресь задарма и еще жалуешься! А знаешь ли ты, чего стоит эти сорняки собрать? Это редкие, дикорастущие травы, их на продажу не выращивают, это не то что всякий мусор, который пережуют и в рот тебе положат.

Морли разошелся не на шутку, искренность так и перла из него, но я не поверил до конца. Цены в его ресторане действительно не низкие, но это, наверное, для рекламы. Просто надо убедить посетителей, что продукты и готовка здесь — высший класс.

— Замнем, Морли, не время сейчас для серьезных споров. — Я примирительно поднял руку. — Пошли поглядим, чем нас отравят сегодня.

— Выбирай выражения, Гаррет. Черт с тобой, пошли.

38

Лет сто назад кухарка готовила завтрак на сто человек и с тех пор только разогревала его. Сегодня, во всяком случае, она подала то же жирное мясо с подливкой, лепешки и все такое — пища настолько тяжелая, что могла бы потопить и корабль. Настоящий деревенский завтрак. Бедняжка Морли — как он мутился!

— По крайней мере гроза прошла, — пробурчал он, пытаясь заставить себя проглотить кусочек лепешки.

И правда, ветер утих, но зарядил моросящий дождик и заметно похолодало — нехороший признак: значит, опять пойдет снег.

Дженнифер не показывалась. Я ничуть не удивился, как, впрочем, и все остальные. Видимо, это не в первый раз. Уэйн тоже отсутствовал, а оставаться без завтрака не в его духе.

— Где Уэйн? — спросил я Питерса.

Сержант по-прежнему ползал точно дохлая муха: боль еще не утихла.

— Ушел, — ответил он. Этого я и боялся. — Только расцвела дождался и ушел, как собирался. А Кид, я слышал, уже упаковал вещи, он тоже почти решился.

Я взглянул на Кида. Так и есть. Он кивнул, хотя было заметно, что решение далось ему нелегко.

— Значит, остается три человека, — пробормотал я.

— Я выдержал целую битву с самим собой, — продолжал Питерс. — Мне очень хотелось уйти.

— О чём это вы, ребята? — громовым голосом вопросила кухарка.

Скорей всего она действительно ни о чём не слыхала. Я поведал ей о смерти Чейна. Я едва не позавидовал ей: ведь главный могильщик Уэйн слингял, а значит, Питерсу, или мне, или нам обоим не миновать тащиться на кладбище и баражаться в грязи, закапывая останки Арта Чейна. Я знал, что Морли палец о палец не ударит, не нанялся же он мне в самом деле! Его кислая усмешка — небось представил себе старину Гаррета с лопатой — подтвердила мои опасения.

Итак, теперь приходится по восемьсот с чем-то тысяч на нос. И среди оставшихся в живых нет ни одного сколько-нибудь похожего на убийцу.

Я подумал, не скжечь ли мою копию завещания прямо тут, у всех на глазах. Но зачем, если неизвестно, последняя это копия или нет? Ужасная мысль промелькнула у меня в голове.

— Завещание было заверено?

Так делают, чтобы предотвратить склоки между наследниками. Если завещание Стэнтнора зарегистрировано, значит, копия хранится у нотариуса и нашему злодею дела нет до моей копии и не имеет значения, спалит ли генерал свою.

Они переглянулись, пожали плечами. Придется спросить у генерала. Я уже хотел заявить, что желаю видеть его, но шум с улицы остановил меня. Грохот, топот, будто к дому подходил кавалерийский полк.

— Какого черта, кого еще принесло? — пробормотал Кид и с трудом поднялся со стула. Казалось, к его семидесяти с хвостиком прибавилось еще годков сорок. Все, кроме кухарки, поплелись следом. Кухарка не покидала своего поста из-за всяких пустяков.

Мы столпились на парадном крыльце.

— Дьявольщина какая-то, — сказал Питерс. — Что за дурацкий карнавал!

Действительно, карнавал. Пестро разодетая толпа, кареты, тележки... В некоторые повозки впряжены не лошади, а быки или даже слоны, а такое можно увидеть только на карнавале. Седоками были гролли — помесь гоблинов с троллями, они бывают ростом под десять футов и настолько сильны, что могут с корнем вырвать дерево — большое дерево.

Двое гроллей приветственно помахали мне.

— Дорис и Марша, — наконец узнал я. — Давненько не виделись.

Худенький парнишка вприпрыжку вбежал на крыльцо. С ним мы не встречались еще дольше.

— Кого я вижу! Дожанго Роуз. Как делишки, черт тебя побери?!

— По правде говоря, не очень, дурная полоса пошла, — усмехнулся он.

Этот малыш непонятных кровей утверждает, что он, Дорис и Марша — тройняшки, но от разных матерей. Не напрягайтесь, все равно не поймете, как так получилось.

— Что за потеху вы устроили здесь, Дожанго? — спросил Морли.

Точно не знаю, но подозреваю, что они с Дожанго дальние родственники.

— Медико-цирковое шоу доктора Рока, а также спиритическая помошь на дому. Один приятель сказал доку, что у вас завелся злой дух, с которым необходимо разделяться. — Дожанго расплылся в улыбке. Его рослые братцы Дорис и Марша весело галдели, абсолютно не принимая во внимание, что я ни слова не понимаю по-гролльски.

Потом они вместе с прочими чудными существами принялись за работу — начали разбивать лагерь на лужайке перед домом.

Я взглянул на Питерса и Кида. Они, не двигаясь, изумленно взирали на творящийся средь бела дня беспредел.

— Морли? — Я поднял бровь чуть ли не на фут. — Штучки твоего приятеля-лекаришки?

Он вяло ухмыльнулся:

— Похоже на то.

— Эй! — окликнул меня Дожанго. Почувствовал, наверно, что появление их никого не обрадовало. — Доктор Рок — не шулер какой-нибудь, по правде говоря. Он настоящий укротитель духов, заклинатель бесов, демонолог, медиум, даже, по правде говоря, немножко колдун. Но, по правде говоря, спрос на такие услуги невелик. Вам, людям, редко когда придет в голову призвать на помощь сверхъестественные силы, чтобы дознаться, куда дядюшка Фред припрятал серебро, прежде чем откинуть копытца. Понимаешь? Вот Року и приходится крутиться — то здесь заработаст, то там, по правде говоря. Главным образом мелочевкой промышляст, продаст всякие там пилюли. Ну ладно, сейчас

приведу сго — сам увидишь. — Он побежал вниэ по ступенькам, к карете. Оказывается, еще не все пассажиры вылезли из нес.

— Черт-те что, — злился я. — Нельзя их показывать старику: он со страху в штаны наложит.

Морли промычал нечто невразумительное, глаза сго стали совсем стеклянными.

Вернулся Роуз.

— Кстати, доктор Рок — парень с причудами, по правде говоря. Отведите ему комнату и наберитесь терпения. Понимасти, что я имею в виду?

— Нет, — отрезал я. — Смотрите не переборщите с причудами. Я тут уже всякого насмотрелся, и терпения у меня осталось самая малость.

Дожанго усмехнулся. На этот раз он обошелся без своего любимого присловья. По правде говоря. Он молча скрылся в попутайски разукрашеннай карете, в солнечный день эти краски резали бы глаза. Диковинные существа суетились вокруг. Двое раскрыли гигантские зонтики. Третий вытащил складную лесенку и приставил к карете. Четвертый расстелил дорожку из брезента от лесенки до ступеней крыльца.

Мы с Морли опять переглянулись. Дожанго открыл дверцу кареты и согнулся в поклоне. Гролли тем временем выстроились полукругом на лужайке.

— Ты что-нибудь слышал о докторе Роке? — спросил я Морли.

— По правде говоря, слышал, — улыбнулся он. — Дожанго верно говорит, этот парень не просто так, кос в чем он здорово сечет.

— Заметно, по правде говоря.

Кид плонул и вернулся в дом.

Фигура семи футов ростом и, наверное, килограммов триста весом выбралась из кареты. Понять, что это такое, было трудновато: фигура куталась в широченный черный плащ, он напоми-

нал палатку и весь был покрыт серебристыми, мистического содержания рисунками. Из-под плаща высунулась огромная ручища. Фигура милостиво помахала своему войску. Долговязый гролья вытащил что-то из кареты и водрузил на голову доктора Рока, от чего тот стал еще на пару футов выше. Такие нелепые, замысловатые головные уборы носят священники.

С видом сошедшего на землю божества он направился к нам.

— Вы доктор Рок? — уточнил я. — Назовите мне хоть одну причину, по которой я могу принимать вас всерьез после устроенного здесь балагана.

Дожанго, по-шеняччи восторженно скачущий вокруг доктора, споткнулся.

— Эй, Гаррет, по правде говоря, не годится так разговаривать с доктором Роком.

— Я говорю так с королями и колдунами. С чего это я буду делать исключение для клоуна? Сворачивайте ваши палатки и выкатывайтесь подобру-поздорову. Придурок, который вас сюда направил, совершил большую ошибку.

— Гаррет, не гони лошадей. Этот человек не шулер. Просто он немного актер и склонен слегка преувеличивать значение своей персоны, — одернул меня Морли.

— Вижу.

Рок до сих пор не произнес ни слова. Он изъяснялся жестами. Под рукой у него вертелась особа женского пола, ростом не выше пяти футов, помесь карлика с великанином, ужасно страшненькая. Она переводила:

— Доктор говорит, что прощает вашу дерзость. Но теперь, когда вы знаете, кто он такой...

— Пока. — Я повернулся к ним спиной. — Сержант, Морли, у нас дел по горло. Питерс, вы бы поискали лошадь, возможно, придется послать за солдатами.

В Каренте на соблюдение законности обращают мало внимания, но люди вроде генерала Стэнтнора имеют кой-какие пре-

имущества и привилегии. Если им слишком уж досаждают, они всегда могут рассчитывать сотни на две солдат.

Дожанго не отставал, он последовал за нами в холл. Но там при виде портретов, железного хлама и воинственных картин из мозаики увял совсем.

— Трудный случай, есть над чем поработать, по правде говоря, — пробормотал он.

На сцену выступила кухарка, грозная, как босвой слон; я понял, за кем ходил Кид. Беднягу Дожанго она чуть было не задавила.

— Похоже, обойдемся без армии, — заметил я.

— Ты слишком строг, Гаррет, подожди, — посоветовал Морли. — Повторяю, он не шулер, он действительно специалист.

— Да-да. — Я с любопытством наблюдал за действиями кухарки.

Они были в самом разгаре. Уперев руки в бока, она стояла перед странным доктором в угрожающей позе, только что пламя изо рта не вырывалось. Она сбила с головы Рока шляпу, а потом занялась плащом.

Как я и предполагал, одежек на нем оказалось больше, чем пальцев у меня на руках. Но вес его я преувеличил — в нем не больше двухсот пятидесяти килограммов.

На какую-то часть он был троллем, но к этой крови примешалось еще три-четыре расы. Неудивительно, что он кутался до бровей: с такой-то внешностью... Каждому хочется быть красивым.

— Все, мистер Гаррет, оставим фокусы. Мой незаменимый Дожанго успел рассказать вам, что я — личность разносторонняя.

Голос его звучал как из глубокого колодца. Когда-то его ударили по кадыку — и вот результат. Доктор Рок скрипел как несмазанная телега, и понять его было нелегко. Сознавая это, он старался говорить помедленней.

— Мне сказали, у вас проблемы со злыми духами. Если этот дух второго разряда или выше, я помогу вам разобраться с ним.

— Да ну? — Жаргон Рока был для меня китайской грамотой: я стараюсь держаться подальше от колдунов — общенис с ними вредит здоровью.

— Может быть, вы передумаете и испытаете меня?

Почему бы и нет. Я покладистый парень — когда меня не выводят из себя.

— Если стряхнете навоз с сапог и пообещаете не гадить на ковер.

Рок был настолько безобразен, что на его физиономии мудрено было что-либо прочесть, но сомневаюсь, что он оценил мой юмор.

— Что вам нужно для работы?

— Ничего. Я захватил инструменты. Нужно только, чтобы мне показали места, где обычно появляется дух.

— Нет таких мест. По крайней мере никто из нас их не знает. Мы основываемся только на мнении доктора Стоуна.

— Интересно. Духи этой породы, если Стоун не ошибся, должны появляться достаточно часто. Дожанго, мой саквояж.

— Могут ли они являться в образе знакомых вам людей? — спросил Морли.

— Поясните свой вопрос, пожалуйста.

Я рассказал о появлении в моей комнате оборотня.

— Да, при желании они могут стать причиной подобных странных и неприятных происшествий. Дожанго, я жду.

Роуз галопом помчался к карете, а Рок тем временем продолжал:

— Я должен извиниться за вызванный моим приездом беспокох. Но, как правило, наниматели не доверяют мне, если не увидят предварительно это представление.

Это нам знакомо. Порой я сталкиваюсь с похожим отношением. Потенциальные клиенты изучают мою физиономию, ищут на ней следы страстей и порока. Приходится отправлять их разглядывать других, более терпеливых сыщиков.

Дожанго с трудом взобрался на крыльцо, сгибаясь под тяжестью четырех огромных тюков и тщетно пытаясь улыбнуться.

Кухарка, убедившись, что все вошло в колсю, удалилась в дом. Мне она так ни слова и не сказала. Обидно, а впрочем, наплевать.

Дожанго, задыхаясь, будто пробежал тридцать миль, подошел к нам.

— Начнем? — предложил доктор Рок.

39

Доктор Рок перестал кривляться, и я сразу увидел, что он классный специалист.

Начал он с фонтана и сделал несколько тонких замечаний, в частности, высказал предположение, что перед ним одна из величайших скульптур современности. Он даже осведомился, не намечают ли владельцы в обозримом будущем выставить это творение на продажу.

Мы с Питерсом переглянулись. Сержант, столкнувшись с неведомой ему раньше стороной жизни, пребывал в крайнем замешательстве.

— Вряд ли, доктор, — ответил он.

— Жаль, очень жаль, я бы приобрел ее. Из нее вышла бы отличная подпорка.

Рок порылся в распакованных Дожанго вещах и извлеч какие-то непонятного назначения предметы. По-моему, они не имели никакого практического применения, и Рок таскал их за собой, просто чтобы пускать обывателям пыль в глаза.

Минуты через три Рок пришел к заключению:

— Много несчастий произошло в этом доме. — Он взглянул на какую-то вещицу, которую сжимал в руке, и вразвалочку направился к месту гибели Чайна. Пол был чисто вымыт. Сам

Чейн, полагаю, с радостью покинул эту долину слез и нашел временное успокоение у колодца.

— Здесь недавно умер человек, умер насильственной смертью. — Рок посмотрел вверх. — Скорей всего его столкнули вон оттуда.

— Угадал, — подтвердил я.

— Около часа пополуночи. Прошлой ночью.

Рок неторопливо расхаживал по холлу.

— Смерть бродит вокруг... Зомби? Нет, хуже, какая-то неуправляемая сила... Ожившие мертвецы.

Я взглянул на Морли.

— Он знает свое дело. Или на него работает кто-то из здешних обитателей.

— Вечно ты всех подозреваешь!

— Профессиональная привычка.

Охотник на привидений минут пятнадцать молчаостоял у фонтана, закрыв глаза и вставив в уши какие-то странные штучки. Я начал думать, что он все-таки издевается над нами. И тут Рок очнулся от забытья — или что это было? — и заговорил:

— Этот дом пропитан кровью, каждый камень хранит память о дьявольских преступлениях. — Он содрогнулся и снова на несколько минут зажмурился, а потом повернулся ко мне:

— Это вам нужна моя помощь?

— Да. Генерал нанял меня, чтобы распутать одно дельце, но с каждым часом оно запутывается все больше.

Доктор кивнул.

— Расскажите мне все по порядку. Здесь было совершено множество злодяйний, и все они связаны между собой.

— Это займет немало времени. Давайте устроимся поудобней.

Я привел его в одну из комнат на первом этаже западного крыла, в которой, по моим предположениям, в лучшие времена помещалась контора. Мы уселись. Питерс отправился попытать

счастья на кухне: уговорить кухарку подать нам хоть что-нибудь подкрепляющее, раз уж алкоголь в этом доме запрещен безоговорочно.

— В самом деле, препаршивое местечко, — заметил Рок, узнав о сухом законе.

Я решил, что он, в сущности, неплохой парень.

Я рассказал ему о своих открытиях, не столь, в общем-то, блестящих. Перечень преступлений — не более того.

Он выслушал, не перебивая.

— Элой дух избрал своей жертвой вашего нанимателя? Прочие убийства дело рук человеческих?

— А черт их разберет. Чем дольше я в этом копаюсь, тем меньше понимаю. С каждым погибшим или просто выбывшим список вероятных преступников сокращается. — Я объяснил, почему я подозревал Чейна.

Доктор Рок подумал, почесал в затылке, он явно не из тех, кто все решает с наскока.

— Мистер Гаррет, это не в моей компетенции, но должен заметить просто как сторонний наблюдатель — вы все время шли по ложному следу, потому что начали с неверных предпосылок.

— В чем же ошибка?

— Вы ловите человека, желающего увеличить свою долю наследства. Но, допустим, у него есть другие мотивы. Вы сами сказали, что наследники генерала проявляют полное равнодушие к деньгам. Мне кажется, у убийцы совершенно иные цели.

— Допускаю. — Я не совсем турица. Такая мысль приходила мне в голову, но найти другой цели я не мог, а наследство часто становится причиной кровопролития. Это я и сказал Року. — Но я готов выслушать любые соображения.

Он еще немного подумал.

— Выходит, вы ведете несколько расследований одновременно?

Я постарался растолковать доктору свое видение дела. Морли недовольно заерзal на стуле: он находил мой взгляд слишком узким.

— Боже праведный!

— Да?

Рок, вытаращив глаза, смотрел на что-то у меня за спиной. Я обернулся.

На пороге стояла Дженнифер.

— Боже праведный! — повторил я.

Она выглядела, как... словом, крашь в гроб кладут.

— Заходи, дитя, заходи скорей, — сказал Рок.

Я вскочил и подхватил ее. Девушка так ослабела, что почти не держалась на ногах. Она даже не смогла одеться как следует.

— Гаррет... — Глаза Дженнифер наполнились слезами.

Я усадил ее на свой стул, здесь было светлее, но тем ужаснее казалась она. Цвет лица у Дженнифер стал как у старого генерала.

— Оно напало на нее, — выговорил я. — Привидение гонится за ней.

Какое-то время Рок пристально смотрел на Дженнифер, потом кивнул:

— Да.

Морли тоже взглянул на нее, затем на меня.

— Гаррет, пойдем пройдемся. Доктор, попробуйте помочь ей. Мы сейчас вернемся.

Морли повел меня наверх. Ко мне постепенно возвращался дар речи.

— Куда мы идем?

— Целый год это привидение терзало старика, но никого больше не трогало. Верно?

— Верно.

Мы шли по направлению к моей комнате.

— Что-то изменилось, и произошло это прошлой ночью или сегодня утром.

Мы поднялись на четвертый этаж, я опять запыхался и вспомнил свой обет — вернувшись домой и сразу начну тренироваться.

— Наверное, но что с того?

Морли отпер дверь моим ключом, отдал его мне. Мы вошли, и он указал на портрет моей загадочной красотки.

— С кем ты провел ночь, Гаррет?

Я взглянул на нее, взглянул на него. Я вспомнил, что, возвращаясь от Дженнингс, встретил блондинку.

— О! — только и смог я выговорить, но крылось за этим звуком немало.

Морли вернулся в коридор, я плелся следом.

— Хватит скрытничать, Гаррет, надо всем сказать.

— Нет, этого не может быть.

— Надеюсь.

Морли кончил рассуждать, в голосе его зазвучал металл.

Мы вернулись к Року и Дженнингс. Доктор казался встревоженным, но Дженнингс выглядела немного лучше, как-то он ей помог. Она настолько опомнилась, что обратила внимание на беспорядок своего туалета и принялась прихорашиваться. Морли положил портрет на стол, вниз изображением.

— Питерс, не могли бы вы привести остальных? Гаррет хочет вам кое-что показать.

Питерс был занят Дженнингс и вопросительно поднял брови.

— Пожалуйста, — попросил я.

— Генерала тоже?

— Нет, пока обойдемся без него.

Он отсутствовал дольше, чем я ожидал. «С чего бы это?» — недоумевал я.

Сержант возвратился.

— Кухарка с Кидом пошли наверх кормить генерала. Гаррет, похоже, он умирает. Он не может даже сидеть, не может говорить, не знаю, был ли у него удар, но последние силы покидают его.

Рок выслушал, но промолчал.

— Сколько еще их ждать?

— Они только вымывают его и придут. Старик обдется. Раньше такого не случалось. Кид или Деллвуд подавали ему судно, а обычно он и сам мог сходить на горшок.

Мне нечего было сказать на это. Я посмотрел на Рока, суетящегося вокруг Дженинфер, на Дженинфер, все больше приходившую в себя, и старался не думать о словах Морли.

Такое случается — иногда тебе просто не хочется верить, все твое существо восстает против доводов рассудка.

Пришел Кид с кухаркой, она не переставая ворчала, что ее отрывают от дел.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил Морли. — Гаррет?

Я знал, что должен сделать. Мне ужасно не хотелось это делать, но у Гаррета сильная воля. Я взглянул на Дженинфер и укрепился в своей решимости.

— Снейк Брэддон был замечательным живописцем, но никому не показывал своих работ. Хотя скрывать их — непростительный грех. Он выразил все, что чувствовали наши солдаты в Кантарде. Он рисовал и людей, но видел их не совсем в обычном свете. Вот один из его портретов. Мне удалось спасти его из горящей конюшни. Мы считаем, что это ключ к разгадке. Я хочу, чтобы вы все посмотрели на него и высказали свое мнение.

Морли поднес лампу поближе, а я поднял картину.

Будь я проклят, если не слышал, как пискнула Дженинфер, не видел, как она побледнела. И кухарка, не соблаговолившая сесть, тяжело опустилась прямо на пол.

— Производит впечатление, однако, — заметил я.

Доктор Рок смотрел на блондинку тем же взглядом, что был у Морли прошлой ночью.

— Уберите его, — отшатнувшись, взмолился он.

Я убрал портрет, и Рок заговорил:

— Художник мог видеть не только наш мир. Он видел мир иной.

— Теперь он на него наглядится вдоволь: позапрошлой ночью Брэдона убили.

Доктор отмахнулся от меня.

— Вы видите лицо на заднем плане картины? — спросил Морли.

— Уж, наверное, лучше, чем человек с иенатренированным глазом. По этой картине можно прочесть всю повесть. Страшную повесть.

— Да? И какую?

— Кто эта женщина?

— Ответа на этот вопрос я добиваюсь с первого дня. Но никто, кроме меня, не видит ее. Более того, они уверяют, что ее и вовсе не существует.

— Она существует. Странно, что именно вы оказались столь восприимчивы... Нет, все правильно. Порой они привязываются к кому-нибудь постороннему, беспристрастному.

— Ну?

— Я ошибся, Гаррет, — сказал Морли. — Она не убийца. Она призрак, и ей не нужны потайные ходы.

— Морли! Ты прекрасно знаешь — она не призрак. Я ведь рассказал тебе... — Я смутился не зря. Вокруг куча народу, не мог же я во всеуслышание признаться, что закрутил роман с привидением.

Но неужели сам я настолько глуп, что поверил Року?

— Она призрак, — согласился доктор. — Несомненно. Картина объясняет все. Убийство было лишь концом, вершиной

злодяиний и предательств столь подлых, что жертва не нашла покоя и в могиле.

Ага.

— Стэнтнор убил ее, свою первую жену, от которой ему приспично отдалась. Все думали, что он откупился и убил ее, но на самом деле это было убийство. Может быть, тело до сих пор в подвале.

— Нет.

— Нет?

Кухарка поднялась с пола.

— Это миссис Элеонора, Гаррет.

— Мать Дженифер?

— Да. — Она подошла к столу, взяла картину, взгляделась в нее. Я не сомневался, что она видела все, в том числе и ускользнувшее от нас с Морли, читала это творение Снэйка Брэдона как открытую книгу. — Да, он сделал это собственными руками и прожил во лжи все эти годы, не смев сознаться. Неумеха-лекарь не убивал ее. Элеонору прикончил этот мерзкий недоумок, гореть бы ему в адском пламени!

— Тысяча чертей! Минуточку, погодите минуточку...

— Все ясно, мистер Гаррет, — сказал Рок. — Безумец подверг ее пыткам, а потом убил.

— Но почему, зачем? — жалобно спрашивал я.

Не знаю, как остальные, а я только больше запутался. Я не мог сбросить со счетов прошлую ночь. Это было не привидение... или самое теплое; резвое, самое телесное привидение на свете.

— Доктор, я срочно должен переговорить с вами. Наедине.

Мы вышли в коридор, и я поведал о своем решающем свидании с Элеонорой. Рок снова погрузился в раздумье, мне показалось, прошло не меньше недели, наконец он заговорил:

— Начинаю понимать. А дочка, Дженифер? Вы спали с ней?

Черт возьми, говорят, исповедь облегчает душу.

— Да. Но, как бы это выразиться... Она сама предложила. —
Хватит извиняться, Гаррет.

Доктор усмехнулся. Не похотливо, нет — это была торжествующая улыбка.

— Все сходится. Старый генерал, ваш наниматель, чью жизнь она медленно высасывает, направляя его по прямой дорожке в ад, сегодня утром обессилел вконец. Ей это понадобилось, чтобы принять оболочку живой женщины и переспать с вами. Но потом ее собственная дочь заманила вас, ее избранника, в постель. Это ранило Элеонору, огорчило ее, и та, что покусилась на вас, была наказана. — Рок опять задумался.

— Безумие какое-то.

— Примите во внимание, здесь все ненормальные — и живые, и мертвые.

— Ну да. Но от этого не легче.

— Пойдемте поговорим со старухой-троллем. Прежде чем что-то предпринимать, надо узнать все обстоятельства гибели Элеоноры. С этим призраком нелегко будет справиться.

Мы вернулись в контору, и Рок обратился к кухарке:

— Зачем генерал Стэнтнер совершил это преступление? Насколько я понял из слов Гаррета, его жена была запуганным, кротким созданием и почти не имела собственной воли. Надо было сильно постараться, чтобы довести ее до нынешнего состояния.

— Я не желаю сплетничать...

— Не запирайтесь! — прикрикнул я. — Генерал разоблачен. Он убил Элеонору, и, наверное, зверски убил. Теперь настал час расплаты, но меня волнует не это, мне нравится идея возмездия, божественной кары и тому подобное. Но она взялась за Дженифер, а это уже нехорошо. Кончайте кочевряжиться и выкладывайте все как есть.

Кухарка посмотрела на Дженифер. Девушка еще не совсем оправилась.

— Я намекала, да до тебя доходит как до верблюда. Генерал... Я говорила уже, он поклонялся миссис Элеоноре, мало сказать, он был одержим ею. Но это не мешало ему волочиться за каждой юбкой, любую шлюху увидит — и не успокоится, пока не уложит ее на спину. Он даже не делал секрета из своих похождений. И миссис Элеонора — при ее-то наивности в конце концов обо всем догадалась. Не знаю, любила ли она генерала, она никогда об этом не говорила и виду не показывала. Но, так или иначе, она стала его женой, и деваться ей было некуда: родители умерли, а король жаждал ее крови. Страдала она ужасно; наверное, будь она погрубее, попроще, она смогла бы закрыть глаза на его поведение. Но такая, какой она была, она страдала сильнее, чем страдают обычно обманутые жены. И вот в один прекрасный день Элеонора заявила муженьку, что или ты, мол, исправляешься, или, как говорится, что позволено гусаку, то позволено и гусыне. Девочка в жизни не осмелилась бы на такое, проживи она хоть миллион лет. Смиренная она была, дерзости не было ни на грош. Но разве он что соображал своей дурьей башкой? Он думал, что все скроены по его образцу. Он избил ее до полусмерти и убил бы совсем, не стань я между ними. И с тех пор он не унимался. Бедное дитя, и всого-то разочек отважилась она восстать против своего повелителя.

Я хотел было попросить кухарку сократить рассказ, но потом рассудил, что лучше не пересбивать ее, ведь она изливала душу.

— Ну девочка забеременела. Она носила мисс Дженифер, но долго не понимала, что с ней. Наивное дитя. А когда поняла, было уже поздно. Я попыталась вразумить генерала, но он и слышать ничего не хотел: не верил, что ребенок его. До самой ее смерти не верил. Думал, что бедняжка такая же развратница, как ее неспутевый муженек. Но кто же тогда ее отец? Кто? Я много раз его спрашивала. Был ли в доме еще хоть один мужчина? Нет, черт побери. А девочка никогда не выходила за ворота, да и из комнаты почти не выходила. Но он уперся как осел. Проклятый, упрямый негодяй!

Он заставил ее пройти через ад, да, через ад, иначе не скажешь. Мучил ее, пытал. Элеонора все время ходила в синяках. Он пытался выбить из нее имя любовника. Я делала, что могла. Но что я могла? Стоило мне отвернуться, он набрасывался на нее еще свирепей. Совсем плохо стало, когда помер старый генерал. — Кухарка посмотрела на меня, по щекам ее текли слезы размером с крупные яйца. — Но, Богом клянусь, я и подумать не смела, что он таки убил ее. Пошли сплетни, а я все равно не верила. Знай я, до чего он докатился, я повыривала бы пальцы у него на руках, пальцы у него на ногах, я бы печень и сердце у него вырвала, как перышки у цыпленка. Но как он мог, как мог?!

— Не знаю. Но собираюсь спросить. — Я повернулся к доктору Року.

— Вы хотите устроить им очную ставку? — спросил он.

— Вот именно. — Я хищно усмехнулся. — Он нанял меня, чтобы разобраться со своими неприятностями. Не стесняйтесь, мол, мистер Гаррет, не бойтесь огорчить меня. Отлично — я доведу его до удара.

— Полегче, — остановил меня Морли. — Не делай того, о чем сам потом пожалеешь.

Хороший совет. Есть у меня такая черта — если заденет за живое, мчусь, не разбирая пути, как обезглавленная курица, сокрушая всех и вся, а больше всех себя самого.

— Ладно, я в порядке.

Я взглянул на Дженифер. За время рассказа кухарки она окончательно пришла в себя, хотя вид у нее был еще слегка ошалевший. Она рассматривала портрет матери и казалась изумленной и озадаченной.

— Так это моя мать. Женщина с портрета в отцовской спальне, — прошептала она.

— Почему вы не сказали мне этого прошлой ночью? — спросил я Питерса.

— Я не поверил. У меня возникло подозрение, но на том портрете она другая. Я подумал, что обознался, что это простое совпадение. Снэйк никогда ее не видел.

— Несправда, — вмешалась кухарка.

— Кстати, мне давно следовало обдумать это. Он ведь отсюда родом? Так видел он ее или нет?

Кухарка покачала головой.

— Он никогда не заходил в дом, она не выходила. Но он мог ее видеть на расстоянии.

— Я не поверил, — повторил Питерс.

Я вспомнил, как они с Кидом спорили после нашего ухода. Теперь я знал, о чем. Они старались разубедить друг друга.

— Что будем делать с призраком, доктор?

В этот момент, несмотря на Дженинфер, я был на стороне белокурой леди.

Ее можно понять. Прошлой ночью она впервые изменила мужу, то есть сделала то, за что поплатилась двадцать лет назад. Теперь он наказан сполна. А потом мы с Джени... Но почему она не обвинила во всем меня? Почему не решила, что Дженинфер моя жертва, как сама она была жертвой Стэнтнора? Нет ли здесь еще чего, мне неизвестного? Наверное, Рок может объяснить, но спросить неудобно.

Я пожал плечами. Нет, баста. Не буду мозги ломать, а то и спятить недолго. Черт с ними, с мотивами, иметь дело с результатами куда проще.

— Она заслужила покой, — сказал Рок. — Подумайте, все это время она оставалась в доме и бродила ночами напролет, не зная отдыха. Это не может так продолжаться, наказание слишком жестоко. Пусть почнет с миром. — Рок остановился, ожидая комментариев, но их не последовало, и он продолжал: — Не мне судить их. Лично я считаю, что убийца все это заслужил, но профессиональная этика требует, чтобы я остановил преследование.

Под шутовской внешностью скрывалось вполне разумное существо. Я и сам руководствуюсь теми же принципами. Как правило, руководствуюсь. Несколько раз меня угораздило впутаться в домашние судилища — и ничего хорошего из этого не проистекло.

— В целом я согласен. Дальше.

На безобразном лице Рока появилась улыбка.

— Я построю преграду, которая помешает ей тянуть соки из живых людей. Ваш хозяин немедленно начнет поправляться, а когда он немножко отойдет и наберется сил — я вызову Элеонору, и мы устроим очную ставку. Хотите соглашайтесь, хотите нет, но я надеюсь, что после встречи она станет более говорчивой. Заклинать же разъяренного духа — задача не из легких.

— Хорошо. — Я верил в познания Рока, а слова об очной ставке и вовсе ласкали слух.

— Не делайте этого, — запротестовала Дженнифер. — Он не вынесет, его удар хватит.

Но никому не было дела до здоровья генерала. В этом доме у Стэнтнора осталось мало сторонников. Кухарка, та вообще обдумывала, как побыстрее отправить его к праотцам. Правда, она вырастила его как собственного сына, но гордиться результатом не приходилось.

— Я на кухню, — заявила она, — а то ленча вам не дождаться.

Она удалилась, тяжело ступая.

— Присматривайтесь за ней, сержант. Она не в себе от горя.

— Ладно.

40

Рок не нуждался в помощниках, он предпочел бы остаться в одиночестве.

— Это рискованное занятие, к тому же я склонен недооценивать духов. Для всех будет безопасней, если вы выйдете и

подождете, пока я закончу.

— Все слышали? — обратился я к присутствующим в комнате.

Компания молча разошлась. Разговаривать никому не хотелось: было над чем подумать.

Питерс отправился караулить кухарку. Кид поднялся наверх провидеть старика. Думаю, он испытывал весьма смешанные чувства. Мне, во всяком случае, трудно было связать сложившееся в Кантарде представление о генерале Стэнтноре с открывшимся нам образом злобного маньяка.

Морли пошел потолковать о прежних временах с Дожанго и его здоровенными братцами. Я проводил Дженифер и уложил ее отдохнуть. Девушка вся дрожала и хотела одного — свернуться калачиком под одеялом и забыть обо всем. Мне хотелось бы того же, если бы я узнал, что мой папа убил мою маму.

Пока Рок не закончит приготовления, больше делать нечего. Я надел пальто и побрел на кладбище. Постоял немного, глядя на могилу Элеоноры и пытаясь примириться сам с собой. Ничего не выходило. Я заметил прислоненную к ограде лопату. Уэйн не стал уносить ее, точно предвидел, что понадобятся еще могилы, а значит, нечего таскать инструмент туда-сюда. Я нашел подходящее место и начал копать. Быть может, удастся успокоиться, готовя место успокоения для Чайна.

Но это мало помогло. Тем более что, вырыв яму в три фута глубиной, я увидел Элеонору. Она стояла у своего надгробного камня и смотрела на меня. Я остановился и попытался прочесть что-либо на ее лице, черты которого при дневном свете казались расплывчатыми, неясными.

Прошлой ночью она была совсем как живая, потому что высосала почти всю жизнь из Стэнтнора.

Бывала ли она столь же живой, когда мстила генералу, уничтожая его слуг? Привидение не нуждается в этом, оно может убить человека так, что все припишут его смерть несчастному случаю — забодал бык или случился сердечный приступ.

— Прости, Элеонора. Я не хотел причинить тебе боль.

Она ничего не ответила. Она говорила со мной лишь однажды — когда нашла на пороге комнаты Питерса.

Сейчас она тоже казалась живой, настоящей. Почему медлит Рок? Справиться с ней оказалось трудней, чем он рассчитывал, не по зубам этот орешек? Я старался думать о посторонних вещах — о могиле, которую рыл, об убийце, о ленче, о чем угодно — только бы отвлечься от Элеоноры, забыть о печальной, никчемной короткой жизни этой женщины.

Ничего не помогало. Я присел на край могилы, прямо в грязь. Я сидел и оплакивал ее, а она, почти прозрачная, невесомая, сидела напротив с тем же заботливым, участливым видом, с каким склонялась над поверженным горе-сыщиком.

— Ах, если б все было иначе, если б ты жила в мое время или я жил в твое...

Элеонора протянула руку. Прикосновение ее было нежным и легким, как лебяжий пух. Она улыбнулась слабой, грустной, все прощающей улыбкой. Я хотел улыбнуться в ответ — и не смог.

В мире много зла. Наверное, так и должно быть, но примириться с этим нелегко. Безвинные страдания Элеоноры Стэнтнор — не обычное, рядовое зло. Не люди, боги в ответе за него. Потому я и стал безбожником. Я не желаю поклоняться небесным хищникам, которые наводнили мир незаслуженными мучениями. Возмездие настигло генерала Стэнтнора, но вина не целиком на нем. И, конечно, не на родителях Элеоноры. Мать просто старалась защитить ее. Никто из смертных не виновен, виновны боги, и они, только они заслуживают равных страданий.

Я поднял глаза. Рок, видимо, заканчивал работу. От Элеоноры мало что осталось. Она бледнела, испарялась, но улыбалась, улыбалась мне. Наверное, никто не относился к ней так хорошо. Можете представить себе мои чувства.

— Мир и покой тебе, Элеонора. — Я махнул рукой.

А потом она исчезла. Я копал как одержимый, будто хотел докопаться до ада и столкнуть в него все людские горести. Вырыв могилу на фут глубже, чем следовало, я немного успокоился, выбрался наружу и направился к дому. Я весь пересмазался и боялся, что кто-нибудь примет меня за вылезшего из болота мертвеца.

41

Я остановился поболтать с Дожанго и парнями, но мысли мои были далеко. Через пять минут я оставил их и пошел дальше. Морли взволнованным голосом что-то сказал Дожанго и побежал за мной. Дожанго тяжко вздохнул, я вспомнил, что у него это означало крайнюю степень изнеможения, подтянул штаны и припустил за нами.

Какого черта они лезут?

Проходя мимо мрачных предков Стэнтнора, я погрозил им кулаком и высказал все, что думал об их роде, особенно о последнем его представителе. Морли догнал меня.

— Ты в порядке, Гаррет?

— Нет. Чувствую себя препогано, хуже быть не может. Но я приведу себя в порядок. Иногда просто терпение лопается, сил нет переносить творящиеся на свете безобразия. Ничего, все будет нормально.

— Вот это да! Гаррет в чистом виде. Гаррет, мечта которого расстроиться, чтобы принимать в три раза больше участия в чужих неприятностях.

Я слабо усмехнулся:

— Что-то в этом роде.

— Нельзя же все взваливать себе на плечи...

Нельзя. Но я никак не затвержу этот урок, никак не привыкну быть просто сторонним наблюдателем.

Из главного холла донесся ужасный металлический грохот, а вслед за тем пронзительный вопль — так кричит подстреленный кролик. Отпихивая друг друга, мы бросились на крик.

Кид лежал в нескольких шагах от места гибели Чейна, зашибленный сброшенным сверху панцирем. Он был еще жив, еще чуть подергивался и напомнил мне раздавленного жука.

Прежде чем мы успели освободить его, Кид затих совсем. Я опустился рядом на колени, но свет уже померк в его глазах.

— Все, остался один вариант, выбора больше нет, — шепнул мне Морли.

— Теперь я знаю, кто это.

Я готов был возненавидеть себя. Я должен был догадаться раньше. Доктор Рок прав: с самого начала я подошел к делу не с той стороны. Нам свойственно закрывать глаза на то, чего видеть не хочется. Я слишком сосредоточился на поиске мотивов и был ослеплен тем единственным, который сумел найти. Я не учел, что мотивы безумцев нормальным людям кажутся бесмысличными.

— Да. — Морли тоже знал, теперь это не вызывало сомнений. Но он ни словом не упомянул об убийце, он сказал: — Ты больше ничего не можешь для него сделать, сейчас тебе вообще делать нечего, пойди почистись и умойся.

— Зачем? Все равно придется копать еще одну могилу.

— Это подождет, а тебе надо помыться. Я за всем присмотрю.

Может, Морли прав. Может, он, дьявол его побери, знает меня даже слишком хорошо. Ванна не поможет, но она как бы символ покоя и нормальной жизни. Я прошел на кухню. Питерс с кухаркой заканчивали приготовления к ленчу. Как ни странно, они не слышали грохота. Я не стал рассказывать им о случившемся, я просто набрал горячей воды и потащил бадью к себе в комнату. Они, в свою очередь, не стали задавать вопросов: наивное, вид у меня был устрашающий.

Вниз я спустился уже чистым и переодетым. Но самочувствие мое не улучшилось. Не всякую грязь можно смыть водой.

— Ну что слышно? — спросил я.

Морли покачал головой:

— Ничего. Только Рок хочет видеть тебя.

Я вошел в комнату, в которой оставил доктора Рока. Он-то слышал грохот, но при виде меня у него глаза на лоб полезли.

— Неважно выглядите.

Я ввел его в курс дела.

— Я подозревал это, — изрек он. — Миссия моя здесь почти закончена, осталось только свести Элеонору с мужем.

Я рассказал ему о свидании с Элеонорой. Под безобразной внешностью доктора скрывалась добрая душа.

— Я понимаю вас. Я несколько раз попадал в такое положение. В вашем бизнесе, как и в моем, не обойтись без болезненных переживаний. Но я дам вам еще одну возможность проститься с ней.

— Так пошли.

— Не сейчас. Вы еще не готовы, вы слишком взбудоражены, необходимо успокоиться.

Я было заспорил.

— Я в ваши дела не вмешиваюсь, не указываю, что, где и когда. Не вмешивайтесь и вы в мои. Дело не в вас. Мы не можем работать в неспокойной обстановке. Лишние эмоции искажают картину.

И Рок прав. Пора мне научиться не смешивать личные переживания с делом.

— Хорошо. Я буду сдержан.

Морли просунул голову в дверь:

— Ленч подан. Гаррет, тебе надо подкрепиться.

Поразительно, как все псуутся о моем рассудке и душевном здравии. Мне захотелось завопить, затопать ногами, послать всех куда подальше.

— Хорошо, иду, — сказал я.

Думаю, выглядел я немногим лучше, чем час назад. Во всяком случае, Черный Пит не сводил с меня глаз.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Да. Кое-что случилось. С Кидом. Его раздавило панцирем, сброшенным с четвертого этажа. Насмерть.

Питерс нахмурился. Секунд пять они с кухаркой молча смотрели друг на друга. Потом она тихо заплакала.

— После еды пойдем к старику, — обратился я к присутствующим. — Пора кончать.

— Теперь уже не о чем волноваться, — сказал Питерс. — Я почти жалею, что пригласил тебя.

— А я уж точно жалею. — Я отодвинул тарелку, не проглатив ни кусочка. Остальные не торопились. Морли с опаской поглядывал на меня: опасался взрыва. — Я в порядке, — успокоил я его. — Гаррет холоден и невозмутим, как айсберг. — С внутренним кипением я и в самом деле справился. Но так и с трупом бывает — сначала перестает работать сердце, и лишь постепенно холодают конечности.

Они сли все медленней и медленней, как дети, знающие, что после ужина их ждет порка. Я резко отодвинул стул.

— Зайду к себе, — бросил я Морли на ходу. — Вернусь через минуту.

Я кое-что забыл — одну из картин Снэйка.

К моему возвращению трапеза была окончена. Пришел Рок со своими инструментами и портретом под мышкой. Он внимательно оглядел собравшихся и остался доволен моейдержанностью.

— Девушку пригласите? — спросил он.

— Конечно. Морли, понесешь это.

Мы, отводя глаза, прошли мимо Кида и стали подниматься по лестнице. На третьем этаже я отстал и свернул в коридор, к покоям

Дженнифер. Дверь была заперта, но на этот раз я захватил отмычку. Я прошел через большую гостиную, в комнату, где застал ее ночью. Она и сейчас была здесь, сидела на том же стуле, лицом к тому же окну. Она спала. На лице ее застыло невинное, невозмутимое — ну прямо ребеночек-англичек — выражение.

— Проснись, Дженнифер. — Я тронул ее за плечо. Она подскочила.

— Что? Что такое? — Она быстро успокоилась. — В чем дело? — повторила она.

— Мы идем к твоему отцу.

— Я не хочу. Вы собираетесь... Это убьет его. Я не хочу участвовать, мне этого не вынести.

— Вынесешь. Пошли. Без тебя нам не обойтись. — Я взвел ее за руку и повел, почти потащил по коридору. Она упиралась, но драться не стала.

Все собрались в гостиной Стэнтнора и ждали нас. Когда я привел Дженнифер, Питерс распахнул дверь. Следующая комната оказалась маленькой гостиной, в точности такой же, как у Джени. Мы гуськом прошли в спальню.

42

Старик походил на мумию. Глаза его были закрыты, рот разинут, какая-то слизь вытекала из него и сбегала по подбородку. Каждый третий вздох с шумом вырывался из груди как предсмертное хрипение.

Мы принялись за дело. Я собрал картины, Морли стал на страже у дверей. Питерс разбудил генерала и усадил его. Кухарка подбросила дров в камин.

Вид у старика был хуже некуда, но способности соображать он не утратил. В глазах появился блеск. По нашему зловещему виду он понял, что я пришел с последним докладом.

— Не тратьте сил, генерал, не говорите и не спорьте. Вы угадали, это мой последний доклад. Он не займет много времени, но предупреждаю, такого вы не видели и в самых кошмарных снах. Я не намерен давать вам советы. Я просто изложу факты, а вы уж поступайте как знаете.

Его глаза сердито сверкнули.

— Незнакомый вам человек, — продолжал я, — доктор Рок, специалист по паранормальным явлениям. Он мне очень помог. Вы, наверное, недоумеваете, где Уэйн. Его нет — он покинул нас ссегодня утром. Нет также Чайна и Кида, потому что они скоропостижно скончались. Как Хокес и Брэддон. От той же руки. Прошу, доктор.

Рок приступил к сольной партии. Я дал ему время распаковать инструменты и сосредоточиться. Стэнтнер смотрел не отрываясь, скав бесцветные губы в одну тонкую линию. Жили только его глаза — и в мою сторону они смотрели отнюдь не благосклонно. Но, кроме гнева, в них было что-то еще. Волнение? Страх?

— Сначала о том, кто пытается убить вас.

Рок издал какой-то звук, не то вопль, не то свист. Показалось пламя. Все так и подскочили. Я, конечно, не специалист, но ощущение было неприятное.

— Все в порядке?

Доктор задыхался.

— Я борюсь. Но я приведу ее к вам. Не вертитесь под ногами и не отвлекайте меня.

Прошло несколько минут.

Дух Элеоноры материализовался в нескольких шагах от кровати. Но Рок добился успеха не с первой попытки. Сперва мы ясно увидели Снэйка Брэддона, затем куда менее четкого Кэттера Хокеса, и лишь с третьего захода Элеонора сдалась. Я взглянул на портрет, которым, по словам домочадцев, постоянно

любовался генерал. Сходство было весьма относительным, не походил он и на женщину с картины Брэдона.

Глаза Стэнтиора вылезли из орбит. Он выпрямился и взижал:

— Нет! — И закрыл глаза рукой. — Нет! Уберите ее! — Он захныкал, как побитый мальчишка. — Уберите ее отсюда!

— Вы сами наняли меня, чтобы докопаться до истины, и сказали, что не важно, насколько неприятной она окажется. И вот истина перед вами, другой не существует. Не скрою, я испытываю удовольствие, столкнув вас с ней лицом к лицу. Женщина, которую вы пытали, которую вы убили...

Дженнифер не выдержала:

— Он убил ее? Мою мать? Он, а не доктор? — Она пошатнулась.

— Займись ею, Морли.

Морли отошел от двери и поддержал девушку. Она лепетала что-то невнятное, а потом разразилась плачем.

Стэнтиор пыхтел и плевался, как будто бегом поднялся на крутую гору. Говорить он не мог, только хрюпал. Похоже, его хватил-таки предсказанный Дженифер удар.

Я повернулся к Элеоноре.

— Ступай теперь. Отдохни. Ты сделала достаточно, но это недостойно тебя. Не марайся больше, не загрязняй свою чистую душу. — Глаза наши встретились. Мы смотрели друг на друга так долго, что остальные начали нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. — Пожалуйста, — сказал я, — пожалуйста.

Я и сам не понимал, о чем молю ее.

— Ей станет легче, мистер Гаррет, — ласково заверил меня доктор Рок. — Она отдохнет, обещаю.

— Отпустите ее, хватит, ей не надо слышать... — Я вовремя замолчал, не успев наговорить лишнего, закрыл глаза и попытался взять себя в руки. Когда я открыл их, от Элеоноры оставалась лишь еле заметная тень.

Она улыбнулась мне. Прощай.

— Прощай.

Я не сразу заставил себя взглянуть в лицо старику. Он дышал по-прежнему тяжело, с присвистом, но все же чуть-чуть оправился.

— Я принес вам, генерал, одну штучку, чтобы вы не скучали по Элеоноре. Вам понравится. — Я убрал со стола ненужный уже портрет и поставил на его место шедевр Снэйка. — Согласитесь, это будет посильней.

Стэнтнор смотрел на картину, и чем дольше смотрел, тем страшнее становилось его лицо.

Он закричал. Я взглянул на портрет и тоже с трудом удержался от крика. Что-то изменилось, словами не описать, не выразить, что именно, но изменилось. Картина рассказывала историю Элеоноры, и никто не мог оставаться равнодушным к ее боли и страху, не мог не трепетать вместе с ней, не разделить ее ужас перед тем, что настигло ее, — перед безумной тенью с лицом молодого Стэнтнора.

Року с трудом удалось оторвать меня от картины.

— Вы еще не закончили, мистер Гаррет, — мягко напомнил он. Голос его проник мне прямо в сердце, как проникал голос Покойника, смягчая и удерживая меня, не давая сорваться в пропасть. — Что вы делаете? — спросил доктор.

— Я хочу, чтобы он остаток своих дней провел, созерцая этот портрет.

— Не надо. Продолжайте.

— Конечно, вы правы. Питерс, на минуточку.

Питерс повернулся голову старика в мою сторону. В глазах Стэнтнора больше не было безумия. Он просто смотрел на что-то, недоступное взгляду других. Ад раскрылся перед ним. Теперь он вернулся к нам, по крайней мере на несколько минут.

— У меня есть еще один подарок. Он вам тоже понравится. — Дабы отвлечь старика от Элеоноры, я отвернулся ее портрет изобра-

женисем к стсне, а на его место водрузил последний портрет Дженинфер работы Снэйка. — Ваша любимая дочка, так похожая на своего папочку.

Дженинфер закричала и кинулась на меня. Но Морли перехватил ее и держал мертвой хваткой. Она не почувствовала боли.

Кухарка перестала помешивать огонь в камине, отпихнула Морли, обняла Дженинфер, отняла у нее нож. Она успокаивала, убаюкивала, оплакивала ее:

— Детка, моя бедная больная детка.

Все молчали. Но все поняли, даже генерал.

— Вот почему сгорела ваша конюшня — из-за этой картины. Дженинфер несколько раз позировала Снэйку. Но Снэйк Брэдон не был обычным художником. Он мог видеть суть вещей. Наверное, поэтому он избегал людей: слишком много ужасного прозревал он в их душах.

Я был призван, чтобы раскрыть правду, но я опоздал, я действовал чересчур медленно. Может, я не хотел знать правды. Не в первый раз зло явилось в мир в красивенькой, блестящей обертке. А может, я был слишком занят портретом Элеоноры и недостаточно внимательно изучил портрет ее дочери.

Стэнтнор попытался перебить меня.

— Восемь убийств, генерал. Ваша дочурка погубила восьмых здоровых мужчин. Четверых она заманила к болоту, к тому, что на земле Мельхиора. — Стоило мне понять, что виновница преступлений — Дженинфер, кусочки головоломки сложились в одно целое. — Понадобилось время, но в конце концов я допер. Все они были охотниками — а она прикидывалась дичью, приводила их туда, убивала и топила в болоте. Я никак не мог представить себе, все время на этом спотыкался — как она перетаскивала тела? Просто, как все гениальное: они приходили сами. Трудней всего было спихнуть Чайна с четвертого этажа и сбросить панцирь на Кида.

Медлил я и потому, что несложно представить себе убийцу в облике хрупкой девушки. Я упустил из виду, что в доме, полном морских пехотинцев, все думают, как они, и готовы пролить кровь. Но кому бы пришло в голову, что женщина осмелится напасть на опытного солдата и накинуть ему на шею удавку?

Я подумал о нашей прогулке на кладбище. Дженнин планировала убить меня там. Доброта спасла мне жизнь, и если бы не она, Дженифер вышла бы сухой из воды.

— Теперь я знаю, кто и как. Но, разрази меня гром, не пойму, зачем.

Она раскололась. Захлебываясь то смехом, то слезами, она выдавала себя — и ни капли смысла не было в ее бессвязном лепете.

Она лопотала о своем страхе и о том, что, если бы остались другие наследники, кроме них с кухаркой, поместье пришлось бы разделить и продать. И тогда бы ей не миновать этого ужасного мира, в котором ей удалось побывать лишь однажды, четырнадцатилетней девочкой.

Я ошибся в одном. Не восемь, одиннадцать убийств. Она убила и тех троих, которые якобы погибли от несчастного случая или умерли естественной смертью. Она во всем призналась. Она даже хвасталась перед нами, издевалась над нами — потому что до сих пор ей удавалось дурачить всех.

И все время Стэнтиор смотрел на нее как громом пораженный. Я знал, о чем он думал. Он думал — чем я заслужил такое?

Я хотел объяснить ей.

— Гаррет! — Морли дернула меня за рукав.

— Что?

— Пора идти. Ты выполнил свою работу.

Рок уже ушел. Он сделал свое дело — Элеонора получила покой. Кухарка пыталась утихомирить и успокоить Дженифер,

а заодно и саму себя. Эта девушка ей не родная дочь, но... Стэнтнор отвернулся от Дженифер. Теперь он обратился к ее портрету. Наверное, он видел в нем нечто, недоступное никому другому, кроме Снэйка. Может, он видел того, кто произвел на свет этого монстра. Напрасно я искал в душе хоть кручинку жалости — ее не было.

Потом с ним снова случился припадок. Он не прекращался, приступы следовали один за другим.

— Гаррет. Пора идти.

Старик умирал, умирал в страшных мучениях, и Морли не желал при этом присутствовать.

Питерс стоял не двигаясь, не в силах произнести ни слова. Он не знал, что делать. Его-то я очень жалел.

Я стряхнул овладевшее мной оцепенение.

— Стэнтнор должен мне, — сказал я Морли. — Я истрастил весь аванс и ответил на все его вопросы. Но не похоже, что он собирается расплатиться.

Морли удивленно уставился на меня: подобные циничные замечания не в характере добродушного старины Гаррета.

— Не надо, — запротестовал он, хотя и не знал, что я намерен предпринять. — Пошли, забудь об этом. Я с тебя ничего не возьму.

— Ну нет. — Я взял портрет Элеоноры. — Мой гонорар. Работа Брэдона. Оригинал, прошу заметить.

Генерал не возражал. Он был занят — он умирал. Я взглянул на Питерса. Он пожал плечами. Ему было все равно.

— Гаррет! — рявкнул Морли. Он не сомневался, что сейчас я сделаю что-то, о чем впоследствии горько пожалею.

— Еще минутку.

Я все же чувствовал ответственность за случившееся.

— Что вы будете делать дальше? — спросил я кухарку.

Она посмотрела на меня так, будто в жизни не слыхала вопроса глупей.

— Что всегда делала, парень. Присматривать за домом.

— Дайте мне знать, если понадоблюсь.

Лишь потом я последовал за Морли. О старике я не думал. Даже если б за дверью ждал врач, способный спасти его, вряд ли я позвал бы его к больному.

Мы с Морли забрали картины, упаковали вещи и спустились вниз. Питерс ждал нас у парадной двери, он смотрел на главный холл тем же взглядом, каким я недавно смотрел на пейзаж Брэдона с болотом и виселицей. В руке сержант держал лопату. Он шел копать могилы. Но вряд ли кто-нибудь поставит памятник на могиле Стэнтнора.

— Я не благодарю тебя, Гаррет. Я бы никогда не обратился к тебе, если б знал...

— Я бы никогда не согласился, если б знал. Мы квиты. Что собираетесь делать?

— Похоронить мертвых. Потом уйду отсюда. Может быть, опять подамся в армию. Если Дуралейник сорвется с цепи, им понадобятся ветераны, а больше я все равно ничего не умсю.

— Желаю удачи, сержант. Как-нибудь увидимся.

— Конечно.

Мы оба знали, что больше не встретимся никогда.

Сверху донесся ужасающий вопль. Крик не затихал. Теперь в нем не было ничего человеческого. Все поглядели вверх.

— Полагаю, он умер, — сказал Питерс, просто констатировал, без тени чувства.

Мы услышали другой крик — полный безумной ярости.

— Вернитесь, мисс Дженини, вернитесь! — орала кухарка.

Дженнифер окончательно потеряла голову. С кинжалом в руках, не переставая вопить, она выскочила на балкон четвертого этажа. Я встревожился, разобрав, что выкрикивает она мое имя.

— Быстрой, Гаррет, — подтолкнул меня Морли: сму ужс случалось сталкиваться с одержимыми. В таком состоянии то-ненькая, изящная девушка может разорвать на куски взрослого сильного мужчину.

Дженифер не соображала, где находится. А когда сообра-зила, было слишком поздно: балконные перила сломались, и она полетела вниз.

Храбрый рыцарь принял Дженини в свои объятия — и не удержал, она ударила об него, а потом упала прямо в лапы дракону. Она была похожа на жертву чудовища. Рыцарь спешил на выручку — и не успел.

Впрочем, этот бесстолковый герой никого не успел спасти.

Я зашагал прочь. Морли следовал по пятам: боялся, что я способен выкинуть какую-нибудь невообразимую глупость, например, вернуться назад.

Почти весь путь до дому мы проделали молча. Я заинкнулся было, что хочу подыскать себе другую работу, но Морли попро-сил меня не болтать чепухи. Потом я спросил, набил ли он карманы стэнтноровскими безделушками сразу или собирается выбрать ночку потемней и навестить поместье еще разок. Обыч-но в ответ на подобные клеветнические выпады Морли делает вид, что понятия не имеет, о чем речь.

— Я не взял бы отсюда ничего, Гаррет, даже если бы на коленях передо мной ползал, — серьезно ответил он. — В каж-дом камне, в каждой мелочи — зло, смерть и тьма.

Больше мы не разговаривали до самой Макунадо-стрит, на которой стоит мой дом. На прощание Морли сказал:

— Ступай напейся, Гаррет, напейся до бессчувствия, до рво-ты — надо прочистить желудок, выблевать весь этот яд.

— Лучшего совета ужс много лист от тебя не слышал.

43

Дин впустил меня в дом. Казалось, он постарел и похудел, хотя прошло лишь несколько дней.

— Добро пожаловать, мистер Гаррет. Вы не давали знать о себе, мы уже начали беспокоиться.

— Мы?

Верный слуга хлопотал вокруг.

— Он тоже. — Дин кивнул в сторону комнаты Покойника. — Как вы ушли, сразу проснулся. Думал, что вам потребуется помочь.

— Справился и без него.

Справился я или нет?

Дин уловил мое настроение.

— Налью-ка я вам кружечку пивка.

— Бочку.

— Так плохо?

— Хуже. Захвати молоток. — Я прошел в кабинет и осмотрел место, куда собирался повесить портрет Элеоноры.

Дин бросился выполнять поручения. А ведь старый пройдоха умеет быстро бегать. Запомним, а то обычно он ползает как улитка. Минуты не прошло — он вернулся с пивом, молотком и гвоздями. Я залпом осушил кружку.

— Еще.

— Сейчас приготовлю поесть, похоже, вы проголодались.

Старый плут. Хочет накормить меня, пока я не начал пить всерьез.

— Я скучал по твоей стряпне.

Я вбил гвоздь в стену, но не успел развернуть Элеонору, как Дин притащил подкрепление. На этот раз он захватил и кувшин.

Я развернул портрет, повесил на стену и отступил на несколько шагов.

Это не та картина.

Нет, конечно, та. Но что-то изменилось. Исчезли ужас, напряжение, но картина осталась прежней. Кроме Элеоноры — она улыбалась, улыбалась и бежала не от кого-то, а к кому-то.

Не может быть. Это я изменился, не картина. Я повернулся к ней спиной. Снэйк Брэддон был гениальным живописцем, но у всего есть предел.

Я глянул через плечо — Элеонора улыбалась мне.

Я осушил вторую кружку. Дин напугался, что я напьюсь до потери сознания, и заспешил на кухню готовить закуску.

Покойник затащил меня к себе почти против воли и вытянул из меня всю историю. Он не бранил меня — уже странно, обычно он каждое лыко ставит в строку. Я старался, но вступить с ним в спор не удавалось, он даже не отметил мои ошибки, не упрекнул, что я не догадался раньше о безумии Дженифер, не признал в ней убийцу. В голове у меня раздавались только поощрительные поддакивания. Когда я кончил, он дал мне подробный отчет о последних новостях из Кантарда. Несмотря на свое состояние, я заинтересовался.

Слави Дуралейник напал на Фулл-Харбор: слишком много было похвалы и угроз, пришла пора доказать, что он слов на ветер не бросает. Он предпринял одну из своих сокрушительных атак, напал сразу и с моря, и с воздуха, воспользовавшись кантардским изобретением. Он пытался захватить ворота и войти в город. И — как я и предсказывал — был разбит наголову.

— Вот и разлетелся в пух и прах миф о его непобедимости, — заметил я и услышал у себя в мозгу оглушительный хохот Покойника.

«Не совсем. Теперь наши погоняются, чтобы прикончить. Загонят его в берлогу и сами туда полезут».

— А ведь точно.

Там ждет полный разгром, и тогда у нас не будет солдат, чтобы отразить следующее нападение. Держу пари, наши ко-

мандиры погоняются за ним. Последний способный командующий вышел в отставку года три назад, остались одни тупицы.

«Любопытно мне, Гаррет, с чего это девица напала на тебя в комнате сержанта. Ведь твой мужской шарм обезоружил ее».

Он все-таки не удержался и подколол меня.

Не думаю, что она хотела убить меня. Но ей нужно было перехватить копию.

«Почему?»

Мне показалось, что он знает ответ, просто хочет проверить меня.

— По причине, прямо противоположной той, что я предполагал. Она хотела уничтожить завещание. Если бы копии были сожжены, отпала бы необходимость в убийствах. По закону, поместье перешло бы к ней, не было бы раздела, а следовательно, не пришлось бы уезжать.

«Откуда она знала, где хранится копия?»

— Наверное, подслушала наш с Питерсом разговор. Думаю, не один раз, когда все считали, что она спокойно сидит у себя, она кралась за нами и подслушивала. Но хватит об этом... У меня есть один вопрос. Зачем Элеонора обернулась Морли? И как ей это удалось? Да так ловко, что я ничего не заподозрил.

«Она хотела узнать тебя поближе. Опять твое роковое очарование. Ты пленил ее. Как? Элементарно. Особенно для женщины с ее прошлым. Она просто вошла в твое сознание. Ей ничего не нужно знать о Морли Дотсе, хватило того, что знал ты. Ты сделал за нее всю работу. Это как мечта».

Что-то здесь не так, и мне это что-то не нравится. Если Элеонора была как бы внутри меня, значит, она знала, зачем я явился в их дом. В любой момент она могла шепнуть мне правду о Дженнин спасти... Нет, не хочу даже думать.

— Это для меня чересчур сложно.

«Смотри».

Громадный Покойник вдруг исчез, а на его месте очутился парнишка по имени Денни Тейт и заговорил о вещах, которых мой дохлый приятель знать никак не мог.

Это я понимаю — веское доказательство. Денни Тейт умер больше года назад. Покойник правильно выбрал. Это не фокус, не обман зрения. Денни — один из немногих дорогих мне людей. Он умер рано, но смерть его не была насильственной. Этот дурачок свалился с лошади и сломал шею.

— Хватит, Мешок с костями, хватит. Верю.

Денни Тейт исчез, Покойник вновь занял свое место. Он, между нами говоря, страшен как смертный грех, но сегодня я не стану расстраивать его.

Настроение не улучшалось. Я готов был попросить его вызвать Элеонору. Представляю, какой поднялся бы шум.

«Переключись на что-нибудь другое», — посоветовал Покойник.

— Легко сказать — нелегко сделать.

Черт возьми, ничего не получилось. Даже пиво не действовало, голова оставалась на редкость ясной.

«Тебе нужно отвлечься».

— Верно.

Так сотвори чудо, никчемный Мешок с костями.

Кто-то постучал в дверь.

Покойник — он действительно мертвый, телом уж точно, если не душой. Но мамой клянусь, он улыбнулся.

— Откройте сами, мистер Гаррет! — крикнул Дин. — У меня руки заняты.

Я чертыхнулся, доплелся до двери и рывком распахнул ее, даже не посмотрев в глазок.

— Майя?!

— Привет, Гаррет.

Она стояла на пороге, ясноглазая и веселая, точно и не уходила никуда, просто выбежала купить что-то в лавочонке за углом. Точно вернулась к себе домой. Да так оно и было.

На противоположной стороне улицы я замстил вездесущего мистера Дотса. Он лукаво подмигнул мне. Вот проныра. Он послал Дожанго вперед, чтобы устроить мне этот сюрприз. Подозреваю, что он все время знал, где скрывалась Майя. И не он один.

— Добро пожаловать, мисс Майя, — приветствовал мою любимую Дин. — Обед будет готов через минуту.

Он всегда чувствовал, кто пришел, не выходя из кухни.

Что ж, славный сюрприз.

Майя взяла меня за руку и повела в комнату. Я недолго злился на своих дружков: не до того стало, Майя была рядом.

Я отвлекся.

Содержание

Холодные медные слезы	5
Седая оловянная печаль	291

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил - в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К.Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжкинушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.** А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашают посетить московские фирменные магазины

издательской группы "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-19-05. Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Луганская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Литературно-художественное издание

Кук Глен

**Холодные медные слезы
Седая оловянная печаль**

Редакторы И. А. Жарницкая, М. Л. Катаева

Художественный редактор О. Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев

Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 01.11.99.

Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 29,40.

Тираж 8 000 экз. Заказ № 832.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма “Издательство АСТ”»

ЛП № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

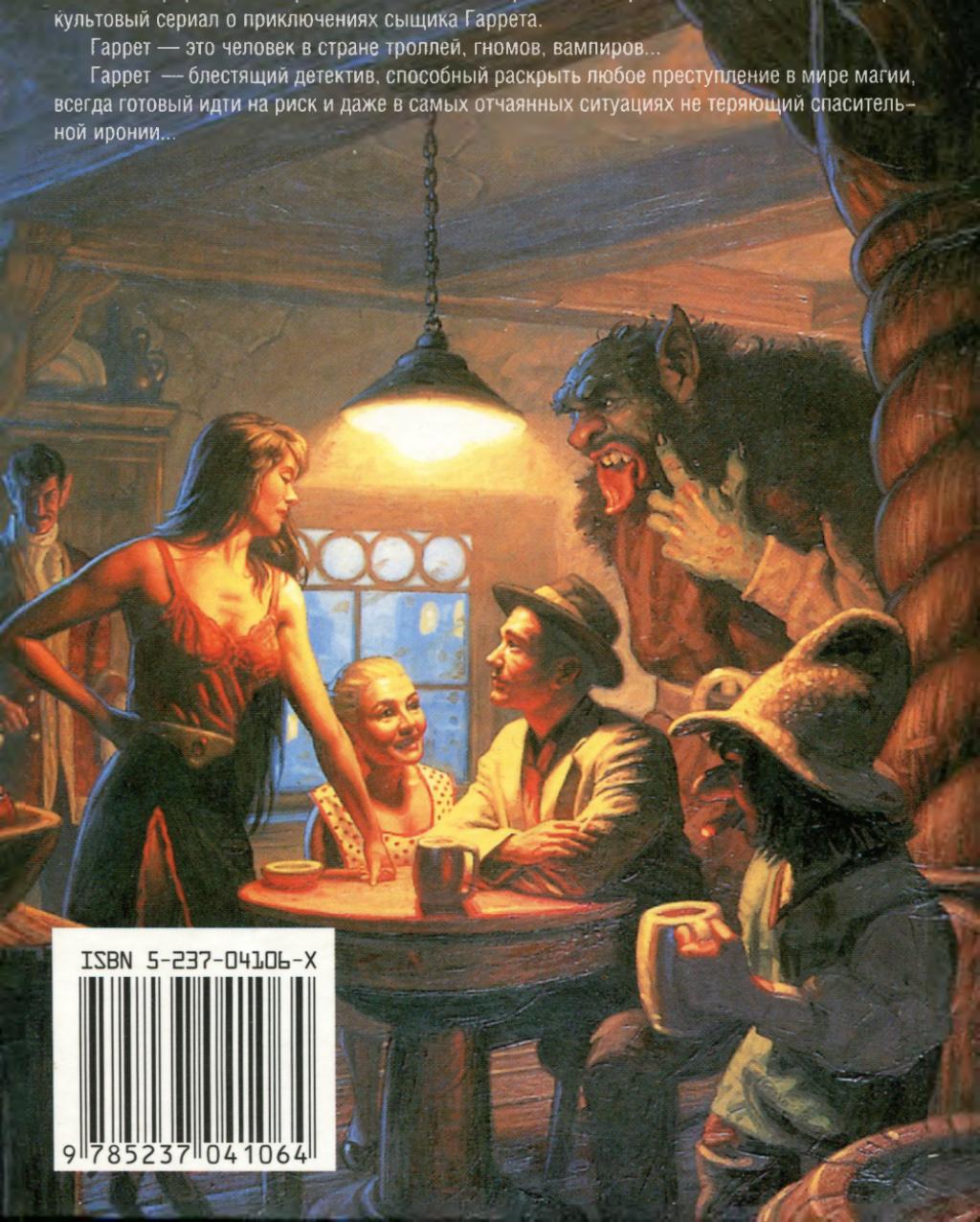

Глен Кук — не только один из тех редкостных писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его не просто всемирно известный, но и всемирно культовый сериал о приключениях сыщика Гаррета.

Гаррет — это человек в стране троллей, гномов, вампиров...

Гаррет — блестящий детектив, способный раскрыть любое преступление в мире магии, всегда готовый идти на риск и даже в самых отчаянных ситуациях не теряющий спасительной иронии...

ISBN 5-237-04106-X

9 785237 041064